

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XIV
Ч. II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Б

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XIV

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

Часть II

96—111 гыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ.
ИМЕНИ ГУТЕНБЕРГА.
ЛЕНИНГРАД,
СТРЕМЯННАЯ, 12.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ
ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Где власть и где контр-революция?

На этот вопрос обычно отвечают очень просто: контр-революции вовсе нет или мы не знаем, где она. Власть же мы прекрасно знаем: она в руках Врем. Правительства, контролируемого Центральным Исполнительным Комитетом (Ц. И. К.) Всероссийского Съезда Советов Солд. и Раб. Депутатов. Таков обычный ответ.

Вчерашний политический кризис¹⁶⁷) оставил в наследство после себя, как и большинство кризисов всякого рода, срывающих все условное, разрушающих все иллюзии,—развалины тех иллюзий, которые выражаются в приведенных нами сейчас обычных ответах на коренные вопросы всякой революции.

Существует на свете бывший член Г. Думы Алексинский¹⁶⁸), которого *эс-эры* и *меньшевики*, правящие партии в Советах Раб. Солд. и Крест. Депутатов, *отказались* допустить в Исп. Комитет Совета Солд. и Раб. Депутатов, *пока он не реабилитирует себя*, т.-е. пока он не восстановит своей чести.

В чем дело? Почему Исполн. Комитет публично и формально отказал в доверии Алексинскому, потребовал от него восстановления чести, т.-е. признал его бесчестным?

Потому, что Алексинский настолько прославил себя клеветами, что в Париже журналисты разнообразнейших партий объявили его клеветником. Алексинский не стал восстанавливать своей чести перед Исполн. Комитетом, а предпочел спрятаться в плехановской газете «Единство»²⁷), выступая в ней сначала за инициалами, а потом—осмелев—и открыто.

4 июля, вчера днем, несколько большевиков получило от знакомых предостережение, что Алексинский сообщил комитету журналистов в Питере какую-то новую клеветническую пакость. Большинство из оповещенных не обратило ровно никакого внимания на это предостережение, относясь с брезгливым презрением к Алексинскому и его «работе». Но один большевик Джугашвили (Сталин)¹⁶⁹), член Центр. Исп. Комитета, давно знавший, как гру-

зинский с.-д., тов. Чхеидзе²³), заговорил с ним на заседании Ц.И.К.та об этом новом гнусном и клеветническом походе Алексинского.

Дело было поздно ночью, но Чхеидзе заявил, что Ц. И. К. не будет равнодушно смотреть на распространение клеветы людьми, боящимися суда и расследования со стороны Ц. И. К. От своего имени, как председатель Ц. И. К., и от имени Церетели²⁴), как члена Врем. Правительства, Чхеидзе обратился тотчас по телефону во все редакции с предложением *воздержаться от напечатания клевет* Алексинского. Чхеидзе сказал Сталину, что большинство газет выразило готовность исполнить его просьбу, что «отмалчивались» некоторое время лишь «Единство» и «Речь» («Единство» мы не видали, а «Речь» не перепечатала клеветы). В результате клевета попала лишь на страницы маленькой, желтой, большинству интеллигентных людей вовсе неизвестной, газеты «Живое Слово», № 51 (404), редактором-издателем коей подписывается А. М. Уманский.

Теперь клеветники ответят перед судом. С этой стороны дело просто и несложно.

Вздорность клеветы бьет в глаза: какой-то прапорщик 16 Сибирского стр. полка Ермоленко¹⁷⁰) был «переброшен» (?) «25 апреля к нам в тыл на фронт 6 армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией». Видимо, это бежавший из плена субъект, про которого напечатанный «Живым Словом» «документ» добавляет: «поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей»!!

Можно судить уже отсюда, какого доверия заслуживает субъект, столь бесчестный, что он мог согласиться принять подобное «поручение»!.. Свидетель — человек бесчестный. Это — факт.

И что же показал этот свидетель?

Он показал следующее: «Офицера германского генерального штаба Шидицкий и Любере ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского генерального штаба и председатель украинской секции «Союза освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Врем. Правительству».

Итак, германские офицера, чтобы склонить Ермоленку к его бесчестному поступку, нагнали ему бесстыдно про Ленина, который, как всем известно, как официально заявлено *всей нар-*

тшей большевиков, сепаратный мир с Германией самым решительным и бесповоротным образом всегда и безусловно *отвергал!*.. Ложь германских офицеров такая явная, грубая, нелепая, что ни один грамотный человек ни на минуту не усомнится в том, что это ложь. А политически-грамотный человек тем более не усомнится в этом, что сопоставление Ленина с каким-то Иолтуховским (?) и «Союзом освобождения Украины» есть нелепость, особенно бросающаяся в глаза, ибо от этого подозрительного, социал-патриотического «Союза» и Ленин, и все интернационалисты *отгораживались публично* много раз именно во время войны!

Грубая ложь подкупленного немцами Ермоленки или немецких офицеров не заслуживала бы и тени внимания, если бы «документ» не прибавлял какие-то «только что поступившие сообщения»—неизвестно, к кому, как, от кого, когда,—согласно коим «деньги на агитацию» «получаются» (кем? «документ» *боится* сказать прямо, что обвиняется или подозревается Ленин!! документ молчит, кем «получаются») «через» «доверенных людей»: «большевик» Фюрстенберга (Ганецкого)¹⁷¹) и Козловского¹⁷²). Будто об этом имеются и данные относительно перевода денег через банки и «военной цензурой установлен непрерывный (!) обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами»!!

Опять—настолько грубая ложь, что нелепость бьет в глаза. Будь тут хоть слово правды, как же это могло бы быть тогда, 1) что Ганецкого *совсем недавно* свободно впустили в Россию и свободно выпустили из нее? 2) что ни Ганецкого, ни Козловского *не* арестовали *раньше* появления в газетах сведений об их преступлениях? Неужели в самом деле генеральный штаб, если бы он действительно имел в руках хоть какого-нибудь доверия заслуживающие сведения о переводе денег, о телеграммах и т. п., допустил бы разглашение слухов об этом через Алексинских и желтую прессу, не арестуя Ганецкого и Козловского? Не ясно ли, что перед нами лубочная работа газетных клеветников низшего пошиба,—не более того?

Добавим, что Ганецкий и Козловский оба не большевики, а члены польской с.-д. партии, что Ганецкий—член ее Ц. К., известный нам с Лондонского съезда (1903)¹⁷³), с которого польские делегаты ушли, и т. д. *Никаких* денег ни от Ганецкого, ни от

Козловского большевики *не* получали. Все это—ложь самая сплошная, самая грубая.

В чем ее политическое значение? Во-первых, в том, что без лжи и клеветы не могут обойтись политические противники большевиков. До того низки и низменны эти противники.

Во-вторых, в том, что мы получаем ответ на вопрос, поставленный заголовком статьи.

Доклад о «документах» послан был Керенскому¹³⁴) еще 16 мая. Керенский член и Врем. Правительства, и Совета, т.-е. обеих «властей». С 16 мая по 5 июля времени уйма. Власть, будь она властью, могла бы и должна была бы *сама* «документы» расследовать, свидетелей допросить, подозреваемых арестовать.

Власть, *обе* власти—и Врем. Правительство и Ц. И. К.—могли и должны были сделать это.

Обе власти бездействуют. А генеральный штаб оказывается в каких-то сношениях с Алексинским, недопущенным за клеветничество в Исп. Комитет Совета! Генеральный штаб как раз ко времени ухода кадетов допускает—случайно, должно быть—передачу своих официальных документов Алексинскому для публикации?

Власть бездействует. Ни Керенский, ни Врем. Правительство, ни Исп. Комитет Совета не думают даже о том, чтобы арестовать Ленина, Ганецкого, Козловского, если они подозрительны. Вчера ночью, 4 июля, и Чхеидзе и Церетели просят газеты не печатать явной клеветы. А в то же время, поздней, поздней ночью, Половцев¹⁷⁴) посылает юнкеров и казаков разгромить «Правду», задержать ее выпуск, арестовать выпускателей, захватить книги (будто бы для проверки, не значатся ли в них подозрительные деньги) и в это самое время в желтой, низкопробной, грязной газетке «Живое Слово» печатается низкая клевета, чтобы разжечь страсти, чтобы загрязнить большевиков, чтобы создать погромное настроение, чтобы придать благовидное оправдание поступку Половцева, юнкеров и казаков, разгромивших «Правду».

Кто не закрывает себе глаз, *дабы не видеть истины*, тот пребывать в заблуждении не может. Когда *надо* действовать, *обе* власти бездействуют—Ц. И. К., ибо он «доверяет» кадетам и боится рассердить их, а кадеты не действуют как власть, ибо они предпочитают действовать *за кулисами*.

Закулисная контр-революция—вот она, как на ладони: это кадеты, известные круги генерального штаба («командных верхов

армии», как сказано в резолюции нашей партии) и подозрительная, получерносотенная пресса. Вот кто *не* бездействует, вот кто «работает» дружно вместе; вот та среда, из которой питается обстановка погромов, попытки погромов, выстрелы в манифестантов и так далее и так далее.

Кто не закрывает себе нарочно глаз, дабы не видеть истины, тот пребывать дальше в заблуждении не может.

Власти нет и не будет, пока переход ее в руки Советов не положит основание ее созданию. Контр-революция пользуется безвластьем, объединяя кадетов с известными командными верхами армии и с черносотенной прессой. Такова печальная действительность, но—действительность.

Рабочие и солдаты! От вас требуется выдержка, стойкость бдительность!

*Листок „Правды“,
6 июля 1917 г.,
без подписи автора.*

Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского.

Газета «Живое Слово», явно черносотенного характера, напечатала еегодня низкую, клевету на Ленина.

Газета «Правда» не может выйти, вследствие разгрома, ее ночью на 5 июля, юнкерами ¹⁷⁵); поэтому с подробным опровержением грязной клеветы выходит задержка.

Пока мы заявляем, что сообщение «Живого Слова» есть *клевета*, что *Чхеидзе* звонил в ночь на 5 июля *во все большие газеты*, прося не печатать клеветнических погромных статей. Большие газеты исполнили просьбу Чхеидзе, и 5 июля ни одна, кроме грязного «Живого Слова», *не напечатала гнусной клеветы*.

Алексинский же настолько известен, как клеветник, что его *не допустили* в Исп. Комитет Совета, пока он не реабилитирует себя, т.-е. *не восстановит своей чести*.

Граждане! Не верьте грязным клеветникам Алексинскому и «Живому Слово».

Сразу видна клевета «Живого Слова» уже вот из чего: «Живое Слово» пишет, что *16 мая* письмо (за № 3719) Керенскому об обвинении Ленина было послано из штаба. Ясно, что Керен-

ский обязан был бы тотчас арестовать Ленина и назначить *преследительственное следствие*, если бы он верил хоть минуту в серьезность обвинений или подозрений.

Листок „Правды“,
6 июля 1917 г.,
без подписи автора.

Злословие и факты.

Необъятное количество брани и злословия сыпется на большевиков по поводу демонстрации 3 и 4 июля¹⁶⁷).

Доходят до обвинения в том, что большевики «старались овладеть городом», что они хотели «изнасиловать» волю Советов, что они «посягали на власть Советов» и так далее и тому подобное.

А факты говорят, что ни одной не только частью города, но ни одним зданием, ни одним учреждением большевики, несмотря на вооружение масс, *не* овладели (хотя могли овладеть) и *не* пытались овладеть.

Факты говорят, что единственный *политический* случай применения насилия *к учреждению* был ночью на 4 июля и состоял в разгроме «Правды» юнкерами и казаками, по приказу Половцева, *без ведома Совета, помимо воли Совета*.

Вот это—факт.

Вот это — обдуманное, злостное применение насилия к целому учреждению, вот это «посягательство» и «изнасилование» не на словах, а на деле. Будь это посягательство законно, либо Вр. Правительство, либо Советы утвердили бы такой шаг: *ни одна власть не сделала этого*. Насильники над «Правдой» ни в Совете, ни во Врем. Правительстве *поддержки не нашли*.

Большевики призвали солдат, начавших выступление, *к мирному и организованному* действию.

Ни Врем. Правительство, ни Совет *не* призвали юнкеров, казаков и Половцева к мирным и организованным, к законным действиям.

* * *

Но, говорят нам, была стрельба.

Да, стрельба была. Но кто стрелял? Кто смеет обвинять в стрельбе кого-либо без следствия?

А вот не угодно ли вам послушать *свидетеля из буржуазной среды*.

Этот свидетель—газета «Биржевые Ведомости»¹⁷⁶), вечерний выпуск 4-го июля; кажется, этого свидетеля никто в мире не сможет заподозрить в пристрастии к большевикам! Вот что говорит свидетель:

Ровно в 2 часа дня на уг. Садовой и Невского, когда проходили вооруженные демонстранты и собравшаяся в значительном количестве публика спокойно смотрела на них, с правой стороны Садовой раздался оглушительный выстрел, вслед за которым началась стрельба пачками.

Итак, свидетель буржуазной газеты и тот вынужден признать правду, именно: что *начали стрелять с правой стороны Садовой!!* Разве это не указывает ясно, что стреляли *в демонстрантов*.

Неужели трудно сообразить, что если бы демонстранты стремились или хотели действовать насильем, *они послали бы к определенному учреждению* (как Половцев послал юнкеров и казачков против «Правды»)? Наоборот, если есть убитые матросы и если свидетели из буржуазной газеты говорят, что стрельбу начали «с правой стороны Садовой», «когда проходили вооруженные демонстранты»,—разве это не очевидное доказательство, что к насильям стремились, насилья хотели *именно черносотенцы, именно противники демократии, именно круги, близкие к кадетам?*

*Листок „Правды“
6 июля 1917 г.,
без подписи автора.*

Близко к сути.

На заседании Центр. Исп. Комитета вечером 4-го июля гражданин Чайковский¹⁷⁷) удивительно близко подошел в своей речи к сути дела.

Он возражал против взятия власти Советом и привел, между прочим, такой можно сказать «решающий» довод: мы должны вести войну, а войну нельзя вести без денег, а денег не дадут англичане и американцы, если власть будет у «социалистов», деньги дадут только при участии кадетов.

Близко к сути.

Участвовать в империалистской войне нельзя, не «участвуя» в капиталистическом предприятии закабаления народа займами у господ капиталистов.

Чтобы действительно восстать против империалистской войны, нужно порвать *все* нити, связывающие и привязывающие к капиталу, и безбоязненно брать в руки рабочих и крестьян надзор за банками, надзор за производством, регулирование его.

Англичане и американцы—мы тоже так думаем—не дадут деньги иначе, как под гарантии кадетов. Одно из двух: служить кадетам, служить капиталу, накапливать империалистские займы (и не претендовать на звание «революционной» демократии, мириться с справедливой кличкой *империалистской* демократии) или рвать с кадетами, рвать с капиталистами, рвать с империализмом, становиться революционерами на деле и в вопросах войны.

Чайковский подошел близко к сути.

*Листок „Правды“,
6 июля 1917 г.,
без подписи автора.*

К лозунгам.

Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, повидимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4 июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь же, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля—4 июля.

Тогда, в этот миновавший период революции, господствовало в государстве т. наз. «двоевластие», и материально и формально выражавшее неопределенно-переходное состояние государственной власти. Не забудем, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции.

Тогда власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное Правительство и Советы. Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т.-е. никакому насилию извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом,— вот в чем была суть дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг: «переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага, на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля по 4 июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь безусловно невозможно.

По всей видимости, не все сторонники лозунга: «переход всей власти к Советам» достаточно вдумались в то, что это был лозунг мирного развития революции вперед. Мирного не только в том смысле, что никто, ни один класс, ни одна серьезная сила не могли бы тогда (с 27 февраля по 4 июля) воспротивиться и помешать переходу власти к Советам. Это еще не все. Мирное развитие было бы тогда возможно, даже также в том отношении, что борьба классов и партий *внутри* Советов могла бы тогда,— при условии своевременного перехода к ним всей полноты государственной власти,— уживаться наиболее мирно и наиболее безболезненно.

На эту последнюю сторону дела тоже недостаточно еще обращено внимание. Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти,—главный недостаток мелко-буржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, итти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободно-растущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелко-буржуазного соглашательства с буржуазией. Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелко-буржуазности крестьянства. Но

он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими.

Так могло бы быть, если бы власть своевременно перешла к Советам. Так было бы всего легче, всего выгоднее для народа. Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться. Но теперь эта борьба, борьба за своевременный переход власти к Советам, окончилась. Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь.

Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции. Развитие партий на почве соглашения мелко-буржуазных партий с.-р. и меньшевиков с контр-революционными кадетами привело к тому, что обе эти мелко-буржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контр-революционного палачества. Несознательная доверчивость мелких буржуа к капиталистам довела первых, ходом развития партийной борьбы, до сознательной поддержки ими контр-революционеров. Цикл развития партийных отношений закончился. 27 февраля все классы оказались вместе против монархии. После 4 июля контр-революционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелко-буржуазных эс-эров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков¹⁵¹), в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере.

Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти,—будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам,—будто можно бывшее сделать небывшим.

Глубочайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из «мести» эс-эрам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих, «отказаться» поддерживать их против контр-революции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением ~~мещанских~~ понятий о морали на пролета-

риат (ибо для пользы дела пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых,—и это главное,—мещанской попыткой затемнить посредством «морализирования» политическую суть дела.

Эта суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эс-эров и меньшевиков.

Кто вносит в политику мещанскую мораль, тот рассуждает так: допустим, что эс-эры и меньшевики сделали «ошибку», поддержав Кавеньяков, разоружающих пролетариат и революционные полки; но надо дать возможность им «поправить» ошибку, «не затруднять» им исправление «ошибки», облегчить колебание мелкой буржуазии в сторону рабочих. Подобное рассуждение было бы детской наивностью или просто глупостью, если не новым обманом рабочих. Ибо колебание мелко-буржуазных масс в сторону рабочих состояло бы только в том, и именно в том, что эти массы отвернулись бы от эс-эров и меньшевиков. Исправление «ошибки» партиями эс-эров и меньшевиков могло бы теперь состоять только в том, чтобы эти партии объявили Церетели и Чернова, Дана и Ракитникова пособниками палачей. Мы вполне и безусловно за такое «исправление» ошибки.

Коренной вопрос о революции есть вопрос о власти, сказали мы. Надо добавить: именно революции показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, *где* настоящая власть, показывают нам расхождение между формальной и реальной властью. Именно в этом и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода. В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Совета.

Теперь же особенно важно, чтобы сознательные рабочие посмотрели трезво на коренной вопрос революции: в чьих руках в данный момент государственная власть. Подумайте, каковы мате-

риальные ее проявления, не принимайте фразы за дела, и вы не затруднитесь ответом.

Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем—писал Фридрих Энгельс. Теперь это—юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто держит в тюрьме Каменева и других; кто закрыл газету «Правда»; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть войска в армии. Вот эти палачи, это—реальная власть. Церетели и Черновы—министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это—факт. И этот факт не меняется от того, что ни Церетели, ни Чернов лично, наверное, «не одобряют» палачество, что их газеты робко отговариваются от него: такое видоизменение политического наряда не меняет сути дела.

Закрытие органа 150.000 петербургских избирателей, убийство юнкерами рабочего Воинова (6—VII) за вынос из типографии «Листка Правды»—разве это не палачество? разве это не дело Кавеньяков? Ни правительство, ни Советы «не виноваты» в этом,—скажут нам.

Тем хуже для правительства и для Советов,—ответим мы,—ибо тогда, значит, они—нули; они—марионетки, реальная власть не у них.

Народ должен прежде всего и больше всего знать *правду*—знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, через «Новое Время», «Живое Слово» и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контр-революцией пустые фразы, «самообман и обман народа».

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы, и их партии: надо разъяснить народу их палаческую роль и неизбежность такого «финала» этих партий после их «ошибок» 21 апреля, 5 мая, 9 июня, 4 июля, после их одобрения политики наступления,—политики, на $\frac{9}{10}$ предрешившей победу Кавеньяков в июле.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы она учитывала конкретный опыт именно теперешней революции и в особенности июльских дней, т.-е., чтобы она ясно указывала настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала те мелко-буржуазные партии, партии эс-эров и меньшевиков, которые сыграли и играют роль пособников палачества.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эс-эров и меньшевиков. Это был бы очень долгий и очень трудный процесс при «нормальных» условиях капиталистического развития, но и война, и экономическая разруха ускрят дело в громадных размерах. Это—такие «ускорители», которые месяц и даже неделю могут приравнять году.

Вероятно, против сказанного выше выдвинуты были бы два возражения: первое, что говорить сейчас о решительной борьбе—значит поощрять разрозненные выступления, которые помогли бы именно контр-революции; второе, что ее свержение означает переход власти все же в руки Советов.

В ответ на первое возражение мы скажем: рабочие России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию в заведомо невыгодный для них момент. Что теперь выступать и сопротивляться им значило бы помочь контр-революции, это бесспорно. Что решительная борьба возможна лишь при новом подъеме революции в самых глубоких массах, это тоже бесспорно. Но не достаточно говорить о подъеме революции, о приливе ее, о помощи западных рабочих и т. д. вообще, надо сделать определенный вывод из нашего прошлого, надо учесть именно наши уроки. А этот учет даст именно лозунг решительной борьбы против захватившей власть контр-революции.

Второе возражение тоже сводится к подмене конкретных истин чересчур общими рассуждениями. Свержение буржуазной контр-революции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть—вне этого победы революции *быть не может*. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариатами,—вот единственный

выход, и мы ответили уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться и этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контр-революцией и с предательством *данных* Советов.

Подмевать конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции. Данные советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партии эс-эров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контр-революцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к *данным* Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать парод. Нет ничего опаснее обмана.

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, после-июльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контр-революции, победившей благодаря соглашательству с ней эс-эров и меньшевиков, и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще много различных этапы и до окончательной победы контр-революции и до окончательного поражения (без борьбы) эс-эров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом однако говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности...

Написано в июле 1917 г.

*Напечатано отдельной брошюрой
в издании Кронштадтского Комитета
Р. С.-Д. Р. П. (больши.).*

О КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЛЛЮЗИЯХ.

(К моменту),

Конституционными иллюзиями называется политическая ошибка, состоящая в том, что люди принимают за существующий нормальный правовой урегулированный, подзаконный, короче: «конституционный» порядок, хотя его в действительности не существует. Может показаться на первый взгляд, что в современной России, в июле 1917 г., когда конституции никакой еще не выработано, не может быть и речи о возникновении конституционных иллюзий. Но это—глубокая ошибка. На самом деле весь гвоздь всего современного политического положения России состоит в том, что чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями. Нельзя ровню ничего попятить в современном политическом положении России, не поняв этого. Нельзя сделать решительно ни одного шага к правильной постановке тактических задач в современной России, не поставив во главу угла систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, раскрытие всех их корней, восстановление правильной политической перспективы.

Возьмем три мнения, наиболее тяжелых для современных конституционных иллюзий и разберем их повнимательнее.

Первое мнение: наша страна переживает канун Учредительного Собрания; поэтому все происходящее теперь имеет временный, переходящий, не очень существенный, не решающий характер; все будет вскоре пересмотрено и окончательно установлено Учредительным Собранием. Второе мнение: известные партии,—напр., эс-эры или меньшевики или союз их,—имеют явное и несомненное большинство в народе или в «влиятельнейших» учреждениях, вроде Советов, поэтому воля этих партий, этих учреждений, как и вообще воля большинства народа, не может быть обойдена, или, тем более, нарушена в республиканской, демократической, революционной России. Третье мнение: известная мера, напр., закрытие газеты «Правда», не узаконена ни Временным Правительством, ни Советами; поэтому она является лишь эпизодом, случайным явлением, она никак не может быть рассматриваема, как нечто решающее.

Перейдем к разбору каждого из этих мнений.

I

Созыв Учредительного Собрания обещан Временным Правительством еще первого состава. Оно признало главной своей задачей доведение страны до Учредительного Собрания. Временное Правительство второго состава назначило срок созыва Учредительного Собрания на 30 сентября. Временное Правительство третьего состава, после 4 июля, торжественнейшим образом подтвердило этот срок.

А между тем 99 шансов из 100 за то, что в этот срок Учредительное Собрание созвано не будет. Будь оно созвано в этот срок,—99 шансов из ста опять-таки за то, что оно будет столь же бессильно и никчемно, как первая Дума,—пока не победит вторая революция в России. Чтобы убедиться в этом, достаточно отвлечься хоть на минуту от той шумихи фраз, обещаний и мелочей дил, которая засоряет мозги, и поглядеть на основное, на всеопределяющее в общественной жизни: на классовую борьбу.

Что буржуазия в России теснейшим образом слилась с помещиками, это ясно. Вся пресса, все выборы, вся политика партии к.-д. и партий правее их, все выступления «съездов», «занятых» лиц доказывают это.

Буржуазия превосходно понимает то, чего не понимают мелкобуржуазные болтуны из эс-эров и «левых» меньшевиков,—именно, что *нельзя* отменить частную собственность на землю в России—и притом без вкупа,—без гигантской экономической революции, без взятия под общенародный контроль банков, без национализации синдикатов, без ряда самых беспощадных революционных мер против капитала. Буржуазия превосходно понимает это. И в то же время она не может не знать, не видеть, не осязать, что громадное большинство крестьян в России не только выскажется теперь за конфискацию помещичьих земель, но и окажется значительно левее Чернова¹⁰⁵). Ибо буржуазия знает больше нашего, как о том, сколько частичных уступочек делал он, Чернов, хотя бы с 6 мая по 2 июля, в вопросах об оттягивании и урезывании различных крестьянских требований, так и о том, сколько труда стоило *правым* эс-эрам (Чернов ведь считается у эс-эров «центром»!) на крестьянском съезде и в Исполнительном Комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов «успокаивать» крестьян и кормить их завтраками.

Буржуазия отличается от мелкой буржуазии тем, что из своего экономического и политического опыта она извлекла понимание условий сохранения «порядка» (т.-е. порабощение масс) при капиталистическом строе.

Буржуа—люди деловые, люди крупного торгового расчета, привыкшие и к вопросам политики подходить строго деловым образом, с недоверием к словам, с умением брать быка за рога.

Учредительное Собрание в современной России даст большинство крестьянам более левым, чем эс-эры. Это буржуазия знает. Зная это, она не может не бороться самым решительным образом против скорого созыва Учредительного Собрания. Вести империалистскую войну в духе тайных договоров, заключенных Николаем II, отстаивать помещичье землевладение или выкуп, все это—невозможное или невероятно трудное дело при Учредительном Собрании. Война не ждет. Классовая борьба не ждет. Даже короткий промежуток времени с 28 февраля по 21 апреля наглядно показал это.

С самого начала революции наметились два взгляда на Учредительное Собрание. Эс-эры и меньшевики, насквозь пропитанные конституционными иллюзиями, смотрели на дело с доверчивостью мелкого буржуа, не желающего знать классовой борьбы: Учредительное Собрание будет, и баста! Что сверх того, то от лукавого.

А большевики говорили: лишь в меру укрепления силы в власти Советов созыв Учредительного Собрания и успех его обеспечен. У меньшевиков и эс-эров центр тяжести переносился на юридический акт: провозглашение, обещание, декларирование созыва Учредительного Собрания.

У большевиков центр тяжести переносился на классовую борьбу: если Советы победят, Учред. Собрание будет обеспечено, если нет,—оно не обеспечено.

Так и вышло. Буржуазия все время вела то скрытую, то явную, то непрерывную, неуклонную борьбу против созыва Учред. Собрания. Эта борьба выражалась в желании стянуть его созыв до окончания войны. Эта борьба выражалась в ряде оттяжек назначенного срока созыва Учред. Собрания. Когда, наконец, после 18 июля, более месяца спустя после образования коалиционного министерства, был назначен срок созыва Учред. Собрания, московская буржуазная газета заявила, что это сделано под влиянием

агитации большевиков. В «Правде» была приведена точная цитата из этой газеты.

После 4 июля, когда услужливость и запуганность эс-эров и меньшевиков дала «победу» контр-революции, в «Речи» проскользнуло краткое, но в высшей степени замечательное выражение: «возможно скорый» созыв Учредительного Собрания!!

А 16 июля в «Воле Народа»⁸⁸⁾ и в «Русской Воле»¹⁷⁸⁾ появляется заметка, что кадеты требуют отсрочки созыва Учредительного Собрания под предлогом «невозможности» созвать его в такой «короткий» срок, и лакействующий перед контр-революцией меньшевик Церетели соглашается уже, согласно этой заметке, на отсрочку до 20 ноября.

Нет сомнения, что подобная заметка могла проскользнуть только против воли буржуазии. Ей невыгодны такие «разоблачения». Но шила в мешке не утаишь. Распоясавшаяся после 4-го июля контр-революция пробалтывается. Первый же захват власти контр-революционной буржуазией после 4-го июля сопровождается немедленно шагом (и очень серьезным шагом) *против* созыва Учредительного Собрания.

Это факт. И этот факт вскрывает всю пустоту конституционных иллюзий. Без новой революции в России, без отказа народом в доверии партиям эс-эров и меньшевиков, партиям соглашательства с буржуазией, Учредительное Собрание либо не будет собрано вовсе, либо будет «франкфуртской говорильней»¹⁷⁹⁾, бессильным, ничемным собранием мелких буржуа, до-смерти запуганных войной и перспективой «бойкота власти» буржуазией, беспомощно мечущихся между потугами править без буржуазии и боязнию обойтись без буржуазии.

Вопрос об Учредительном Собрании *подчинен* вопросу о ходе и исходе классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Помнится, «Рабочая Газета» сболтнула, однажды, что Учредительное Собрание будет конвентом¹⁸⁰⁾. Это—один из образцов пустой, жалкой, презренной похвальбы наших меньшевистских лакеев контр-революционной буржуазии. Чтобы не быть «франкфуртской говорильней» или первой Думой, чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контр-революции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской

и деревенской бедноты (полупролетариев). Для этого нужна решительная борьба с контр-революционной буржуазией прежде всего.

Таковы реальные, классовые, материальные условия конвента. Достаточно точно и ясно перечислить эти условия, чтобы понять, как смешна похвальба «Рабочей Газеты», как бездонно глупы конституционные иллюзии эс-эров и меньшевиков насчет Учредительного Собрания в современной России.

II

Бичуя мелко-буржуазных «социал-демократов» 1848 г.¹⁸¹), Маркс особенно жестоко клеймил их безудержное фразерство насчет «народа» и большинства народа вообще. Именно это уместно вспомнить при разборе второго мнения при анализе конституционных иллюзий насчет «большинства».

Чтобы большинство действительно решало в государстве, для этого нужны определенные реальные условия. Именно: должен быть прочно установлен такой государственный порядок, такая государственная власть, которая давала бы возможность решать дела по большинству и обеспечивала превращение этой возможности в действительность. Это — с одной стороны. С другой стороны, необходимо, чтобы это большинство по своему классовому составу, по соотношению тех или иных классов внутри этого большинства (и вне его) могло дружно и успешно везти государственную колесницу. Для всякого марксиста ясно, что эти два реальные условия играют решающую роль в вопросе о большинстве народа и о ходе государственных дел, согласно воле этого большинства. А, между тем, вся политическая литература эс-эров и меньшевиков, а еще более все политическое поведение их обнаруживает полнейшее непонимание этих условий.

Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно, согласно воле большинства, возможно.

Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого. В Рос-

они буржуазия господствует и экономически и политически. Интересы, особенно во время империалистской войны, самым резким образом расходятся с интересами большинства. Поэтому весь гвоздь во роса при материалистической, марксистской, а не формально-юридической постановке его, состоит в разоблачении этого расхождения, в борьбе против обмана масс буржуазией.

Паши эс-эры и меньшевики, наоборот, вполне доказали и показали свою действительную роль, как орудия обмана масс («большинства») буржуазией, проводников и пособников такого обмана. Как бы искренни ни были отдельные лица эс-эров и меньшевиков, их основные политические идеи — будто можно вырваться из империалистической войны к «миру без аннексий и контрибуций», без диктатуры пролетариата и победы социализма, будто возможен переход земли к народу без выкупа и «контроль» над производством в интересах народа без того же самого условия, — эти основные политические (и экономические, конечно) идеи эс-эров и меньшевиков представляют из себя объективно именно мелко-буржуазный самообман или, что то же, обман масс («большинства») буржуазией.

Вот наша первая и главная «поправка» к постановке вопроса о большинстве мелко-буржуазными демократами, социалистами лунблановского типа, эс-эрами и меньшевиками: чего стоит па деле «большинство», когда большинство само по себе есть лишь момент формальный, а материально, в действительности, это большинство есть большинство партий, проводящих в жизнь обман этого большинства буржуазией?

И конечно, — здесь мы подходим ко второй «поправке», ко второму из указанных выше основных обстоятельств, конечно, этот обман можно правильно понять, лишь выяснив его классовые корни и его классовое значение. Это не личный обман, не «журналичество» (выражаясь грубо), это обманчивая идея, вытекающая из экономического положения класса. Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него экономически быть не может.

Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее — к пролетариату. Его рассудок — тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) — к первому. Чтобы большинство народа могло стать действительным большинством в уц-э-

влении государством, действительным служением интересам большинства, действительной охраной его прав и так далее, для этого пужпо определенное классовое условие. Это условие: присоединение большинства мелкой буржуазии, по крайней мере, в решающий момент и в решающем месте, к революционному пролетариату.

Без этого большинство есть фикция, которая может держаться некоторое время, блистать, сверкать, шуметь, пожинать лавры, по которая все же с абсолютной неизбежностью осуждена на крах. Именно таков, между прочим, крах большинства, имевшегося у эс-эс в меньшевиков, обнаружившийся в русской революции в июле 1917 г.

Далее. Революция именно тем и отличается от «обычного положения» дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до решительных ее форм, иначе не может быть, раз массы свободны и вооружены. Из этого основного факта вытекает то, что в революционное время недостаточно выявить «волю большинства», — нет, надо *оказаться сильнее* в решающий момент, в решающем месте, надо *победить*. Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии и продолжая всеми крупными революционными движениями и эпохами вплоть до 1848 и 1871 годов, вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывает свою волю большинству, побеждая его.

Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелко-буржуазным жизненным положением. И с этой стороны подходя к делу, мы приходим к тому же выходу: простое большинство мелко-буржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство или либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата.

В конце концов, решает, как известно, вопросы общественной жизни классовая борьба в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны. А в этой войне, как и во всякой войне, решает—это тоже известный и никем в принципе

не оспариваемый факт — экономика. Крайне характерно и знаменательно, что ни эс-эры, ни меньшевики, не отрицая этого «в принципе» и превосходно сознавая капиталистический характер современной России, не решаются трезво посмотреть в лицо правде. Они боятся признать правду, именно: основное деление всякой капиталистической страны, России в том числе, на три коренные, главные силы: буржуазию, мелкую буржуазию и пролетариат. О первой и о третьей говорят все, их признают все. Вторую — то есть как раз *большинство* по численности! — не хотят трезво оценить ни с экономической, ни с политической, ни с военной точки зрения.

Правда глаза колет — к этому сводится боязнь самопознания эс-эров и меньшевиков.

III.

Закрытие «Правды», когда мы начинали данную статейку, было только «случайным» фактом, еще не закрепленным государственной властью. Теперь, после 16 июля, эта власть формально закрыла «Правду».

Это закрытие, если взглянуть на него исторически, в целом, во всем процессе подготовки и осуществления этой меры, проливает замечательно яркий свет на «сущность конституции» в России и на опасность конституционных иллюзий.

Известно, что кадетская партия, с Милюковым и газетой «Речь» во главе, уже с апреля месяца требует репрессий против большевиков. В самых различных формах, от «государственных» статей «Речи» вплоть до многократных восклицаний Милюкова «арестовать» (Ленина и других большевиков), это требование репрессий составляло одну из главных, если не главную, часть политической программы кадетов в революции.

Задолго до придуманного и сочиненного Алексинским и К^о в июне и в июле гнусно-клеветнического обвинения в немецком шпионстве или в получении немецких денег, задолго до столь же клеветнического, противоречащего общеизвестным фактам и опубликованным документам, обвинения в «вооруженном восстании» или в «мятеже», — задолго до всего этого кадетская партия систематически, неуклонно, непрестанно требует репрессий против большевиков. Если теперь это требование осуществлено, то какого же мнения надо быть о честности или о сообразительности тех людей, которые забывают или делают вид, что забывают настоя-

щий классовый и партийный источник этого требования? Как же не назвать грубейшей фальсификацией или невероятным в политике тупоумием, если эс-эры и меньшевики тщатся теперь представить дело так, будто они верят в «случайный» или «единичный», 4 июля появившийся, «повод» к репрессиям против большевиков? Есть же в самом деле пределы извращения бесспорно исторических истин!

Достаточно сравнить движение 20—21 апреля с движением 3—4 июля, чтобы сразу убедиться в их однородном характере: стихийный взрыв недовольства, нетерпения и возмущения масс, провокационные выстрелы справа, убитые на Невском, клеветнические вопли буржуазии и кадетов, в особенности, что, «де, ленинцы стреляли на Невском», крайнее озлобление и обострение борьбы между пролетарской массой и буржуазией; полнейшая растерянность мелко-буржуазных партий, эс-эров и меньшевиков, гигантский размах колебаний в их политике и в вопросе о государственной власти вообще,—все эти объективные факты характеризуют оба движения. А 9—10 и 18 июня, в другой форме показывают нам совершенно такую же классовую картину.

Ход событий яснее ясного: все большее нарастание недовольства, нетерпения и возмущения масс, все большее обострение борьбы между пролетариатом и буржуазией, в особенности из-за влияния на мелко-буржуазные массы, а в связи с этим два крупнейших исторических события, подготовивших зависимость эс-эров и меньшевиков от контр-революционных кадетов. Эти события: коалиционное министерство 6 мая, в котором эс-эры и меньшевики оказались прислужниками буржуазии, все более и более запутываясь в сделки и соглашения с нею, в тысяче «услуг» ей, в оттяжке необходимейших революционных мер, а затем наступление на фронте. Наступление неизбежно означало возобновление империалистской войны, гигантское усиление влияния, веса, роли империалистской буржуазии, широчайшее распространение шовинизма в массах, наконец last but not least (последнее по счету, но не важности) передачу власти, сначала военной, а потом и государственной вообще в руки контр-революционных командных верхов армии.

Таков ход исторических событий, углублявший и обострявший классовые противоречия с 20—21 апреля по 3—4 июля и позволивший контр-революционной буржуазии после 4 июля осуществить то, что уже 20—21 апреля с полнейшей ясностью обрисова-

лось как ее программа и тактика, ее ближайшая цель и ее «чп-стеньные» средства, долженствующие вести к цели.

Нет ничего бессодержательнее с исторической точки зрения, нет ничего более жалкого теоретически и более смешного практически, как мешанские хныканья по поводу 4 июля (повторяемые, между прочим, и Л. Мартовым) насчет того, что большевики «ухигрились» нанести себе поражение, что их «авантюризм» вызвал его и так далее и тому подобное. Все эти хныканья, все эти рассуждения, что «не надо бы» участвовать (в попытке придать «мирный и организованный» характер архи-законному недовольству и возмущению масс!), — либо сводятся к ренегатству, если исходит от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности. На самом деле движение 3—4 июля с такой же неизбежностью выросло из движения 20—21 апреля и после него, с какой лето следует за весной. Безусловным долгом пролетарской партии было оставаться с массами, стараясь придать наиболее мирный и организованный характер их справедливым выступлениям, не отходить в сторону, не умыть себе по-Пилатовски руки на том педантском основании, что масса не организована до последнего человека и что в ее движении бывают эксцессы (точно не было эксцессов 20—21 апреля! точно было в истории хотя одно серьезное движение масс без эксцессов)!

А поражение большевиков после 4 июля с исторической неизбежностью вытекло из всего предыдущего хода событий именно потому, что мелко-буржуазная масса и ее вожди, эс-эры и меньшевики, 20—21 апреля не были еще связаны наступлением, не были еще запутаны в «коалиционном министерстве» сделочками с буржуазией, а к 4 июля они связали себя и запутали настолько, что не могли не сказать: согласны к сотрудничеству (в репрессиях, в клеветах, в палачестве) с контр-революционными ка стами. Эс-эры и меньшевики окончательно скатились 4 июля в помойную яму контр-революционности, потому что они неуклонно катились в эту яму в мае и в июне, в коалиционном министерстве и в избрении политики наступления.

Мы несколько отклонились, повидному, от своей темы, от вопроса о закрытии «Правды», к вопросу об исторической оценке 4 июля. Но это только повидному, ибо одного нельзя понять без другого. Мы видели, что закрытие «Правды», аресты большевиков и другие преследования их представляют из себя — если

взглянуть па суть дела и па связь событий — не что иное, как выполнение давшей программы контр-революции и кадетов в частности.

Крайне поучительно теперь рассмотреть, *кто* именно и какими приемами осуществил эту программу.

Взглянем на факты. 2 и 3 июля движение нарастает, массы кипят, возмущенные бездействием правительства, дороговизной, разрухой, настулением. Кадеты уходят, играя «в поддавки» п ставя ультиматум эс-эрам п меньшевикам, предоставляя им, привязанным к власти, но не имеющим власти, раслачиваться за поражение п за возмущение масс.

Большевики 2-го и 3-го удерживают от выступления. Это признал *даже* свидетель из «Дела Народа», рассказав о том, что было 2 июля в Гренадерском полку. 3-го вечером движение переливает через край, а большевики составляют воззвание о необходимости придать движению «мирный п организованный» характер. 4 июля провокационные выстрелы справа увеличивают число жертв стрельбы с обеих сторон: надо подчеркнуть, что обещание Испол. Комитета расследовать события, выпускать дважды в день бюллетени п проч. п проч. осталось пустым обещанием! Ровно ничего эс-эры п меньшевики не сделали, *даже* полного списка убитых с обеих сторон они не опубликовали!

4-го ночью большевики составили воззвание о прекращении выступлений п тою же ночью оно напечатано в «Правде». Но в эту самую ночь начинается, во-первых, приход контр-революционных войск в Питер (видимо, по призыву или с согласия эс-эров п меньшевиков, их Советов, при чем, конечно, об этом «деликатном» пункте до сих пор, по миновании самомалейшей надобности в тайне, больше всего п строже всего хранят молчание!). Во вторых, в эту же ночь начинаются погромы большевиков отрядами юнкеров п тому под., действующими по поручению командующего войсками Половцева п генерального штаба. С 4-го па 5-ое громят «Правду». 5-го п 6-го громят се типографию «Труд», убивают рабочего Вощнова среди белого дня за то, что он вынесил «Листок Правды» из типографии, производят обыски п аресты большевиков, разоружают революционные полки.

Кто начал все это выполнять? Не правительство п не Совет, а контр-революционная военная шайка, сконцентрированная около генерального штаба, действующая от имени «контр-разведки»,

пускающая в ход фабрикат Переверзева ¹⁴⁵) и Алексинского, дабы «поднять ярость» войск и так далее.

Правительство отсутствует, Советы отсутствуют; они дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут прийти и разгромить их. Черносотенная и кадетская пресса, проведшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов.

Эс-эры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам и по ногам. Как связанные люди, звали они (или терпели призыв) контр-революционные войска в Питер. А это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контр-революционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать «дело» большевиков. Они подло выдают большевиков контр-революции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контр-революционерам.

Они связанные люди. Они па дне ямы.

Они мечутся, отдавая портфель Керенскому, идя в Капоссу к кадетам, устраивая «Земский собор» ¹⁸²) или «коронацию» контр-революционного правительства в Москве. Керенский увольняет Половцева.

Но эти метания остаются метаниями, нисколько не меняя *сути дела*. Керенский увольняет Половцева и в то же время оформляет, узаконяет *меры* Половцева, его политику, закрывает «Правду», вводит смертную казнь для солдат, запрещение митингов на фронте, продолжает аресты большевиков (даже Коллонтай!) ¹⁸³) по программе Алексинского.

«Сущность конституции» в России определяется с поразительной ясностью: наступление на фронте и коалиция с кадетами в тылу сваливает эс-эров и меньшевиков в яму контр-революции. *На деле* государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернова *лишь ширма ей*, они вынуждены *задним числом* узаконить ее меры, ее шаги, ее политику.

Торговля Керенского, Церетели, Чернова с кадетами имеет второстепенное, если не десятистепенное, значение. Победят ли кадеты в этой торговле, продержатся ли еще Церетели и Чернов «одни», суть дела не изменится, поворот эс-эров и меньшевиков к контр-революции (поворот, вынужденный всей их политикой с 6 мая) остается основным, главным решающим фактом.

Цикл партийного развития завершился. Эс-эры и меньшевики катились со ступеньки на ступеньку, от «доверия» к Керенскому 28 февраля к 6 мая, привязавшего их к контр-революции, к 5 июля, когда они скатились к ней до низу.

Начинается новая полоса. Победа контр-революции вызывает разочарование масс в партиях эс-эров и меньшевиков и открывает дорогу для их перехода к политике поддержки революционного пролетариата.

Написано 26 июля 1917 г.

Напечатано отдельной брошюрой

под заглавием „К моменту“ в конце июля

1917 года, за подписью Н. Ленин.

Уроки революции.

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет ему многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большому, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какую силою они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки русской революции, особенно теперь в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей.

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию. Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба, земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы начинают восстанавливать прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестуют большевиков, часто не предъявляя даже никаких обвинений или предъявляя обвинения явно клеветнические.

Возразят, пожауй, что преследования большевиков не составляют нарушения свободы, ибо преследуют только определенных лиц за определенное обвинение. Но это возражение—заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступление отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом? Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление их, взгляды их. Но всякий знает, что ничего подобного правительство свободной России сделать не могло и не сделало.

Главное дело, что газеты помещиков и капиталистов беспечно бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов, и требовали открытого ареста и преследования большевиков еще тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано. Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну, на основе тех самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами. Эти тайные договоры так и остались неопубликованными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу,—и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья. Громадное большинство крестьян заявило громко и ясно на длинном ряде съездов, что они объявляют помещичью собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим, продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками. Министру Чернову капиталисты месяцами не позволяли издавать законы о запрещении купли-продажи земли. А когда, наконец, этот закон был издан, то капиталисты подняли гнусную клеветническую травлю против Чернова и продолжают эту травлю по-сейчас.

Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за «самочинные» захваты.

Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного Собрания. А созыв этого Собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30 сентября, капиталисты открыто кричат, что это «невозможно» короткий срок и требуют отложить созыв Учредительного Собрания... Самые влиятельные члены партии капиталистов и помещиков, партии «кадетов» или партии «народной свободы», например, Панина¹⁸⁴), прямо проповедают отсрочку созыва Учредительного Собрания до окончания войны.

С землей подожди до Учредительного Собрания. С Учредительным Собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве.

* * *

Но как же могло это случиться в свободной стране, после свержения царской власти?

В несвободной стране управляют народом царь и кучка помещиков, капиталистов, чиновников, никем не выбранные.

В свободной стране управляют народом только те, кто им самим выбран для этого. При выборах народ делится на партии, и обыкновенно каждый класс населения составляет свою отдельную партию, напр., помещики, капиталисты, крестьяне, рабочие составляют отдельные партии. Поэтому управление народом в свободных странах происходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собой.

После свержения царской власти 27 февраля 1917 года, Россия управлялась в течение приблизительно 4 месяцев, как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними. Чтобы понять развитие русской революции, всего необходимее, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий.

* * *

После свержения царской власти, государственная власть перешла в руки первого Временного Правительства. Оно состояло

из представителей буржуазии, т.-е. капиталистов, к которым присоединились и помещики. Партия «кадетов», главная партия капиталистов, стояла на первом месте, как правящая и правительственная партия буржуазии.

Власть досталась в руки этой партии не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 г. и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации.

Партия кадетов всегда была монархической, и в 1905 году, и с 1905 по 1917 год. После победы народа над царской тиранией эта партия объявила себя республиканской. Опыт истории показывает, что партии капиталистов, когда народ побеждал монархию, всегда соглашались быть республиканскими, лишь бы отстоять привилегии капиталистов и их всевластие над народом.

На словах партия кадетов стоит за «народную свободу». На деле она стоит за капиталистов, и на ее сторону тотчас же встали все помещики, все монархисты, все черносотенцы. Доказательство тому—печать и выборы. Все буржуазные газеты и вся черносотенная печать запела после революции в один голос с кадетами. Все монархические партии, не смея выступать открыто, поддерживали на выборах, например, в Петербурге, партию кадетов.

Получив правительственную власть, кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжать захватную грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими капиталистами. По этим договорам, русским капиталистам обещан, в случае победы, захват и Константинополя, и Галиции, и Армении и т. д. От народа же правительство кадетов отделялось пустыми отговорками и обещаниями, откладывая все решения великих, необходимых для рабочих и крестьян, дел до Учредительного Собрания и не назначая срока его созыва.

Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главной организацией рабочих и крестьян, которые составляют подавляющее большинство населения России, были советы Р., С. и Кр. Депутатов. Эти советы стали образовываться уже во время февральской революции, и через несколько недель

после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные передовые люди рабочего класса и крестьянства были объединены советами.

Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены.

Само собой понятно, что советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Никакой иной власти в государстве, впредь до созыва Учр. Собр., кроме советов, не должно было быть. Только тогда наша революция стала бы действительно народной, действительно демократической революцией. Только тогда трудящиеся массы, действительно добывающиеся мира, действительно не заинтересованные в захватной войне, могли бы начать, решительно и твердо, проводить в жизнь такую политику, которая положила бы конец и захватной войне, и привела бы к миру. Только тогда рабочие и крестьяне смогли бы обуздать капиталистов, наживающих бешеные деньги «на войне» и доведших страну до разрухи и голода. Но в советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, с.-д. большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки советов. Большая же часть депутатов в советах была на стороне партии с.-д.-меньшевиков и эс-эров, которые были против передачи власти советам. Вместо устранения правительства буржуазии и замены его правительством советов эти партии отстаивали поддержку правительства буржуазии и соглашения с ним, образования общего с ним правительства. В этой политике соглашений с буржуазией партий, которым доверило большинство народа, эс-эров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала.

Посмотрим прежде всего на то, как шло это соглашательство эс-эров и меньшевиков с буржуазией, а затем поищем объяснения тому обстоятельству, что большинство народа им доверилось.

Соглашательство меньшевиков и эс-эров с капиталистами происходило во время всех периодов русской революции, то в одной, то в другой форме.

В самом конце февраля 1917 года, как только народ победил и царская власть оказалась свергнута, Временное Правительство

капиталистов включило в свой состав Керенского, как «социалиста». На самом деле Керенский никогда социалистом не был, был только трудовиком, а в «социалистах-революционерах» он стал числиться только с марта 1917 г., когда это было уже безопасно и не безвыгодно. Через Керенского, как тов. председателя Петербургского Совета, Временное Правительство капиталистов сейчас же постаралось привязать к себе и приручить Совет. Совет, т.-е. преобладавшие в нем эс-эры и меньшевики, дал себя приручить, согласившись тотчас после образования Временного Правительства капиталистов «поддерживать его», «поскольку» оно выполняет свои обещания.

Совет считал себя проверяющим, контролирующим действия Временного Правительства. Вожди Совета учредили так называемую «контактную комиссию», т.-е. комиссию для контакта, для соприкосновения с Правительством. В этой контактной комиссии эс-эровские и меньшевистские вожди Совета вели постоянные переговоры с правительством капиталистов, будучи, собственно говоря, на положении министров без портфеля или неофициальных министров.

Весь март и почти весь апрель продолжалось такое положение дел. Капиталисты действовали оттяжками и отговорками, стараясь выиграть время. Ни единого, сколько-нибудь серьезного шага для развития революции правительство капиталистов за это время не сделало. Даже для своей прямой непосредственной задачи, для созыва Учредительного Собрания, правительство не сделало ровнехонько ничего, не передало вопрос на места, не основало даже еще центральной комиссии по подготовке вопроса. Правительство заботилось об одном: возобновить тайком те грабительские международные договоры, которые царь заключил с капиталистами Англии и Франции, тормозить как можно осторожнее и незаметнее революцию, все обещать, ничего не исполнять. Эс-эры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эс-эры и меньшевики, как воропа в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали уверения капиталистов, что они высоко ценят советы и ни шагу не делают без них.

В действительности же время шло и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции. Против же революции оно успело за это время возобновить тайные грабитель-

ские договоры, вернее, подтвердить их и «оживить» дополнительными столь же тайными переговорами с дипломатами англо-французского империализма. Против революции оно успело за это время положить основание контр-революционной организации (или, по крайней мере, сближению) генералов и офицеров действующей армии. Против революции оно успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые вынуждены были делать уступку за уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать производство и подготавливать остановку его, выжидая для этого удобный момент.

Но организация передовых рабочих и крестьян в советах неуклонно шла вперед. Лучшие люди угнетенных классов чувствовали, что правительство, несмотря на его соглашение с Петербургским Советом, несмотря на велеречивость Керенского, несмотря на «контактную комиссию», остается врагом народа, врагом революции. Массы чувствовали, что если не сломить сопротивление капиталистов, то дело мира, дело свободы, дело революции будет неизбежно проиграно. В массах нарастало нетерпение и озлобление.

Оно прорвалось 20—21 апреля. Движение вспыхнуло стихийно, никем не подготовленное. Движение было настолько резко направлено против правительства, что один полк выступил даже вооруженным и явился к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать министров. Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вм сто этого эс-эры и меньшевики поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции шаги.

Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессиления рабочих. Этот прием—так называемое «коалиционное», т.е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство.

В тех странах, где дольше всего существует свобода и демократия на-ряду с революционным рабочим движением, в Англии и во Франции, капиталисты много раз и с большим успехом употребляли этот прием. «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием. Эс-эры и меньшевики сразу дали себя одурaczyć, и 6 мая «коалиционное» министерство с участием Чернова, Церетели и К^о стало фактом.

Дурачки эс-эровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно в лучах министерской славы их вождей. Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице «вождей советов», получив обещание от них поддерживать «наступательное действие на фронте», т.-е. возобновление приостановившейся - было империалистической, грабительской войны. Капиталисты знали все надутое бессилие этих вождей, знали, что обещания со стороны буржуазии—насчет контроля и даже организации производства, на счет политики мира и т. п.—никогда не будут исполнены.

Так и оказалось. Вторая полоса в развитии революции с 6 мая по 9 или по 18 июня, вполне подтвердила расчет капиталистов на легкость одурачения эс-эров и меньшевиков.

Пока Плеханов и Скобелев обманывали себя и народ пышными фразами, что с капиталистов возьмут 100% прибыли, что их «сопротивление сломлено» и т. п.,—капиталисты продолжали укрепляться. Ничего, ровнехонько ничего на деле не было за это время предпринято для обуздания капиталистов. Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии. Пресловутый Пальчинский¹⁶¹), товарищ министра промышленности, был типичным представителем этого аппарата, тормозящим какие бы то ни было меры против капиталистов. Министры болтали—все оставалось по-старому.

Министр Церетели в особенности был употребляем буржуазией для борьбы против революции. Его посылали «успокаивать» Кронштадт, когда тамошние революционеры дошли до такой продрзости, что посмели сместить назначенного комиссара. Буржуазия открыла в своих газетах неимоверно шумную, злостную, бешеную

кампанию лжи, клеветы и травли против Кронштахта, обвиняя его в желании «отложиться от России», повторяя эту и подобные нелепости на тысячу ладов, запугивая мелкую буржуазию и филистеров. Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства Церетели, всех «добросовестнее» попался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и умирал» Кронштахт, не понимая своей роли лакея контр-революционной буржуазии. Выходило так, что он являлся орудием проведения такого «соглашения» с революционным Кронштахтом, что комиссар в Кронштахте не назначался просто-на-просто правительством, а выбирался на месте и *утверждался* правительством. На подобные жалкие компромиссы тратили свое время министры, перебежавшие от социализма к буржуазии.

Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими или в Советах, там появлялся (вернее: туда посылался буржуазией) «социалистический» министр Скобелев³⁶), Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний, обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить.

Министр Чернов был занят в особенности торговлей со своими буржуазными коллегами: до самого июля месяца, до открывшегося тогда после движения 3—4 июля, нового «кризиса власти», до ухода кадетов из министерства, министр Чернов все время занят был полезным, интересным, глубоконародным делом «угваривания» своих буржуазных коллег, усовещевания их согласиться хотя бы на запрещение земельных сделок купли-продажи. Это запрещение было торжественнейшим образом обещано крестьянам на всероссийском съезде (совете) крестьянских депутатов в Питере. Но обещание так и осталось обещанием. Чернов так и не мог выполнить его ни в мае, ни в июне, до тех самых пор, пока революционная волна стихийного взрыва 3—4 июля, совпавшая с уходом кадетов из министерства, не дала возможность провести этой меры. Но и тогда эта мера оказалась одинокой, бессильной внести серьезные улучшения в дело борьбы крестьянства против помещиков за землю.

На фронте в это время ту контр-революционную, империалистическую задачу возобновления империалистской, грабительской войны, ту задачу, которую не мог выполнить ненавистный народ

Гучков³), с успехом и блеском выполнял «революционный демократ» Керенский, новоиспеченный член партии социалистов-революционеров. Он упивался собственным красноречием, ему курили фимиам империалисты, игравшие им, как пешкой, ему льстили, его боготворили—все за то, что он верой и правдой служил капиталистам, убеждая «революционные войска» согласиться на возобновление войны, ведущейся во исполнение договоров царя Николая II с капиталистами Англии и Франции,—войны ради получения русскими капиталистами Константинополя и Львова, Эрзерума и Трапезунда.

Так прошла вторая полоса русской революции, с 6 мая по 9 июня. Контр-революционная буржуазия усилилась, укрепилась под прикрытием и под защитой «социалистических» министров, подготовив наступление и против внешнего врага, и против внутреннего, т.-е. революционных рабочих.

9 июня партия революционных рабочих, большевиков, готовила демонстрацию в Питере, чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс. Запутавшиеся в соглашениях с буржуазией, связанные империалистской политикой наступления, эс-эровские и меньшевистские вожди пришли в ужас, чувствуя потерю своего влияния в массах. Поднялся всеобщий вой против демонстрации,—вой, объединивший на этот раз контр-революционных кадетов с эс-эрами и меньшевиками. Под их руководством, в результате их политики соглашательства с капиталистами, поворот мелко-буржуазных масс к союзу с контр-революционной буржуазией определился вполне, обрисовался с поразительной наглядностью. В этом—историческое значение, в этом — классовый смысл кризиса 9 июня.

Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой против объединенных кадетов, эс-эров и меньшевиков. Но эти последние, чтобы сохранить хоть какой-нибудь остаточек доверия масс, вынуждены были назначить общую демонстрацию на 18 июня. Буржуазия были вне себя от ярости, справедливо видя в этом колебание мелко-буржуазной демократии на сторону пролетариата и решая наступлением на фронте парализовать действие демократии.

Действительно, 18 июня дало замечательно внушительную победу лозунгов революционного пролетариата, лозунгов большевизма среди петербургских масс, а 19 июня было торжественно

объявлено буржуазией и бонапартистом *) Керенским о начавшемся именно 18 июня наступлении на фронте¹⁵³).

Наступление означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а, с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.

Если 6 мая привязало эс-эров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 18 июня приковало их, как слуг капиталистов, цепью.

Озлобление масс, вследствие возобновившейся грабительской войны, естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3—4 июля последовал взрыв их возмущения,—взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эс-эры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, которую не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эс-эры и меньшевики покатались неудержимо вниз и докатились до дна. 28 февраля они обещали в Петербургском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6 мая они спасли его от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его, согласившись на наступление. 9 июня они соединились с контр-революционной буржуа-

*) Бонапартизмом (по имени двух французских императоров Бонапартов) называется такое правительство, которое старается казаться непартийным, используя крайне острую борьбу партий капиталистов и рабочих друг с другом. На деле служа капиталистам, такое правительство всего больше обманывает рабочих обещаниями и мелкими подачками.

зией в походе бешеной злобы; лжи и клеветы против революционного пролетариата. 19 июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3 июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партии эс-эров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат экономического положения мелких хозяев мелкой буржуазии.

Всякий наблюдал, конечно, как мелкие хозяйчики выбиваются из сил, тянутся «выйти в люди», попасть в настоящие хозяева, подняться до положения «крепкого» хозяина, до положения буржуазии. Пока господствует капитализм, иного выхода мелким хозяевам нет: либо перейти самим на положение капиталистов (а это возможно в лучшем случае для одного мелкого хозяйчика из сотни), либо перейти в положение разоренного хозяйчика, полу-пролетария, а затем—пролетария. Так и в политике: мелко-буржуазная демократия тянется за буржуазией особенно в лице ее вождей. Вожди мелко-буржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями на счет возможности соглашения с крупными капиталистами,—в лучшем случае, на самое короткое время они получают от капиталистов уступочки для небольшого верхнего слоя трудящихся масс, а во всем решающем, во всем важном мелко-буржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей. Опыт Англии и Франции много раз подтверждал это.

Опыт русской революции, когда события, особенно под влиянием империалистской войны и созданного ею глубочайшего кризиса, развивались с необычайной быстротой, этот опыт с февраля по июль 1917 года подтвердил старую марксистскую истину о неустойчивости положения мелкой буржуазии замечательно ярко, наглядно.

Урок русской революции: трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощения помещикам и капиталистам, иначе как в полном разрыве с партиями эс-эров и меньшевиков, в ясном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательств с буржуазией, в решительном переходе на сторону революционных рабочих. Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести

народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру.

*Написано в июле 1917 г.
Напечатано в газете „Рабочий“
№№ 8 и 9, 30 и 31 августа
1917 г., в первом № за подписью
Н-ков, во втором—Н. Ленин.*

О Т В Е Т.

I.

В газетах от 22 июля напечатано сообщение «от прокурора Петербургской Судебной Палаты» о расследовании событий 3—5 июля и о привлечении к суду за измену и за организацию вооруженного восстания меня, вместе с рядом других большевиков¹⁷⁰).

Правительство вынуждено было опубликовать это сообщение, ибо слишком уже скандально это гнусное дело, явно—для всякого грамотного человека—подделанное при участии клеветника Алексинского, в исполнение давних пожеланий и требований контрреволюционной кадетской партии.

Но опубликованием сообщения правительство Церетели и К^о сугубо осрамит себя, ибо грубость подделки теперь особенно бьет в глаза.

Я уехал из Петербурга, по болезни, в четверг 29 июня и вернулся только во вторник 4 июля утром. Но, само собою разумеется, что за все решительно шаги и меры, как Центрального Комитета нашей партии, так и вообще нашей партии в целом, я беру на себя полную и безусловную ответственность. На мое отсутствие мне необходимо было указать, чтобы объяснить мою неосведомленность на счет некоторых деталей и мою ссылку, главным образом, на появившиеся в печати документы.

Очевидно, что именно этого рода документы, особенно, если они появились во враждебной большевикам прессе, должны были прежде всего быть тщательно собраны, сведены вместе и проанализированы прокурором. Но «республиканский» прокурор, проводящий политику «социалистического» министра Церетели, именно этой своей, самой основной, обязанности не пожелал выполнить.

В министерской газете «Дело Народа», вскоре после 4/VII, было признано, как факт, что большевики 2/VII в гренадерском полку выступали, агитировали против выступления.

Имел ли право прокурор умалчивать об этом документе? Имел ли он основание скинуть со счета показание такого свидетеля?

А это показание устанавливает тот первостепенной важности факт, что движение нарастало стихийно и что большевики старались не ускорить, а отсрочить выступление.

Далее. Та же газета напечатала еще более важный документ, именно текст воззвания, подписанного Ц. К-том нашей партии и составленного 3/VII ночью ¹⁸⁵). Это воззвание было составлено и сдано в набор уже после того, как движение, вопреки нашим усилиям, сдержать или, вернее, регулировать его, перелилось через край—после того, как выступление стало уже фактом.

Вся безмерная низость и подлость, все вероломство церетелевского прокурора проявляется именно в обходе им вопроса о том, когда именно, в какой день и час, до большевистского воззвания или после него, наступление началось.

В тексте же этого воззвания говорится о необходимости придать движению мирный, организованный характер.

Можно ли себе представить более смехотворное обвинение в «организации вооруженного восстания», как обвинение организации, в ночь на 4-е, т.-е. в ночь перед решающим днем, выпустившей воззвание о «мирном и организованном выступлении» И другой вопрос: чем отличается от прокуроров по делу Дрейфуса или по делу Бейлиса тот «республиканский» прокурор «социалистического» министра Церетели, прокурор, обходящий полным молчанием это воззвание?

Далее. Прокурор умалчивает о том, что 4-го ночью Ц. К. нашей партии составил воззвание о прекращении демонстраций ¹⁸⁶) и напечатал это воззвание в «Правде», которую именно в эту ночь разгромил отряд контр-революционных войск.

Далее. Прокурор умалчивает о том, что Троцкий ⁷⁹) и Зиновьев ¹⁸⁷) в ряде речей к рабочим и солдатам, подходившим к Таврическому Дворцу 4 июля, призывали их разойтись после того, как они уже продемонстрировали свою волю.

Эти речи слушали сотни и тысячи людей. Пусть же каждый честный гражданин, который не хочет, чтобы его страну позорили подстраиванием «дел Бейлиса» ¹⁸⁸), позаботится о том, чтобы независимо от их партийной принадлежности, слушатели этих речей сделали письменные заявления прокурору (оставив у себя копии), заявления относительно того, был ли призыв расходиться в речах Троцкого и Зиновьева. Порядочный прокурор сам бы

Обратился к населению с таким призывом, но где же это мыслимо, чтобы в министерстве Керенского, Ефремова, Перетели и К^о были порядочные прокуроры. И не пора ли русским гражданам самим заботиться о том, чтобы «дела Бейлиса» стали в их стране невозможны.

Кстати. Я лично, вследствие болезни, сказал только одну речь 4-го июля с балкона дома Кшесинской¹⁸⁹). Прокурор упоминает ее, пробует изложить ее содержание, но не только не называет свидетелей, а опять умалчивает о свидетельских показаниях, данных в печати. Я далеко не обладаю возможностью иметь полные комплекты газет, но все же видел два показания в печати: 1) в большевистском «Пролетарское Дело»¹⁹⁰) (Кронштадт) и 2) в меньшевистской министерской «Рабочей Газете»²⁸. Почему бы этими документами и гласным обращением к населению не проверить содержания моей речи?

Все содержание состояло в следующем: 1) извинение, что по случаю болезни я ограничиваюсь несколькими словами; 2) привет революционным кронштадтцам от имени питерских рабочих; 3) выражение уверенности, что наш лозунг «вся власть Советам» должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути; 4) призыв к выдержке, стойкости и бдительности.

Я останавливаюсь на этих частностях, чтобы не обходить того ничтожного, действительно фактического материала, который столь бегло, небрежно, неряшливо задет, едва только задет—прокурором.

Но, конечно, главное не в частностях, а в общей картине, в общем значении 4-го июля. Об этом хотя бы только подумать—прокурор обнаружил полную неспособность.

Мы имеем прежде всего по этому вопросу ценнейшее показание в печати, сделанное ярким врагом большевизма, обливающим нас целым дождем ругательств и выражений ненависти, корреспондентом министерской «Рабочей Газеты». Этот корреспондент поместил свои личные наблюдения вскоре после 4-го июля. Точно устанавливаемые им факты сводятся к тому, что наблюдения и переживания автора разделяются на две резко различные половины, из которых вторую автор противопоставляет первой словами, что дело приняло для него «благоприятный оборот».

Первая половина переживаний состоит в том, что автор пробует защищать министров в бушующей толпе. Его подвергают оскорблениям, насилиям, наконец, личному задержанию. Автор

выслушивает возгласы и лозунги, до последней степени возбужденные, из коих он в особенности запомнил: «смерть Керенскому» (за то, что он перешел к наступлению, «уложил 40.000 человек» и т. д.).

Вторая половина переживаний автора, давшая его делу «благоприятный», как он выражается, оборот, начинается с того момента, когда бушующая толпа приводит его «на суд» в дом Кшесинской. Там автора сейчас же отпускают на свободу.

Таковы факты, дающие автору повод извергнуть бездну ругательств против большевиков. Ругань со стороны политического противника—вещь естественная, особенно, когда этот противник—меньшевик, чувствующий, что массы, угнетенные капиталом и империалистскою войной, не с ним, а против него. Но ругань не меняет фактов, которые и в изложении самого бешеного врага большевиков говорят, свидетельствуют, что возбужденные массы доходили до лозунга «смерть Керенскому», а организация большевиков придала движению в общем и целом лозунг «вся власть Советам», что организация большевиков имела одна только моральный авторитет перед массой, побуждая ее отказаться от насилий.

Таковы факты. Пусть вольные и невольные слуги буржуазии кричат и бранятся по поводу нас, обвиняя большевиков в «постворстве стихии» и т. д. и т. п.

Мы, как представители партии революционного пролетариата, скажем, что наша партия всегда была и всегда будет вместе с угнетенными массами, когда они выражают свое тысячу раз справедливое и законное возмущение дороговизной, бездеятельностью и предательством «социалистических министров», империалистскою войной и ее затягиванием. Наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе с справедливо возмущенными массами 4 июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4 июля еще возможен был мирный переход власти к Советам, еще возможно было мирное развитие вперед русской революции.

До какой степени глупа сказка прокурора об «организации вооруженного восстания», видно из следующего. Никто не оспаривает, что 4 июля из находящихся на улицах Петербурга вооруженных солдат и матросов огромное большинство было на стороне нашей партии. Она имела полную возможность приступить к смещению и аресту сотен начальствующих лиц, к заня-

тию десятков казенных и правительственных зданий и учреждений и т. п.

Ничего подобного сделано не было. Только люди, которые так запутались, что повторяют все небылицы, распространяемые контр-революционными кадетами, способны не видеть смехотворной нелепости утверждения, будто 3 или 4 июля имела место «организация вооруженного восстания».

Первым вопросом, который должно бы было поставить следствие, будь оно хоть сколько-нибудь похоже на следствие, явился бы вопрос, кто начал стрельбу, затем вопрос о том, сколько именно убитых и раненых с той и с другой стороны, при каких обстоятельствах имел место каждый случай убийства и нанесения ран.

Будь следствие похоже сколько-нибудь на следствие (а не на склочную статью в органах Данов¹⁵⁹), Алексинских и т. п.), тогда обязанностью следователей было бы устроить гласный, открытый для публики, допрос свидетелей по этим вопросам с немедленной публикацией протоколов допроса.

Именно так поступали всегда следственные комиссии в Англии, когда Англия была свободной страной. Именно так или приблизительно так почувствовал себя обязанным поступить Исполнительный Комитет Совѣта в первую минуту, когда страх перед кадетами еще не затемнил окончательно его совести. Известно, что Исп. Комитет печатно обещал тогда два раза в день выпускать бюллетени о работах его следственной комиссии. Известно также, что Исп. Комитет, т. - е. эс-эры и меньшевики, обманул народ, дав это обещание, которое он не выполнил. Но текст этого обещания остался перед историей как признание со стороны наших врагов, признание того, что должен был бы сделать всякий сколько-нибудь честный следователь.

Поучительно во всяком случае отметить, что одной из первых буржуазных, бешено ненавидящих большевизм, газет, которая дала сообщение о стрельбе 4 июля, была вечерняя «Биржевка»¹⁷⁶ от того же числа. И как раз из сообщения этой газеты вытекает, что стрельбу начали не демонстранты, что первые выстрелы были против демонстрантов!! Разумеется, «республиканский» прокурор «социалистического» министерства предпочел умолчать об этом свидетельском показании «Биржевки»!! А между тем это показание безусловно враждебной большевизму «Биржевки» вполне соответствует общей картине события, как ее представляет себе

наша партия. Будь это событие вооруженным восстанием, тогда, конечно, повстанцы стреляли бы не в контр-манifestантов, а окружили бы определенные казармы, определенные здания, истребляли бы определенные части войск и т. п. Напротив, если событие было демонстрацией против правительства, с контр-демонстрацией его защитников, то совершенно естественно, что стреляли первыми контр-революционеры отчасти из озлобления против громадной массы демонстрантов, отчасти с провокационными целями, и так же естественно, что демонстранты отвечали на выстрелы выстрелами.

Списки убитых, хотя, вероятно, и не совсем полные, были все же напечатаны в некоторых газетах (помнится в «Речи» ²⁶⁾ и в «Деле Народа» ⁸⁴⁾. Прямым и первейшим долгом следствия было проверить, пополнить и официально напечатать эти списки. Уклониться от этого—значит прятать доказательства того, что стрельбу начали контр-революционеры.

В самом деле, уже беглый просмотр напечатанных списков показывает, что две главные и особенно ясные группы, казаки и матросы, насчитывают приблизительно равное число убитых. Возможно ли было бы такое явление, если бы 10.000 вооруженных матросов, пришедших 4 июля в Питер и соединившихся с рабочими и солдатами, особенно с пулеметчиками, имевшими много пулеметов, если бы они преследовали цели вооруженного восстания?

Ясно, что тогда число убитых на стороне казаков и других противников восстания было бы раз в 10 больше, ибо никто не оспаривает, что преобладание большевиков среди вооруженных людей на улицах Питера 4 июля было гигантское. Об этом есть длинный ряд появившихся в печати свидетельских показаний противников нашей партии, и сколько-нибудь честное следствие, несомненно, собрало бы и опубликовало все эти показания.

Если число убитых приблизительно одинаково с обеих сторон, то это указывает на то, что стрелять начали именно контр-революционеры против манифестантов, а манифестанты только отвечали. Иначе равенства числа убитых получиться не могло.

Наконец, из появившихся в печати сведений крайне важно следующее: убийства казаков известны 4 июля, когда была открытая перестрелка между манифестантами и контр-манифестантами. Такие перестрелки бывают даже в нереволуционные времена при известном возбуждении населения; например, они нередки в романских странах, особенно на юге. Убийства же большевиков

известны также за время позже 4 июля, когда никакой встречи возбужденных манифестантов и контр-манифестантов не было, когда, следовательно, убийство безоружного вооруженным было уже прямо палачеством. Таково убийство большевика Воинова на Шпалерной улице 6 июля.

Что же это за следствие, которое не собирает полностью даже появившегося в печати материала, о числе убитых с обеих сторон, о времени и обстоятельствах каждого случая причинения смерти? Это не следствие, а издевательство.

Понятно, что при таком характере «следствия» ждать от него хоть попытки исторически оценить 4 июля не доводится. А такая оценка необходима для всякого, кто хочет вдумчиво относиться к политике.

Кто попытается исторически оценить 3 и 4 июля, тот не сможет закрыть глаз на полнейшую однородность этого движения с движением 20 и 21 апреля.

В обоих случаях стихийный взрыв возмущения масс

В обоих случаях выход вооруженных масс на улицу.

В обоих случаях перестрелка между манифестантами и контр-манифестантами, при известном (приблизительно одинаковом) числе жертв с обеих сторон.

В обоих случаях противоправительственная манифестация особого вида (особенности эти перечислены выше) связана с глубоким и длительным кризисом власти.

В обоих случаях вспышка крайнего обострения в борьбе между революционными массами и контр-революционными элементами буржуазии, при устранении на время с поля действия средних промежуточных, склонных к соглашательству элементов.

Различие между обоими движениями в том, что второе гораздо острее первого, и в том, что партия эс-эров и меньшевиков, нейтральная 20—21 апреля, запуталась с тех пор в своей зависимости от контр-революционных кадетов. (Через коалиционное министерство и через политику наступления оказались поэтому 3 и 4 июля на стороне контр-революции.)

Контр-революционная партия к.-д. и после 20 — 21 апреля также нагло лгала, крича: «На Невском стреляли ленинцы», и также комедиантски требовала следствия. Кадеты и их друзья были тогда в большинстве в правительстве, следствие было, значит, всецело в их руках. Его начали, но бросили, ничего не опубликовав.

Почему? Очевидно, потому, что факты никак не подтверждали того, что хотелось кадетам. Другими словами: следствие от 20—21 апреля «затушили», ибо факты подтверждали, что стрельбу начали контр-революционеры, кадеты и их друзья. Это ясно.

То же самое было, видимо, 3—4 июля, и потому так груба, топорна подделка господина прокурора, который, чтобы доставить удовольствие Церетели и К^о 24), издевается над всеми правилами сколько-нибудь добросовестного следствия.

Движение 3 и 4 июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т.-е. господствующие в них эс-эры и меньшевики, фактически передают власть контр-революции, представляемой кадетами и поддерживаемой эс-эрами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контр-революции, либо новая революция.

II.

Обвинение в шпионстве и в сношениях с Германией, это—уже чистейшее дело Бейлиса, на котором приходится остановиться совсем кратко. Здесь «следствие» просто повторяет клеветы известного клеветника Алексинского, особенно грубо подтасовывая факты.

Неверно, что арестованы были в 1914 году в Австрии я и Зиновьев. Арестован был только я.

Неверно, что я арестован был, как русский подданный. Я был арестован по подозрению в шпионстве: местный жандарм принял за «планы» диаграммы аграрной статистики в моих тетрадках! Видимо, тот австрийский жандарм стоял вполне на уровне Алексинского и группы «Единства» 27). Но я, кажется, все-таки побил рекорд по части преследования интернационализма, ибо меня в *обеих* воюющих коалициях преследовали, как шпиона, в Австрии—жандарм, в России—Алексинский, кадеты и К^о.

Неверно, что в моем освобождении из тюрьмы в Австрии сыграл роль Ганецкий 171). Роль сыграл Виктор Адлер 58), стыдивший австрийские власти. Роль сыграли поляки, коим стыдно было, что в польской стране возможен такой гнусный арест русского революционера.

Гнусная ложь, что я состоял в сношениях с Парвусом 191), ездил в лагеря и т. д. Ничего подобного не было и быть не могло.

Парвус в нашей газете «Социал-Демократ»¹⁹²⁾ был назван после первых же номеров парвусовского журнала «Колокол» — ренегатом, немецким Плехановым¹⁹³⁾. Парвус такой же социал-шовинист на стороне Германии, как Плеханов социал-шовинист на стороне России. Как революционные интернационалисты, мы ни с немецкими, ни с русскими, ни с украинскими социал-шовинистами («Союз освобождения Украины») не имели и не могли иметь ничего общего.

Штейнберг — член эмигрантского комитета в Стокгольме. Я первый раз видел его в Стокгольме. Штейнберг около 20 апреля или попозже приезжал в Питер и, помнится, хлопотал о субсидии эмигрантскому обществу. Проверить это прокурору совсем легко, если б было желание проверить.

Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким — никаких.

Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса, ибо торговал вместе. Но целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служили в предприятиях и учреждениях Парвуса.

Прокурор играет на том, что коммерческая переписка могла прикрывать сношения шпионского характера. Интересно, скольких членов партии к.-д., меньшевиков и эс-эров пришлось бы обвинить по этому великолепному рецепту за коммерческую переписку.

Но если прокурор имеет ряд телеграмм Ганецкого к Суменсон¹⁹⁴⁾ (эти телеграммы уже напечатаны), если прокурор знает, в каком банке, сколько и когда было денег у Суменсон (а прокурор печатает пару цифр этого рода), то отчего бы прокурору не привлечь к участию в следствии двух-трех конторских или торговых служащих? Ведь они бы в два дня дали ему полную выписку из всех торговых книг и из книг банков?

Едва ли в чем еще так наглядно обнаружился характер этого «дела Бейлиса», как в том, что прокурор приводит лишь отрывочные цифры: «Суменсон за полгода сняла со своего текущего счета 750.000 руб., у нее осталось 180.000 р.». Если уже печатать цифры, отчего же не печатать полностью, когда именно, у кого именно Суменсон получала деньги «за полгода» и кому платила? Когда именно и какие именно партии товара получались?

Чего же легче, как такие полные цифры собрать? Это в 2—3 дня можно и должно было сделать? Это вскрыло бы весь круг

коммерческих дел Ганецкого и Суменсон! Это не оставило бы места темным намекам, коими прокурор оперирует!

Самая грязная и гнусная клевета Алексинского, переписанная на «государственный» манер чиновниками министерства Церетели и К^о,— вот как низко пали эс-эры и меньшевики!

III.

Было бы, конечно, величайшей наивностью принимать «судебные дела», поднятые министерством Церетели, Керенского и К^о против большевиков, за действительные судебные дела. Это была бы совершенно непростительная конституционная иллюзия.

Эс-эры и меньшевики, войдя в коалицию с контр-революционными кадетами 6 мая и приняв политику наступления, т.-е. возобновления и затягивания империалистской войны, оказались неизбежно в плену у кадетов.

Как пленники, они вынуждены участвовать в самых грязных делах кадетов, в самых подлых, клеветнических подвохах их

«Дело» Чернова 195 быстро начинает просвещать и отсталых, т.-е. подтверждает правильность этого нашего взгляда. А за Черновым «Речь» травит уже и Церетели, как «лицемера» и «циммервальдиста».

Теперь и слепые увидят, и камни заговорят.

Контр-революция сплачивается. Кадеты — вот ее основа. Штаб и военные начальники, Керенский в их руках, черносотенные газеты к их услугам—таковы союзники буржуазной контр-революций.

Гнусные клеветы на политических противников помогут пролетариату поскорее понять, где контр-революция и смести ее во имя свободы, мира, хлеба голодным, земли крестьянам.

*„Рабочий и Солдат“ №№ 3 и 4
26 и 27 июля 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.*

Начало бонапартизма.

Самая большая, самая роковая ошибка, которую могли бы теперь, после образования министерства Керенского, Некрасова⁸¹⁾, Авксентьева¹⁹⁶⁾ и К^о, сделать марксисты, состояла бы в принятии слова за дело, обманчивой внешности за сущность или вообще за нечто серьезное.

Предоставим это занятие меньшевикам и эс-эрам, которые играют уже прямо-таки роль шутов гороховых около бонапартиста Керенского. В самом деле, разве же это не шутовство, когда Керенский, явно под диктовку кадетов, составляет нечто вроде негласной директории из себя, Некрасова, Терещенко¹¹⁶) и Савинкова¹⁹⁷), умалчивает и об Учр. Собрании и вообще о декларации 8 июля, провозглашает в обращении к населению священное единение между классами, заключает на никому не известных условиях соглашение с поставившим наглейший ультиматум Корниловым¹⁹⁸), продолжает политику скандально-возмутительных арестов, а Черновы, Авксентьевы и Церетели занимают фразерством и позерством?

Неужели это не шутовство, когда Чернов занялся в такое время вызовом на третейский суд Милюкова²), когда Авксентьев декламирует о непригодности узко-классовой точки зрения, когда Церетели и Дан проводят в Центральном Исполнительном Комитете Советов пустейшие, начиненные бессодержательнейшими фразами, резолюции, напоминающие худшие времена бессилия кадетской первой Думы перед лицом царизма.

Как кадеты в 1906 году протитуировали первое собрание народных представителей в России, сведя его к жалкой говорильне перед лицом крепнущей царистской контр-революции, так эс-эры и меньшевики в 1917 году протитуировали Советы, сведя их к жалкой говорильне перед лицом крепнущей бонапартистской контр-революции.

Министерство Керенского, несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма.

Перед нами на-лицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование, опирающееся на военщину (на худшие элементы войска), государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга.

Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом обострена до крайних пределов: и 20—21 апреля и 3—5 июля страна была на волосок от гражданской войны. Разве это социально-экономическое условие не представляет из себя классической почвы бонапартизма? А ведь к этому условию присоединяются другие, вполне ему родственные; буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их, а они *уже* бессильны, протитуированные господами Церетели, Черновыми и К^о, оказать серьезное сопротивление буржуазии.

Помещики и крестьянство живут тоже в обстановке 'кануна гражданской войны: крестьяне требуют земли и воли, их может—если может—сдержать только бонапартистское правительство, способное раздавать самые беспартийные обещания всем классам и ни одного обещания не выполняющее.

Добавьте к этому момент, вызванный авантюрой наступления, военных поражений, когда особенно ходки фразы о спасении родины (прикрывающие желание спасти империалистическую программу буржуазии),—и вы увидите перед собой самую полную картину социально-политической обстановки бонапартизма.

Не будем же обманываться фразами. Не дадим ввести себя в заблуждение тем, что перед нами только еще первые шаги бонапартизма. Именно первые-то шаги и надо уметь разгадать, чтобы не попасть в смешное положение 'туповатого филистера, который будет ахать по поводу второго шага, хотя сам же помогал первому.

Ничем иным, как тупым филистерством, были бы теперь конституционные иллюзии вроде того, например, что настоящее министерство, пожалуй, левее всех предыдущих (см. «Известия») или что благожелательная критика Советов может исправить ошибки правительства, или что произвольные аресты и закрытия газет были единичны и следует надеяться, что они не повторятся, или что Зарудный¹⁹⁹) честный человек и в республиканской демократической России возможен правильный суд, на который всем надо являться, и так далее и т. п.

Глупость этих конституционных филистерских иллюзий слишком очевидна, чтобы на опровержении их стоило особо останавливаться.

Нет, борьба с буржуазной контр-революцией требует трезвости и умения видеть и говорить то, что есть.

Бонапартизм в России не случайность, а естественный продукт развития классовой борьбы в мелко-буржуазной стране с значительно развитым капитализмом и с революционным пролетариатом. Такие исторические этапы, как 20—21 апреля, 6 мая, 9—10 июня, 18—19 июня, 3—5 июля, суть вехи, наглядно показывающие, как шла подготовка бонапартизма. Величайшей ошибкой было бы думать, что бонапартизм исключается демократической обстановкой. Как раз наоборот, он именно в этой обстановке ('история Франции дважды подтвердила это) и вырастает при определенном взаимоотношении классов и их борьбы.

Однако признать неизбежность бонапартизма вовсе не значит забыть неизбежность его краха.

Если мы скажем *только* то, что в России наблюдается временное торжество контр-революции, это будет отпиской.

Если мы проанализируем возникновение бонапартизма и, безбоязненно смотря правде в лицо, скажем рабочему классу и всему народу, что начало бонапартизма есть факт—то мы тем самым положим начало серьезной и упорной, в широком политическом масштабе ведущейся, на глубокие классовые интересы опирающейся, борьбе за свержение бонапартизма.

От начала французского бонапартизма в 1799 и в 1849 годах ²⁰⁰) русский бонапартизм 1917 года отличается рядом условий,—например, тем, что ни одна коренная задача революции не решена. Борьба за решение земельного и национального вопроса только еще начинает разгораться.

Керенский и контр-революционные кадеты, которые играют им, как пешкой, не могут ни созвать в назначенный срок Учредительного Собрания, ни отсрочить его созыва, не углубляя в обоих случаях революции, а катастрофа, порождаемая затягиванием империалистской войны, продолжает надвигаться с еще гораздо большей силой и быстротой, чем прежде.

Передовые отряды пролетариата России сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления. Партия пролетариата имеет полную возможность выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации, чтобы внезапные (будто бы внезапные) преследования бонапартистов не могли ни в коем случае прекратить ее существование и ее систематическое обращение со своим словом к народу.

Пусть партия ясно и громко скажет народу правду без урезок:—что мы переживаем начало бонапартизма,—что «новое» правительство Керенского, Авксентьева и К^о есть лишь ширма для прикрытия контр-революционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках,—что народ не получит мира, крестьяне не получают земли, рабочие не получают 8-часового рабочего дня, голодные не получают хлеба без полной ликвидации контр-революции,—пусть партия скажет это, и каждый шаг в развитии событий будет подтверждать ее правоту.

Россия с замечательной быстротой пережила целую эпоху, когда большинство народа доверилось мелко-буржуазным партиям

эс-эров и меньшевиков. И теперь уже начинается жесткая расплата большинства трудящихся масс за эту доверчивость.

Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает идти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату. Революционный пролетариат возьмет власть, начнет социалистическую революцию, привлечет к ней—несмотря на все трудности и возможные зигзаги развития—пролетариев всех передовых стран, и победит и войну и капитализм.

*„Рабочий и Солдат“ № 6,
29 июля 1917 г.,
без подписи автора.*

О выступлении т. Каменева в Ц. И. К. по поводу Стокгольмской конференции.

Речь тов. Каменева в Ц. И. К. 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков.

В первой же фразе своей речи т. Каменев сделал заявление формального характера, которое придает его выступлению прямо чудовищный характер. Т. Каменев оговаривается, что выступает от себя лично, что «наша фракция этого вопроса не обсуждала».

Во-первых, с каких это пор в организованной партии по важным вопросам выступают отдельные члены «от себя лично», раз фракция вопроса не обсуждала, т. Каменев не имел права выступать. Вот первый вывод из его же слов.

Во-вторых, какое право имел т. Каменев забыть, что есть решение Ц. К. партии против участия в Стокгольме²⁰¹? Если это решение не отменено съездом или новым решением Ц. К., то оно остается законом для партии. Если оно отменено, тогда бы т. Каменев не мог бы умолчать об этом, не мог бы говорить в прошлом времени: «мы, большевики, до сих пор относились к Стокгольмской конференции отрицательно».

Опять-таки вывод тот, что Каменев не только не имел права выступать, но и прямо нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю, не упоминая ни словом

об обязательном для него решении Ц. К. А решение это в свое время было опубликовано в «Правде» и даже с добавлением, что представитель партии уйдет с Циммервальдской конференции, если она выскажется за участие в Стокгольме.

Доводы «прежнего» отрицательного отношения большевиков к участию в Стокгольме Каменев изложил неверно. Он умолчал о том, что там будут участвовать социал-империалисты, что обращаться с таковыми позорно для революционного с.-д.

Как ни печально в этом сознаться, но сознаться надо: Старостин, часто и много путавший, в 1000 раз лучше, вернее, достойнее выразил точку зрения революционной с.-д.-и, чем Каменев. Идут совещания с социал-империалистами, с министрами, в пособниках палачества в России—позор и предательство. Об интернационализме тогда нечего и говорить.

Доводы Каменева по существу дела за «изменение» нашего взгляда на Стокгольм слабы до смешного.

«Нам стало ясно,—говорил Каменев,—что Стокгольм с этого (??) момента перестает (??) быть слепым орудием в руках империалистических государств».

Это неправда. Ни единого факта нет и привести ничего серьезного Каменев не мог. Если англо-французские социал-империалисты не идут, а немецкие идут, неужели это есть принципиальное изменение?? Неужели это вообще изменение с точки зрения интернационалиста. Неужели Каменев уже «забыл» решение конференции нашей партии (29/IV)²⁰² по вполне аналогичному случаю с датским социал-империалистом.

«Над Стокгольмом,—сказал Каменев, по передаче газет, далее,—начинает развеиваться широкое революционное знамя, под которым мобилизуются силы всемирного пролетариата».

Это—пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это—вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий,—вот какое знамя на деле начинает развеиваться над Стокгольмом.

Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничанием с проделками социал-империалистов русских и немецких, с проделками министров буржуазного империалистического правительства Черновых, Скобелевых и К^о.

Мы решили строить III Интернационал. Мы должны осуществлять это вопреки всем трудностям. Ни шагу назад, к сделкам между социал-империалистами и перебежчиками социализма!

„Пролетарий“ № 3,
16 августа 1917 г.,
за подписью Н. Ленина.

За деревьями не видят леса.

В заседании Ц. И. К. Советов 4 августа Л. Мартов ¹³⁾ сказал (цитируем по отчету «Новой Жизни» ^{109а}), что «критика Церетели слишком мягка», что «правительство не дает отпора контр-революционным попыткам в военной среде» и что «в наши цели не входит свержение нынешнего правительства или подрыв доверия к нему»... «Реальное соотношение сил,—продолжал Мартов,—не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас не допустимой». «Мы не намерены свергать правительство,—заканчивает Мартов,—но мы должны указать ему, что в стране есть силы, кроме кадетов и военных. Это—силы революционной демократии и на них должно опираться Временное Правительство».

Это—замечательные рассуждения Мартова, на которых стоит со всем вниманием остановиться. Замечательны они тем, что необыкновенно рельефно воспроизводят самые распространенные, самые вредные, самые опасные, политические ошибки мелко-буржуазной массы, ее типичнейшие предрассудки. Из всех представителей этой массы Мартов, как публицист, наверное, один из наиболее «левых», из наиболее революционных, из наиболее сознательных и искусных. Именно поэтому полезнее разобрать как раз его рассуждения, чем какого-нибудь кокетничающего пустым набором слов Чернова или тупицы Церетели и т. п. Разбирая Мартова, мы будем разбирать то, что есть сейчас в идеях мелкой буржуазии наиболее разумного.

Крайне характерны, прежде всего, колебания Мартова по вопросу о переходе власти к Советам. До 4 июля Мартов был *против* этого лозунга. После 4 июля он—*за*. В начале августа он опять *против*, и заметьте, как чудовищно нелогична, как забавна с точки зрения марксизма его аргументация. Он *против*, ибо «реальное соотношение сил не дает сейчас основания требовать

перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас не допустимой».

Вот путаница-то. Выходит, что до 4 июля такой переход власти возможен был без гражданской войны (святая истина!), но именно тогда Мартов был против перехода... Выходит, во-вторых, будто после 4 июля, когда Мартов был за переход власти к Советам, такой переход возможен был без гражданской войны: это явная, вопиющая фактическая неправда, ибо именно в ночь с 4 на 5 июля бонапартисты при поддержке кадетов и при лакейском услужении Черновых и Церетели приводят контр-революционные войска в Питер. Взять власть, мирным путем в этих условиях, было бы абсолютно невозможно.

Наконец, в-третьих, у Мартова выходит, будто марксист или хотя бы даже просто революционный демократ в праве был отказаться от правильно выражающего интересы народа и интересы революции лозунга на том основании, что этот лозунг мог бы осуществиться «лишь в процессе гражданской войны»... Но ведь это же явный абсурд, явный отказ от всякой классовой борьбы, от всякой революции. Ибо кто же не знает, что всемирная история всех революций показывает нам не случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну? Кто же не знает, что как раз *после* 4 июля мы видим в России начало гражданской войны со стороны контр-революционной буржуазии, разоружение полков, расстрелы на фронте, убийства большевиков. Гражданская война, извольте видеть, «недопустима» для революционной демократии как раз тогда, когда ход развития событий с железной необходимостью привел к тому, что ее повела контр-революционная буржуазия.

Мартов запутался самым невероятным, забавным, самым беспомощным образом.

Распутывая внесенную им путаницу, надо сказать:

Именно до 4 июля лозунг перехода всей власти к данным, тогдашним Советам был единственно правильным. Тогда это было возможно мирно, без гражданской войны, ибо тогда не было еще систематических насилий над массой, над народом, введенных после 4 июля. Тогда это обеспечивало мирное развитие вперед всей революции, и, в частности, возможность мирного изживания борьбы классов партий *внутри* Советов.

После 4 июля переход власти к Советам стал невозможным без гражданской войны, ибо власть перешла с 4—5 июля к воен-

пой, бонапартистской клике, поддержанной кадетами и черносотенцами. Отсюда вытекает то, что все марксисты, все сторонники революционного пролетариата, все честные революционные демократы *должны* теперь выяснить рабочим и крестьянам коренную перемену положения, обуславливающую другой путь перехода власти к пролетариям и полупролетариям.

Мартов не привел доводов в защиту своей «мысли» о недопустимости «сейчас» гражданской войны, в защиту заявления, что в его цели «не входит свержение нынешнего правительства». Без мотивировки, его мнение, особенно высказанное в оборонческом обзоре, неизбежно смахивает на оборонческий довод: дескать, недопустима гражданская война внутри, грозит внешний враг.

Не зная, решился ли бы Мартов открыто выдвинуть такой довод. Среди массы мелкой буржуазии довод этот из самых ходких. И довод этот, конечно, из самых пошлых. Буржуазия не боялась революции и гражданской войны в такие моменты, когда грозил внешний враг, ни в сентябре 1870 года во Франции ²⁰³), ни в феврале 1917 года в России. Буржуазия не боялась, ценой гражданской войны, захватывать власть в свои руки в такие моменты, когда грозил внешний враг. Так же мало будет считаться с этим «доводом» лжецов и лакеев буржуазии революционный пролетариат.

* * *

Одна из самых вопиющих теоретических ошибок, которые делает Мартов и которая тоже крайне типична для всего круга политических идей мелкой буржуазии, состоит в смешении контр-революции царистской и вообще монархической с контр-революцией буржуазной. Это—именно специфическая узость или специфическая тупость мелко-буржуазного демократа, который не может вырваться из своей экономической, политической и идейной зависимости от буржуазии, уступает ей первенство, видит в ней «идеал», доверяет ее крикам об опасности «контр-революции справа».

Мартов выразил этот круг идей или, вернее, это недомыслие мелкой буржуазии, сказав в своей речи: «Мы должны в противовес давления на него (на правительство), оказываемому справа, создать контр-давление».

Вот образчик филистерской доверчивости и забвения классово-вой борьбы. Правительство выходит чем-то вроде надклассового и надпартийного, на него только «дают» слишком сильно справа, надо посильнее давить слева. О, премудрость, достойная Луи Блана²⁵), Чернова, Церетели и всей этой презренной братии. И как бесконечно выгодна эта филистерская премудрость бонапартистам, как хочется им представить «глупым мужичкам» дело именно в таком виде, что вот-де нынешнее правительство борется и направо и налево, только с крайностями, осуществляя истинную государственность, проводя в жизнь истинный демократизм, а на деле именно это бонапартистское правительство является правительством контр-революционной буржуазии.

Буржуазии выгодно (и для увековечения ее господства необходимо) обманывать народ, изображая дело так, что она представляет будто бы «революцию вообще, а справа, от царя, грозит контр-революция». Только бесконечной тупостью Данов и Церетели, бесконечной влюбленностью в себя Черновых и Авксентьевых держится, питаемая условиями жизни мелкой буржуазии, эта идея в среде «революционной демократии» вообще.

Но всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *классах*: о революции какого класса идет речь? А контр-революция какого класса?

История Франции показывает нам, что бонапартистская контр-революция выросла к концу XVIII века (а потом второй раз к 1848—1852 г.г.), на почве контр-революционной буржуазии, предлагая в свою очередь дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контр-революционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции.

Надо нарочно закрыть глаза, чтобы не видеть, как на наших глазах растет бонапартизм в России при очень схожих условиях. Контр-революция царистская сейчас ничтожна, ни тени политического значения не имеет, никакой политической роли не играет. Пугало царистской контр-революции нарочно выдвигают и раздувают шарлатаны, чтобы пугать дураков, чтобы потчевать политической сенсацией филистеров, чтобы отвлекать внимание народа от настоящей серьезной контр-революции. Нельзя без смеха читать рассуждение какого-нибудь Зарудного, который

пыжится взвесить контр-революционную роль какого-то задворочного союзника «Святая Русь» и который «не замечает» контр-революционной роли союза всей буржуазии России, называемого партией к.-д.

Кадетская партия есть главная политическая сила буржуазной контр-революции в России. Эта сила великолепно сплотила вокруг себя всех черносотенцев как на выборах²⁰⁴), так (что еще важнее) в аппарате военного и гражданского управления и в кампании газетной лжи, клевет, травли, направляемых сначала против большевиков, т.-е. партии революционного пролетариата, потом против Советов.

Нынешнее правительство проводит постепенно, но неуклонно, именно ту политику, которую партия к.-д. систематически проповедывала и подготавливала с марта 1917 года. Возобновление и затягивание империалистской войны, прекращение «болтовни» о мире, предоставление министрам права закрывать газеты, потом съезды, потом производить аресты и высылки, восстановление смертной казни, расстрелы на фронте, разоружение рабочих и революционных полков, наводнение столицы контр-революционными войсками, начало арестов и преследований крестьян за самочинные «захваты», закрытие фабрик и локауты,— вот далеко еще не полный список мер, которые яснее ясного рисуют картину буржуазной контр-революции бонапартизма.

А отсрочка созыва Учредительного Собрания и «коронация» бонапартистской политики «Земским Собором» в Москве, этот переходный шаг к отсрочке Учредительного Собрания до окончания войны? Разве это не перл бонапартистской политики? И Мартов не видит, где главный штаб буржуазной контр-революции... Истинно— за деревьями не видят леса.

* *

Какую бесконечно грязную лакейскую роль сыграл Ц. И. К. Советов, т.-е. господствующие в нем эс-эры и меньшевики в деле отсрочки созыва Учредительного Собрания! К.-д. дали тон, бросили идею отсрочки, начали кампанию в печати, выдвинули *казачий съезд* с требованием отсрочки. (Казачий съезд! Как же не лакействовать Либерам²⁰⁵), Авксентьевым, Черновым и Церетели!) Меньшевики и эс-эры петушком побежали за кадетами, как собака поползла на хозяйский свист, под угрозой хозяйского кнута.

Вместо того, чтобы дать народу простую сводку фактических данных, показывающих, как нагло, как бесстыдно кадеты оттягивали и тормозили с марта дело созыва Учредительного Собрания; вместо того, чтобы разоблачать лживые свертки и уверения, будто созыв Учредительного Собрания в срок невозможен; вместо этого Бюро Ц. И. К. быстро отбросило «сомнения», выдвинутые даже Даном (даже Даном!), и послало двух лакеев от этой лакейской коллегии, Брамсона²⁰⁶) и Брензова, во Временное Правительство с докладом «о необходимости отсрочить выборы в Учредительное Собрание до 28—29 октября»... Великолепное введение к коронации бонапартистов Земским Собором в Москве. Кто не дошел до полной подлости, должен сплотиться вокруг партии революционного пролетариата. Без его победы ни мира народу, ни земли крестьянам, ни хлеба рабочим и всем трудящимся *не получить*.

„Пролетарий“ № 6,
19 августа 1917 г.,
за подписью П. Карпов.

Политический шантаж.

Шантажем называется вымогательство денег под угрозой разоблачения каких-нибудь фактов или вымышленных «историй», могущих быть неприятными разоблачаемому, или под угрозой причинения ему каких-либо других неприятностей.

Политический шантаж есть угроза разоблачением или разоблачение фактических, а чаще вымышленных «историй» в целях политически нанести ущерб, оклеветать, отнять или затруднить противнику возможность политической деятельности.

Наши республиканские, извините за выражение, даже демократические буржуа и мелкие буржуа проявили себя героями политического шантажа, поднимая «кампанию» наветов, лжи и клеветы против неугодных им партий и политических деятелей. Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует *грязно*, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее.

Большевики в особенности имели честь испытать на себе эти приемы преследования республиканских империалистов. Боль-

шевик вообще мог бы применить себе известное изречение поэта:

...он слышит звуки одобренья
не в сладком ропоте хвалы,
а в диких криках озлобленья.

Дикие крики озлобления почти тотчас вслед за началом русской революции несутся против большевика со страниц всей буржуазной и почти всей мелко-буржуазной печати. И большевик, интернационалист, сторонник пролетарской революции, по справедливости, может в этих диких криках озлобления «слышать» звуки одобрения, ибо бешеная ненависть буржуазии часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травимого, преследуемого.

Шантажный характер клеветнических приемов буржуазии мы можем особенно наглядно иллюстрировать на примере, *не* касающемся нашей партии, на примере эс-эра Чернова. Заведомые клеветники, члены кадетской партии, с Милюковым и Гессеном ²⁰⁷⁾ во главе, желая запугать или выгнать Чернова, подняли против него травлю за заграничные его, будто бы, «пораженческие» статьи и за прикосновенность его к людям, получавшим будто бы деньги от агентов немецкого империализма. Травля начала разгораться. Вся буржуазная пресса подхватила ее.

Но вот кадеты и эс-эры «помирились» на определенном составе министерства. И—о чудо! «Дело» Чернова исчезло!! В несколько дней, без суда, без разбора, без оглашения документов, без опроса свидетелей, без заключения экспертов, — «дело» исчезло. Когда кадеты были недовольны Черновым, возникло клеветническое «дело». Когда кадеты, хотя бы на время, политически помирились с Черновым, — «дело» исчезло.

Вот вам, как па ладони, политический шантаж. Газетная травля лиц, клеветы, инсинуации служат в руках буржуазии и таких негодяев, как Милюковы, Гессены, Заславские, Даны и пр., орудием политической борьбы и политической мести. Достигнута политическая цель, — и «дело» против NN или MM «исчезает», доказывая тем грязную натурашку, подлую бесчестность, шантажизм возбудившего «дело».

Ибо ясно, что *не* шантажист ни при каких политических переменах не прекратил бы разоблачения, если бы он разоблачал, руководясь честными побуждениями, что *не* шантажист во всяком случае давал бы свои разоблачения до конца, до приговора суда,

до полного осведомления публики, до сбора и оглашения *всех* документов или до признания открытого и прямого, что с его, стороны была ошибка или недоразумение.

Пример Чернова, не-большевика, наглядно показывает нам действительную сущность шантажистского похода на большевиков со стороны буржуазной и мелко-буржуазной печати. Когда политическая цель этих рыцарей капитала и прихвостней его казалась им достигнутой, когда большевиков арестовали, газеты их закрыли,—тогда шантажисты *замолчали!* Имея в руках все средства раскрытия истины: и печать, и деньги, и помощь заграничной буржуазии, и содействие «общественного мнения» всей буржуазии России, и дружественную поддержку государственной власти одного из крупнейших государств мира, имея в руках все это, герои похода на большевиков, Милюковы и Гессены, Заславские и Даны,—*замолчали.*

Для всякого честного человека ясно становится то, что сразу стало ясно сознательным рабочим, коих вся жизнь подготавливает к быстрому уразумению приемов буржуазии,—именно: что Милюковы и Гессены, Заславские и Даны и пр. и пр. суть *политические шантажисты.* Надо это закрепить, разъяснить это массам, печатать это ежедневно в газете, собрать документы об этом для брошюрки, бойкотировать шантажистов и т. д. и т. д. Вот достойные пролетариата приемы борьбы с клеветой и шантажем!

Одним из последних пострадал от шантажа наш товарищ Каменев³²). Он «устранился от общественной деятельности» до разбора дела. По нашему мнению, это — ошибка. Шантажистам только того и надо было. Разбирать дело они не хотят. Каменеву достаточно было противопоставить негодяям доверие *своей* партии—и пусть потом лают собаки «Речи», «Биржевки», «Дня», «Рабочей Газеты» и прочих подлых газет.

Если наша партия будет соглашаться на отстранение от общественной деятельности ее вождей по случаю оклеветания их буржуазией, то партия страшно пострадает, принесет вред пролетариату, доставит удовольствие врагам его. Ибо газет у буржуазии много, шантажистских наемных перьев (вроде Заславского и К^о) у нее есть еще больше, слишком ей будет легко «отстранять» наших партийных работников! О разборе дела, о поисках истины она и не думает.

Нет, товарищи! Не будем поддаваться крикам буржуазной прессы! Не будем доставлять удовольствия негодяям шантажа—

Милюковым, Гессенам, Заславским. Будем полагаться на суд пролетариев, сознательных рабочих, своей партии, состоящей из 240.000 интернационалистов. Не забудем, что во всем мире интернационалистов преследует буржуазия в союзе с оборонцами приемами лжи, клеветы, шантажа.

Будем стойки в клеймени шантажистов. Будем непреклонны в разборе малейших сомнений судом сознательных рабочих, судом своей партии, ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи, в международном союзе революционных интернационалистов видим мы единственный залог освободительного движения рабочего класса.

И никакой податливости «общественному мнению» тех, кто сидит в одном министерстве с кадетами, кто подает руки Милюковым, Данам, Заславским

Долой политических шантажистов! Презрение и бойкот им! Неустанное разоблачение их подлых имен перед рабочими массами! Мы должны твердо идти своей дорогой, охранять работоспособность своей партии, охранять ее вождей от того даже, чтобы они тратили время на пакостников и их пакостные клеветы.

*„Пролетарий“ № 10,
24 августа 1917 г.,
без подписи автора.*

Бумажные резолюции.

Господин Церетели—один из самых болтливых «социалистических» министров и вождей мещанства. Трудно заставить себя прочитывать до конца его бесчисленные речи,—до такой степени бессодержательны и пошлы эти, ровно ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, ровно никакого серьезного значения не имеющие, поистине «министерские» речи. Особенно невыносимым делает эти красноречивые «выступления» (которые именно своей пустотой должны были сделать из Церетели любимчика буржуазии) бесконечная самовлюбленность оратора, и трудно бывает решить, тупость ли сверхобычная или циничное политическое делячество прикрывается прилизанными, гладенькими и сладенькими фразами.

Чем бессодержательнее речь Церетели, тем с большей энергией надо подчеркнуть совершенно невероятное, исключительное происшествие, случившееся с этим оратором в пленарном заседа-

ии Петербургского Совета 18 августа. Невероятно — но факт: Церетели обмолвился простым, ясным, дельным, правдивым словом. Он обмолвился таким словом, которое правдиво выражает глубокую серьезную политическую истину, имеющую не случайное значение, а характеризующую все современное политическое положение в его существенных, коренных чертах, в его основах.

Церетели сказал, по отчету «Речи» (читатель помнит, конечно, что Церетели восставал против резолюции об отмене смертной казни)²⁰⁸):

«...Никакие ваши резолюции не помогут. Здесь необходимы не бумажные резолюции, а реальные дела»...

Что правда, то правда. Умные речи приятно и слушать...

Конечно, этой правдой Церетели бьет прежде всего и больше всего самого себя. Ибо именно он, как один из виднейших вождей Совета, способствовал протитуированию этого учреждения, низведению его до жалкой роли какого-то либерального собрания, оставляющего в наследство миру архив образцово-бессильных добреньких пожеланий. Кто иной, а Церетели, проведенный через кастрированный эс-эрами и меньшевиками Совет сотни «бумажных резолюций», меньше всего имел бы право, когда дошло дело до принятия больно бьющей его самой резолюции,—кричать о «бумажных резолюциях». Церетели поставил себя в особенно смешное положение парламентария, который больше всего с «парламентскими» резолюциями возился, больше всего превозносил до небес их значение, больше всего над ними хлопотал, а когда получил резолюцию *против себя*, то закричал во все горло «зелен виноград», собственно говоря, ведь резолюция-то бумажная.

А все же правда, хотя и фальшивым человеком, хотя и фальшивым тоном сказанная, остается правдой.

Резолюция бумажная не потому, почему ее объявил бумажной бывший министр Церетели, полагающий, что для защиты революции (не шутите!) необходима смертная казнь. Резолюция бумажная потому, что в ней повторяется шаблонная, с марта 1917 года наизусть заученная и бессмысленно повторяемая формула: «Совет требует от Временного Правительства». Привыкли «требовать» и повторяют по привычке, не замечая, что положение изменилось, сила отошла, а «требование», не опирающееся на силу, смешно.

Мало того—шаблонно повторяемое «требование» внушает массу иллюзии, будто положение не изменилось, будто Совет—сила, будто, заявив «требование», Совет сделал дело и может пойти

лечь спать сном исполнившего свой долг «революционного» (извините...) «демократа».

Иной читатель, пожалуй, спросит: неужели не надо было большевикам, сторонникам политической трезвости, учета сил, противникам фразы голосовать за резолюцию.

Нет. Голосовать надо было за, уже потому, что в одном параграфе резолюции (§ 3) содержится прекрасная, верная мысль (основная, главная, решающая), что смертная казнь есть орудие против *масс* (другое дело, если бы речь шла об орудии против помещиков и капиталистов). Голосовать надо было за, хотя мещане эс-эры испакостили текст Мартова и вместо ссылки на «чуждые интересам народа империалистические» цели вставили безусловно лживую, обманывающую народ, прикрашивающую грабительскую войну, фразу о «защите родины и революции».

Голосовать надо было за, оговоривши свое несогласие с отдельными местами и сделав заявление: рабочие! Не думайте, что Совет в состоянии теперь что-либо требовать от Временного Правительства. Не поддавайтесь иллюзиям. Знайте, что Совет *уже* не в силах требовать, а *теперешнее* правительство—полный пленник контр-революционной буржуазии. Думайте посерьезней об этой горькой истине. «Никто не мог помешать членам Совета голосовать *за*, сделав в той или иной форме такие оговорки».

И тогда резолюция перестала бы быть «бумажной».

И тогда мы обошли бы провокаторский вопрос Церетели, который спрашивал членов Совета, хотят ли они «свергать» Временное Правительство — совершенно так же, буквально так же, как Катков ²⁰⁹) спрашивал либералов при Александре III, хотят ли они «свергать» самодержавие. Мы бы ответили экс-министру: любезный гражданин, вы только что издали каторжный закон против тех, кто «посягает» или даже только покушается «свергать» правительство (образованное по соглашению помещиков и капиталистов с мелко-буржуазными предателями демократии). Мы вполне понимаем, что вас еще больше хвалили бы все буржуа, если бы вы «подвели» несколько большевиков под этот приятный (для вас) закон. Но не удивляйтесь, если мы не ставим своей задачей облегчать вам нахождение случаев применения этого «приятного» закона.

* * *

Как солнце в малой капле воды, отразился в инциденте 18 августа весь политический строй России. Бонапартистское

правительство, смертная казнь, каторжный закон, подслащивание этих «приятных» (для провокаторов) вещей совершенно такими же фразами, которые рассыпал Луи-Наполеон—о равенстве, братстве, свободе, чести и достоинстве родины, о традициях великой революции, о подавлении анархии.

Сладенькие, до приторности сладенькие мелко-буржуазные министры и экс-министры, которые бьют себя в грудь, уверяя, что у них есть душа, что они ее губят, вводя и применяя против масс смертную казнь, что они плачут при этом—улучшенное издание того «педагога» 60-х годов прошлого века, который следовал заветам Пирогова и порол не по-просту, не по-обычному, не по-старому, а поливал человеколюбивой слезой «законно» и «справедливо» подвергнутого порке обывательского сынка.

Крестьяне, обманутые своими мелко-буржуазными вождями и продолжающие верить, что от бракосочетания блока эс-эров и меньшевиков с буржуазией может родиться... отмена частной собственности на землю без выкупа.

Рабочие... ну, о том, что думают рабочие, мы помолчим, пока «гуманный» Церетели не отменит нового каторжного закона.

*„Рабочий“ № 2,
26 августа 1917 г.,
без подписи автора.*

О Стокгольмской конференции.

Многие интересуются теперь снова Стокгольмской конференцией. Вопрос о ее значении усиленно обсуждался газетами. Вопрос этот неразрывно связан с оценкой самых основ всего современного социализма, в его отношении к империалистической войне в особенности. Вот почему на Стокгольмской конференции следует остановиться поподробнее.

Революционные с.-д., т.-е. большевики, с самого начала высказывались против участия в этой конференции. Они исходили при этом из принципиальных оснований. Всем известно, что социалисты во всем мире, во всех странах, как воюющих, так и нейтральных, раскололись по вопросу об отношении к войне на два крупных, основных деления. Одни встали на сторону своих правительств, своей буржуазии. Мы называем их социал-шовинистами, т.-е. социалистами на словах, шовинистами на деле. Шовинистом зовется тот, кто понятием «защита отечества» прикры-

вает защиту грабительских интересов «своих» правящих классов. В настоящей войне буржуазия обеих воюющих коалиций преследует грабительские цели: немецкая — воюет за ограбление Бельгии, Сербии и т. д., английская и французская — за ограбление немецких колоний и проч., русская — за ограбление Австрии (Львов), Турции (Армения, Константинополь).

Поэтому те социалисты, которые стали на точку зрения своей буржуазии в настоящей войне, перестали быть социалистами, изменили рабочему классу, перешли на деле в лагерь буржуазии. Они стали классовыми врагами пролетариата. И история европейского и американского социализма, особенно за эпоху II Интернационала, т.-е. за время с 1889 по 1914 год, показывает нам, что такой переход части социалистов, особенно большинства вождей и парламентариев, на сторону буржуазии — не случайность. Во всех странах именно оппортунистическое крыло социализма поставило главные кадры социал-шовинистов. Социал-шовинизм, если рассматривать его научно, т.-е. не выхватывать отдельных лиц, а брать целое международное течение в его развитии, в совокупности его общественных связей, есть оппортунизм, дошедший до своего логического конца.

В пролетарских массах повсюду в более или менее ясной и острой форме наблюдается сознание предательства социализма социал-шовинистами, ненависть и презрение к виднейшим социал-шовинистам, каковы Плеханов — в России, Шейдеман⁵⁾ — в Германии, Гед³⁸⁾ и Рендель³⁷⁾ с К⁶⁾ — во Франции, Гайндман²¹⁰⁾ и т. д. — в Англии и проч., и проч.

Во всех странах за время войны наметилось, несмотря на отчаянные преследования со стороны буржуазии и затыкание рта, течение революционного интернационализма. Это течение осталось верно социализму. Оно не поддавалось шовинизму, не позволило прикрывать его лживыми фразами о защите отечества, а разоблачало всю ложь этих фраз, всю преступность данной войны, которую буржуазия обеих коалиций ведет ради грабительских целей. К этому течению принадлежат, напр., Маклин²¹¹⁾ в Англии, осужденный на полтора года каторги за борьбу против грабительской английской буржуазии, Карл Либкнехт⁶²⁾ в Германии, осужденный на каторгу разбойниками германского империализма за такое «преступление», как призыв к революции в Германии и разоблачение грабительского характера войны с ее стороны. К этому же течению принадлежат большевики в России, пресле-

дуемые агентами русского республиканско-демократического империализма за такое же «преступление», за которое преследуют Маклина и Карла Либкнехта.

Это направление единственно верно социализму. Это направление одно только не изменило тому торжественному заявлению своих убеждений, тому торжественному обещанию, которое единогласно подписали социалисты всего мира, всех стран без исключения в ноябре 1912 года в Базельском манифесте ⁷⁾. В этом манифесте говорится, как раз, не о войне вообще,—войны бывают разные,—а именно о той войне, которая в 1912 году явно для всех подготовлялась и в 1914 году разразилась, о войне между Германией и Англией с их союзниками из-за мирового господства. И перед лицом такой войны Базельский манифест ни одним звуком не упоминает ни об обязанности, ни о праве социалистов «защищать отечество» (т.-е. оправдывать свое участие в войне), а говорит с полнейшей определенностью, что такая война должна вести к «пролетарской революции». Измена социализму со стороны социал-шовинистов всех стран особенно наглядно видна из того, что они все обходят теперь трусливо, как вор обходит место кражи, то место Базельского манифеста, где говорится о связи именно данной войны с пролетарской революцией.

Понятно, какая непроходимая пропасть существует между социалистами, оставшимися верными Базельскому манифесту и «отвечающими» на войну проповедью и подготовкой пролетарской революции,—и социал-шовинистами, отвечающими на войну¹ поддержкой «своей» национальной буржуазии. Понятно, как беспомощны, наивны и лицемерны потуги «примирить» или «объединить» то и иное течение.

Именно такие потуги во всем их убожестве наблюдаются со стороны третьего течения в мировом социализме, так называемого течения «центра» или «каутскианства ⁴⁵⁾» (по имени самого видного представителя «центра»—Карла Каутского). За все три года войны это течение во всех странах обнаружило свою полную безыдейность и беспомощность. В Германии, напр., ход событий заставил каутскианцев расколоться с немецкими Плехановыми и образовать особую, так называемую «независимую с.-д. партию» ²¹²⁾, и все же эта партия боится сделать необходимые выводы, проповедует «единство» с социал-шовинистами в международном масштабе, продолжает обманывать рабочие массы надеждой на восстановление такого единства в Германии, тормозит единственно правиль-

ную пролетарскую тактику революционной борьбы со «своим» правительством, борьбы и во время войны, борьбы, которая может и должна изменять свои формы, но которая не может быть отсрочиваема, отодвигается.

Вот каково положение дел в международном социализме. Без ясной оценки этого положения, без принципиального взгляда на все течения международного социализма нельзя и подступиться к вопросу практического характера, напр., к вопросу о Стокгольмской конференции. А между тем, принципиальную оценку *всех* течений международного социализма дала *только* партия большевиков в подробной резолюции²¹³), принятой на конференции 24—29 апреля 1917 года и подтвержденной 6-м съездом нашей партии²¹⁴) в августе. Забывать эту принципиальную оценку и рассуждать о Стокгольме помимо нее, значит становиться на почву полной беспринципности.

Как образец этой беспринципности, господствующей в среде всех мелко-буржуазных демократов, с.-р. и мепшешьюков, можно указать статью в «Новой Жизни» от 10 августа. Статья эта именно потому и заслуживает внимания, что собирает вместе, в газете, стоящей на самом левом крыле мелко-буржуазных демократов, самые распространенные ошибки, предрассудки, безыдейность насчет Стокгольма.

«Можно относиться к Стокгольмской конференции,—пишет передовица «Новой Жизни»,—по тем или иным причинам отрицательно, можно принципиально осуждать попытки соглашения «оборонческих большинств». Но зачем же отрицать то, что своей очевидностью бьет в глаза. Ведь после известного решения английских рабочих, вызвавшего политический кризис в стране и произведшего первую глубокую трещину в «национальном единении» Великобритании,—конференция приобрела значение, которого она до сих пор еще не имела».

Это рассуждение — образчик беспринципности. В самом деле, каким образом из-за того бесплодного факта, что по поводу Стокгольмской конференции дало глубокую трещину «национальное единение» в Англии, можно вывести вывод, будто мы обязаны заклеивать, а не углублять эту трещину. Принципиальный вопрос стоит так и только так: разрыв с оборонцами (социал-шовинистами) или соглашение с ними. Стокгольмская конференция была одной из многих попыток соглашения. Она не удалась. Ее неудача вызвана тем, что англо-французские империалисты *сейчас*

вести переговоры о мире несогласны, а немецкие империалисты согласны. Английские рабочие яснее почувствовали обман их английской империалистской буржуазии.

Спрашивается, как надо это использовать? Мы, революционные интернационалисты, говорим: это надо использовать для углубления разрыва пролетарских масс со своими социал-шовинистами, для доведения этого разрыва до конца, для устранения всех и всяких помех развитию революционной борьбы масс со своими правительствами, со своей буржуазией. Действуя так, именно мы и только мы углубляем трещину и доводим ее до разрыва.

А идущие в Стокгольм, или, вернее, проповедующие массам необходимость идти туда, теперь, когда жизнь «ушла», эту затею, — чего они достигают на деле? Только того, что заклеивают трещину, ибо Стокгольмская конференция заведомо собирается и поддерживается людьми, поддерживающими *свои* правительства, министриалистами, Черновыми и Церетели, Стаунингами⁽²⁾, Брантингами⁽¹⁾, Трульстра⁽¹⁾, не говоря о Шейдеманах.

Вот что «своей очевидностью бьет всем в глаза», вот что забывают или затушевывают оппортунисты из «Новой Жизни», рассуждая совершенно беспринципно, вне общей оценки социал-шовинизма, как течения. Стокгольмская конференция есть собеседование министров, состоящих в империалистских правительствах. Как ни старается «Новая Жизнь» обойти этот факт, его не обойдешь. Звать рабочих идти в Стокгольм, звать их дожидаться Стокгольма, звать их возлагать какие бы то ни было надежды на Стокгольм, это значит говорить массам: вы можете, вы должны ждать добра от соглашения мелко-буржуазных партий и министров, состоящих в империалистских правительствах, поддерживающих империалистские правительства.

Именно эту беспринципнейшую, вреднейшую пропаганду «Новая Жизнь», сама того не замечая, и ведет.

Из-за конфликта между социал-шовинистами англо-французскими и их правительствами она забывает, что такими же социал-шовинистами, поддерживающими свои правительства, остаются Черновы, Скобелевы, Церетели, Авксентьевы, Брантинги, Стаунинги, Шейдемань. Разве это не беспринципность?

Вместо того, чтобы говорить рабочим: смотрите, англо-французские империалисты не позволили даже своим социал-шовинистам идти поговорить с социал-шовинистами немецкими, — значит война грабительская и со стороны Англии и Франции, — значит,

кроме разрыва со *всеми* правительствами, со *всеми* социал-шовинистами до конца нет спасения, — вместо того, чтобы говорить это, — «Новая Жизнь» утешает рабочих иллюзиями

«В Стокгольме, — пишет она, — собираются притти к соглашению о мире и совместно выработать общий план *борьбы*: отказ голосования кредитов, разрыв с «национальным единением», отозвание министров из правительств и т. п.».

Вся доказательность этой насквозь лживой фразы сводится к тому, что слово «борьба» набрано в ней жирным шрифтом. Нечего сказать, хорошее доказательство!

Через три года войны все еще кормить рабочих пустейшими посулами: «в Стокгольме собираются» разорвать с национальным единением...

Собираются это сделать кто? Шейдеманы, Черновы, Скобелевы, Авксентьевы, Церетели, Стаунииги, Брантинги, т.-е. именно люди (и партии), по несколько лет и по несколько месяцев проводящие политику национального единения. Как бы искренна ни была вера «Новой Жизни» в такое чудо, как бы добросовестно она ни исповедывала убеждение, будто это возможно, мы должны все же сказать, что «Новая Жизнь» распространяет величайший обман среди рабочих.

«Новая Жизнь» обманывает рабочих, внушая им доверие к социал-шовинистам: у нее выходит так, что вот-де хотя до сих пор социал-шовинисты и входили в министерства и проводили политику национального единения, но в Стокгольме в ближайшем будущем они договорятся, согласятся, столкнутся и перестанут так поступать. Они начнут борьбу за мир, они откажутся от голосования кредитов и прочее, и прочее...

Все это сплошной и величайший обман. Все это есть реакционное утешение и успокаивание рабочих, внушение им доверия к социал-шовинистам. Но ведь те социалисты, которые не на словах, не для самообмана, не для обмана рабочих «борются за мир», давным-давно начали такую борьбу, не дожидаясь никаких международных конференций, начали такую борьбу именно разрывом национального единения, именно так, как Маклин в Англии, Карл Либкнехт в Германии, большевики в России.

«Мы вполне понимаем, — пишет «Новая Жизнь», — законный и здоровый скептицизм большевиков по отношению к Ренделям и Шейдеманам, но публицисты из «Рабочего и Солдата» доктринерски не хотят из-за деревьев видеть леса: они не учитывают перемены

построения в массах, на которые опирались Ренодель и Шейдеман». Дело не в скептицизме, господа,—это у вас преобладающее настроение есть интеллигентский скептицизм, прикрывающий и выражающий беспринципность. Мы не скептики по отношению к Реноделям и Шейдеманам, мы враги их. Это «две большие разницы». Мы порвали с ними и зовем массы рвать с ними. Именно мы и только мы «учитываем» и перемену настроения в массах, и нечто еще, гораздо более важное и более глубокое, чем настроение и его перемена: основные интересы масс, непримиримость этих интересов с политикой социал-шовинизма, представляемой Реноделями и Шейдеманами. В Стокгольме господчики из «Новой Жизни» вместе с министрами российского империалистического правительства встретятся как раз с Шейдеманами и Реноделями (ибо Стаунинг и Трульстра, не говоря уже об Авксентьеве и Скобелеве, ничем серьезно не отличаются от Реноделей). А мы от Стокгольмской комедии между социал-шовинистами, в среде социал-шовинистов отворачиваемся как раз с тем и для того, чтобы открывать глаза *массам*, чтобы их интересы выражать, их звать на революцию, их перемену настроения использовать не для беспринципного подлаживания под данное настроение, а для принципиальной борьбы за полный разрыв с социал-шовинизмом.

«... Большевики,—пишет «Новая Жизнь»,—любят колоть глаза интернационалистам, идущим в Стокгольм, их соглашательством с Шейдеманами и Гендерсонами²¹⁵), «не замечая», что сами они по отношению к конференции,—разумеется, по глубоко различным причинам, — идут вместе с Плехановыми, Гедями и Гайндманами».

Неверно, что мы идем вместе с Плехановыми по отношению к конференции! Это—явная нелепость. Мы совпадаем с Плехановыми в нежелании идти на половинчатую конференцию с частью социал-шовинистов. Но наше *отношение* к конференции совсем не то, ни принципиально, ни практически не то, каково отношение Плехановых. Между тем, вы, называющие себя интернационалистами, вы действительно идете вместе на конференцию с Шейдеманами, Стаунингами, Брантингами, вы действительно соглашаетесь с ними. Ведь это факт. «Великим делом объединения международного пролетариата» вы называете мелкое, мизерное, в значительной степени интриганское, зависимое от империалистов одной из коалиций, дело *объединения социал-шовинистов*. Это факт.

Вы, якобы интернационалисты, не можете проповедывать массам участия в Стокгольме (очень вероятно, что дальше проповеди дело не пойдет, ибо конференция не состоится, но идейное значение проповеди останется),—вы не можете проповедывать массам участия в Стокгольме, не говоря кучи неправд, не сея иллюзий, не подкрашивая социал-шовинистов, не внушая массам надежды на то, будто Стаунинги и Брантинги, Скобелевы и Авксентьевы способны всерьез порвать «национальное единение».

Между тем, мы, большевики, в своей пропаганде против Стокгольма говорим массам всю правду, продолжаем разоблачать социал-шовинистов и политику соглашения с ними, ведем массы к полному разрыву с ними. Если дело сложилось так, что немецкий империализм считает для себя данный момент удобным для участия в Стокгольме и посылает туда своих агентов—Шейдеманов, а английский империализм считает момент для себя неудобным, не хочет теперь даже говорить о мире, то мы разоблачаем английский империализм и пользуемся конфликтом между ним и английскими пролетарскими массами для углубления их сознания, для усиленной пропаганды интернационализма, для разъяснения им необходимости полного разрыва с социал-шовинизмом.

Якобы интернационалисты из «Новой Жизни» поступают как интеллигентские импрессионисты, т.-е. люди, бесхарактерно поддающиеся настроению минуты и забывающие основные принципы интернационализма. Люди из «Новой Жизни» рассуждают так: раз английский империализм *против* Стокгольмской конференции, значит мы должны быть *за*. Значит конференция приобрела значение, которого она до сих пор не имела.

Рассуждать так, значит на деле впасть в беспринципность, ибо ведь немецкий империализм сейчас *за* Стокгольмскую конференцию из-за своих корыстных и грабительских империалистических интересов. Чего же стоит «интернационализм» таких «интернационалистов», которые боятся прямо признать этот бесспорный и очевидный факт, которые вынуждены прятаться от него. Где же у вас гарантии, господа, что, участвуя в Стокгольме вместе с Шейдеманами, Стаунингами и К^о, вы не явитесь фактически игрушкой, орудием в руках тайных дипломатов немецкого империализма? У вас таких гарантий быть не может. Их нет. Стокгольмская конференция, если она все же состоится, что очень мало вероятно, будет попыткой немецких империалистов позондировать почву на счет возможности такого-то или

такого-то обмена аннексий. Вот, каково будет реальное, действительное значение красноречивых речей Шейдеманов со Скобелевыми и К°. А если эта конференция не состоится, реальное значение будет иметь ваша проповедь массам, внушающая им лживые надежды на социал-шовинистов, на *их* близкое, возможное, вероятное «исправление».

В обоих случаях вы, желая быть интернационалистами, на деле оказываетесь пособниками социал-шовинистов то одной коалиции, то обеих коалиций.

А мы учитываем все перипетии и частности политики, оставаясь последовательными интернационалистами, проповедуя братский союз рабочих, разрыв с социал-шовинистами, работу над пролетарской революцией.

*„Рабочий“ № 2,
26 августа 1917 г.,
за подписью Н. К-ов.*

Крестьяне и рабочие.

В № 88 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»²¹⁶), от 19 августа, напечатана чрезвычайно интересная статья, которая должна бы стать одним из основных документов в руках всякого партийного пропагандиста и агитатора, имеющего дело с крестьянством, в руках всякого сознательного рабочего, направляющегося в деревню или соприкасающегося с ней.

Эта статья — «примерный наказ, составленный на основании 242-х наказов, доставленных местными депутатами на I Всероссийский Съезд Крестьянских Депутатов в Петербурге в 1917 году».

Было бы крайне желательно, чтобы Совет Крестьянских Депутатов опубликовал как можно более подробные данные обо всех этих наказах (если уже абсолютно невозможно напечатать все их полностью, что было бы, конечно, всего лучше). Например, особенно необходим полный список губерний, уездов, волостей с указанием, сколько наказов из каждой местности доставлено, время составления или доставления наказов, анализ основных хотя бы требований, чтобы можно было видеть, заметны ли различия по районам относительно тех или других пунктов. Скажем, район подворного и общинного землевладения, районы великорусские и ино-национальные, районы центра и районы окраин, районы, не знавшие крепостного права и пр., — отличаются ли они постанов-

кой вопроса об отмене права собственности на все *крестьянские* земли, о периодических переделах земли, о недопущении наемного труда, о конфискации инвентаря и скота у помещиков и проч., и проч. Научное изучение необыкновенно ценного материала крестьянских наказов без таких подробных данных невозможно. А мы, марксисты, всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики.

За неимением лучшего материала *сводка наказов* (так мы будем называть «примерный наказ»), пока не доказана в ней какая-либо фактическая неверность, остается единственным в своем роде материалом, который, повторяем, обязательно должен быть в руках каждого члена нашей партии.

Первая часть сводки наказов посвящена общим политическим положениям, требованиям политической демократии; вторая—вопросу о земле. (Будем надеяться, что Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов или кто-либо другой произведет сводку крестьянских наказов и резолюций по вопросу о войне.) На первой части мы не будем сейчас останавливаться подробно и отметим лишь два пункта. В § 6 требуется выборность всех должностных лиц; в § 11—упразднение, по окончании войны, постоянной армии. Эти пункты делают политическую программу крестьян *всего ближе* стоящей к программе партии большевиков. Опираясь на эти пункты, мы должны во всей своей пропаганде и агитации указывать и доказывать, что меньшевистские и эс-эровские вожди суть изменники не только социализма, но и демократии, ибо они отстаивали, напр., в Кронштадте, вопреки воле населения, вопреки принципам демократии, в угоду капиталистам, должность комиссара, *утверждаемого* Правительством, т.-е. не чисто выборную. Эс-эровские и меньшевистские вожди в районных думах Питера, и в других учреждениях местного самоуправления, вопреки принципам демократии, борются против большевистского требования немедленно пачать введение рабочей милиции, а затем переход ко всенародной милиции.

Земельные требования крестьянства, по сводке наказов, состоят прежде всего в безвозмездной отмене частной собственности на земли всех видов, вплоть до крестьянских; в передаче государству или общинам земельных участков с высоко-культурными хозяйствами; в конфискации всего живого и мертвого инвентаря конфискованных земель (исключаются малоземельные крестьяне), с передачей его государству или общинам; в недопу-

щении наемного труда; в уравнительном распределении земли между трудящимися, с периодическими переделами, и т. д. В качестве мер переходного времени до созыва Учредительного Собрания, крестьяне требуют *немедленного* издания законов о запрещении купли - продажи земли, отмены законов о выделе из общины, отрубках и пр., об охране лесов, рыбных и пр. промыслов и т. д., об отмене долгосрочных и пересмотре краткосрочных арендных договоров и т. п.

Достаточно небольшого размышления над этими требованиями, чтобы увидеть полную невозможность осуществлять их *в союзе* с капиталистами, без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства.

В том-то и состоит самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства, что они допускают и распространяют мысль, будто такие преобразования, будто *подобные* преобразования возможны без свержения господства капиталистов, без перехода всей государственной власти к пролетариату, без поддержки беднейшим крестьянством самых решительных, революционных мер пролетарской государственной власти против капиталистов. В том-то и значение выделяющегося левого крыла «социалистов-революционеров», что оно доказывает рост сознания этого обмана внутри самой этой партии.

В самом деле, конфискация всей частновладельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большею частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов. При этом речь идет о наиболее централизованном, банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата.

Далее. Передача государству высоко-культурных хозяйств. Не очевидно ли, что «государство», способное взять их и вести хозяйство, действительно, в пользу трудящихся, а не в пользу чиновников и тех же капиталистов, должно быть пролетарским революционным государством?

Конфискация конских заводов и проч., затем всего живого и мертвого инвентаря, это — не только еще и еще гигантские удары

по частной собственности на средства производства. Это — шаги к социализму, ибо переход *инвентаря* «в исключительное пользование государства или общины» означает необходимость крупного социалистического земледелия или, по крайней мере, социалистического контроля за объединенными мелкими хозяйствами, социалистического регулирования их хозяйства.

А «недопущение» наемного труда? Это пустая фраза, беспомощное, бессознательно-наивное пожелание забытых мелких хозяйчиков, которые не видят, что вся капиталистическая промышленность станет при отсутствии резервной армии наемного труда в деревне, — что нельзя «не допустить» наемного труда в деревне, допуская его в городе, — что, наконец, «недопущение» наемного труда и означает не что иное, как шаг к социализму.

И здесь мы подошли к коренному вопросу об отношении рабочих к крестьянам.

Более 20 лет существует массовое социал-демократическое рабочее движение в России (если считать с больших стачек 1896 года)²¹⁷. За этот большой промежуток времени, через две великие революции, красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттащить их назад, к примирению с капитализмом.

Оппортунистическое крыло социал-демократии все время рассуждает по следующей премудрой формуле: *так как* социалы-революционеры мелкие буржуа, поэтому «мы» отбрасываем их мещански-утопический взгляд на социализм *во имя* буржуазного отрицания социализма. Марксизм благополучно подменяется струвизмом, и меньшевизм скатывается до роли кадетского лакея, «примиряющего» крестьян с господством буржуазии. Церетели и Скобелев, под ручку с Черновым и Авксентьевым, занятые подписыванием, от имени «революционной демократии», реакционных помещичьих указов кадетов—таково последнее и самое наглядное выражение этой роли.

Революционная социал-демократия, никогда не отказывавшаяся от критики мелко-буржуазных иллюзий эс-эров, *никогда не блокировавшаяся* с ними иначе, как *против* кадетов, все время борется за *вырывание* крестьян из-под влияния кадетов и противопоставляет мещански-утопическому взгляду на социализм не либеральное примирение с капитализмом, а революционно-пролетарский путь к социализму.

Теперь, когда война не обыкновенно ускорила развитие, обострила кризис капитализма невероятно, поставила народы перед немедленным выбором: гибель или тотчас решительные шаги к социализму, — теперь вся пропасть расхождения между полу-либеральным меньшевизмом и революционно-пролетарским большевизмом выступает наглядно, практически, как вопрос действия десятков миллионов крестьян.

Миритесь с господством капитала, *ибо* для социализма «мы» еще не созрели, — вот что говорят крестьянам меньшевики, подменяя, между прочим, абстрактным вопросом о «социализме» вообще конкретный вопрос, можно ли лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму.

Миритесь с капитализмом, *ибо* социалисты - революционеры — мелко-буржуазные утописты, — вот что говорят крестьянам меньшевики и вместе с эс-эрами идут поддерживать кадетское правительство...

А эс-эры, бия себя в грудь, уверяют крестьян, что они против всякого мира с капиталистами, что они никогда не считали русскую революцию буржуазной, — *и поэтому* идут в блок *именно* с оппортунистами с.-д., идут поддерживать именно буржуазное правительство... Эс-эры подписывают какие угодно, самые что-ни-на-есть революционные, программы крестьянства — с тем, чтобы не исполнять их, с тем, чтобы класть их под сукно, чтобы обманывать крестьян пустейшими обещаниями, на деле занимаясь месяцами «соглашательством» с кадетами в коалиционном министерстве.

Эта вопиющая, практическая, непосредственная, осязательная измена эс-эров интересам крестьянства чрезвычайно видоизменяет положение. Надо учесть эту перемену. Нельзя только по-старому агитировать против эс-эров, только так, как мы это делали в 1902—1903 г.г. и в 1905—1907 годах. Нельзя ограничиваться теоретическими разоблачениями мелко-буржуазных иллюзий «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п.

Тогда был канун буржуазной революции или недовершенная буржуазная революция, и вся задача состояла в том, чтобы довести ее до свержения монархии, прежде всего.

Теперь монархия свергнута. Буржуазная революция завершена постольку, поскольку Россия оказалась демократической республикой с правительством из кадетов, меньшевиков и эс-эров. А война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать, создала в Европе всеобщую трудовую повинность и принудительное син-

дипирование предприятий, довела самые передовые страны до голода и неслыханного разорения, заставляя делать шаги к социализму.

Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию — таково было основное, по тогдашнему времени, определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это.

Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и *неотложными* шагами к социализму, — таково определение нашей классовой политики теперь.

Отсюда вывод: центр тяжести в пропаганде и агитации против эс-эров надо переносить на то, что они изменили крестьянам. Они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т.-е. к подчинению им. Они продали интересы трудящейся и эксплуатируемой массы за министерские местечки, за блок с меньшевиками и с кадетами.

История, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы наполнились новым содержанием. «Недопущение наемного труда», это значило раньше *только*: пустая фраза мелкобуржуазного интеллигента. Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242 наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать. Мы знаем, как это сделать. Мы знаем, что это можно сделать только в союзе с рабочими, под их руководством, против капиталистов, а не «соглашательства» с капиталистами.

Вот как должна измениться теперь основная линия нашей пропаганды и агитации против эс-эров, основная линия наших речей к крестьянству.

Эс-эровская партия изменила вам, товарищи крестьяне. Она изменила хижинам и стала на сторону дворцов, — если не дворцов монарха, то тех дворцов, где кадеты, злейшие враги революции — и крестьянской революции особенно, — заседают в одном правительстве с Черновыми, Пешехоновыми, Авксентьевыми.

Только революционный пролетариат, только объединяющий его авангард, партия большевиков, может *на деле* выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242 наказах. Ибо революционный пролетариат, *действительно*, идет к отмене

наемного труда единственным верным путем — свержением капитала, а не запрещением нанимать работничка, не «недопущением» этого. Революционный пролетариат, действительно, идет к конфискации земель, инвентаря, технических сельскохозяйственных предприятий — к тому, чего крестьяне хотят и чего эс-эры им дать не могут.

Вот как должна измениться теперь основная линия речей рабочего к крестьянину. Мы, рабочие, можем дать и дадим вам то, чего крестьянская беднота хочет и ищет, не всегда зная, где и как искать. Мы, рабочие, *против капиталистов* отстаиваем интересы свои и в то же время интересы гигантского большинства крестьян, а эс-эры, идя в союз с капиталистами, изменяют этим интересам.

* * *

Напомним читателю, что говорил Энгельс незадолго до своей смерти о крестьянском вопросе. Энгельс подчеркивал, что социалисты в мыслях не имеют экспроприировать мелких крестьян, что лишь *силой примера* будут выясняться им преимущества машинного социалистического земледелия.

Война поставила сейчас практически перед Россией вопрос именно подобного рода. Инвентаря мало. Конфисковать его — и «не делить» высоко-культурных хозяйств.

Это крестьяне начали понимать. Нужда заставила понять. Война заставила, ибо инвентаря взять негде. Надо беречь его. А крупное хозяйство — это и значит сбережение труда на инвентаре, как и на многом другом.

Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравни-тельно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, — если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой.

Переход политической власти к пролетариату — вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242 наказов *становится осуществимым*. А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы — не доктринеры. Наше участие — не догма, а руководство к деятельности.

Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело.

Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне, рвите союз с капиталистами! Только в тесном союзе с рабочими вы *можете* начать осуществлять на деле программу 242 наказов. В союзе с капиталистами, под руководством эс-эров, вы никогда не дождетесь *ни одного* решительного, бесповоротного шага в духе этой программы.

А когда в союзе с городскими рабочими, в беспощадной борьбе против капитала вы *начнете* осуществлять программу 242 наказов, тогда весь мир придет на помощь вам и нам, тогда успех этой программы—не в ее данной формулировке, а в ее сути—будет обеспечен. Тогда наступит конец господству капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся.

„Рабочий“ № 6,
29 августа 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.

О клеветниках.

В № «Речи» от 20 августа, а равно в «Русской Воле», газете, основанной на заведомо темные деньги и рекомендующей избирателям, если они «социалистически настроены», голосовать за «Единство» и за «народных социалистов», помещены еще раз клеветнические заявления относительно меня.

Сведения эти принадлежат, по сообщению обеих газет, «военному министерству», а «Речь» *даже утверждает*, что они устанавливаются «по документальным данным и многочисленными показаниями отдельных лиц».

Закон о клевете в печати фактически в России приостановлен. Господам клеветникам, особенно в буржуазной печати, предоставлена полная свобода: выступай в печати анонимно, лги и клевети, сколько хочешь, прикрывайся неподписанными ни одним официальным лицом, но якобы официальными сообщениями,—все сойдет с рук! Грязные клеветники с г.г. Милюковыми во главе пользуются привилегией неприкосновенности.

Клеветники утверждают, будто у меня были известные отношения к «Союзу освобождения Украины»²¹⁸). Газета Милюкова пи-

шет: «Германским правительством было поручено Ленину пропагандировать мир». «В Берлине были 2 собрания социалистов, в которых принимали участие Ленин и Иолтуховский». А «Русская Воля» к этой последней фразе добавляет: «Ленин останавливался у Иолтуховского».

Если г-ну Милюкову и другим, подобным же негодьям, рыцарям гнусной клеветы, предоставлена безнаказанность, мне остается одно: еще раз повторить, что это клевета, еще раз противопоставить рыцарям шантажа, ссылающимся на отношение свидетелей, ссылку на известного массе свидетеля.

Один деятель «Союза освобождения Украины», Басок, мне известен с 1906 года, когда он, будучи меньшевиком, участвовал вместе со мной на Стокгольмском съезде. Осенью 1914 или в начале 1915 года, когда я жил в Берне, ко мне на квартиру зашел известный кавказский меньшевик Триа²¹⁹⁾, приехавший из Константинополя. Триа рассказал мне про участие Баска в «Союзе освобождения Украины» и про связь этого Союза с немецким правительством. Триа передал мне при этом письмо Баска ко мне, в этом письме Басок выразил мне сочувствие и надежду на сближение наших взглядов. Я был так возмущен, что немедленно, в присутствии Триа, написал ответ Баску и отдал письмо тому же Триа для передачи, ибо Триа собирался еще раз побывать в Константинополе.

В письме к Баску я заявлял, что, так как он вступает в сношения с одним из империалистов, то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего.

Этим ограничились какие бы то ни было мои «отношения» к «Союзу освобождения Украины».

„Рабочий“ № 8.

30 августа 1917 г..

за подписью Н. Ленин.

Корень зла.

Если мы возьмем писателя Н. Суханова²²⁰⁾ из «Новой Жизни», то наверное все согласится, что это не худший, а один из лучших представителей мелко-буржуазной демократии. У него есть искреннее тяготение к интернационализму, доказанное им в самые трудные времена, в разгар царистской реакции и шовинизма. У него есть знание и желание разбираться в серьезных вопросах само-

стоятельно, что он доказал своей долгой эволюцией от эс-эровщины по направлению к революционному марксизму.

Тем характернее, что даже такие люди могут, в ответственной моменты революции, по коренным вопросам ее, угощать читателя столь легкомысленными суждениями, как нижеследующее:

«...Как ни много революционных завоеваний мы утратили в последние недели, все же одно из них, и, быть-может, важнейшее, остается в силе: правительство и его политика могут держаться лишь волею советского большинства. Все влияние революционной демократии уступлено ею по собственному желанию; вернуть его демократические органы могли бы еще вполне легко; и при надлежащем понимании требований момента могли бы без труда ввести политику Временного Правительства в надлежащее русло» («Нов. Жизнь», № 106, от 20 августа).

В этих словах содержится самая легкомысленная, самая чудовищная неправда по самому важному вопросу революции, и при том именно такая неправда, которая чаще всего распространялась в самых различных странах в среде мелко-буржуазной демократии и которая больше всего революций загубила.

Когда вдумаешься в ту сумму мелко-буржуазных иллюзий, которая содержится в приведенном рассуждении, то невольно приходит в голову мысль, а ведь граждане из «Новой Жизни» совсем не случайно сидят на «объединительном» съезде вместе с министрами, министериабельными социалистами, вместе с Церетели и со Скобелевыми, вместе с членами правительства товарищами Керенского, Корнилова ¹⁰²⁾ и К^о. Совсем не случайно. У них действительно одна общая идейная основа: бессмысленная, без критики перенятая из обывательской среды, мещанская доверчивость к добрым пожеланиям. Ибо именно такой доверчивостью проникнуто все рассуждение Суханова, как и вся деятельность тех из меньшевиков-оборонцев, которые действуют добросовестно. В этой мелко-буржуазной доверчивости—корень зла нашей революции.

Наверное Суханов подписался бы обеими руками под требованием, которое предъявляет марксизм всякой серьезной политике, именно: чтобы в основе ее лежали, за основу ее брались *факты*, допускающие точную объективную проверку. Попробуем с точки зрения этого требования подойти к утверждению Суханова в приведенной цитате.

Какие факты лежат в основе этого утверждения? Чем мог бы Суханов доказать, что правительство «может держаться лишь во-

лею» Советов, что им «вполне легко» «вернуть все свое влияние», что они без «труда» могли бы изменить политику Временного Правительства.

Суханов мог бы сослаться, во-первых, на свое общее впечатление, на «очевидность» силы Советов, на явку Керенского в Совет, на любезные слова того или иного министра и т. п. Это было бы, конечно, совсем уже плохим доказательством, вернее признанием полного отсутствия доказательств, полного отсутствия объективных фактов.

Суханов мог бы сослаться, во-вторых, на тот объективный факт, что гигантское большинство резолюций рабочих, солдат и крестьян высказывается решительно за Советы и за поддержку их. Эти резолюции, дескать, доказывают волю большинства народа.

Такое рассуждение столь же обычно в обывательской среде, как и первое. Но оно совершенно несостоятельно.

Во всех революциях воля большинства рабочих и крестьян, т.-е., несомненно, воля большинства населения была за демократию. И тем не менее громадное большинство революций кончилось поражением демократии.

Учитывая этот опыт большинства революций и в особенности революции 1848 года (наиболее похожей на нашу теперешнюю), Маркс беспощадно высмеивал мелко-буржуазных демократов, которые хотели побеждать резолюциями и ссылкой на волю большинства народа.

Наш собственный опыт еще нагляднее подтверждает это. Весной 1906 года, несомненно, большинство резолюций рабочих и крестьян было за первую Думу. Большинство народа, несомненно, стояло за нее. И тем не менее царю удался разгон ее, потому что подъем революционных классов (рабочие стачки и крестьянские волнения весной 1906 года) оказался слишком слаб для новой революции.

Вдумайтесь в опыт теперешней революции. И в марте-апреле и в июле-августе 1917 года большинство резолюций было за Советы, большинство народа было за Советы. А между тем все и каждый видят, знают, чувствуют, что в марте-апреле революция шла вперед, а в июле-августе она идет назад. Значит ссылка на большинство народа ничего еще в конкретных вопросах революции не решает.

Одна эта ссылка, как доказательство, есть именно образец мелко-буржуазной иллюзии, нежелание признать, что в революции надо *победить* враждебные классы, надо *свергнуть* защищающую их го-

сударственную власть, а для этого недостаточно «воли большинства народа», а необходима *сила* революционных классов, желающих и способных сражаться, притом сила, которая бы в решающий момент и в решающем месте *раздавила* враждебную силу.

Сколько раз бывало в революциях, что маленькая, но хорошо организованная, вооруженная и централизованная сила командующих классов, помещиков и буржуазии подавляла по частям силу «большинства народа», плохо организованного, плохо вооруженного, раздробленного

Подменять конкретные вопросы классовой борьбы в момент особого обострения ее революцией «общими» ссылками на «волю народа» было бы достойно только самого тупого мелкого буржуа.

В-третьих, Суханов в приведенном рассуждении приводит один «аргумент», тоже довольно обычный в обывательской среде. Он ссылается на то, что «все влияние революционной демократии уступлено ею по собственному желанию». Отсюда как бы выводится, что уступленное «по собственному желанию» легко и вернуть назад...

Рассуждение никуда не годное. Прежде всего, возврат добровольно уступленного предполагает «добровольное согласие» того, кто уступку получил. Отсюда следует, что такое добровольное согласие имеется на-лицо. Кто получил «уступку»? Кто воспользовался «влиянием», уступленным «революционной демократией»?

Крайне характерно, что этот основной для всякого, не лишеного головы, политика вопрос совсем обойден Сухановым... Ведь в этом же гвоздь, в этом суть дела: в чьих руках *на деле* то, что «добровольно уступила» «революционная» (простите за выражение) «демократия».

Именно эту суть дела Суханов обходит, как обходят ее все меньшевики и эс-эры, все мелко-буржуазные демократы вообще.

Далее. Может-быть, в детской «добровольная уступка» указывает легкость возврата: если Катя добровольно уступила Маше мячик, то возможно, что «вернуть» его «вполне легко». Но на политику, на классовую борьбу переносить эти понятия кроме российского интеллигента не многие решатся.

В политике добровольная уступка «влияния» доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую тряпичность, что «выводить» отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот «достоин», чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существо-

вание. Или, другими словами, факт добровольной уступки влияния, сам по себе, «доказывает» лишь неизбежность того, что получивший это добровольно уступленное влияние отнимет у уступившего даже его права.

Если «революционная демократия» добровольно уступила влияние, значит, это была не революционная, а мещански-подлая, трусливая, не избавившаяся от холопства демократия, которую (именно после этой уступки) смогут разгонять ее враги или просто свести ее на-нет, предоставить ей умереть так же «по собственному желанию», как «по собственному желанию» она уступила влияние.

Рассматривать действия политических партий, как *каприз*, значит отказаться от всякого *изучения* политики. А такое действие, как «добровольная уступка влияния» двумя громадными партиями, имеющими, по всем сведениям, сообщениям и объективным данным выборов, большинство в народе, такое действие надо *объяснить*. Оно не может быть случайно. Оно не может не стоять в связи с определенным экономическим положением какого-либо большого класса народа. Оно не может не стоять в связи с историей развития этих партий.

Рассуждение Суханова потому и является замечательно типичным для тысяч и тысяч однородных обывательских рассуждений, что оно базируется в сущности на понятии доброй воли («собственное желание»), игнорируя *историю* рассматриваемых партий. Суханов просто-на-просто вычеркнул из своего рассмотрения эту историю, забыл, что добровольные уступки влияния начались собственно с 28 февраля, когда Совет выразил доверие Керенскому и одобрил «соглашение» с Временным Правительством²²¹). А 6-ое мая было уступкой влияния прямо-таки в гигантских размерах. Взятое в целом, перед нами до очевидности ясное явление: партии эс-эров и меньшевиков сразу встали на наклонную плоскость и покатались вниз все с большей и большей быстротой. Они скатились после 3—5 июля совсем в яму. И теперь говорить: уступка сделана по собственному желанию, «вполне легко» можно повернуть большие политические партии направо кругом, «без труда» можно побудить их взять направление обратное их направлению за много лет (и за много месяцев революции), «вполне легко» выбраться из ямы и взобраться вверх по наклонной плоскости — разве это не предел легкомыслия?

Наконец, в четвертых, Суханов мог бы сослаться в защиту своего мнения на то, что рабочие и солдаты, выражающие доверие Совету, вооружены и что потому им «вполне легко» вернуть себе все влияние. Но именно поэтому, едва ли не наиболее важному, пункту особенно плохо обстоит дело в обывательских рассуждениях, воспроизводимых писателем «Новой Жизни».

Чтобы быть возможно больше конкретным, сравним 20—21 апреля с 3—5 июля.

20 апреля прорывается возмущение масс правительством. Вооруженный полк выходит на улицу Петербурга и идет арестовать правительство. Ареста не происходит. Но правительство ясно видит, что ему опереться не на кого. Войск *за него* нет. Свергнуть *такие* правительство действительно «вполне легко», и правительство ставит ультиматум Совету: либо я уйду, либо поддержите меня.

4 июля такой же взрыв возмущения масс, взрыв, который все партии сдерживали, но который прорвался вопреки *всяким* сдерживаниям. Такая же вооруженная противоправительственная демонстрация. Но гигантская разница в следующем: запутавшиеся и оторвавшиеся от народа эс-эровские и меньшевистские вожди *уже 3 июля* соглашаются с буржуазией о призыве *Калединских* войск в Питер. Вот в чем гвоздь!

Каледин с солдатской откровенностью сказал это на Московском совещании: ведь вы же сами, министры-социалисты, призвали «нас» 3 июля на помощь!.. Никто не посмел опровергнуть Каледина ¹⁰³⁾ на Московском совещании, потому что он сказал правду. Каледин издевался над меньшевиками и эс-эрами, которые вынуждены были молчать. Им плюнул казачий генерал в физиономию, а они утерлись и сказали: «божья роса»!

Буржуазные газеты привели эти слова Каледина, а меньшевистская «Рабочая Газета» и эс-эровское «Дело Народа» *скрыли* от читателей это самое существенное политическое заявление, сделанное на Московском совещании.

Вышло так, что правительство впервые получило специально Калединские войска, а решительные, действительно революционные войска и рабочие были разоружены. Вот основной факт, который «вполне легко» обошел и забыл Суханов, но который остается фактом. И это решающий факт для данной полосы революции, для *первой* революции.

Власть перешла в решающем месте на фронте и затем в армии в руки *Калединных*. Это факт. Самые активные из враждебных им

войск разоружены. Что Каледины не пользуются властью сразу для установления полной диктатуры, это нисколько не опровергает того, что власть у них. Разве царь после декабря 1905 года не имел власти? И разве обстоятельства не заставили его так осторожно пользоваться властью, что он созвал две Думы прежде, чем взять *всю власть*, т.-е. прежде чем совершить государственный переворот?

О власти надо судить по делам, а не по словам. Дела правительства с 5 июля доказывают, что власть у Калединых, которые медленно, но *неуклонно* продвигаются все дальше, получая ежедневно «уступки» и «уступочки»: сегодня безнаказанность юнкеров, громающих «Правду», убивающих правдивов, арестующих произвольно, завтра закон о закрытии газет, также закон о распусчении собраний и съездов, о высылке без суда за-границу, о тюрьме за оскорбление «дружественных послов», о каторге за посягательство на правительство, о введении смертной казни на фронте и так далее и *так далее*.

Каледины не дураки. Зачем итти обязательно нахрапом, напролом, рискуя потерпеть неудачу, когда они *ежедневно* получают по частям именно то, что им нужно? А дурачки Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, Даны и Либеры кричат: «торжество демократии»! Победа! При каждом шаге Калединых вперед, усматривая «победу» в том, что Каледины, Корниловы и Керенские не глотают их сразу!!

Корень зла именно в том, что мелко-буржуазная масса самым своим экономическим положением подготовлена к удивительной доверчивости и бессознательности, что она все еще полуспит и во сне мычит: «вполне легко» вернуть назад добровольно уступленное! Подите-ка верните назад, возьмите добровольно от Калединых и Корниловых!

Корень зла в том, что «демократическая» публицистика поддерживает эту сонную, мещанскую, тупоумную, холопскую иллюзию, вместо того, чтобы бороться с ней.

Если взглянуть на вещи так, как должен смотреть историк политики вообще, а марксист в особенности, т.-е. рассматривая события в их связи, то совершенно ясным становится, что решительный поворот теперь не только не «лёгок», а, напротив, абсолютно невозможен *без новой революции*.

Я вовсе не касаюсь здесь вопроса о том, желательна ли такая революция, я не рассматриваю вовсе, может ли она произойти

мирно и легально (в истории, вообще говоря, бывали примеры мирных и легальных революций). Я констатирую только историческую невозможность решительного поворота без новой революции. Ибо власть *уже* в других руках, уже не у «революционной демократии», власть *уже* захвачена и укреплена. А поведение партий эс-эров и меньшевиков не случайно, оно есть продукт экономического положения мелкой буржуазии и результат длинной цепи политических событий, от 28 февраля к 6 мая, от 6 мая к 9 июня, от 9 июня к 18 и 19 июня (наступление) и т. д. Поворот здесь требуется и во всем положении власти и во всем составе ее и во всех условиях деятельности крупнейших партий, и в «устремлении» того класса, который их питает. Такие повороты исторически немыслимы—*без новой революции.*

Вместо того, чтобы выяснять народу все главные исторические условия новой революции, ее экономические и политические предпосылки, политические задачи, соответствующее ей соотношение классов и т. д., вместо этого Суханов и многое множество мелко-буржуазных демократов *усыпляет* народ игрой в «бирюльки», самоупряднением, что мы де «без труда все вернем», «вполне легко», что у нас де «важнейшее» революционное завоевание «остается в силе», и тому подобный легкомысленный, невежественный, прямо преступный вздор.

Признаки глубокого общественного поворота есть на-лицо. Они указывают наглядно направление работы. Среди пролетариата явный упадок влияния эс-эров и меньшевиков, явный рост влияния большевиков. Между прочим, даже выборы 20 августа ²²²⁾ дали *увеличение* доли большевиков, по сравнению с июньскими выборами в том же Питере в районные Думы, и это, несмотря на при-вод «Калединских войск в Питер»!

Среди мелко-буржуазной демократии, которая не может не колебаться между буржуазией и пролетариатом, объективным показателем поворота являются усиление, укрепление, развитие революционных интернационалистических течений: Мартов и др. у меньшевиков, Спиридонова ²²³⁾, Камков ¹³⁹⁾ и пр. у эс-эров. Нечего и говорить, что надвигающийся голод, разруха, военные поражения способны необычайно ускорить этот поворот в сторону перехода власти к пролетариату, поддержанному беднейшим крестьянством.

„Рабочий“ № 10,
1 сентября 1917 г.,
за подписью Н. Лени.

Барщина и социализм.

Иногда особенно озлобленные противники социализма оказывают ему услугу неразумной ревностью своих «разоблачений». Они обрушиваются как раз на то, что заслуживает симпатии и подражания. Они раскрывают глаза народу на гнусность буржуазии самым характером своих нападок.

Именно это случилось с одной из наиболее гнусных буржуазных газет, «Русской Волей», поместившей 20 августа корреспонденцию из Екатеринбурга под названием «Барщина». Вот, что сообщается в этой корреспонденции:

«...Совет Рабочих и Солдатских Депутатов ввел у нас в городе для граждан, имеющих лошадей, натуральную повинность поочередно предоставлять своих лошадей для ежедневных разъездов по службе членам Совета.

«Выработано особое расписание дежурств и каждый «лошадный гражданин» аккуратно письменно уведомляется, когда и куда и к какому именно часу он должен явиться со своею лошадью на дежурство

«Для большей вразумительности в «приказе» добавляется: «В случае неисполнения сего требования, Совет за Ваш счет произведет расход на наем извозчиков в размере до 25 рублей»...

Защитник капиталистов, конечно, возмущается. Капиталисты вполне спокойно смотрят на то, как громадное большинство народа всю жизнь мается в нужде, не только будучи «на барщине», но прямо-таки на каторге фабричной, горной или иной работы по найму, а сплошь и рядом голодая без работы. На это капиталисты смотрят спокойно.

А когда рабочие и солдаты для капиталистов ввели хоть маленькую общественную повинность, тогда господа эксплуататоры подняли вой: «барщина»!!

Спросите любого рабочего, любого крестьянина, дурно ли это было бы, если бы Советы Рабочих и Солдатских Депутатов были единственною властью в государстве и «всюду стали вводить общественную повинность для богатых, напр., обязательное дежурство с лошадьми, с автомобилями, с велосипедами, обязательные ежедневные работы по письменной части для переписи продуктов, числа нуждающихся и т. д. и т. п.»?

Всякий рабочий и всякий крестьянин, кроме разве кулака, скажет, что это было бы хорошо.

И это правда. Это еще не социализм, а только один из первых шагов к социализму, но это именно то, что необходимо бедному народу действительно и немедленно. Без таких мер нельзя спасти народ от голода и гибели.

Почему же Екатеринбургский Совет остается редким исключением? Почему подобные меры по всей России не применяются давно, не развертываются в целую систему мер именно такого рода?

Почему вслед за общественной повинностью для богатых представлять лошадей не вводится такая же общественная повинность для богатых представлять полные отчеты об их денежных операциях, особенно по поставкам на казну, под таким контролем Советов, с таким же «аккуратным письменным уведомлением», когда и куда отчет представить, когда и куда сколько именно налогу внести?

Потому, что во главе огромного большинства Советов стоят эс-эровские («социалисты-революционеры») и меньшевистские вожди, которые на деле перешли на сторону буржуазии, вошли в буржуазное правительство, обязались поддерживать его, изменив не только социализму, но и демократии. Эти вожди занимаются «соглашательством» с буржуазией, которая не только не позволит, напр., в Питере ввести общественную повинность для богатых, но тормозит месяцами гораздо более скромные реформы.

Эти вожди обманывают свою совесть и обманывают народ ссылками на то, что «Россия еще не созрела для введения социализма».

Почему такие ссылки надо признать обманом?

Потому, что при помощи подобных ссылок дело облыжно представляется в таком виде, будто речь идет о каком-то невиданной сложности и трудности преобразовании, которое должно ломать привычную жизнь десятков миллионов народа. Дело облыжно представлено так, будто кто-то хочет «вести» социализм в России одним указом, не считаясь ни с уровнем техники, ни с обилием мелких предприятий, ни с привычками и с волею большинства населения.

Все это сплошная ложь. Ничего подобного никто не предлагал. Ни одна партия, ни один человек «вводить социализм» указом не собирался. Речь идет и шла исключительно о таких мерах, которые, подобно установлению общественной повинности для богатых в Екатеринбурге, вполне одобряются массой бедных, т.-е. большинством населения, о таких мерах, которые технически и культурно вполне назрели, доставляют немедленное облегчение жизни бедноте и позволяют ослабить тягости войны и распределить их равномернее.

Прошло почти полгода революции, а эс-эровские и меньшевистские вожди тормозят все подобные меры, предавая интересы народа интересам «соглашательства» с буржуазией.

Пока рабочие и крестьяне не поймут, что эти вожди изменники, что их надо прогнать, снять со всех постов, до тех пор трудящиеся неизбежно будут оставаться в рабстве у буржуазии.

„Рабочий“ № 10,
1 сентября 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. ²²⁴).

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной. Но все же на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова ²²⁵) есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архисторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто скачивается до оборончества или (подобно другим б-кам) до блока с эс-эрами, до *поддержки* Вр. Пр-ва. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату, *после* предложения мира, *после* разрыва тайных договоров и связей с банками, *лишь после*. Ни взятие Риги, ни *взятие Питера* не сделают нас оборонцами. До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы *не* оборонцы.

И поддерживать пр-во Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят иные б-ки, владея в «соглашательство», давая *увлечь* себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Эта разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость и шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому—арестуй Милокова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, Выборгские и Гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную Думу, арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабрикатами и пр., и пр. И не только к Керенскому, *не столько* к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова. Увлекать их дальше, поощрять их требования арестов генералов и офицеров, высказывающихся за Корнилова, настаивать, чтобы *они* требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянко и Милокова, разгона Г. Думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эс-эров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не *прямо*, а со стороны. И агитировать *надо сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно* против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти и *говорить* об этом в агитации поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти, и тогда мы ее не выпустим). По моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином революционном фронте революционной демократии, о поддержке Вр. Пр-ва и пр., и пр. надо бороться беспощадно, именно как с *фразами*. Теперь де время *дела*: вы, г.г. эс-эры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо

вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский *боится* масс, *боится* народа). В войне против немцев именно теперь нужно дело: *тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях*. Если сделать это, то можно добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эс-эры останутся лакеями империализма.

Прочитав после написания этого шесть №№ «Рабочего», должен сказать, что совпадение получилось полное. Приветствую от всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. Милютина ²²⁶) и Володарского ²²⁷).

Написано в начале сентября 1917 года.

Опубликовано в „Правде“ № 250,

7 ноября 1920 г.

О компромиссах.

Компромиссом называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований, в силу соглашения с другой партией.

Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клеветущей на большевиков печатью, состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда.

Такое представление лестно для нас, как партии революционного пролетариата, ибо оно доказывает, что даже враги вынуждены признать нашу верность основным принципам социализма и революции. Но надо все же сказать правду: такое представление не соответствует истине. Энгельс был прав, когда в своей критике манифеста бланкистов-коммунистов (1873 г.) высмеивал их заявление: «никаких компромиссов!». Это фраза, говорил он, ибо компромиссы борющейся партии часто с неизбежностью навязываются обстоятельствами, и нелепо раз на-всегда отказаться «принимать уплату долга по частям». Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможный отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции.

Пример. Итти на участие в 3 и 4 Думах был компромисс, временный отказ от революционных требований. Но это был абсолютно вынужденный компромисс, ибо соотношение сил исключало для нас, на известное время, массовую революционную борьбу, а для длительной подготовки ее *надо* было уметь работать и *изнутри* такого «хлеба». Что такая постановка вопроса большевиками, как партией, оказалась вполне верной, это доказала история.

Теперь на очереди вопрос не о вынужденном, а о добровольном компромиссе.

Наша партия, как и всякая другая политическая партия, стремится к политическому господству *для себя*. Наша цель— диктатура революционного пролетариата. Полгода революции с необыкновенной яркостью, силой и внушительностью подтвердили правильность и неизбежность такого требования в интересах именно *данной* революции, ибо ни демократического мира, ни земли крестьянству, ни полной свободы (вполне демократической республики) получить народу иначе нельзя. Ход событий за полгода нашей революции, борьба классов и партий, развитие кризисов 20—21 апреля, 9—10, 18—19 июня, 3—5 июля, 27—31 августа и доказали, и показали это.

Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс— правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелко-буржуазно-демократическим партиям, эс-эрам и меньшевикам.

Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям и мы должны, мне кажется, сделать это.

Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к до июльскому требованию: вся власть Советам ²²⁸), ответственное перед Советами правительство из эс-эров и меньшевиков.

Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на 1—2 недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции — возможности *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности исключительно редкой, — только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс.

Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эс-эров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного Собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок.

Меньшевики и эс-эры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство, целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах. В этом бы состояло «новое» условие. Никаких других условий большевики, я думаю, не поставили бы, полагаясь на то, что действительно полная свобода агитации и немедленное осуществление нового демократизма в составлении советов (перевыборы их) и в функционировании их, сами собою обеспечили бы мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов.

Может быть, это *уже* невозможно? Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее.

Что выиграли бы обе «воглашающиеся» стороны от этого «компромисса»? — т.-е. большевики, с одной, блок эс-эров и меньшевиков, с другой стороны? Если *обе* стороны ничего не выиграют, то компромисс надо признать невозможным, и тогда не к чему говорить о нем. Как ни труден теперь (после июля и августа, двух месяцев, равняющихся двум десяткам лет «мирного», сонного, времени) этот компромисс, мне кажется, есть один маленький шанс на его осуществление, и шанс этот создан решением эс-эров и меньшевиков не идти в правительство вместе с кадетами.

Большевики выиграли бы то, что получили возможность вполне свободно агитировать за свои взгляды и при условиях действительно полного демократизма добиваться влияния в советах. На словах «все» признают теперь эту свободу за большевиками. На деле она *невозможна* при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином, кроме Советского. При Советском правительстве такая свобода была бы *возможна* (не говорим: наверняка обеспечена, но все же возможна). Из-за такой возможности в такое трудное время следовало бы пойти на компромисс с Советским большинством нынешнего дня. *Нам* бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас, и даже ход развития течений внутри враждебных нам партий эс-эров и меньшевиков подтверждает нашу правоту.

Меньшевики и эс-эры выиграли бы то, что получили сразу полную возможность осуществить программу *своего* блока, опираясь на заведомо громадное большинство народа и обеспечив себе «мирное» пользование своим большинством в Советах.

Конечно, из этого блока, неоднородного как потому, что оп блок, так и потому, что мелко-буржуазная демократия *всегда* менее однородна, чем буржуазия и чем пролетариат, из этого блока раздались бы, вероятно, два голоса.

Один голос сказал бы: нам никак не по пути с большевиками, с революционным пролетариатом. Он все равно потребует чрезмерного и демагогически увлечет крестьянскую бедноту. Он потребует мира и разрыва с союзниками. Это невозможно. Нам ближе и вернее с буржуазией, ведь мы не разошлись с ней, а только *поссорились* не на долго, и только из-за одного инцидента с Корниловым. Поссорились—помиримся. Притом большевики ровно ничего нам не «уступают», ибо попытки восстания с их стороны все равно так же обречены на поражение, как Коммуна 1871 года.

Другой голос сказал бы: ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. Ибо, во-первых, большевики все же кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить. Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира, настоящий контроль над производством, честный мир с украинцами, финляндцами и

проч. У большевиков, вульгарно выражаясь, вдесятеро больше «козырей» в руках, чем у Коммуны. А, во-вторых, Коммуна как-никак означает тяжелую гражданскую войну, долгую задержку после этого мирного культурного развития, облегчение операций и проделок всяких Мак-Магонов²²⁹) и Корниловых, а такие операции угрожают всему нашему буржуазному обществу. Разумно ли рисковать Коммуной?

А Коммуна неизбежна в России, если мы не возьмем власть, если дело останется в столь же тяжком положении, как было с 6 мая по 31 августа. Всякий революционный рабочий и солдат неизбежно будет думать о Коммуне, верить в нее, неизбежно сделает попытку осуществить ее, рассуждая: народ гибнет, война, голод, разорение идут все дальше. Только Коммуна спасет. Погибнем, умрем все, но осуществим Коммуну. Такие мысли неизбежны у рабочих, и победить Коммуну теперь не удастся так легко, как в 1871 году. У русской Коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 году... Разумно ли нам рисковать Коммуной? Не могу также согласиться с тем, что большевики нам, в сущности, ничего не дают своим компромиссом. Ибо во всех культурных странах культурные министры очень ценят всякое, даже маленькое, соглашение с пролетариатом во время войны. Очень и очень ценят. А ведь это деловые люди, настоящие министры. Большевики же усиливаются довольно быстро, несмотря на репрессии, несмотря на слабость их прессы... Разумно ли нам рисковать Коммуной?

У нас обеспеченное большинство, до пробуждения крестьянской бедноты еще не так близко, на наш век хватит. Чтобы в крестьянской стране большинство пошло за крайними, не верю. А против заведомого большинства, в действительно демократической республике восстание невозможно. Так сказал бы второй голос.

Пожалуй, найдется и третий голос, из среды каких-нибудь сторонников Мартова или Спиридоновой, который скажет: меня возмущает, «товарищи», что вы оба, рассуждая о Коммуне и ее возможности, без колебаний становитесь на сторону ее противников. Один в одной форме, другой в иной, но оба на стороне тех, кто подавил Коммуну. Я не пойду агитировать за Коммуну, не могу заранее обещать биться в ее рядах, как сделает всякий большевик, но я должен все же сказать: что *если* Коммуна, вопреки моим усилиям, вспыхнет, я скорее помогу ее защитникам, чем ее противникам...

Разногласица в «блоке» большая и неизбежная, ибо в мелко-буржуазной демократии представлена тьма оттенков, от вполне министриабельного вполне буржуа до полуничего, еще не совсем способного перейти на позицию пролетария. И каков будет в каждый данный момент этой разногласицы результат ее,— никто не знает.

* * *

Предыдущие строки писаны в пятницу, 1 сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли. Керенский уйдет, так или иначе, и *из* партии эс-эров и *от* эс-эров и укрепится при помощи буржуа *без* эс-эров, благодаря их бездействию... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «Запоздалые мысли»... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться не безынтересно.

Написано 3 сентября.

Напечатано „Рабочий Путь“ № 3,

6 сентября 1917 г.,

за подписью Н. Ленин.

Один из коренных вопросов революции.

Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает всё. И если газета главной правительственной партии в России, «Дело Народа», жаловалась недавно (№ 147), что из-за споров о власти забывается и вопрос об Учредительном Собрании и вопрос о хлебе, то эс-эрам следовало бы ответить: жалуйтесь на себя. Ведь именно колебания, нерешительность *вашей* партии больше всего повинны и в затяжке «министерской чехарды», и в бесконечных отсрочках Учредительного Собрания, и в подрыве капиталистами принятых и намеченных мер хлебной монополии и обеспечения страны хлебом.

Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий *все* в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике. Что наша революция полгода «потратила зря» на колебания насчет устройства власти, это бесспорный факт, этот факт определен колеблющейся политикой эс-эров и меньшевиков. А политика этих партий определилась, в последнем счете, классовым положением мелкой буржуазии, ее экономической неустойчивостью в борьбе между капиталом и трудом.

Весь вопрос теперь в том, научилась ли чему-нибудь мелкобуржуазная демократия за эти великие полгода, необыкновенно богатые содержанием или нет. Если нет, то революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее. Если да, то надо начать с немедленного создания устойчивой, не колеблющейся, власти. Устойчивой во время народной революции, т. е. такой, которая подняла к жизни массы, большинство рабочих и крестьян, может быть только власть, опирающаяся заведомо и безусловно на *большинство* населения. До сих пор государственная власть остается в России *фактически* в руках *буржуазии*, которая вынуждена лишь делать частные уступки (с тем, чтобы на другой же день начать отбирать их назад), раздавать обещания (с тем, чтобы не выполнять их), изыскивать всяческие прикрытия своего господства (с тем, чтобы надуть народ внешностью «честной коалиции») и т. п. и т. д. На словах — народное, демократическое, революционное правительство, на деле — противонародное, антидемократическое, контр-революционное, буржуазное, вот то противоречие, которое существовало до сих пор и было источником полной неустойчивости и колебаний власти, всей той «министерской чехарды», которую г. г. эс-эры и меньшевики с таким печальным (для народа) усердием занимались.

Либо разгон Советов и бесславная смерть их, либо вся власть Советам — это я сказал перед Всероссийским съездом Советов в начале июня 1917 г., и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью. Власть Советов одна только может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа — как бы ни лгали лакеи буржуазии, Потресов²³⁰), Плеханов и пр., называющие «расширением базиса» власти фактическую передачу ее ничтожному меньшинству народа, буржуазии, эксплуататорам.

Только Советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты са-

мой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партии внутри Советов. Пока не создано такой власти, неизбежны нерешительность, неустойчивость, колебания, бесконечные «кризисы власти», безысходная комедия министерской чехарды, взрывы и справа и слева,

Но лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле «министерство из партий советского большинства», и на этом глупо ошибочном мнении мы хотели бы подробнее остановиться.

«Министерство из партий советского большинства», это значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чиновничьего, насквозь недемократического, неспособного провести серьезные реформы, которые в программах даже эс-эров и меньшевиков значатся.

«Власть Советам»—это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.-е. истинно-демократическим аппаратом Советов, т.-е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почта и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований.

Чтобы сделать эту разницу более ясной и наглядной, напомним одно ценное признание, которое было сделано несколько времени тому назад газетой правительственной партии, партии эс-эров, «Дело Народа». Даже в тех министерствах,—писала эта газета,—которые переданы министрам-социалистам (это писалось во время пресловутой коалиции с кадетами, когда меньшевики и эс-эры были министрами), *даже* в этих министерствах весь аппарат управления остался старым, и он тормозит всю работу.

Оно и понятно. Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных, стран показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады. Эта армия окружена ат

мосферой буржуазных отношений, дышит только ею. она застыла, заскоружла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе, как по-старому. Эта армия связана отношениями чиновничества, известных привилегий «государственной» службы, а верхние ряды этой армии чрез посредство акций и банков закрепощены полностью финансовому капиталу, в известной степени сами представляя из себя его агентов, проводников его интересов и влияния.

Посредством *этого* государственного аппарата пытаться провести такие преобразования, как отмена помещичьей собственности на землю без выкупа или хлебная монополия и т. п., есть величайшая иллюзия, величайший самообман и обман народа. Этот аппарат *может* служить республиканской буржуазии, создавая республику в виде «монархии без монарха», как третья республика во Франции, но проводить реформы, не то что уничтожающие, но хотя бы серьезно подрезывающие или ограничивающие права капитала, права «священной частной собственности», на это такой государственный аппарат абсолютно неспособен. Поэтому и получается всегда такая вещь, при всевозможных «коалиционных» министерствах с участием «социалистов», что эти социалисты, даже при условии полнейшей добросовестности отдельных лиц из их числа, на деле оказываются пустым украшением или ширмой буржуазного правительства, громоотводом народного возмущения от этого правительства, орудием обмана масс этим правительством. Так было и с Луи Бланом в 1848 году, так было с тех пор десятки раз в Англии и Франции при участии социалистов в министерстве, так было и с Черновыми и Церетели в 1917 г, так было и так будет, пока держится буржуазный строй и сохраняется в неприкосновенности старый буржуазный, чиновничий, государственный аппарат.

Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов тем и ценны особенно, что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический *тип* государственного аппарата. Эс-эры и меньшевики все сделали, все возможное и все невозможное, чтобы превратить Советы (особенно Питерский и общерусский, т.-е. Ц. И. К.) в пустые говорильни, под видом «контроля» занимавшиеся вынесением бессильных резолюций и пожеланий, которые правительство с самой вежливой и любезной улыбкой клало под сукно. Но достаточно было «свежего ветерка» корниловщины, обещавшего хоро-

шую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь, и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое.

Пусть учатся на этом историческом примере все малoverы. Пусть устыдятся те, кто говорит: «у нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии, аппарат» Ибо этот аппарат *есть*. Это и есть Советы. Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс—и вы увидите *во всех* областях государственной жизни такую же силу, величественность, необходимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем объединении и порыве против корниловщины.

Неверие в массы, боязнь их почина, боязнь их самостоятельности, трепет перед их революционной энергией, вместо всеобщей беззаветной поддержки ее, вот чем грешили больше всего эс-эровские и меньшевистские вожди. Вот где один из наиболее глубоких корней их нерешительности, их колебаний, их бесконечных и бесконечно бесплодных попыток влить новое вино в старые меха старого, бюрократического государственного аппарата.

Возьмите историю демократизации армии в русской революции 1917 года, историю министерства Чернова, историю «царствования» Пальчинского¹⁶¹), историю ухода Пешехонова¹³⁸)—и вы увидите на каждом шагу нагляднейшие подтверждения сказанному выше. Без полного доверия к выборным солдатским организациям, без абсолютного проведения принципа выборности начальства солдатами получилось то, что Корниловы, Каледины и контр-революционные офицеры оказались во главе армии. Это факт. И кто не хочет нарочно закрывать глаз, тот не может не видеть, что *после* корниловщины правительство Керенского все *оставляет по старому*, что оно *на деле* *восстанавливает корниловщину*. Назначение Алексева, «мир» с Клембовскими, Гагариными, Багратионами²³¹) и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым,—все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле *восстанавливает корниловщину*.

Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина.

А история министерства Чернова? Разве не доказала она, что всякий сколько-нибудь серьезный шаг для действительного удовлетворения нужды крестьян, всякий шаг, свидетельствующий о доверии к ним, к их собственным массовым организациям и дей-

ствиям вызывал величайший энтузиазм во всем крестьянстве. А Чернову пришлось почти 4 месяца «торговаться» и «торговаться» с кадетами и чиновниками, которые бесконечными оттяжками и подсиживаниями, в конце концов, вынудили его уйти, не сделав ничего. Помещики и капиталисты на эти 4 месяца и за эти четыре месяца «выиграли игру», отстояли помещичье землевладение, оттянули Учредительное Собрание, начали даже ряд репрессий против земельных комитетов.

Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и в центре и на местах, вся земля крестьянам *тотчас*, впредь до решения Учредительного Собрания, либо помещики и капиталисты тормозят все, восстанавливают помещичью власть, доводят крестьян до озлобления и доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания.

Совершенно та же самая история со срывом капиталистами (при помощи Пальчинского) сколько-нибудь серьезного контроля над производством, со срывом купцами хлебной монополии и *начала* регулируемого демократического распределения хлеба и продуктов Пешехоновым.

Дело вовсе теперь в России не в том, чтобы изобретать «новые реформы», чтобы задаваться «планами» каких-либо «всеобъемлющих» преобразований. Ничего подобного. Так изображают дело—заведомо лживо изображают дело—капиталисты, Потресовы, Плехановы, кричащие против «сведения социализма», против «диктатуры пролетариата». В действительности же положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода, сами собой подсказали выход, сами собой наметили, и не только наметили, но и уже выдвинули, как безусловно неотложные реформы и преобразования: хлебная монополия, контроль над производством и распределением, ограничение выпуска бумажных денег, правильный обмен хлеба на товары и т. д.

Мероприятия такого рода, в таком именно направлении, всеми признаны за неизбежные, они начаты во многих местах и с самых разных сторон. *Они уже начаты*, но их везде тормозит и затормозило сопротивление помещиков и капиталистов, сопротивление, осуществляемое и через правительство Керенского (*на деле* правительство вполне буржуазное и бонапартистское), и через чиновничий аппарат старого государства, и через прямое и косвенное давление русского и «союзного» фискального капитала.

Не так давно И. Прилежаев писал в «Деле Народа» (№ 147), оплакивая уход Пешехонова и крах твердых цен, крах хлебной монополии:

«Смелости и решительности—вот чего не хватало нашим правительствам всех составов... Революционная демократия не должна ждать, она должна сама проявить инициативу и планомерно вмешаться в экономический хаос... Если где, так именно здесь нужны твердый курс и решительная власть».

Вот что правда, то правда. Золотые слова. Автор не подумал только, что вопрос о твердом курсе, о смелости и решительности не есть личный вопрос, а есть вопрос о том *классе*, который способен проявить смелость и решительность. Единственный такой класс—пролетариат. Смелость и решительность власти, твердый курс ее,—не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян. И. Прилежаев, сам того не сознавая, вздыхает по *этой диктатуре*.

Ибо что означала бы на деле такая диктатура? Ничего иного, как то, что сопротивление корниловцев было бы сломлено и полная демократизация армии восстановлена и завершена. Девяносто девять сотых армии были бы восторженными сторонниками такой диктатуры через два дня после ее установления. Эта диктатура дала бы землю крестьянам и всевластие крестьянским комитетам на местах: как можно, не сойдя с ума, сомневаться в том, что крестьяне поддержали бы эту диктатуру? То, что Пешехонов только *посулил* («сопротивление капиталистов сломлено»—буквальные слова Пешехонова в его знаменитой речи перед съездом Советов), то это диктатура ввела бы в жизнь, превратила в действительность, нисколько не устраняя начавших уже складываться демократических организаций по продовольствию, по контролю и прочее, а, напротив, поддерживая, развивая их, устраняя все помехи их работе.

Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве.

Власть Советам—единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта. Власть Советам—это значит полная

передача управления страной и контроля за хозяйством ее рабочим и крестьянам, которым *никто* не посмел бы сопротивляться и которые *быстро научились бы* на опыте, на своей собственной практике научились бы, правильно распределять землю, продукты и хлеб.

„Рабочий Путь“ № 10,
14 сентября 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.

Как обеспечить успех выборов в Учр. Собрание?

(О свободе печати).

В начале апреля я писал, излагая отношение большевиков к вопросу, надо ли созывать Учредительное Собрание:

«Надо и поскорее. Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление сил Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов; организация и *вооружение* рабочих масс—единственная гарантия («Политич. партии в России и задачи пролетариата»^{*}). Дешевая библиотека «Жизни и Знания», кн. III, стр. 9 и 29).

С тех пор прошло 5 месяцев и правильность этих слов подтверждена рядом оттяжек и отсрочек созыва, по вине кадетов, подтверждена, наконец, корниловщиной замечательно.

Теперь, в связи с созывом на 12 сентября Демократического Сопещения, я бы хотел остановиться на другой стороне дела.

И «Рабочая Газета» меньшевиков, и «Дело Народа» выражали сожаление по поводу того, как мало делается для агитации среди крестьян, для просвещения этой настоящей *массы* русского народа, настоящего большинства его. Все сознают и признают, что от просвещения крестьян зависит успех Учредительного Собрания, но делается для этого до смешного мало. Крестьян обманывает, одурачивает, запугивает насквозь лживая и контр-революционная буржуазная и «желтая» пресса, по сравнению с которой пресса меньшевиков и эс-эров (не говоря уже о большевистской) совсем, совсем слаба.

Почему это так?

Именно потому, что слабы, нерешительны, бездеятельны правящие партии эс-эров и меньшевиков, что они, не соглашаясь на взятие всей власти Советами, оставляют крестьянство в тем-

^{*} См. часть 1 т. XIV. стр. 63.

ноте и заброшенности, отдают его на «сведение» капиталистам и на прессе, на агитации.

Называя нашу революцию хвастливо великою, крича направо-налево громкие, напыщенные фразы «о революционной демократии», меньшевики и эс-эры на деле оставляют Россию на положении самой дюжинной, самой мелко-буржуазной революции, которая, сбросив царя, оставляет все остальное по-старому и ничего, ровно ничего серьезного для политического просвещения крестьян, для разрушения крестьянской темноты, этого *последнего* (и самого сильного) оплота, *оплота* эксплуататоров и угнетателей народа, не делает.

Именно теперь уместно напомнить об этом. Именно теперь перед лицом демократического совещания²³², за два месяца «назначенного» (для новой отсрочки) созыва Учредительного Собрания уместно показать, как легко было бы исправить дело, как много можно бы сделать для политического просвещения крестьян, если бы... если бы наша «революционная демократия» в кавычках была действительно революционной, т.-е. способной действовать революционно, и действительно демократией, т.-е. считающейся с волей и интересами большинства народа, не меньшинства капиталистов, которое продолжает держать власть в руках (правительство Керенского) и с которым,—не прямо, так косвенно, не в старой, так новой форме,—все же хотят «соглашаться» эс-эры и меньшевики.

Капиталисты (а за ними, по неразумению или по косности, многие эс-эры и меньшевики) называют «свободой печати» такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты.

На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми, буржуазией.

В самом деле. Возьмите хоть питерские и московские газеты. Вы увидите сразу, что по числу выпускаемых экземпляров, громадное преобладание имеют буржуазные газеты, «Речь», «Биржевка», «Новое Время», «Русское Слово» и так далее и тому подобное (ибо таких газет очень много). На чем основано это преобладание? Совсе не на воле большинства, ибо выборы показывают, что в обеих столицах большинство (и гигантское) на стороне демократии, т.-е. эс-эров, меньшевиков и большевиков. Голосов у этих трех партий от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$, а число экземпляров выпускаемых ими газет наверное менее $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{5}$ по сравнению

с числом экземпляров всей буржуазной прессы (которая, как мы теперь знаем и видим, прямо и косвенно защищала корниловщину).

Почему это так?

Все прекрасно знают почему. Потому, что издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей. «Свобода печати» буржуазного общества состоит в свободе *богатых* систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту.

Вот та простая, общеизвестная, очевидная правда, которую все наблюдают, все сознают, но «почти все» «стыдливо» замалчивают, боязливо обходят.

Спрашивается, можно ли бороться с таким вопиющим злом и как бороться?

Прежде всего есть одно простейшее, величайшее и законнейшее средство, которое я давно указывал в «Правде», которое особенно уместно напомнить теперь, к 12 сентября, и которое всегда надо иметь в виду рабочим, ибо они едва ли обойдутся без него, когда завоюют политическую власть.

Это средство—государственная монополия на частные объявления в газетах.

Посмотрите на «Русское Слово», «Новое Время», «Биржевку», «Речь» и т. п.—вы увидите массу частных объявлений, которые дают громадный, и даже главный, доход капиталистам, издающим эти газеты. Так хозяйничают, так обогащаются, *так торгуют ядом для народа* все буржуазные газеты во всем мире.

В Европе есть газеты, которые исчисляются в числе экземпляров, достигающем трети числа жителей данного города (напр., 12.000 экземпляров при населении в 40.000) и которые *даром* разносятся в *каждую* квартиру, давая в то же время хороший доход их издателям. Такие газеты живут объявлениями, за которые частные лица платят, а доставка газеты бесплатно в каждую квартиру обеспечивает наилучшее распространение объявлений.

Спрашивается, почему, называющая себя революционной, демократия не могла бы осуществить такой меры, как объявление государственной монополией частных объявлений в газетах? Запрещение печатать объявления где-либо *кроме* газет, издаваемых Советами в провинции и в городах и *центральный Советом* в Питере для всей России? Почему «революционная» демократия

обязана терпеть такую вещь, как обогащение на частных объявлениях богачей, сторонников Корнилова, распространителей лжи и клеветы против Советов?

Такая мера была бы, безусловно, справедливой мерой ²³³). Она дала бы громадные выгоды и тем, кто частные объявления печатает, и всему народу, и, особенно, наиболее угнетенному и темному крестьянству, которое получило бы возможность иметь за ничтожную цену или даже даром *советские* газеты с приложениями для крестьян.

Почему не осуществить этого? Только потому, что священна частная собственность и наследственное право (на доходы от объявлений) у господ капиталистов. И признавать такое право «священным» можно, называя себя революционным демократом XX века, во второй русской революции?!

Скажут: но это нарушение свободы печати.

Неправда. Это было бы расширением и восстановлением свободы печати. Ибо свобода печати означает: все мнения *всех* граждан свободно можно оглашать.

А теперь? А теперь *только* богатые имеют эту монополию, да затем крупные партии. Между тем при издании больших *советских* газет, со всеми объявлениями вполне осуществимо было бы обеспечить выражение своих мнений гораздо более широкому числу граждан, скажем, каждой группе, собравшей определенное число подписей. Свобода печати *на деле* стала бы гораздо демократичнее, стала бы несравненно полнее при таком преобразовании.

Но скажут: где же взять типографии и бумагу?

Вот оно что!!! Не в «свободе печати» дело, а в священной собственности эксплуататоров на захваченные ими типографии и запасы бумаги!!!

Во имя чего мы, рабочие и крестьяне, должны признать это священное право? Чем это «право» издавать ложные сведения лучше «права» владеть крепостными крестьянами.

Почему во время войны допустимы и всюду происходят всякие реквизиции—и домов, и квартир, и экипажей, и лошадей, и хлеба, и металлов,—а реквизиция типографии и бумаги недопустима?

Нет, рабочих и крестьян можно на время обмануть, представив в их глазах такие меры несправедливыми или трудно осуществимыми, но правда возьмет свое.

Государственная власть, в виде Советов, берет *все* типографии и всю бумагу и распределяет ее *справедливо*: на первом месте—

государство, в интересах большинства народа, большинства бедных, особенно большинства крестьян, которых веками мучили забивали и огупляли помещики и капиталисты.

На втором месте—крупные партии, собравшие, скажем, в обеих столицах сотню или две сотни тысяч голосов.

На третьем месте—более мелкие партии и затем любая группа граждан, достигшая определенного числа членов или собравшая столько-то подписей.

Вот какое распределение бумаги и типографий было бы справедливо и, при власти в руках Советов, осуществимо без всякого труда.

Вот тогда, за 2 месяца до Учредительного Собрания, мы могли бы действительно помочь крестьянам, обеспечить доставку в *каждую* деревню десятка брошюр (или номеров газеты, или особых приложений) *в миллионах* экземпляров от *каждой* крупной партии.

Вот это была бы *«революционно-демократическая»* подготовка выборов в Учредительное Собрание, вот это была бы помощь деревне со стороны передовых рабочих и солдат, вот это было бы государственное содействие просвещению, а не оглушению и не обманыванию народа, вот это была бы настоящая свобода печати *для всех*, а не для богачей, вот это был бы разрыв с тем проклятым, холопским прошлым, которое заставляет нас терпеть захват богачами великого дела осведомления и обучения крестьянства.

*„Рабочий Путь“ № 11,
15 сентября 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.*

Пугают гражданской войной.

Напуганная тем, что меньшевики и эс-эры отказались от коалиции с кадетами, что демократия, пожалуй, сможет прекрасно составить правительство без них и управлять Россией против них, буржуазия изо всех сил старается напугать демократию.

Пугай как можно усерднее. — Таков лозунг всей буржуазной печати. Пугай изо всех сил! Лги, клеветы—только пугай!

Пугает «Биржевка»—сфабрикованными сообщениями о большевистских выступлениях. Пугают слухами об отставке Алексева²³⁴) и об угрозе немецкого прорыва к Петербургу,—как будто бы факты не доказали, что именно корниловские генералы (а к числу их безусловно принадлежит и Алексеев) способны открыть,

пемцам фронт в Галиции и перед Ригой²³⁵) и перед Петербургом, что именно корниловские генералы вызывают наибольшую ненависть армии к ставке.

Наиболее «солидный» и убедительный вид этому приему запугивания демократии стараются придать посредством ссылок на опасность «гражданской войны». Из всех видов пугания—пуганье гражданской войной—самое, пожалуй, распространенное. Вот как формулировал эту ходячую—в филистерских кругах очень ходкую—идею Ростовский на-Дону комитет партии народной свободы в резолюции 1 сентября (№ 210 «Речи»):

«...Комитет убежден в том, что гражданская война может смести все завоевания революции и поглотить в потоках крови нашу молодую, неокрепшую свободу, а потому полагает, что энергичный протест против углубления революции, продиктованного несбыточными социалистическими утопиями, необходим в интересах спасения завоеваний революции»...

Здесь выражена в наиболее ясной, точной, обдуманной и обстоятельной форме та основная мысль, которая бесчисленное количество раз попадает в передовицах «Речи», в статьях Плеханова и Потресова, в передовицах меньшевистских газет и прочее и прочее. Не бесполезно потому подробнее остановиться на этой мысли.

Постараемся разобрать вопрос о гражданской войне поконкретнее, на основании, между прочим, уже пережитого полугодового опыта нашей революции.

Этот опыт, в fullest соответствии с опытом всех европейских революций, начиная с конца XVIII века, показывает нам, что гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращений этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса. Чаще всего—можно сказать—даже почти исключительно—наблюдается в сколько-нибудь свободных и передовых странах—гражданская война между теми классами, противоположность между коими создается и углубляется всем экономическим развитием капитализма, всей историей новейшего общества во всем мире, именно: между буржуазией и пролетариатом.

Так и за пережитые полгода нашей революции мы пережили 20—21 апреля и 3—4 июля очень сильные стихийные взрывы, вплотную подходившие к началу гражданской войны со

стороны пролетариата. А корниловское восстание представляло из себя поддержанный помещиками и капиталистами, с партией к.-д. во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу гражданской войны со стороны буржуазии.

Таковы факты. Такова история нашей собственной революции. А у этой истории больше всего надо учиться, в ее ход и в ее классовое значение больше всего надо вдумываться.

Попробуем сравнить начатки пролетарской и начатки буржуазной гражданской войны в России с точки зрения: 1) стихийности движения, 2) его целей, 3) сознательности масс, участвовавших в нем, 4) силы движения, 5) упорства его. Мы полагаем, что если бы все партии, которые теперь походя «швыряются зря» словами «гражданская война», поставили вопрос таким образом и сделали попытку фактического изучения начатков гражданской войны, то сознательность всей русской революции выиграла бы очень и очень много.

Начнем с стихийности движений. От 3—4 июля мы имеем показания таких свидетелей, как меньшевистская «Р. Газета» и эс-эровское «Дело Народа», признавших *факт* стихийного нарастания движения. Эти показания я приводил в статье «Прол. Дела», выходящей отдельной листовкой под названием «Ответ клеветникам». Но, по причинам вполне понятным, защищая себя, свое участие в преследовании большевиков, меньшевики и эс-эры официально продолжают отрицать стихийность взрыва 3—4 июля.

Отодвинем пока спорное. Оставим бесспорное. Стихийность движения 20—21 апреля никем не оспаривается. К этому стихийному движению примкнула партия большевиков с лозунгом «вся власть Советам», примкнул совершенно независимо от нее покойный Линде, выведший на улицу 30.000 вооруженных солдат, готовых арестовать Правительство. (Между прочим, в скобках сказать, этот факт вывода войск не обследован и не изучен. А когда вдумываешься в него, поставив 20 апреля в историческую связь событий, т.-е. рассматривая его, как звено цепи, идущей от 28 февраля к 29 августа, то ясным становится, что виной и ошибкой большевиков была *недостаточная* революционность их тактики, а никак не чрезмерная революционность, в коей нас обвиняют филистеры.)

Итак, стихийность движения, подходившего к началу пролетариатом гражданской войны, несомненна. Ничего даже приблизительно похожего на стихийность нет в корниловщине: там

только заговор генералов, которые рассчитывали увлечь часть войск обманом и силой приказаний.

Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контр-революции,— вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты.

Посмотрим на цели движения. 20 — 21 апреля всего ближе подходило к большевистским лозунгам, а 3—4 июля прямо нарастало в связи с ними под их влиянием и руководством. О диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, о мире и немедленном его предложении, о конфискации помещичьих земель— об этих главных *целях* пролетарской гражданской войны партия большевиков говорила совершенно открыто, определенно, ясно, точно, во всеуслышание, в своих газетах и в устной агитации.

Относительно целей корниловщины мы все знаем, и никто из демократии не оспаривает, что эти цели состояли в диктатуре помещиков и буржуазии, в разгоне Советов, в подготовке восстановления монархии. Партия кадетов— эта главная корниловская партия (ее бы следовало, кстати сказать, так и начать теперь звать корниловской партией), обладая большой прессой и большими агитаторскими силами, чем большевики, никогда не решалась и не решается открыто говорить народу ни о диктатуре буржуазии, ни о разгоне Советов, ни о корниловских целях вообще!

С точки зрения целей движения факты говорят, что пролетарская гражданская война может выступать с открытым изложением народу своих конечных целей, привлекая этим симпатии трудящихся, а буржуазная гражданская война только сокрытием своих целей и может пытаться вести часть масс, отсюда громадное различие по вопросу о сознательности масс.

Объективные данные по этому вопросу имеются, кажется, исключительно в связи с партийностью и с выборами. Других фактов, позволяющих точно судить о сознательности масс, как будто бы не имеется. Что пролетарски-революционное движение возглавляется партией большевиков, а буржуазное контр-революционное— партией кадетов, это ясно и едва ли может быть оспариваемо после полугодового опыта революции. Три сравнения фактического характера можно провести по рассматриваемому вопросу. Сопоставление майских выборов в районные думы в Питере с августовскими в центральную думу дает уменьшение ка-

детских и громадное увеличение большевистских голосов. Кадетская печать признает, что там, где скоплены массы рабочих или солдат, там наблюдается, по общему правилу, и сила большевизма.

Затем, сознательность участия *масс* в партии, при отсутствии всякой статистики по движению числа членов в партии, по посещению собраний и т. п. можно проверить на фактах, лишь по опубликованным сведениям относительно денежных сборов на партию. Эти сведения показывают громадный массовый героизм большевистских рабочих в сборе денег на «Правду»²³⁶), на закрываемые газеты и т. п. Отчеты о сборах всегда печатались. У кадетов мы не видим ничего подобного: «питают» партийную их работу, явное дело, взносы богачей. Нет и следа активной помощи масс.

Наконец, сравнение движения 20—21 апреля и 3—4 июля, с одной стороны, и корниловщины, с другой, показывает нам, что большевики прямо указывают массам их врага в гражданской войне, именно: буржуазию, помещиков и капиталистов. Корниловщина уже показала *прямой обман* пошедших за Корниловым войск,—обман, раскрытый первой же встречей «дикой дивизии» и корниловских эшелонов с питерцами.

Далее. Каковы данные о *силе* пролетариата и буржуазии в гражданской войне. Сила большевиков только в численности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эс-эровских и меньшевистских «низов» (т. - е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам. Что именно фактически эти лозунги увлекали за собой *большинство* активных революционных масс в Питере 20—21 апреля, и 18 июня, и 3—4 июля, это факт.

При этом сравнении данных о выборах с данными о названных «парламентских» массовых движениях вполне подтверждает по отношению к России наблюдение, много раз делавшееся на западе, именно: *сила* революционного пролетариата, с точки зрения воздействия *на массы* и увлечения их на борьбу, несравненно *больше* во вне *парламентской* борьбе, чем в борьбе парламентской. Это очень важное наблюдение по вопросу о гражданской войне.

Понятно, почему все условия и вся обстановка парламентской борьбы и выборов преуменьшает силу угнетенных классов по сравнению с той силой, которую они фактически могут развертывать в гражданской войне.

Сила кадетов и корниловщины в силе *богатства*. Что англо-французский капитал и империализм *за* кадетов и *за* корниловщину, это доказано длинным рядом политических выступлений и прессой. Общеизвестно, как вся «правая» Московского совещания 1 августа бешено стояла за Корнилова и Каледина. Общеизвестно, как французская и английская буржуазная пресса «помогали» Корнилову. Есть указания на помощь ему со стороны *банков* ²³⁷).

Вся сила богатства встала за Корнилова, а какой жалкий и быстрый провал! Общественные силы, кроме богачей, можно усмотреть у корниловцев лишь двоякие: «дикая дивизия» и казачество. В первом случае это *только* сила темноты и обмана. Эта сила тем больше страшна, чем больше печать остается в руках буржуазии. Пролетариат подорвал бы, победив в гражданской войне, *этот* источник «силы» сразу и радикально.

Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи. Но что же показали *факты*, относящиеся к корниловско-калединскому движению? Даже Каледин, «любимый вождь», поддержанный Гучковыми, Милюковыми, Рябушинскими и К^о, массового движения *все же не поднял!* Каледин неизмеримо «прямее», прямолинейнее шел к гражданской войне, чем большевики. Каледин прямо «ездил поднимать Дои», и все же Каледин массового движения никакого не поднял в «своем» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае! Наоборот, со стороны пролетариата мы наблюдаем стихийные взрывы движения в центре влияния и силы противобольшевистской все-русской демократии.

Объективных данных о том, как разные слои и разные хозяйственные группы казачества относятся к демократии и к корниловщине, не имеется. Есть только указания на то, что большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии, и лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское.

Как бы то ни было, исторически доказанной является, после опыта 26—31 августа, крайняя слабость массового казаческого движения в пользу буржуазной контр-революции.

Остается последний вопрос: об *упорстве* движения. Относительно большевистского, пролетарски-революционного движения мы имеем доказанный факт, что борьба с большевизмом за полгода республики в России велась, как идейная, при *гигантском* преобладании органов печати и агитаторских сил на стороне противников большевизма (и при весьма «рискованном» причислении к «идейной» борьбе кампании клеветы), так и *путем репрессий*: сотни арестованных, разгромлена главная типография, закрыта главная газета и ряд газет. Результат доказан фактами: громадное усиление большевизма на августовских выборах в Питере, затем усиление приближающихся к большевизму интернационалистских и «левых» течений и в эс-эровской и меньшевистской партиях. Значит, упорство пролетарски-революционного движения в республиканской России очень велико. Факты говорят, что совместными усилиями кадетов и эс-эров с меньшевиками не *удалось* несколько ослабить этого движения. Напротив, именно коалиция корниловцев с «демократией» *усилила* большевизм. Кроме идейного воздействия и репрессий не может быть иных средств борьбы с пролетарски-революционным течением.

Об упорстве кадетско-корниловского движения данных пока нет. Преследований кадеты никаких не видали. Даже Гучкова выпустили, даже Маклакова и Милюкова не арестовали. Даже «Речи» не закрыли. Кадетов щадят. За кадетами-корниловцами правительство Керенского *ухаживает*. А что, если бы поставить вопрос так: допустим англо-французские и русские Рябушинские отвалят еще миллионы и миллионы кадетам, «Единству», «Дню» и т. п. на новую избирательную кампанию в Питере; вероятно ли, что число их голосов увеличилось бы теперь, после корниловщины? Едва ли. Не придется ли на этот вопрос, судя по собраниям и т. п., ответить отрицательно...

* * *

Сводя вместе итоги нашего сравнения данных из истории русской революции, мы получаем тот вывод, что начало гражданской войны с стороны пролетариата обнаружило силу, сознательность, почвенность, рост и устройство движения. Начало гражданской войны со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило.

Союз кадетов с эс-эрами и меньшевиками против большевиков, т.-е. против революционного пролетариата испытан на практике в течение ряда месяцев, и этот союз временно притаившихся корниловцев с «демократией» привел на деле не к ослаблению, а к усилению большевиков, к краху «коалиции», к усилению «левой» оппозиции и у меньшевиков.

Союз большевиков с эс-эрами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии *еще не испытан*. Или, если быть более точным, такой союз *испытан* только *по одному фронту*, только в течение *пяти дней*, 26 — 31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контр-революцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контр-революции, что гражданская война *с этой стороны* развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя».

И перед лицом этого исторического факта вся буржуазная пресса со всеми ее подголосками (Плехановыми, Потресовыми, Брешко-Брешковскими ²³⁸) и т. д.) кричит изо всех сил, что именно союз большевиков с меньшевиками и эс-эрами «грозит» ужасами гражданской войны!..

Это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Грустно то, что подобная, явная, очевидная, вопиющая нелепость, насмешка над фактами, над всей историей нашей революции может вообще находить слушателей... Это доказывает все еще громаднейшую распространенность буржуазно-корыстной лжи (и распространенность неизбежную, пока пресса монополизирована буржуазией),—лжи, которая заливает, перекрикивает самые несомненные и осязательно бесспорные уроки революции.

Если есть абсолютно - бесспорный, абсолютно - доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эс-эрами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война не мыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения, буржуазия, *во второй* раз после корниловщины, не найдет даже и

«дикий дивизии», даже прежнего числа эшелонов казачества для движения против Советского правительства!

Мирное развитие какой бы то ни было революции вообще вещь чрезвычайно редкая и трудная, ибо революция есть наибольшее обострение самых острых классовых противоречий, но в крестьянской стране, когда союз пролетариата и крестьянства *может* дать измученным несправедливейшей и преступнейшей войной массам *мир*, а крестьянству всю *землю*,—в такой стране, в такой исключительно исторический момент мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам *возможно и вероятно*. Внутри Советов борьба партий за власть может идти мирно, при полном демократизме Советов, при отказе их от таких «мелких краж», от такого «обкрадывания» демократических принципов, как предоставление солдатам одного представителя на 500, а рабочим одного на тысячу избирателей. В демократической республике такие мелкие кражи осуждены на исчезновение.

Против же Советов, дающих всю землю без выкупа крестьянам и предлагающих справедливый мир всем народам, против таких Советов никакой союз буржуазии англо-французской и русской, Корниловых, Бьюкэненов ⁸⁾ и Рябушинских ²³⁹⁾, Милюковых с Плехановыми и Потресовыми совершенно не страшен, совершенно бессилен.

Сопrotивление буржуазии против безвозмездной передачи земли крестьянам, против подобных же преобразований в других областях жизни, против справедливого мира и разрыва с империализмом, такое сопротивление, конечно, неизбежно. Но, чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь *массы*, способные *воевать* и победить Советы. А таких масс у буржуазии *нет* и взять их ей неоткуда. Чем скорее и решительнее возьмут всю власть Советы, тем скорей расколются и «дикие дивизии», и казаки, расколются на ничтожнейшее меньшинство сознательных корниловцев и на огромное большинство сторонников демократического и *социалистического* (ибо речь тогда пойдет именно о социализме) союза рабочих и крестьян.

Сопrotивление буржуазии, при переходе власти к Советам, поведет к тому, что за *каждым* капиталистом будут «следить», надзирать, контролировать и учитывать его *десятки и сотни* рабочих и крестьян, интерес которых будет требовать борьбы с обманом народа капиталистами. Формы и способы этого учета и контроля выработаны и упрощены именно капитализмом, именно

такими созданиями капитализма, как банки, крупные фабрики синдикаты, железные дороги, почта, потребительные общества и профессиональные союзы. Советам совершенно достаточно будет наказывать уклоняющихся от подробнейшего учёта или обманывающих народ капиталистов конфискацией всего их имущества и кратковременным арестом, чтобы сломить этим бескровным путем всякое сопротивление буржуазии. Ибо именно через банки, раз они национализированы, именно через союзы служащих, через почту, через потребительные общества, через профессиональные союзы, контроль и учет станут универсальны, всеильны, вездесущи, непреодолимы.

И русские Советы, союз русских рабочих и беднейших крестьян, стоят не одиноко в своих *шагах* к социализму. Если бы мы были одиноки, мы не осилили бы этой задачи до конца и мирно, ибо это задача, по существу дела, международная. Но у нас есть величайший резерв, армии более передовых рабочих—в других странах, в которых разрыв России с империализмом и с империалистской войной неминуемо ускорит назревающую в них рабочую, социалистическую революцию.

* * *

Говорят о «потоках крови» в гражданской войне. Это говорит приведенная выше резолюция кадетов - корниловцев. Эту фразу повторяют на тысячи ладов все буржуа и все оппортунисты. Над ней смеются и будут смеяться, не могут не смеяться после корниловщины все сознательные рабочие.

Но вопрос о «потоках крови» в военное время, которое мы переживаем, можно и должно поставить на почву приблизительного учета сил, расчета последствий и результатов, взять его серьезно, а не как пустую ходячую фразу, не как одно только лицемерие кадетов, *все* с своей стороны сделавших для того, чтобы Корнилову удалось залить Россию «потоками крови», в целях восстановления диктатуры буржуазии, помещичьей власти и монархии.

«Потоки крови», говорят нам. Разберемся *и в этой* стороне вопроса.

Допустим, колебания меньшевиков и эс-эров продолжают, власти Советам они *не* передают, Керенского *не* свергают, восстанавливают старый гнилой компромисс с буржуазией чуточку в иной форме (вместо кадетов, напр., «беспартийные» *корниловцы*),

аппарата государственной власти не заменяют советским аппаратом, мира не предлагают, с империализмом не рвут, земли помещиков не конфискуют. Допустим такой исход теперешних колебаний эс-эров и меньшевиков, такой исход «сентября»

Опыт нашей собственной революции говорит яснее ясного, что последствием этого было бы дальнейшее обессилие эс-эров и меньшевиков, дальнейший разрыв их с массами, невероятное усиление в массах возмущения и озлобления, громадное усиление симпатии к революционному пролетариату, к большевикам.

Столичный пролетариат стоит тогда еще ближе, чем теперь, к коммуне, к рабочему восстанию, к завосованию власти в свои руки, к гражданской войне, в ее более высокой и более решительной форме: после опыта 20—21 апреля и 3—4 июля такой результат надо признать исторически неизбежным.

«Потоки крови», кричат кадеты. Но подобные потоки крови дали бы победу пролетариату и беднейшему крестьянству, а эта победа, с вероятностью девяноста девяти шансов из ста, дала бы *мир* вместо империалистской войны, *т.-е.* сберегла бы *сотням тысяч* людей, ныне проливающих кровь из-за дележа прибылей и захватов (аннексий) капиталистов. Если бы 20 — 21 апреля кончилось переходом всей власти к Советам, а внутри их дало победу большевикам в союзе с беднейшим крестьянством, то, хотя бы это стоило даже «потоков крови», это спасло бы жизнь *полмиллиону* русских солдат, наверное погибших в боях 19 июня

Так рассчитывает и так будет рассчитывать каждый сознательный русский рабочий и солдат, если он взвешивает и учитывает поднимаемый повсюду вопрос о гражданской войне, и, конечно, такого рабочего и солдата, кое-что пережившего и передумавшего, не испугают вопли о «потоках крови», испускаемые людьми, партиями и группами, желающими уложить жизнь *еще миллионов* русских солдат за Константинополь, за Львов, за Варшаву, за «победу над Германией».

Никакие «потоки крови» во внутренней гражданской войне не сравнятся даже приблизительно с теми *морями* крови, которые русские империалисты пролили после 19 июня (вопреки чрезвычайно высоким шансам на возможность избежать этого посредством передачи власти Советам).

Во время войны, господа Милюковы, Потресовы, Плехановы, поосторожнее аргументируйте *против* «потоков крови» в гражданской войне, ибо солдаты знают и видали *моря* крови.

Международное положение русской революции теперь, в 1917 году, на четвертом году неслыханно тяжелой, измучившей народы и преступнейшей войны, таково, что предложение справедливого мира победившим в гражданской войне русским пролетариатом означало бы девяносто девять шансов из ста за возможность добиться перемирия и мира *без пролития еще морей крови*.

Ибо соединение враждующих между собой англо-французского и германского империализмов *против* пролетарски-социалистической республики российской на практике *невозможно*, а соединение английского, японского и американского империализмов, против нас до последней степени трудно осуществимо и нам вовсе не страшно, уже в силу географического положения России. А между тем наличность революционных и социалистических пролетарских масс внутри *всех* европейских государств есть факт, назревание и неизбежность всемирной социалистической революции не подлежат сомнению, и помочь революции серьезно можно, конечно, не делегациями и не игрой в стокгольмские совещания с иностранными Плехановыми или Церетели, а только движением вперед русской революции.

Буржуа кричат о неизбежном поражении коммуны в России, т.-е. поражении пролетариата, если бы он завоевал власть.

Это лживые, корыстно-классовые крики.

Завоевав власть, пролетариат России имеет *все* шансы удержать ее и довести Россию до победоносной революции на Западе.

Ибо, во-первых, мы многому научились со времени Коммуны и не повторили бы роковых ошибок ее, не оставили бы банка в руках буржуазии, не ограничились бы обороной прорыва наших версальцев (корниловцев тож), а перешли бы в наступление против них и раздавили их.

Во-вторых, победивший пролетариат даст России мир. И никакая сила не свергнет правительство *мира*, правительства честного, искреннего, справедливого мира, после всех ужасов более чем трехлетней бойни народов.

В-третьих, победивший пролетариат даст крестьянству немедленно землю без выкупа. И гигантское большинство крестьянства, измученное, озлобленное «игрой с помещиками», которую продельывает наше правительство, особенно «коалиционное», особенно правительство Керенского, поддержит победивший пролетариат всецело, всемерно, беззавестно.

Вы говорите всё о «героических усилиях» народа, господа меньшевики и эс-эры. Я на-днях только встретил еще и еще раз эту фразу в передовице ваших «Известий Ц. И. К.». У вас это *только* фраза. Но рабочие и крестьяне, читающие ее, *думают* над ней, и каждое размышление, подкрепляемое опытом корниловщины, «опытом» министерства Пешехонова, «опытами» министерства Чернова *и так далее*, каждое размышление неминуемо приводит к выводу: но ведь это «героическое усилие», это и есть не что иное, как доверие беднейшего крестьянства к городским рабочим, как к своим вернейшим союзникам и вождям. Героическое усилие это и есть не что иное, как победа русского пролетариата в гражданской войне над буржуазией, ибо такая победа одна спасет от мучительных колебаний, одна даст выход, даст землю, даст мир.

Если можно осуществить союз городских рабочих с беднейшим крестьянством через немедленную передачу власти Советам, тем лучше. Большевики *все* сделают, чтобы этот *мирный* путь развития революции был обеспечен. Без этого и Учредительное Собрание, одно, само по себе, не спасет, ибо в нем ведь те же эс-эры могут продолжать «игру» в соглашения с кадетами, с Брешко-Брешковской и Керенским (чем они лучше кадетов?) и т. д. и т. подобное.

Если даже опыт корниловщины не научил «демократию», и она будет продолжать губительную политику колебаний и соглашательства, тогда мы скажем: ничто так не разрушает пролетарской революции, как эти колебания. Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна, если вы не хотите рассчитывать с корниловщиной и с «коалицией» теперь же, до конца,— то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата.

„Рабочий Путь“ № 12,
16 сентября 1917 г..
за подписью Н. Ленин.

Задачи революции.

Россия — мелко-буржуазная страна. Гигантское большинство населения принадлежит к этому классу. Его колебания между буржуазией и пролетариатом неизбежны. Только при его присоединении к пролетариату победа дела революции — дела мира, сво-

боды, получения земли трудящимся—обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно.

Ход революции нашей показывает нам эти колебания на практике. Не будем же делать себе иллюзий на счет партий эс-эров и меньшевиков, будем твердо стоять на своем классовом пролетарском пути. Нищета беднейших крестьян, ужасы войны, ужасы голода—все это показывает массам нагляднее и нагляднее правильность пролетарского пути, необходимость поддержки пролетарской революции.

«Мирные» мелко-буржуазные надежды на «коалицию» с буржуазией, на соглашательство с ней, на возможность «спокойно» дожидаться «скорого» Учредительного Собрания и проч., все это разбивает ход революции беспощадно, жестоко, неумолимо. Корниловщина была последним жестоким уроком—в большом раз-мере,—уроком, дополняющим тысячи и тысячи уроков мелких, уроков, состоящих из обмана рабочих и крестьян на местах капиталистами и помещиками, уроков, состоящих из обмана солдат офицерами и т. д. и т. д.

Недовольство, возмущение, озлобление в армии, в крестьянстве, среди рабочих растет. Всё обещающая и ничего не исполняющая «коалиция» эс-эров и меньшевиков с буржуазией нервирует массы, открывает им глаза, толкает их на восстание.

Растет оппозиция левых среди эс-эров (Спиридонова и др.) и среди меньшевиков (Мартов и др.),—достигая уже до 40% «Совета» и «съезда» этих партий. А *внизу*, в пролетариате и крестьянстве, особенно беднейшем, *большинство* эс-эров и меньшевиков «*левые*».

Корниловщина учит. Корниловщина многому научила.

Нельзя знать, смогут ли теперь Советы пойти дальше вождей эс-эров и меньшевиков, обеспечивая этим мирное развитие революции, или они опять будут топтаться на месте, делая этим пролетарское восстание неизбежным.

Нельзя знать это.

Наше дело—помочь сделать все возможное для обеспечения «последнего» шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского большинства населения.

Нижеследующие строки и представляют из себя опыт изложения такой программы.

Пойдем с ней больше в «низы», к массам, к служащим, к рабочим, к крестьянам, не только к своим, но и особенно к эс-эровским, к беспартийным, к темным. Постараемся их поднять к самостоятельному суждению, к вынесению своих решений, к посылке *своих* делегаций на совещание, в советы, в правительство,—тогда наша работа не пропадет *ни при каком* исходе совещания. Тогда она пригодится и для совещания, и для выборов в Учр. Собрание, и для всякой политической деятельности вообще.

Жизнь учит правильности большевистской программы и тактики. От 20 апреля до корниловщины—как мало прожито, как много пережито.

Опыт *масс*, опыт *униженных* классов дал им за это время страшно много, и вожди эс-эров и меньшевиков совсем разошлись с массами. Именно на конкретной программе—поскольку ее обсуждение удастся довести до масс—это и скажется всего вернее

Гибельность соглашения с капиталистами.

1. Оставить у власти представителей буржуазии, хотя бы в небольшом числе, оставить таких заведомых корниловцев, как генералы Алексеев, Клембовский, Багратион, Гагарин и пр., или таких, которые доказали свое полное бессилие перед буржуазией и свою способность действовать по-бонапартистски, как Керенский,—это значит открыть настежь двери, с одной стороны, голоду и неминуемой хозяйственной катастрофе, которую капиталисты умышленно ускоряют и обостряют, а, с другой стороны, военной катастрофе, ибо армия ненавидит ставку и не может с энтузиазмом участвовать в империалистской войне. Кроме того, корниловские генералы и офицеры, оставаясь у власти, несомненно, *откроют фронт немцам умышленно*, как они сделали с Галицией и Ригой. Предотвратить это может лишь образование нового правительства, на новых началах, излагаемых ниже. После всего пережитого с 20 апреля продолжать какое бы то ни было соглашение с буржуазией было бы со стороны эс-эров и меньшевиков не только ошибкой, но прямой изменой народу и революции.

Власть Советам.

2. Вся власть в государстве должна перейти исключительно к представителям Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов,

на основании определенной программы и при полной ответственности власти перед Советами. Должны быть немедленно произведены перевыборы Советов, как для учета всего народного опыта за последние, особенно богатые содержанием, недели революции, так и для устранения вопиющих несправедливостей (непропорциональности, неравенства выборов и т. п.), оставшихся кое-где неисправленными.

Вся власть на местах, где еще нет демократически избранных учреждений, и в армии—должна перейти исключительно местным Советам и к выбранным ими комиссарам и др. учреждениям, только выборным.

Безусловно и повсеместно, при полной поддержке государства, должно быть осуществлено вооружение рабочих и революционных, т.-е. доказавших на деле свою способность подавить корниловцев, войск.

Мир народам.

3. Советское правительство должно немедленно предложить всем воюющим народам (т.-е. одновременно и правительствам их, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на 3 месяца).

Главным условием демократического мира является отказ от аннексий (захватов)—не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном смысле, что *каждая* народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она *отдельное* государство или входит в состав любого иного государства.

Предлагая же условия мира, Советское правительство должно немедленно само приступить на деле к их выполнению, т.-е. опубликовать и расторгнуть тайные договоры, которыми мы связаны до сих пор, которые заключены царем и обещают русским капиталистам ограбление Турции, Австрии и т. д. Затем мы обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев, обеспечить им, как и всем иноплеменникам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения, применить то же самое ко *всей* Армении, обязаться очистить ее и занятые нами турецкие земли и т. д.

Такие условия мира не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров. Ибо рабочая революция против войны неуклонно растет всюду, и не фразы о мире (которыми давно обманывают рабочих и крестьян все империалистские правительства, в том числе и наше правительство Керенского), а лишь разрыв с капиталистами и предложение мира способны двинуть ее вперед.

Если осуществится наименее вероятное, т.-е. если ни одно воюющее государство не примет даже перемирия, тогда война с нашей стороны делается действительно вынужденной, действительно справедливой и оборонительной войной. Уже одно сознание этого пролетариатом и беднейшим крестьянством делает Россию во много раз более сильной и в военном отношении, особенно после полного разрыва с грабителями народ капиталистами, не говоря уже о том, что тогда с нашей стороны война будет не на словах, а на деле, войной в союзе с угнетенными классами всех стран, войной в союзе с угнетенными народами всего мира.

В частности, следует предостеречь народ от того утверждения капиталистов, которому поддаются иногда наиболее запуганные и мещане, и которое состоит в том, будто английские и др. капиталисты, в случае разрыва нашего теперешнего грабительского союза с ними, способны нанести серьезный вред русской революции. Это утверждение насквозь лживо, ибо «финансовая поддержка союзников», обогащая банкиров, «поддерживает» русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа, и только избавление от грабящих народ помещиков и капиталистов необходимо для правильного распределения этих продуктов. Что же касается до возможной военной угрозы русскому народу со стороны его теперешних союзников, то предположение, будто французы и итальянцы способны были бы соединить свои войска с немецкими и двинуть их против предложившей справедливый мир России, есть явно вздорное предположение; а Англия, Америка, Япония, даже если бы они объявили войну России (что для них затруднительно до последней степени, как в силу чрезвычайной

непопулярности такой войны в массах, так и в силу материального расхождения интересов между капиталистами этих стран, из-за дележа Азии, и в особенности из-за ограбления Китая), не могли бы причинить России и сотой доли того вреда и тех бедствий, которые причиняет война с Германией, Австрией и Турцией.

Земля трудящимся.

4. Советское правительство должно немедленно объявить частную собственность на помещичьи земли отмененною без выкупа и передать эти земли в заведывание крестьянских комитетов, впредь до разрешения Учредительного Собрания. В заведывание тех же крестьянских комитетов должен быть передан и помещичий инвентарь с тем, чтобы он предоставлялся безусловно в первую голову и бесплатно для пользования беднейших крестьян.

Такие меры, давно уже требуемые огромным большинством крестьянства и в резолюциях его съездов и в сотнях наказов с мест (как это видно, между прочим, и из сводки 242 наказов в «Известиях Советов Крестьянских Депутатов»), являются безусловно и неотложно необходимыми. Никакие оттяжки, от которых так страдало крестьянство во время «коалиционного» министерства, более не допустимы.

Всякое правительство, которое медлило бы с этими мерами, должно быть признано *противонародным* правительством, достойным быть свергнутым и раздавленным восстанием рабочих и крестьян. И, наоборот, лишь осуществившее эти меры правительство будет всенародным правительством.

Борьба с голодом и разрухой.

5. Советское правительство должно немедленно ввести рабочий контроль в общегосударственном масштабе над производством и потреблением. Без этого, как показал уже опыт с 6 мая, все обещания реформ и попытки их бессильны, и голод вместе с неслыханной катастрофой грозит всей стране с недели на неделю.

Необходима немедленная национализация банков и страхового дела, а равно важнейших отраслей промышленности (нефтяной, каменноугольной, металлургической, сахарной и пр.), рядом с безусловной отменой коммерческой тайны и установление не-

уклопного надзора со стороны рабочих и крестьян за ничтожным меньшинством капиталистов, наживающихся на поставках в казну и уклоняющихся от отчетности и от справедливого обложения их прибылей и имуществ.

Такие меры, не отнимая ни копейки собственности ни у средних крестьян, ни у казаков, ни у мелких ремесленников, являются безусловно справедливыми для равномерного несения тягостей войны и неотложными для борьбы с голодом. Только обуздав мародерство капиталистов и прекратив умышленную остановку ими производства, можно будет добиться повышения производительности труда, установления всеобщей трудовой повинности, правильного обмена хлеба на продукты промышленности, возвращения в казну многих миллиардов бумажных денег, скрываемых богачами.

Без таких мер невозможна и отмена собственности на помещичьи земли без выкупа, ибо помещичьи земли большей частью заложены в банках и интересы помещиков и капиталистов переплетены неразрывно друг с другом.

Последняя резолюция экономического отдела Всероссийского Ц. И. К. Сов. Раб. и Солд. Депутатов («Раб. Газ.» № 152) признает не только *«нагубность»* мер правительства (вроде повышения хлебных цен для обогащения помещиков и кулаков), не только *«факт полной бездеятельности образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни»*, но даже *«нарушение законов»* этим правительством. Это признание правящих партий эс-эров и меньшевиков лишний раз показывает всю преступность политики соглашательства с буржуазией.

Борьба с контр-революцией помещиков и капиталистов.

6. Корниловское и калединское восстание было поддержано всем классом помещиков и капиталистов, с партией к.-д. («нар. свободы») во главе их. Это вполне доказано уже фактами, опубликованными в «Известиях» Ц. И. К.

Но ни для полного подавления этой контр-революции, ни даже для ее расследования не сделано ничего, и не может быть сделано ничего серьезного, без перехода власти к Советам. Никакая комиссия, не обладая государственной властью, не в силах произвести полного расследования, арестовать виновных и т. д. Только Советское правительство может и должно произвести

это. Только оно может, арестуя генералов корниловцев и глав-
рей буржуазной контр-революции (Гучкова, Милюкова, Рябушин-
ского, Маклакова²⁴⁰) и К^о), распуская контр-революционные союзы
(Гос. Думу, союзы офицеров и т. п.), отдавая их членов под
надзор местных Советов, расформировывая контр-революционные
части, обеспечить Россию от неизбежного повторения «корни-
ловских» попыток.

Только оно может создать комиссию для полного и гласного
расследования дела корниловцев, как и всех прочих, хотя бы и
возбужденных буржуазией, дел и только такой комиссии партия
большевиков, с своей стороны, призвала бы рабочих оказать
полное повиновение и содействие.

Только Советское правительство могло бы успешно бороться
с такой вопиющей несправедливостью, как захват капиталистами
при помощи награбленных с народа миллионов, крупнейших
типографий и большинства газет. Необходимо закрыть буржуаз-
ные контр-революционные газеты («Речь», «Рус. Слово» и т. п.),
конфисковать их типографии, объявить частные объявления в
газетах государственной монополией, перевести их в правитель-
ственную газету, издаваемую Советами и говорящую крестьянам
правду. Только так можно и должно выбить из рук буржуазии
могучее орудие безнаказанной лжи и клеветы, обмана народа,
введения в заблуждение крестьянства, подготовки контр-револю-
ции.

Мирное развитие революции.

7. Перед демократией России, перед Советами, перед партиями
эс-эров и меньшевиков, открывается теперь чрезвычайно редко
встречающаяся в истории революции возможность обеспечить
созыв Учр. Собрания в назначенный срок без новых оттяжек,
возможность обезопасить страну от военной и хозяйственной
катастрофы, возможность обеспечить мирное развитие революции.

Если Советы возьмут теперь в руки, всецело и исключительно,
государственную власть для проведения изложенной выше про-
граммы, то Советам обречена не только поддержка девяти деся-
тых населения России, рабочего класса и громаднейшего боль-
шинства крестьянства. Советам обеспечен и величайший рево-
люционный энтузиазм армии и большинства народа, тот энту-
зиазм, без которого победа над голодом и над войной невоз-
можна.

Ни о каком сопротивлении Советам теперь не могло бы быть и речи, если бы не было колебаний с их стороны. Ни один класс не посмеет поднять восстание против Советов, и помещики с капиталистами, проученные опытом корниловщины, уступят власть мирно перед ультимативным требованием Советов. Для того, чтобы преодолеть сопротивление капиталистов программе Советов, достаточно будет надзора за эксплуататорами со стороны рабочих и крестьян и таких мер наказания послушникам, как конфискация всего имущества, соединенная с непродолжительным арестом.

Взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь—и, вероятно, это последний шанс их—обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой.

Если эта возможность будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывают на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом. Неминуемая катастрофа приблизит эту войну. Она должна будет кончиться, как показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим крестьянством, для осуществления изложенной программы, но она может оказаться весьма тяжелой, кровопролитной, стоящей жизни десяткам тысяч помещиков, капиталистов и сочувствующих им офицеров. Пролетариат не остановится ни перед какими жертвами для спасения революции, невозможного вне изложенной программы. Но пролетариат всемерно поддерживал бы Советы, если бы они осуществили последний их шанс на мирное развитие революции.

*„Рабочий Путь“ №№ 20 и 21,
26 и 27 сентября 1917 г.,
за подписью Н. К.*

Большевики должны взять власть.

Письмо в Ц. К., П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков)

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов ²⁴¹) большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за нас*. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое Совещание ²³²⁾ *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелко-буржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в Гор. Думы Питера ²²²⁾ и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа ²⁴²⁾: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое Совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство *одно* удовлетворит крестьянство.

* * *

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера ²³⁵⁾ сделает наши шансы во 100 раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К^о во главе мы помешать не в силах.

И Учредительного Собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К^о всегда *могут сорвать* его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний м-ков и эс-эров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

* * *

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с *массами*.

Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактический *свой съезд*, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции*.

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «*восстание есть искусство*» и т. д.

* * *

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: на одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К^о не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического Совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение *именно* теперь, *накануне* сепаратного мира англичан с немцами, *за нас*. Именно теперь предложить мир народам—значит *победить*.

Взять власть сразу *и* в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может-быть даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*.

*Написано в сентябре 1917 г.
в дни „Демократического Со-
вещания“.*

Из архива Ц. К. Р. К. П. (б).

Марксизм и восстание.

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь,

будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как искусству, есть «бланкизм»³⁰⁾.

Вождь оппортунизма, Бернштейн²⁴³⁾, уже списал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на йоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно упираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается *марксизм от бланкизма*.

Но раз есть на-лицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к *искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент падо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнести к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля¹⁶⁷⁾ с сентябрьскими днями²²⁵⁾.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелко-буржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к Керенским и к Церетели-Черновым*, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и м-ков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы за Питер.

Теперь картина совсем пная.

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самих эс-эров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока м-ков с эс-эрами.

За нами *верная победа*, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, а мы даем всему народу *верный выход*, показав значение

нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем предложив компромисс блокистам и получив отказ от них при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что «Демократическое Собрание» *еще* может принять его. Компромисс предлагался от партии к партиям; иначе он не мог предлагаться. Партии отвергли его. Демократическое Собрание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это собрание *меньшинства* народа,—нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Собранию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами—исключительные выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только* наша победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции,—сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* становимся «оборонцами», тогда *мы* становимся *во главе военных партий*, *мы* будем *самой* «военной» партией, *мы* поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще чеобъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь—это значит уже победить весь мир.

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.*

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, тем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эс-эров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократии, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть на заводы и в казармы*: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснить нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Советским правительством, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет ²⁴⁴).

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы *правильно учтем момент для начала восстания*.

А чтобы отпестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку ²⁴⁵), арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*.

*Написано в сентябре 1917 г.
в дни „Демократического Со-
ветского правительства“.*

Из архива Ц. К. Р. К. П.

О героях подлога.

Кончилось так называемое Демократическое Советское правительство. Слава Богу, еще одна комедия осталась позади. Мы все же таки идем вперед, если в книге судеб нашей революции положено пройти не более, как через определенное число комедий.

Чтобы правильно учесть политические итоги совещания, надо постараться определить его точное классовое значение, вытекающее из объективных фактов.

Дальнейшее разложение правительственных партий эс-эров и меньшевиков, явная для всех потеря ими большинства в революционной демократии, шаг вперед в объединении и оголении бонапартизма как г-на Керенского, так и г.г. Церетели, Чернова и К^о, — таково классовое значение совещания.

В Советах эсеры и меньшевики потеряли большинство. Поэтому им и пришлось пойти на подлог: нарушить свое обязательство созвать через три месяца новый съезд Советов, спрятаться от отчета перед теми, кто Ц. И. К. Советов выбирал, подтасовать «демократическое» совещание. Об этой подтасовке говорили большевики перед совещанием, и результаты его вполне подтвердили их. Либерданы ²⁴⁶⁾ и г.г. Церетели, Черновы и К^о видели, что их большинство в Советах тает, и потому и шли на подлог.

Доводы, вроде того, что кооперативы «имеют уже крупное значение в числе демократических организаций», а равно и «правильно» избранные городские и земские представители, эти доводы шиты настолько белыми нитками, что только грубое лицемерие может выдвигать их в серьез. Во-первых, ЦИК выбран Советами и уклонение его от сдачи отчета и должности *им* есть бонапартистский... подлог. Во-вторых, Советы представляют революционную демократию постолыку, поскольку в них идут те, кто хочет бороться революционно. Кооператорам и горожанам двери не закрыты. Хозяевами Советов были те же эсеры и меньшевики.

Тот, кто оставался *только* в кооперативах, *только* в пределах муниципальной (городской и земской) работы, тем самым выделял себя добровольно из рядов революционной демократии, тем самым причислял себя к демократии, либо реакционной, либо нейтральной. Всякий знает, что в кооперативную и муниципальную работу идут *не* только революционеры, идут *и* реакционеры, всякий знает, что в кооперативы и муниципалитеты выбирают преимущественно для работ *не* обще-политического размаха и значения.

Тайком притащить себе подмогу из сторонников «Единства» и «беспартийных» реакционеров—вот какова была цель Данов, Церетели, Чернова и К^о при подтасовке совещания. Вот в чем их подлог. Вот в чем их бонапартизм, объединяющий их с бонапартистом Керенским.

Обкрадыванье демократизма при лицемерном соблюдении внешности демократизма—вот в чем суть.

Николай II обкрадывал демократизм на крупные, так сказать, суммы: он созывал представительные учреждения, но помещикам давал в сотни раз более крупное представительство, чем крестьянам. Даны и Церетели с Черновыми занимаются мелкими кражами демократизма: они созывают «демократическое совещание», на котором *и* рабочие *и* крестьяне с полным правом указывают на

урезывание их представительства, на непропорциональности, на несправедливости в пользу наиболее близких к буржуазии (и к реакционной демократии) элементов кооперативов и муниципалитетов.

С массами рабочей и крестьянской бедноты г.г. Либеры, Даны, Церетели и Черновы порвали, от них они отошли. Спасение их в подлоге, которым держится и «ихний» Керенский.

Размежевка классов идет вперед. Изнутри партий эс-эров и меньшевиков крепнет протест, нарастает прямой раскол вследствие измены «вождей» интересам большинства населения. Вожди опираются на *меньшинство* — вопреки основам демократизма. Отсюда для них *неизбежности* подлогов.

Керенский, как бонапартист, все более разоблачает себя. Он считался «эс-эром». Теперь мы знаем, что он только «мартовский» эс-эр, перескочивший сюда от трудовиков «для рекламы». Он — сторонник Брешко-Брешковской, этой «г-жи Плехановой» среди эс-эров или «г-жи Потресовой» в эс-эровском «Дне». Так называемое «правое» крыло т. наз. «социалистических» партий, Плехановы, Брешковские, Потресовы, вот к кому *принадлежит* Керенский, а это крыло *ничем* серьезным не отличается от кадетов.

Керенского хвалят кадеты. Он ведет *их* политику, он *за спиной народа* советуется с ними и с Родзянко, он изобличен Черновым и другими в сообществе с Савинковым — другом Корнилова. Керенский — *корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами. Это — *факт*, доказанный как разоблачениями Савинкова и «Дела Народа», так и продолжающейся политической игрой, «министерской чехардой» Керенского с корниловцами, под названием «торгово-промышленного класса».

Тайные сделки с корниловцами, тайное кумовство (через Терещенко и К^о) с империалистами «союзниками», тайные оттяжки и саботирование Учр. Собрания, тайные обманы крестьян, чтобы услужить Родзянке, т.-е. помещикам (удвоение хлебных цен)²⁴⁷, вот чем занимается Керенский *на деле*. Вот его *классовая* политика. Вот в чем его бонапартизм.

Чтобы это прикрыть на совещании, Либеры, Даны и Церетели с Черновыми должны были подтасовать его.

И участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое же оправдание, как участие наше в III-ей Думе: и в «хлеву» надо отстаивать наше дело, и из «хлева» давать разоблачающий материал в поучение народу.

Разница тут, однако, та, что III-я Дума созывалась при заведомом упадке революции, а теперь заведомо идет нарастание *новой революции*,—мы очень мало знаем, к сожалению, о широте и быстроте этого нарастания.

* * *

Самым характерным эпизодом Совещания я считаю выступление Зарудного¹⁹⁹). Он рассказывает, что Керенскому «стоило только намекнуть» на реорганизацию правительства, — и все министры стали подавать прошения об отставке. «На другой же день,—продолжает наивный, младенчески-наивный (хорошо еще, если *только* наивный) Зарудный—на другой же день, несмотря на нашу отставку, нас призывали, с нами советовались, нас оставили в конце концов»

«В зале дружный смех»—отмечают в этом месте официальные «Известия».

Веселые люди, эти участники бонапартистского надувания народа республиканцами. Мы ведь все революционные демократы, не шутите!

С «самого начала,—говорит Зарудный,—мы слышали две вещи: стремиться к боеспособности армии и к ускорению мира на демократических началах. И вот, что касается мира, то за полтора месяца, пока я был членом Вр. Правительства, я не знаю, делало ли Вр. Правительство в этом отношении что-нибудь. Я не видел этого. (Аплодисменты и голос с места: «Ничего не делало» — отмечают «Известия».) Когда я в качестве члена Вр. Правительства осведомлялся об этом, я не получал ответа»...

Так говорит Зарудный, по сообщению официальных «Известий». И совещание слушает молча, терпит такие вещи, не останавливает оратора, не прерывает заседания, не ставит вопроса о немедленной отставке Керенского и правительства! Куда тут! Эти «революционные демократы» горой за Керенского!

Очень хорошо, господа, но чем же отличается тогда понятие «революционный демократ» от понятия... «холопа»?

Что холопы способны весело хохотать, когда «их» министр, отличающийся редкой наивностью или редкой тупостью, докладывает им, как Керенский гоняет министров (чтобы за спиной народа и «без лишних глаз» договариваться с корниловцами), это естественно. Что холопы молчат, когда «их» министр, взявший как будто в серьез всеобщие фразы о мире, не понявший их лицемерия, признается, что ему даже не отвечали на вопрос

о реальных шагах к миру, это не удивительно. Ибо холонам так и полагается—давать себя надувать правительству. Но при чем же тут революционность, при чем же тут демократизм??

* * *

И тут я подхожу к ошибкам большевиков. Ограничиться пролическими аплодисментами и возгласами в такой момент—является ошибкой.

Народ измучен колебаниями и оттяжками. Педовольство явно нарастает. Надвигается новая революция. Весь интерес реакционных демократов, Либеров, Данов, Церетели и пр., *отвлечь* внимание народа на комедийное «совещание», *занять* народ этой комедией, *отрезать* большевиков от массы, задерживая большевистских делегатов на таком недостойном занятии, как сиденье и п выслушивание Зарудных! А Зарудные еще правдивее других! Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения совещанием народного внимания от серьезных вопросов.

Большевики должны были в числе $\frac{99}{100}$ своей делегации итти па фабрики и в казармы; там было бы настоящее место делегатов, съехавшихся со всех концов России, и после речи Зарудного увидевших всю бездну эс-эровской и меньшевистской гнилости. Там, поближе к массам, следовало бы обсудить в сотнях и тысячах собраний и бесед уроки этого комедийного совещания.

Десять убежденных солдат или рабочих из отсталой фабрики *стдыт в тысячу раз больше*, чем *сотня* подгасованных Либерданами делегатов. Использование парламентаризма—особенно в революционные времена—состоит вовсе не в том, чтобы терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, чтобы *учить массы на примере гнилья*.

„Рабочий путь“ № 19,
24 сентября 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.

Послесловие к книге „Аграрная программа с.-д. в первой русской революции 1905—1907 г.г.“.

Настоящая работа написана в конце 1907 года. В 1908 году она была напечатана в Питере, но царская цензура захватила и уничтожила ее. Уцелел всего один экземпляр, в котором не

достает конца (после 269-й страницы данного издания), так что этот конец приписан теперь.

В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах. Ознакомление с историей нашей партийной программы в первой революции поможет, я надеюсь, правильнее разобраться в задачах теперешней революции.

Особенно надо подчеркнуть следующее. Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелко-буржуазная демократия *не могут* ограничиться рамками капитализма.

Жизнь уже пошла дальше этих рамок, поставив на очередь дня регулирование производства и распределения в общегосударственном масштабе, всеобщую трудовую повинность, принудительное синдицирование (объединение в союзы) и т. д.

При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и *шаг к социализму*. Нельзя бороться с бедствиями войны, не делая таких шагов.

Пролетариат, руководя беднейшим крестьянством, вынужден, с одной стороны, переносить центр тяжести с Советов Крестьянских депутатов на Советы Депутатов от сельских рабочих, а, с другой стороны, требовать национализации инвентаря помещичьих имений, а равно образования из них образцовых хозяйств под контролем этих последних Советов.

Подробнее останавливаться здесь на этих важных вопросах я, конечно, не могу и должен отослать интересующегося читателя к текущей большевистской литературе и к моим брошюрам: «Письма о тактике» и «Задачи пролетариата в нашей революции» (Проект платформы пролетарской партии).

*Написано 28 сентября 1917 г.
Напечатано в книге „Аграрная
программа с.-д. в перво-русской
революции 1905—1907 г.г.“.
Цетербург 1917 г.*

К ПЕРЕСМОТРУ

ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ

•

*Написано в конце сентября
и начале октября 1917 г.*

*Напечатано в журнале
„Просвещение“ № 1—2,
сентябрь—октябрь 1917 г.*

К пересмотру партийной программы.

В порядке дня экстренного съезда партии, Росс. С.-Д. Рабочей Партии (большевиков), созываемого Ц. К.-том на 17 октября ²⁴⁸), поставлен пересмотр партийной программы ⁹⁵). Еще конференция 24—29 апреля приняла резолюцию о необходимости пересмотра, указав в 8 пунктах направление его. Затем в Питере*) и Москве**) вышло по брошюре, посвященной пересмотру, а в московском журнале «Спартак» ²⁴⁹) появилась в № 4, от 10 августа, статья тов. Н. И. Бухарина ²⁵⁰), посвященная этой теме.

Рассмотрим соображения московских товарищей.

I.

Основным вопросом при пересмотре партийной программы является, для большевиков, которые все согласны в том, что надо дать «оценку империализма и эпохи империалистских войн в связи с надвигающейся социалистической революцией» (§ 1 резолюции конференции 24—29, IV), — вопрос о способе составления новой программы. Дополнить ли старую программу характеристикой империализма (это мнение защищал я в питерской брошюре) или переделать весь текст старой программы. (Это мнение высказала секция, составившаяся на апрельской конференции, и его защищают московские товарищи.) Так стоит прежде всего вопрос для нашей партии.

Мы имеем два проекта: один, предлагаемый мной, дополняет старую программу характеристикой империализма ²⁵¹). Другой, предлагаемый тов. В. Сокольниковым ²⁵²) и основанный на замечаниях комиссии из трех лиц (выбранной секцией, составившейся на

*) «Материалы по пересмотру партийной программы» под ред. и с предисловием Н. Ленина. Изд. «Прибой».

**) «Материалы по пересмотру партийной программы», сборник статей В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова, В. Смирнова. Изд. Обл. Бюро Моск. Прог. Района Р. С.-Д. Р. П.

апрельской конференции), перерабатывает всю общую часть программы.

Мне тоже пришлось высказать мнение (в названной брошюре) о теоретической неправомерности того плана переработки, который секция наметила. Посмотрим теперь на выполнение этого плана проектом тов. Сокольников

Тов. Сокольников разделил общую часть нашей программы на 10 частей, снабдив каждую часть или каждый абзац отдельным номером. Этой нумерации будем держаться и мы, чтобы облегчить читателю нахождение соответственного места.

Первый абзац теперешней программы состоит из двух предложений. Первое говорит, что рабочее движение стало международным в силу развития обмена. Второе—что российская с.-д-тия считает себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата. (Дальше, во втором абзаце, говорится об общей конечной цели всех с.-д.).

Тов. С. оставляет второе предложение неизменным, а первое заменяет новым, добавляя к указанию на развитие обмена и «вывоз капиталов» и переход борьбы пролетариата в «мировую социалистическую революцию».

Получается сразу нелогичность, смешение *тем*, путаница двух *типов* построения программы. Одно из двух: *или* начинать с характеристики империализма в *целом*,— тогда нельзя вырывать один «вывоз капиталов» и тогда нельзя оставлять по-старому, как это делает тов. С., анализ «хода развития» буржуазного общества во *втором* абзаце. Или тип построения программы оставить не измененным, т.-е. сначала объяснить, почему наше движение стало международным, какова его общая конечная цель, как к ней приводит «ход развития» буржуазного общества.

Чтобы нагляднее показать нелогичность, непоследовательность построения программы у тов. С., приведем полностью начало старой программы:

«Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным».

Тов. С. недоволен здесь двумя обстоятельствами: 1) говоря о развитии обмена, программа описывает устарелый «период развития»; 2) к слову «цивилизованных» тов. С. ставит восклица-

тельный знак и замечает, что «тесная связь между метрополией и колонией» у нас «не предусмотрена».

«Протекционизм, таможенные войны, империалистские войны—разорвут ли связь пролетарского движения?—спрашивает тов. С. и отвечает:—Если верить тексту нашей программы—разорвут, ибо разрывают связь, устанавливаемую обменом».

Критика уж очень странная. Ни протекционизм, ни таможенная война обмена не «разрывают», а только временно видоизменяют или прерывают в одном месте, продолжая в другом. Обмен не разорван данной войной, он только затруднен в одних местах, передвинут в другие места, он *остался* как мировая связь. Нагляднейшее доказательство этому—вексельные курсы. Это—во-первых. Во-вторых, у тов. С. в его проекте читаем: «развитие производительных сил, вовлекшее, на основе товарного обмена и вывоза капиталов, все народы в мировое хозяйство» и т. д. Империалистская война также прерывает (в одном месте, на время) и вывоз капиталов, как и обмен; значит, «критика» товарища С. бьет и *его самого*.

В-третьих, речь шла о том (в старой программе), почему рабочее движение «давно стало» международным. Бесспорно, что оно стало таковым до вывоза капиталов, как высшей стадии капитализма.

Итог: тов. С. вставил *кусочек* определения империализма (вывоз капиталов) явно *не к месту*.

Далее, слова: «цивилизованный мир» не нравятся т-щу С., ибо, по его мнению, они намекают на что-то мирное, гармоническое, забывающее о колониях.

Как раз напротив. Говоря о «цивилизованном мире», программа указывает на *не* гармоничность, на существование нецивилизованных стран (это же *факт*), а в проекте т-ща С. выходит *гораздо гармоничнее*, ибо говорится просто о «вовлечении всех народов в мировое хозяйство»!! Как будто бы все народы *равном-ерно* вовлечены в мировое хозяйство! Как будто бы не было отношений *кабалы* между «цивилизованными» и нецивилизованными народами именно *на почве* «вовлечения в мировое хозяйство».

У т-ща С. вышло прямо-таки *ухудшение* старой программы по обеим, затронутым им, темам. У него *слабее* подчеркнута международность. Нам очень важно указать, что она возникла *давно*, гораздо раньше эпохи финансового капитала. И у него вышло *больше* «гармонизма» по вопросу об отношении к колониям. А бесспорный факт, что рабочее движение охватило пока, к сожа-

лению, *только* цивилизованные страны; нам замалчивать соедем не к лицу.

Я охотно готов бы согласиться с тов. С., если бы он потребовал *более* ясного указания на эксплуатацию колоний. Это действительно *важная* составная часть понятий империализма. Но как раз в первом абзаце, предлагаемом тов. С., ни единого намека на это. У него различные составные части понятия империализма *разбросаны* по различным местам, в ущерб и последовательности и ясности.

Мы сейчас увидим, как страдает *весь* проект тов. С. от этой разбросанности и этой непоследовательности.

II.

Пусть читатель бросит общий взгляд на связь и последовательность *тем* в различных абзацах старой программы (абзацы по нумерации т-ща С.):

1) Рабочее движение давно стало международным. Мы—один из отрядов его.

2) Конечная цель движения определяется ходом развития буржуазного общества. Исходный пункт: частная собственность на средства производства и бесхозяйственность пролетариев.

3) Рост капитализма. Вытеснение мелких производителей.

4) Рост эксплуатации (женский труд, резервная армия и пр.).

5) Кризисы.

6) Прогресс техники и рост неравенства.

7) Рост борьбы пролетариев. Материальные условия замены капитализма социализмом.

8) Социальная революция пролетариата.

9) Ее условие—диктатура пролетариата.

10) Задача партии — руководить борьбой пролетариата за социальную революцию.

Я добавляю еще одну тему:

11) Капитализм дорос до такой высшей стадии (империализм), и теперь эра пролетарской революции началась.

Сравните с этим распорядок *тем*—не частных исправлений текста, а именно *тем*—в проекте т-ща С., а равно *темы его добавлений об империализме*:

1) Рабочее движение международно. Мы — один из отрядов его. (Вставлено: вывоз капиталов, мировое хозяйство, переход

борьбы в мировую революцию, т.-е. вставлен один кусочек из определения империализма.)

2) Конечная цель движения определяется ходом развития буржуазного общества. Исходный пункт: частная собственность на средства производства и бесхозяйственность пролетариев. (В середине вставлено: всемогущие банки и синдикаты, мировые монополистические союзы, т.-е. вставлен другой кусочек определения империализма.)

3) Рост капитализма. Вытеснение мелких производителей.

4) Рост эксплуатации (женский труд, резервная армия, иноземные рабочие и пр.).

5) Кризисы и войны. Вставлен еще кусочек определения империализма: «попытка раздела мира»; еще раз повторены: монополистические союзы и экспорт капитала; к слову финансовый капитал прибавлено в скобках пояснение: «продукт слияния банкового капитала с промышленным».

6) Прогресс техники и рост неравенства. Вставлен еще кусочек определения империализма: дороговизна, милитаризм. Еще раз повторены монополистические союзы.

7) Рост борьбы пролетариев. Материальные условия замены капитализма социализмом. В середине вставка, еще раз повторяющая: «монополистический капитализм» и указывающая на подготовку банками и синдикатами аппарата общественного регулирования и пр.

8) Социальная революция пролетариата. (Вставка, что она покончит с господством финансового капитала.)

9) Диктатура пролетариата, как ее условие.

10) Задача партии—руководить борьбой пролетариата за социальную революцию. (В середине вставка, что эта последняя становится на очередь дня.)

Мне кажется, из этого сопоставления ясно, что «механический» характер добавлений (которого опасались некоторые товарищи) получился именно в проекте т. С. Различные кусочки определения империализма разбросаны по разным пунктам совершенно непоследовательно, точно мозаика. Общего и цельного представления об империализме не получается. Повторений чрезмерно много. Сохранена старая канва. Сохранен старый общий план программы: показать, что «конечная цель» движения «определяется» характером современного буржуазного общества и *ходом его развития*. Но как раз «хода развития» и не вышло, а полу-

тились обрывки определений империализма, вкрапленные большей частью *не* к месту.

Возьмем второй абзац. В нем тов. С. оставил без изменения начало и конец; начало говорит о том, что средства производства принадлежат небольшому числу лиц, а конец о том, что большинство населения—пролетарии и полупролетарии. *По середине* т. С. вставляет особое предложение о том, что «за последнюю четверть века прямое или косвенное распоряжение капиталистически-организованным производством перешло в руки всемогущих» банков, трестов и т. д.

Это говорится *раньше*, чем изложено положение о *вытеснении мелких хозяйств крупными!!* Ибо это изложено лишь в *третьем* абзаце. Но ведь тресты, это — наивысшее и наипозднейшее проявление как раз данного процесса вытеснения мелких хозяйств крупными. Мыслимо ли говорить сначала о появлении трестов, а потом о вытеснении мелких хозяйств крупными? Разве не нарушается этим логическая последовательность? Ибо откуда же взялись тресты? Разве не получается теоретическая неправомерность? Как и почему «перешло» в их руки распоряжение? Этого нельзя понять, не выяснив себе сначала вытеснения мелких хозяйств крупными.

Возьмем третий абзац. Его тема—вытеснение мелких предприятий крупными. И здесь т. С. оставляет начало (о том, что значение крупных предприятий увеличивается) и конец (мелкие производители вытесняются), а в середине добавляет, что крупные предприятия «сливаются в гигантские организмы, объединяющие целый ряд последовательных ступеней производства и обращения». Но эта вставка посвящена уже другой теме — именно: концентрации средств производства и обобществлению труда капитализмом, созданию материальных условий замены капитализма социализмом. В старой программе эта тема разработана только в седьмом абзаце.

Тов. С. сохраняет этот общий план. Он тоже говорит о материальных условиях замены капитализма социализмом. *Лишь в 7 абзаце*, он тоже сохраняет в этом 7 абзаце указание на концентрацию средств производства и на обобществление труда!

Получилось, что обрывок указания на концентрацию вставлен за несколько параграфов *раньше* общего, сводного, цельного параграфа, посвященного концентрации специально. Это верх нелогичности и способно только затруднить понимание нашей программы широкими массами.

III.

Пятый абзац программы, говорящий о кризисах, т. С. «подвергает общей переработке». Он находит, что старая программа, «в угоду популярности, грешит теоретически» и «уклоняется от теории кризисов Маркса».

Тов. С. полагает, что слово «перепроизводство», употребленное в старой программе, кладется «в основу объяснения» кризисов и что «такой взгляд скорее соответствует теории Родбертуса²⁵³), исходившего в объяснении кризисов из недостаточного потребления рабочего класса».

До какой степени неудачны эти поиски теоретической ереси т-щем С., до какой степени *за волосы* притянут здесь Родбертус, легко увидеть из сравнения старого текста с новым, предлагаемым тов. С.

В старом тексте *после* указания (в абзаце 4) на «технический прогресс», на повышение уровня эксплуатации рабочих, на относительное уменьшение потребности рабочих, говорится: «*Также* положение дел внутри буржуазных стран и т. д. делает все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. *Перепроизводство*, проявляющаяся в кризисах... и периодах застоя... есть неизбежное следствие...».

Ясно, что здесь в «основу объяснения» перепроизводство вовсе не кладется, а лишь *описывается* происхождение кризисов и периодов застоя. У тов. С. в его проекте читаем:

«Совершающееся в этих противоречивых формах,—в которых условия производства приходит в столкновение с условиями потребления, условия реализации капитала с условиями его накопления,—развитие производительных сил, направляемое только погоней за прибылью, имеет неизбежным следствием острые промышленные кризисы и депрессии, означающие остановку сбыта товаров, анархически производимых в постоянно возрастающем количестве.»

Тов. С. сказал то же самое, ибо «остановка сбыта» товаров, производимых в «возрастающем количестве», есть именно *перепроизводство*. Напрасно тов. С. боится этого слова, в котором нет никакой неверности. Напрасно тов. С. пишет, что вместо «перепроизводство» с «одинаковым и даже большим правом можно тут поставить недопроизводство».

Попробуйте-ка «остановку сбыта товаров», «производимых в постоянно возрастающем количестве», назвать «недопроизводством»! Это вам никак не удастся.

Родбертусианизм состоит вовсе не в употреблении слова «перепроизводство» (которое одно только *точно описывает* одно из самых глубоких *противоречий* капитализма), а в объяснении кризисов *только* недостаточным потреблением рабочего класса. Но старая программа выводит кризисы *не* из этого. Она ссылается на *такое* положение дел внутри буржуазных стран, которое перед этим, в предыдущем абзаце, как раз указано и которое состоит в «техническом прогрессе» и в «относительном уменьшении потребности в живом труде рабочих». Рядом с этим старая программа говорит об «обостряющемся соперничестве на всемирном рынке».

Тут как раз сказано *основное* о столкновении условий накопления с условиями реализации и сказано гораздо *яснее*. Теория не «изменена» здесь, как думает ошибочно тов. С., в «угоду популярности», а изложена ясно и популярно; это—достоинство.

О кризисах, конечно, можно написать томы, можно дать более конкретный анализ условий накопления, сказать о роли *средств производства*, об обмене прибавочной стоимости и переменного капитала в средствах производства на постоянный капитал в предметах потребления, об обесценении постоянного капитала новыми изобретениями и так далее и так далее. Но ведь этого не пытается дать и тов. С.!! Его якобы исправление программы состоит лишь в следующем:

1) Сохранив план перехода от абзаца 4 к 5, от указания на технический прогресс и пр. к кризисам, он *ослабил связь* между обоими абзацами, выкинув слова: «*такое* положение дел».

2) Он добавил теоретично - звучащие фразы о столкновении условий производства с условиями потребления и условий реализации с условиями накопления, — фразы, в коих нет неверности, но которые не дают новой мысли, ибо предыдущий абзац *основное* как раз по этой части говорит яснее.

3) Он добавляет «погоню за прибылью» — выражение, мало подходящее к программе, употребленное здесь, пожалуй, именно «*в угоду популярности*», ибо *мысль* выражена *та самая* несколько раз и словами об «условиях реализации» и словами о «товарном производстве и проч.

4) Он заменяет «застой» «депрессией»; замена неудачная.

5) Он добавляет слово «анархически» к старому тексту («товаров, анархически производимых в постоянно возрастающем количестве»). Это добавление теоретически неправильно, ибо как раз «анархичность» или «отсутствие планомерности», если взять выражение, употребленное в проекте Эрфуртской программы ¹³⁵⁾ и оспоренное Энгельсом, *не* характеризует тресты *).

У тов. С. вышло вот что:

«...Товары анархически производятся в постоянно возрастающем количестве. Попытки капиталистических союзов (трестов и пр.), ограничивая производство, устранять кризисы, терпят крушение» и т. д...

Но товары производятся именно трестами *не* анархически, а по учету. Тресты *не только* «ограничивают» производство. *Попыток* устранить кризисы они не делают, таких «попыток» со стороны трестов быть не может. У тов. С. получился ряд неточностей. Надо бы сказать: хотя тресты производят товары не анархически, а по учету, но кризисы все же остаются неустраняемыми в силу указанных выше свойств капитализма, сохраняющихся и при трестах. А если тресты, в периоды наибольшего подъема и спекуляции, ограничивают производство в том смысле, чтобы «не зарваться», то этим они в лучшем случае сберегают самые крупные предприятия, кризисы же наступают тем не менее.

Сводя вместе все сказанное по вопросу о кризисах, мы получаем вывод, что улучшения старой программы проект тов. С. *не* дает. Напротив, новый проект содержит неточности. Необходимость исправления старого осталась недоказанной.

IV.

По вопросу о войнах империалистского характера проект тов. С. грешит теоретической неправильностью в двух отношениях.

Во-первых, он не дает оценки данной, теперешней войны. Он говорит, что империалистская эпоха порождает империалистские войны. Это верно, и сказать это в программе, конечно, надо было. Но этого мало. Необходимо, кроме того, сказать, что именно теперешняя война 1914—1917 годов и есть война империалистская.

*) Энгельс критиковал выражение: «частное производство» и «отсутствие планомерности» в проекте Эрфуртской программы и писал: «если мы от акционерных обществ перейдем к трестам, которые господствуют над всеми отраслями промышленности, монополизировав их, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности».

Немецкая группа «Спартак»⁶²⁾ в своих «тезисах», изданных по-немецки в 1915 году, выставила утверждение, что в эру империализма национальных войн *быть не может*. Это явно неправильное утверждение, ибо угнетение наций империализм обостряет, а вследствие этого не только возможны и вероятны, но прямо неизбежны национальные восстания и национальные войны (попытки провести различие между восстаниями и войнами были бы осуждены на крушение).

Марксизм требует безусловно точной оценки, на основании конкретных данных, каждой отдельной войны. Обходить вопрос о теперешней войне посредством общих рассуждений и теоретически неверно, и практически недопустимо, ибо за это прячутся оппортунисты, создавая себе лазейку: вообще-де империализм есть эпоха империалистских войн, но *эта* война была *не совсем* империалистская (так рассуждал, напр., Каутский).

Во-вторых, тов. С. связывает «кризисы и войны» *вместе*, как некий двуединый спутник капитализма вообще и новейшего в особенности. На стр. 20—21 московской брошюры, в проекте тов. С. *три* раза повторено это соединение кризисов и войн. Тут дело не только в нежелательности повторений в программе. Тут дело в принципиальной неверности.

Кризисы, именно в форме перепроизводства или «остановки сбыта товаров», если т. С. изгоняет слово перепроизводство, есть явление *исключительно* капитализму свойственное. Войны же свойственны и рабской и крепостнической системе хозяйства. Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной)²⁵⁴⁾, и в средние века и в эпоху торгового капитализма. Всякую войну, в которой *обе* воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить», нельзя не назвать империалистской.

Если мы говорим, что только новейший капитализм, только империализм принес с собой империалистские войны, то это справедливо, ибо *предшествующая* стадия капитализма, стадия свободной конкуренции или стадия до-монополистического капитализма характеризовалась преимущественно *национальными* войнами в Зап. Европе. Но если сказать, что в предшествующей стадии вовсе не было империалистских войн, то это будет уже неверно, это будет забвением «колониальных» войн, *тоже* империалистских. Это — во-первых.

А во-вторых, неправильным остается именно *соединение* кризисов и войн, ибо это явление совершенно различного порядка, различного исторического происхождения, различного классового значения. Например, нельзя сказать, как говорит в своем проекте т. С.: «И кризисы и войны, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала»... Ибо *возможны* войны в интересах освобождения наемного труда от капитала, в ходе борьбы наемных рабочих против класса капиталистов, возможны войны не только реакционно-империалистские, но и революционные. «Война есть продолжение политики» того *или* иного класса; и в каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов. По той же причине нельзя сказать, как говорит тов. С., что «кризисы и войны показывают, что капиталистическая система из формы развития производительных сил превращается в их тормоз».

Что данная империалистская война своей реакционностью и своей тяжестью революционизирует массы и ускоряет революцию, это верно, это надо сказать. И про империалистские войны вообще, как *типичные* для эпохи империализма, это будет верно и это сказать можно. Но нельзя сказать того про всякие «войны» вообще, и затем никак нельзя связывать кризисы и войны.

V.

Нам надо теперь подвести итоги по тому главнейшему вопросу, который по единодушному решению всех большевиков должен прежде всего найти освещение и оценку в новой программе. Это вопрос об *империализме*. Тов. Сокольников стоит за то, что это освещение и эту оценку целесообразнее дать, так сказать, в разбивку, разделив разные признаки империализма между разными параграфами программы; я думаю, что целесообразнее сделать это в особом параграфе или в особой части программы, собрав вместе все, что надо сказать об империализме. Члены партии имеют теперь перед глазами оба проекта, и на съезде вынесено будет решение. Но мы вполне согласны с тов. Сокольниковым насчет того, что об империализме сказать надо, и остается рассмотреть, нет ли разногласий относительно того, *как* следует осветить и оценить империализм.

Сравним два проекта новой программы с этой точки зрения. В моем проекте взяты пять главных отличительных признаков империализма: 1) монополистические союзы капиталистов; 2) слияние банкового капитала с промышленным; 3) вывоз капитала в чужие страны; 4) территориальный разрыв мира, раздел уже законченный; 5) раздел мира экономически-интернациональными трестами. (В моей брошюре: «Империализм, как новейший этап капитализма», вышедшей позже, чем «Материалы по пересмотру партийной программы», приведены эти пять отличительных признаков империализма на стран. 85.) В проекте тов. Сокольниковы находим, в сущности, те же пять основных признаков, так что принципиальное согласие по вопросу об империализме устанавливается, видимо, в нашей партии очень полное,—как и следовало ожидать, ибо практическая агитация нашей партии по этому вопросу, как устная, так и печатная, давно уже, с самого начала революции, обнаружила полное единодушие всех большевиков по данному коренному вопросу.

Остается рассмотреть, каковы различия *формулировки* в определении и характеристике империализма, между обоими проектами. Оба проекта содержат конкретное указание на то, с какого времени можно собственно говорить о превращении капитализма в империализм, и едва ли можно спорить против необходимости такого указания в интересах точности и исторической правильности всей оценки хозяйственного развития. Тов. С. говорит: «за последнюю четверть века», у меня говорится: «приблизительно с начала XX века». В цитированной только что брошюре об империализме приведены (напр., на стр. 10—11) свидетельства одного экономиста, специально изучающего картели и синдикаты, что поворотным пунктом в Европе к *полной* победе картелей явился кризис 1900—1903 годов. Поэтому, мне кажется, точнее будет сказать: «приблизительно с начала XX века», чем «за последнюю четверть века». Это будет правильнее еще и потому, что как тот специалист, на которого я сейчас указал, так и вообще европейские экономисты чаще всего оперируют с германскими данными, а Германия *сбогнала* другие страны в процессе образования картелей.

Далее. О монополиях в моем проекте говорится: «монополистические союзы капиталистов получили решающее значение». В проекте т-ща С. указания на монополистические союзы повто-

рены *несколько раз*, но из всех этих указаний только одно отличается сравнительной определенностью, именно следующее:

«...За последнюю четверть века прямое или косвенное распоряжение капиталистически-организованным производством перешло в руки всемогущих, соединившихся между собой банков, трестов и синдикатов, образовавших мировые монополистические союзы, руководимые кучкой магнатов финансового капитализма».

Мне кажется, здесь слишком много «агитации», т.-е. «в угоду популярности» в программу вставлено то, чему в ней не место. В газетных статьях, в речах, популярных брошюрах «агитация» необходима, но программа партии должна отличаться экономической точностью и не давать лишнего. Что монополистические союзы получили «решающее значение», это, мне кажется, наиболее точно и этим все сказано. Между тем в приведенном абзаце из проекта т. С. не только много лишнего, но и теоретически сомнительным является выражение: (распоряжение) «капиталистически-организованным производством». Только ли капиталистически-организованным! Нет. Это слишком слабо. И производство заведомо *не* организованное капиталистически,—мелкие ремесленники, крестьяне, мелкие производители хлопка в колониях и проч. и проч. подпали под зависимость банков и вообще финансового капитала. Если мы будем говорить о «всемирном капитализме» вообще (а только о нем и можно говорить здесь, не впадая в неправильность), то, сказав: «решающее значение» получили монополистические союзы, мы *никаких* производителей не исключаем из подчинения этому решающему значению. Ограничивать влияние монополистических союзов «капиталистически-организованным производством» — неправильно.

Далее, о роли банков в проекте т. С. сказано одно и то же два раза: один раз в только что приведенном абзаце, другой раз — в абзаце о кризисах и войнах, где дано определение: «финансовый капитал (продукт слияния банковского капитала с промышленным)». В моем проекте говорится: «банковский капитал громадной концентрации слился с промышленным». Один раз сказать это — в программе достаточно.

Третий признак: «вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах» (так сказано в моем проекте). В проекте тов. С. находим один раз простое указание на «вывоз капиталов», второй раз в совершенно другой связи говорится о «новых странах, являющихся... полем приложения эксплуатируе-

мого капитала, ищущего сверх-прибылей». Трудно принять здесь правильным указание на сверх-прибыли и на новые страны, ибо вывоз капитала развился также из Германии в Италию, из Франции в Швейцарию и т. под. Капитал стал вывозиться при империализме и в старые страны, и не только ради *сверх*-прибылей. То, что верно по отношению к новым странам, неверно по отношению к вывозу капитала вообще.

Четвертый признак—то, что Гильфердинг назвал ²⁵⁵) «борьбою за хозяйственную территорию». Это название *не* точно, ибо оно не выражает главного отличия современного империализма от *прежних* форм борьбы за хозяйственную территорию. За такую территорию боролся и интичный Рим, боролись и европейские государства XVI—XVII веков, завоевывая колонии, и старая Россия, завоевывая Сибирь и т. д. и т. п. Отличительный признак современного империализма состоит в том, что (как говорится в моем проекте программы) «весь мир уже поделен территориально между богатейшими странами», т.-е. раздел земли между государствами закончен. Именно из этого обстоятельства вытекает особая острота борьбы за *передел* мира, особая острота столкновений, приводящая к войнам.

В проекте тов. С. это выражено весьма многословно и теоретически едва ли правильно. Я приведу сейчас его формулировку, но, так как она соединяет в одно и вопрос об экономическом разделе мира, то необходимо сначала коснуться и этого последнего, пятого, признака империализма. В моем проекте он формулирован так:

«...Начался раздел мира экономической между интернациональными трестами». Большого сказать не позволяют данные политической экономии и статистики. *Такой* раздел мира очень важный процесс, но он еще только начался. Империалистские войны из-за *этого* раздела мира, из-за *передела* вытекают, раз территориальный раздел закончен, т.-е. «свободных» земель для захвата без войны с соперником *не* осталось.

Посмотрим теперь на формулировку т. С.:

«Но область господства капиталистических отношений непрерывно расширяется и во-вне путем перенесения их в новые страны, являющиеся для монополистических союзов капиталистов товарными рынками, поставщиками сырья и полем приложения эксплуатируемого капитала, ищущего сверх-прибылей. Огромные массы накопленной прибавочной стоимости, находящиеся в рас-

поряжении финансового капитала (продукт слияния банковского капитала с промышленным) выбрасываются на мировой рынок. Соперничество могущественных национально, а иногда и международно-организованных союзов капиталистов за господство на рынке; за обладание или контроль над территориями более слабых стран, т.е. за преимущественное право на беспощадное угнетение их, неминуемо приводит к попыткам раздела всего мира между богатейшими капиталистическими государствами, к империалистским войнам, порождающим всеобщие бедствия, разорение и одичание.

Тут чрезмерно много слов, прикрывающих ряд теоретических неправильностей. Нельзя говорить о «попытках» раздела мира, ибо мир *уже* поделен. Война 1914—1917 г.г. не есть «попытка раздела» мира, а борьба за *перedel* уже разделенного мира. Война стала неизбежной для капитализма, потому что за несколько лет до нее империализм *разделил* мир по старым, так сказать, меркам силы, «исправляемых» войною.

И борьба за колонии (за «новые страны»), и борьба за «обладание территориями более слабых стран», все это было и *до* империализма. Характерно для современного империализма *иное*: именно, что вся земля оказалась в начале XX века занятой тем или иным государством, поделенной. Только поэтому *перedel* «господства над миром» не мог, на основе капитализма, произойти иначе, как ценою всемирной войны. «Международно-организованные союзы капиталистов» тоже бывали и *до* империализма: всякое акционерное общество с участием капиталистов разных стран есть «международно-организованный союз капиталистов».

Для империализма характерно *иное*, чего раньше, до XX века, *не было*, именно: раздел мира экономический между интернациональными трестами, раздел ими стран *по договору*, как областей сбыта. Это как раз в проекте т. С. не выражено, так что сила империализма изображена *слабее*, чем она есть.

Наконец, теоретически неправильно говорить о выбрасывании на мировой рынок масс накопленной *прибавочной стоимости*. Это похоже на теорию реализации Прудона²⁵⁶), по которой капиталисты легко могут реализовать и постоянный и переменный капитал, но оказываются в затруднении при реализации прибавочной стоимости. На деле капиталисты без затруднений и без кризисов не могут реализовать не только прибавочной стоимости, но и переменного капитала и постоянного капитала. На рынок

выбрасываются массы товаров, являющихся не только накопленной стоимостью, но и стоимостью, воспроизводящей переменный капитал и постоянный капитал. Наприм., на мировой рынок выбрасываются массы рельс или железа, долженствующие реализоваться обменом на предметы потребления рабочих или на другие средства производства (лес, нефть и т. п.).

VI.

Заканчивая этим разбор проекта т. Сокольникова, мы должны особо отметить одно очень ценное добавление, которое он предлагает и которое, по моему мнению, следовало бы принять и даже расширить. Именно: он предлагает в абзаце, говорящем о техническом прогрессе и о росте употребления женского и детского труда, добавить—(применять) «равно как и труд небученных иноземных рабочих, ввозимых из отсталых стран». Это—ценное и необходимое добавление. Как раз для империализма такая эксплуатация труда *хуже оплачиваемых* рабочих из отсталых стран особенно характерна. Как раз на ней основан, в известной степени, *паразитизм* империалистских, богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда «дешевых» иностранных рабочих. Слова «хуже оплачиваемых» следовало бы добавить, а также слова: «и часто бесправных», ибо эксплуататоры «цивилизованных» стран всегда пользуются тем, что ввозимые иностранные рабочие бесправны. Это постоянно наблюдается не только в Германии по отношению к русским, т.-е. приезжим из России, рабочим, но и в Швейцарии—по отношению к итальянцам, во Франции — по отношению к испанцам и итальянцам и т. д.

Может быть, было бы целесообразно сильнее подчеркнуть и нагляднее выразить в программе выделение кучки богатейших империалистских стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций. Это—крайне важная особенность империализма, которая, между прочим, до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений в странах, которые подвергаются империалистскому грабежу, которым угрожает раздел и удушение их гигантами-империалистами (такова Россия),—и, наоборот, до известной степени затрудняет возникновение глубоких революционных движений в странах, которые грабят империалистски много колоний и чужих стран,

делая таким образом очень большую (сравнительно) часть своего населения *участником* дележа империалистской добычи.

Я предложил бы поэтому вставить, хотя бы в том месте моего проекта, где дается характеристика социал-шовинизма (стр. 22 брошюры) указание на эту эксплуатацию богатейшими странами ряда других стран. Соответственное место проекта получилось бы такое (курсивом отмечаю новые добавления):

«Таким извращением является, с одной стороны, течение социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие лозунгом «защиты отечества» защиты грабительских интересов «своей» национальной буржуазии *в империалистской войне, а равно защиты привилегированного положения граждан богатой нации, получающей громадные доходы от грабежа колоний и слабых наций.* Таким извращением является, с другой стороны, столь же широкое и международное течение «центра» и т. д.».

Добавление слов «в империалистской войне» необходимо ввиду большей точности: «защита отечества» есть не что иное, как лозунг оправдания войны, признания ее законности, справедливости. Войны бывают разные. Возможны войны и революционные. Надо поэтому сказать с полной точностью, что здесь идет речь именно об империалистской войне. Это подразумевается, но во избежание кривотолков, чтобы это не подразумевалось, а было сказано прямо и ясно.

VII.

От общей или теоретической части программы переходим к программе-минимум. Здесь мы встречаем сразу «очень радикальное», по внешности, и очень несостоятельное предложение т.т. Н. Бухарина и В. Смирнова²⁵⁷) *вовсе удалить* программу-минимум. Деление, дескать, на программу-максимум и программу-минимум «устарело», к чему оно, раз речь идет о переходе к социализму. Никакой программы-минимум, прямо программу переходных мер к социализму.

Таково предложение двух названных товарищей, которые, однако, не решились почему-то предложить соответственного проекта (хотя постановка в порядок дня ближайшего съезда партии пересмотра партийной программы прямо обязывала этих товарищей составить такой проект). Возможно, что авторы кажущегося

«радикальным» предложения сами остановились в нерешительности... Как бы то ни было, их мнение надо рассмотреть.

Войной и разрухой все страны вынуждены итти от монополистического капитализма к государственно-монополистическому капитализму. Таково объективное положение. Но в обстановке революции, при революции государственно-монополистический капитализм *непосредственно* переходит в социализм. Нельзя итти вперед, при революции, не идя к социализму,—таково объективное положение, созданное войной и революцией. Его учла наша апрельская конференция, поставив лозунги «республики советов» (политическая форма диктатуры пролетариата) и национализации банков и синдикатов (основная из переходных мер к социализму). До сих пор все большевики согласны между собой и единодушны. Но т.т. В. Смирнов и Н. Бухарин хотят итти дальше, *вовсе* выкидывая программу-минимум. Это значило бы поступать вопреки мудрому совету мудрой пословицы, которая гласит:

«Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати».

Мы едем на рать, т.-е. мы боремся за завоевание нашей партии политической власти. Эта власть была бы диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства. Беря эту власть, мы не только не боимся выйти за пределы буржуазного строя, а, напротив, ясно, прямо, точно и во всеулышание говорим, что мы выйдем за эти пределы, что мы пойдем безбоязненно к социализму и что вот какой дорогой лежит наш путь через республику Советов, через национализацию банков и синдикатов, рабочий контроль, всеобщую трудовую повинность, национализацию земли, конфискацию помещичьего инвентаря и проч. и проч. В этом смысле программу переходных мер к социализму мы дали.

Но мы не должны хвалиться, едучи на рать, мы не должны выкидывать программу-минимум, ибо это было бы равносильно пустой похвальбе: не хотим ничего «требовать от буржуазии», а осуществлять сами, не хотим работать по мелочам в рамках буржуазного строя.

Это было бы пустой похвальбой, ибо сначала надо завоевать власть, а мы еще ее не завоевали. Сначала надо осуществить на деле переходные меры к социализму, довести нашу революцию до победы всемирной социалистической революции, а потом уже, «едучи с рати», можно и должно выкинуть вон программу-минимум, *как ненужную больше.*

Можно ли теперь ручаться, что она больше не нужна? Конечно, нельзя по той простой причине, что мы еще власти не завоевали, социализма не осуществили и даже еще до начала всемирной социалистической революции не дожили.

Надо твердо, смело, без колебаний *итти* к этой цели, но смешно объявлять ее достигнутой, когда она заведомо еще не достигнута. Выкидывание уже прочь программы-минимум равносильно объявлению, провозглашению (похвальбе, говоря попросту), «что мы уже победили».

Нет, дорогие товарищи, мы еще не победили.

Мы не знаем, победим ли мы завтра, или немного позже. (Я лично склонен думать, что завтра,—пишу это 6 октября 1917 г.— и что можем опоздать с взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня.) Мы не знаем, как скоро после нашей победы придет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и победы контр-революции после нашей победы,—невозможного в этом ничего нет, и потому мы построим, когда победим, «тройную линию окопов» против такой возможности.

Мы всего этого не знаем и *знать не можем*. Никто этого *знать не может*. А потому и смешно выкидывать программу-минимум, которая *необходима*, пока мы еще живем в рамках буржуазного строя, пока мы еще этих рамок не разрушили, основного для перехода к социализму не осуществили, врага (буржуазию) не разбили и, разбив, не уничтожили. Все это будет и будет, может быть, гораздо скорее, чем многим кажется (я лично думаю, что это должно *начаться* завтра), *но этого еще нет*.

Возьмите программу-минимум в политической области. Она, эта программа, рассчитана на буржуазную республику. Мы добавляем, что не ограничиваем себя ее рамками, а боремся тотчас же за более высокого типа *республику Советов*. Это мы должны сделать. К новой республике мы должны *итти* с беззаветной смелостью и решительностью *и мы пойдём к ней, я уверен, именно так*. Но программы-минимум выкидывать никак нельзя, ибо, во-первых, республики Советов *еще нет*; во-вторых, не исключена возможность «попыток реставрации»; их надо сначала пережить и победить; в-третьих, возможны, при переходе от старого к новому, временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Раб. Путь» на-днях), например, и республика Советов и

Учредительное Собрание. *Изживем* сначала все это, а потом успеем выкинуть программу-минимум.

То же самое в области экономической. Мы все согласны, что *боязнь* итти к социализму есть величайшая пошлость и *измена* делу пролетариата. Мы все согласны, что основными из первых шагов на этом пути должны быть такие меры, как национализация банков и синдикатов. Осуществим сначала их и другие подобные меры, а *там видно будет*. Там будет *виднее*, ибо наш кругозор неизмеримо расширит практический опыт, стоящий в миллион раз больше наилучших программ. Возможно, и даже вероятно, и даже несомненно, что без переходных «комбинированных типов» не обойдется и здесь; например, мелкие хозяйства с 1—2 наемными рабочими мы сразу не сможем ни национализировать, ни даже взять под настоящий рабочий контроль. Пусть их роль будет ничтожна, пусть они будут связаны и по рукам и по ногам национализацией банков и трестов, все это так, но пока будут хоть маленькие уголки буржуазных отношений, к чему выкидывать вон программу-минимум? Как марксисты, смело идущие на величайшую в мире революцию и в то же время трезво учитывающие факты, мы не в праве выкидывать программы-минимум.

Выкинув ее теперь, мы доказали бы этим, что, еще не успев победить, мы уже потеряли голову. А мы не должны терять ее ни до победы, ни во время победы, ни после победы, ибо, потеряв голову, мы все потеряем.

Что касается до конкретных предложений, то тов. Н. Бухарин, в сущности, не сказал ничего, ибо он только повторил давно уже сказанное о национализации банков и синдикатов. Тов. В. Смирнов дал в своей статье чрезвычайно интересный и поучительный перечень примерных преобразований, которые сводятся к регулированию производства и потребления продуктов. Это в общей форме *уже* есть в моем, напр., проекте, есть там вслед за этим «и т. подобное». Итти дальше сейчас, пускаться в конкретизацию отдельных мероприятий, мне кажется, не целесообразно. *После* основных мер нового типа, *после* национализации банков, *после* приступа к рабочему контролю многое будет виднее, и опыт подскажет *массу нового*, ибо это будет опыт миллионов, опыт строительства новых порядков экономики сознательным участием миллионов. Разумеется, в статьях, брошюрах, речах *намечать* новое, выдвигать планы, оценивать их, разрабатывать местный и частичный опыт разных советов или комитетов снаб-

жения и т. п.—все это весьма полезная работа. Но в программу вносить чрезмерную детализацию преждевременно и может даже повредить, связав там руки в частностях. А руки надо иметь свободными, чтобы сильнее творить новое, когда мы вступим вполне на новый путь.

VIII

В статье тов. Бухарина затронут еще один вопрос, на котором следует остановиться.

«... Вопрос о пересмотре нашей партийной программы должен быть связан с вопросом о выработке единой программы для международной партии пролетариата».

Это сказано не совсем ясно. Если понимать это так, что автор не советует нам принимать новой программы, отложив это дело до создания единой международной программы, программы III Интернационала, то против такого мнения следовало бы восстать самым решительным образом. Ибо отсрочка по такой причине (я полагаю, что другие причины для отсрочки не существуют, напр., никто не требовал отсрочки из-за недостаточной подготовки наших партийных материалов для пересмотра) — была бы равносильна затягиванию дела создания III Интернационала с *нашей* стороны. Создание III Интернационала нельзя, конечно, понимать формально. Пока не победила хотя бы в одной стране пролетарская революция или пока не кончилась война, невозможно надеяться на быстрое и успешное движение вперед дела по созыву *большой* конференции революционно-интернационалистических партий разных стран, на их соглашение в деле формального утверждения новой программы. А до тех пор надо двигать вперед дело почином тех партий, которые сейчас поставлены лучше других и могут сделать первый шаг, отнюдь не считая его, конечно, последним шагом, отнюдь не противопоставляя во что бы то ни стало своей программы другим «левым» (т.-е. революционно-интернационалистским) программам, а *идя* именно к выработке общей программы. Кроме России нет сейчас ни одной страны в мире, где была бы сравнительная свобода съездов для интернационалистов и где было бы так много хорошо осведомленных в международных течениях и программах товарищей, как в нашей партии. Вот почему надо обязательно взять на себя почин. Это требует наш прямой долг, как интернационалистов.

Повидимому, именно так смотрит на дело **т. Бухарин**, ибо в начале своей статьи он говорит, что «только закончившийся (писано в августе) партийный съезд признал переработку программы необходимой» и что «для этой цели будет созван специальный съезд», из этих слов можно заключить, что против принятия новой программы на этом съезде **т. Бухарин** ничего не имеет.

Если это так, то по затронутому вопросу устанавливается полное единодушие. Едва ли найдется кто-либо, кто был бы против того, чтобы наш съезд, после принятия новой программы, выразил пожелание создания общей единой программы III Интернационала, предприняв для этого известные шаги вроде ускорения конференции левых, издания сборника на нескольких языках, образования комиссии по сводке материала о том, что сделано другими странами для «нащупывания» (по верному выражению **т. Бухарина**) пути к новой программе (трибунисты ⁶⁸) в Голландии, левые в Германии; «Лигу соц. пропаганды» в Америке **т. Бухарин** уже назвал, можно бы указать еще Американскую «Соц. Рабочую партию» и ее постановку вопроса о замене «политического государства индустриальной демократией»).

Затем одно указание тов. Бухарина на недостаток в моем проекте я должен безусловно признать правильным. Тов. Б. цитирует то место этого проекта (на стр. 23 брошюры), где говорится о переживаемом Россией моменте, о Врем. Правительстве капиталистов и т. д. **Т. Бухарин** прав, критикуя это место и говоря, что его надо перенести в тактическую резолюцию или в платформу. Я вношу поэтому предложение—либо выкинуть совершенно весь последний абзац 23 страницы, либо изложить его следующим образом:

«Стремясь к созданию такого государственного устройства, которое наилучше обеспечивало бы как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности, партия пролетариата не может ограничиться» и т. д.

Наконец, по одному пункту я должен ответить здесь на один вопрос, возникший у некоторых товарищей, но не поднятый, насколько я знаю, в печати. Это вопрос о § 9 политической программы, о праве наций на самоопределение. Пункт состоит из двух частей: первая дает новую формулировку права на самоопределение, вторая содержит не требование, а декларацию.

Вопрос, поставленный мне, состоял в том, уместна ли здесь декларация. Вообще говоря, декларациям место не в программе, но исключение из правила, по-моему, здесь необходимо. Вместо слова самоопределение, много раз подававшего повод к криво-толкам, я ставлю совершенно точное понятие: «право на свободное отделение». После опыта полугодовой революции 1917 года едва ли можно спорить, что партия революционного пролетариата России, партия, работающая на великорусском языке, обязана признать право на отделение. Завоевав власть, мы безусловно тотчас признали бы это право и за Финляндией, и за Украиной, и за Арменией, и за всякой угнетавшейся царизмом (и великорусской буржуазией) народностью. Но мы, с своей стороны, вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великороссами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения, поэтому не ставим лозунга объединения всех и всяких государств вообще, ибо на очереди дня социальная революция ставит объединение *только* государств, перешедших и переходящих к социализму, освобождающих колонии и т. д. Мы хотим *свободного* соединения и потому мы обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным). Мы тем более обязаны признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великороссам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами.

Но мы хотим объединения, и это надо сказать, это так важно сказать в программе партии пестрого национального государства, что ради этого необходимо отступить от обычного, необходимо дать место декларации. Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа *привлекала* к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением. Иначе нарушается единство и братский союз *рабочих* всех стран. В отличие от буржуазных демократов мы ставим лозунг не братство народов, а

братство *рабочих* всех народностей, ибо буржуазии всех стран мы не доверяем, считаем ее врагом.

Вот почему надо здесь допустить исключение из правила и оставить в § 9 декларацию принципов.

IX.

Преыдушие строки были уже написаны, когда вышел № 31 «Раб. Пути» со статьей тов. Ю. Ларина²⁵⁸): «Рабочие требования нашей программы». Нельзя не приветствовать этой статьи, как начала обсуждения проектов программы нашим центральным органом. Тов. Ларин останавливается специально на том отделе программы, над которым мне не приходилось работать и проект которого имеется только в редакции «подсекции по охране труда», подсекции, образовавшейся на конференции 24—29 апреля 1917 г. Тов. Ларин предлагает ряд *дополнений*, на мой взгляд вполне приемлемых, но, к сожалению, не всегда им точно отредактированных.

Неудачной мне представляется формулировка одного пункта у т. Ларина: «правильное (?) распределение рабочих сил на основе (?) демократического (?) самоуправления рабочих в деле распределения (?) их личностями (?)». По моему, это хуже, чем формулировка подсекции: «биржи труда должны быть классовыми пролетарскими организациями» и т. д. Затем по вопросу о минимуме заработной платы тов. Ларину следовало бы обстоятельнее разработать и точно формулировать свое предложение, поставить его в *связи с историей* взглядов Маркса и марксизма по этому пункту.

Далее, по вопросу о политической и аграрной части программы т. Ларин находит необходимой «более тщательную редакцию». Надо пожелать, чтобы наша партийная пресса начала тотчас обсуждать и вопросы *редактирования* того и иного требования, отнюдь не откладывая этого до съезда, ибо, во-первых, иначе мы не получим хорошо подготовленного съезда, во-вторых, всякий, кому случалось работать над программами и резолюциями, знает, как часто тщательная выработка *редакции* известного пункта *вскрывает и устраняет* принципиальные неясности или разногласия.

Наконец, по вопросу о финансово-экономической части программы т. Ларин пишет, что «вместо нее есть почти пустое место, не упомянуто даже аннулирование военных займов и государственных долгов царизма» (только царизма?), «борьба против фискального использования государственных монополий и т. д.».

Крайне желательно, чтобы т. Ларин не откладывал до съезда своих конкретных предложений, а выдвинул их тотчас, ибо иначе подготовка получится не серьезная. По вопросу об аннулировании государственных долгов (и, конечно, не одного царизма, но и буржуазии) надо тщательно обдумать вопрос о мелких подписчиках, а по вопросу о «борьбе против фискального использования госуд. монополий» надо обдумать положение дела с монополией производства предметов роскоши и связь проектируемого пункта с требованием программы об отмене всех косвенных налогов.

Повторяю: для серьезной подготовки программы, для работы над нею действительно всей партией надо *немедленно* взяться за дело всем интересующимся и *печатать* как соображения, так и *точные проекты* средактированных уже пунктов, содержащих дополнения или изменения.

*Написано в конце сентября
и начале октября 1917 г.*

*Напечатано в журнале
„Просвещение“ № 1—2, сентябрь-
октябрь 1917 г.*

ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА

и

КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

*Написано в середине сентября
1917 г.*

*Напечатано отдельной брошю-
рой в конце октября 1917 г.*

Грозящая катастрофа и как с ней бороться.

Голод надвигается.

России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков.

Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо. Об этом говорилось уже во всех газетах бесчисленное количество раз. Неимоверное количество резолюций принято и партиями и Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, — резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы «героические усилия» народа для предотвращения гибели и т. д.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили.

И ничего не делается.

Прошло полгода революции. Катастрофа надвинулась еще ближе. Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья,—и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица! Какое еще нужно доказательство того, что за полгода революции, при демократической республике, при обилии союзов, органов, учреждений, горделиво именующих себя «революционно-демократическими», на деле ровнехонько ничего серьезного против катастрофы, против голода не сделано? Мы

приближаемся к краху все быстрее и быстрее, ибо война не ждет, и создаваемое ею расстройство всех сторон народной жизни все усиливается.

А между тем достаточно самого небольшого внимания и размышления, чтобы убедиться в том, что способы борьбы с катастрофой и голодом имеются, что меры борьбы вполне ясны, просты, вполне осуществимы, вполне доступны народным силам и что меры эти *не* принимаются *только* потому, *исключительно* потому, что осуществление их затронет неслыханные прибыли горстки помещиков и капиталистов.

В самом деле. Можно ручаться, что вы не найдете ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определенно основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределение продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их. Контроль, надзор, учет—вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли,—прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках (а на войну «работают» теперь прямо или косвенно чуть ли не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают.

И ровно ничего для сколько-нибудь серьезного контроля, учета, надзора со стороны государства не делается.

Полная бездеятельность правительства

Происходит повсеместный систематический, неуклонный саботаж всякого контроля, надзора и учета, всяких попыток наладить его со стороны государства. И нужна невероятная наивность, чтобы не понимать, нужно сугубое лицемерие, чтобы прикидываться не понимающим, откуда этот саботаж исходит, какими средствами он производится. Ибо этот саботаж банками и капиталистами, этот *срыв* ими всякого контроля, надзора учета приспособляется к государственным формам демократической республики, приспособляется к существованию «револю-

ционно-демократических» учреждений. Господа капиталисты великолепно усвоили себе ту истину, которую на словах признают все сторонники научного социализма, но которую меньшевики и эс-эры постарались тотчас же забыть, после того, как их друзья заняли местечки министров, товарищей министра и т. п. Это именно та истина, что экономическая сущность капиталистической эксплуатации нисколько не затрагивается заемной монархических форм правления республиканско-демократическими и что, следовательно, и наоборот: надо изменить лишь *форму* борьбы за неприкосновенность и святость капиталистической прибыли, чтобы отстоять ее при демократической республике так же успешно, как отстаивали ее при самодержавной монархии.

Современный, новейший республиканско-демократический саботаж всякого контроля, учета, надзора состоит в том, что капиталисты на словах «горячо» признают «принцип» контроля и необходимость его (как и все меньшевики и эс-эры, само собой разумеется), но только настаивают на «постепенном», планомерном, «государственно-упорядоченном» введении этого контроля. На деле же этими благовидными словечками прикрывается *срыв* контроля, превращение его в ничто, в фикцию, игра в контроль, оттяжка всяких деловых и практически-серьезных шагов, создание необыкновенно сложных, громоздких, чиновничьи-безжизненных учреждений контроля, которые насквозь зависимы от капиталистов и ровнехонько ничего не делают и делать не могут.

Чтобы не быть голословными, сошлемся на свидетелей из меньшевиков и эс-эров, т.-е. тех именно людей, которые имели большинство в Советах за первое полугодие революции, которые участвовали в «коалиционном правительстве» и которые поэтому политически ответственны перед русскими рабочими и крестьянами за попустительство капиталистам, за срыв ими всякого контроля.

В официальном органе самого высшего из так называемых «полномочных» (не шутите!) органов «революционной» демократии, в «Известиях Ц. И. К.» (т.-е. Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов), в № 164, от 7 сентября 1917 года, напечатано *постановление* теми же меньшевиками и эс-эрами созданного, и в их руках находящегося, специального учреждения по вопросам контроля. Это специальное учреждение «Экономический Отдел» Ц. И. Комитета. В его постановлении официально

признается, как факт, *полная бездеятельность образованных при правительстве центральных органов «регулирующая экономическую жизнь».*

Неправда ли, разве можно себе представить более красноречивое свидетельство о крахе меньшевистской и эс-эровской политики, подписанное руками самих меньшевиков и эс-эров?

Еще при царизме необходимость регулирования экономической жизни признана и некоторые учреждения для этого были созданы. Но при царизме разруха росла и росла, достигая чудовищных размеров. Задачей республиканского, революционного правительства было признано сразу принятие серьезных, решительных мер для устранения разрухи. Когда образовывалось «коалиционное», при участии меньшевиков и эс-эров, правительство, то в торжественнейшей всенародной декларации его от 6 мая было дано обещание и обязательство установить государственный контроль и регулирование. И Церетели и Черновы, а равно все меньшевистские и эс-эровские вожди божились и клялись, что они не только ответственны за правительство, но что находящиеся у них в руках «полномочные органы революционной демократии» на деле следят за работой правительства и проверяют ее.

Прошло четыре месяца после 6 мая, четыре длинных месяца, когда Россия уложила сотни тысяч солдат на нелепое, империалистское «наступление», когда разруха и катастрофа приближались семимильными шагами, когда летнее время давало исключительную возможность сделать многое и по части судоходного транспорта, и по части земледелия, и по части разведок в горном деле и пр. и т. п., — и через четыре месяца меньшевики и эс-эры вынуждены официально признать «полную бездеятельность» образованных при правительстве учреждений контроля!!!

И это меньшевики и эс-эры, с серьезным видом государственных мужей, болтают теперь (мы пишем эти строки, как раз накануне Демократического Сопещения 12 сентября) о том, что делу можно помочь заменой коалиции с кадетами, коалицией с торгово-промышленными кит-китычами, Рябушинскими, Бубликовыми²⁵⁹), Терещенками и К⁰ 116).

Спрашивается, чем объяснить эту поразительную слепоту меньшевиков и эс-эров? Следует ли считать их государственными младенцами, которые по крайнему неразумию и наивности не ведают, что творят и заблуждаются добросовестно? Или обилие

занятых местечек министра, товарищей министра, генерал-губернаторов, комиссаров и тому подобное имеет свойство порождать особую «политическую» слепоту?

Общеизвестность и легкость мер контроля.

Может возникнуть вопрос, не представляют ли способы и меры контроля чего-либо чрезвычайно сложного, трудного, неиспытанного, даже неизвестного? Не объясняется ли затяжка тем, что государственные люди кадетской партии, торгово-промышленного класса, партии эс-эров и меньшевиков в цете лица своего трудятся уже полгода над изысканием, изучением, открытием мер и способов контроля, но задача оказывается неимоверно трудной и все еще не решенной?

Увы! Темным мужичкам, неграмотным и забитым, да обывателям, которые всему верят и ни во что не вникают, стараются «втирать очки» и представлять дело в таком виде. В действительности же даже царизм, даже «старый режим», создавая военно-промышленные комитеты, *знал* основную меру, главный способ и путь контроля: объединение населения по разным профессиям, целям работы, отраслям труда и т. п. Но царизм боялся объединения населения и потому всячески ограничивал, искусственно стеснял этот общеизвестный «легчайший, вполне применимый способ и путь контроля».

Все воюющие государства, испытывая крайние тяготы и бедствия войны, испытывая—в той или иной мере—разруху и голод, давно наметили, определили, применили, испробовали *целый ряд* мер контроля, которые почти всегда сводятся к объединению населения, к созданию или поощрению союзов разного рода, при участии представителей государства, при надзоре с его стороны и т. п. Все такие меры контроля общеизвестны, об них много говорено и много писано, законы, изданные воюющими передовыми державами и относящиеся к контролю, переведены на русский язык или подробно изложены в русской печати.

Если бы действительно наше государство *хотело* деловым серьезным образом осуществлять контроль, если бы его учреждения не осудили себя своим холопством перед капиталистами на «полную бездеятельность», то государству оставалось бы лишь черпать обеими руками из богатейшего запаса мер контроля, уже известных, уже примененных. Единственной помехой этому,—помехой, которую прикрывают от глаз народа кадеты, эс-эры и

меньшевики, — было и остается то, что контроль обнаружил бы сокрытые прибыли капиталистов и подрывал бы эти прибыли.

Чтобы нагляднее пояснить этот важнейший вопрос (равно-сильный, в сущности, вопросу о программе *всякого* действительно революционного правительства, которое захотело бы спасти Россию от войны и голода), перечислим эти главнейшие меры контроля и рассмотрим каждую из них.

Мы увидим, что правительству, не в насмешку только называемому революционно-демократическим, достаточно было бы в первую же неделю своего образования, декретировать (постановить, приказать) осуществление главнейших мер контроля, назначить серьезное не шуточное наказание капиталистам, которые бы обманным путем стали уклоняться от контроля, и признать само население к надзору за капиталистами, к надзору за добросовестным исполнением ими постановлений о контроле, — и контроль был бы уже давно осуществлен в России.

Вот эти главнейшие меры:

1) Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2) Национализация синдикатов, т.-е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.).

3) Отмена коммерческой тайны.

4) Принудительное синдицирование (т.-е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще.

5) Принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ним.

Рассмотрим, какое значение имела бы каждая из этих мер при условии революционно-демократического осуществления ее.

Национализация банков.

Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. Говорить о «регулировании экономической жизни» и обходить вопрос о национализации банков, значит либо обнаруживать самое круглое невежество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велеречивыми обещаниями, при заранее обдуманном решении не исполнять этих обещаний.

Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределения продуктов, не контролируя, не ре-

гулируя банковых операций, это — бессмыслица. Это похоже на ловлю случайно набегающих «копеечек» и па закрывание глаз на миллионы рублей. Современные банки так тесно и неразрывно сраслись с торговлей (хлебной и всякой иной) и промышленностью, что, не «накладывая рук» на банки, решительно ничего серьезного, ничего «революционно-демократического» сделать нельзя.

Но, может быть, это «накладывание рук» государства па банки представляет из себя какую-либо очень трудную и запутанную операцию? Филистеров стараются обыкновенно запугать именно такой картиной — стараются, конечно, капиталисты и их защитники, ибо им это выгодно.

На самом же деле национализация банков, решительно ни одной копейки ни у одного «собственника» не отнимая, абсолютно никаких ни технических, ни культурных трудностей не представляет и задерживается *исключительно* интересами грязной корысти ничтожной горстки богачей. Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т.-е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 рублей и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное.

В чем же значение национализации банков?

В том, что за отдельными банками и их операциями никакой действительный контроль (даже если отменена коммерческая тайна и пр.) невозможен, ибо нельзя уследить за теми сложнейшими, запутаннейшими и хитроумнейшими приемами, которые употребляются при составлении балансов, при основании фиктивных предприятий и филиальных стделений, при пускании в ход подставных лиц и так далее и тому подобное. Только объединение всех банков в один, не означая, само по себе, ни

малейших изменений в отношениях собственности, не отнимая повторяем, ни у одного собственника ни единой копейки, дает *возможность* действительного контроля, — конечно, при условии применения всех других, указанных выше, мероприятий. Только при национализации банков можно *добиться* того, что государство будет знать, куда и как, откуда и в какое время переливают миллионы и миллиарды. И только контроль за банками, за центром, за главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то «регулирование экономической жизни», которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувания простонародья. Только контроль за банковыми операциями, при условии их объединения в одном государственном банке, позволяет наладить, при дальнейших легко осуществимых мероприятиях, действительное взыскание подоходного налога без утайки имуществ и доходов, ибо теперь подоходный налог остается в громаднейшей степени фикцией.

Национализацию банков достаточно было бы именно декретировать, — и ее провели бы директора и служащие сами. Никакого особого аппарата, никаких особых подготовительных шагов со стороны государства тут не требуется, эта мера осуществима именно одним указом, «одним ударом». Ибо экономическая возможность такой меры создана как раз капитализмом, раз он доразвился до векселей, акций, облигаций и проч. Тут остается *только объединение счетоводства*, и если бы революционно-демократическое государство постановило: немедленно, по телеграфу, созываются в каждом городе собрания, а в области и во всей стране съезды директоров и служащих, для безотлагательного объединения всех банков в один государственный банк, то это реформа была бы проведена в несколько недель. Разумеется, именно директора и высшие служащие оказали бы сопротивление, постарались надуть государство, оттянуть дело и проч., ибо эти господа потеряли бы свои особенно доходные местечки, потеряли бы возможность особенно прибыльных мошеннических операций; *в этом вся суть*. Но ни малейших технических трудностей объединению банков нет, и если государственная власть не на словах только революционная (т.-е. не боится рвать с косностью и рутинной), не на словах только демократи-

ческая (т.-е. действующая в интересах большинства народа, а не кучки богатеев), то достаточно бы декретировать конфискацию имущества и тюрьму, как наказание директорам, членам правления, крупным акционерам, за малейшую оттяжку дела и за попытки сокрытия документов и отчетов, достаточно бы, напр., объединить *отдельно* бедных служащих и выдавать им премию за обнаруживание глаже гладкого и быстрее быстрого.

Выгоды для всего народа, и особенно *не* для рабочих (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для массы крестьян и мелких промышленников, были бы от национализации банков огромные. Сбережение труда получилось бы гигантское, и если предположить, что государство сохранило бы прежнее число банковских служащих, то это означало бы в высшей степени большой шаг вперед в направлении к универсализации (всеобщности) пользования банками, к увеличению числа их отделений, доступности их операций и пр. и пр. Доступность и легкость кредита именно для *мелких* хозяйчиков, для крестьянства, возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые получило бы возможность сначала *обозреть* все главные денежные операции, без утайки их, затем контролировать их, далее *регулировать* хозяйственную жизнь, наконец, получать миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя «за услугу» бешеных «комиссионных» господам капиталистам. Вот почему, — и только поэтому, — все капиталисты, все буржуазные профессора, вся буржуазия, все служащие ей Плехановы, Потресовы и К^о, с пеной у рта готовы воевать против национализации банков, выдумывать тысячи отговорок против этой величайшей и насущнейшей меры, хотя *даже* с точки зрения «обороны» страны, т.-е. с военной точки зрения эта мера была бы гигантским плюсом, она подвняла бы «военную мощь» страны в громадных размерах.

Здесь могут, пожалуй, возразить: отчего же такие передовые государства, как Германия и Соед. Штаты Америки, проводят в жизнь великолепное «регулирование экономической жизни», и не думают осуществлять национализации банков?

Оттого, — ответим мы, — что эти государства, хотя одно монархия, другое республика, являются *оба* не только капиталистическими, но и империалистскими. Являясь таковыми, они проводят в жизнь необходимые для них преобразования путем реакционно-бюрократическим, мы же говорим здесь о пути революционно-демократическом.

Эта «маленькая разница» имеет очень существенное значение. Об ней большей частью «не принято» думать. Слово «революционная демократия» стало у нас (особенно у эс-эров и меньшевиков) почти что условной фразой, вроде выражения: «славу богу», которое употребляется и людьми не настолько невежественными, чтобы верить в бога, или вроде выражения: «почтенный гражданин», с которым обращаются даже иногда к сотрудникам «Дня»⁸⁹⁾ или «Единства»²⁷⁾, хотя почти все догадываются, что газеты эти основаны и содержатся капиталистами в интересах капиталистов и что поэтому участие в них якобы социалистов имеет в себе очень мало «почтенного».

Если слова: «революционная демократия» употреблять не как шаблонную парадную фразу, не как условную кличку, а *думать* над их значением, то быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства, быть революционером значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом.

Ни в Америке, ни в Германии ни правительство, ни правящие классы и не претендуют, насколько слышно, на то звание «революционной демократии», на которое претендуют (и которое про-ституируют) наши эс-эры и меньшевики.

В Германии всего 4 крупнейших частных банка, имеющих общенациональное значение, в Америке всего два. Финансовым королям этих банков легче, удобнее, выгоднее соединиться приватно, тайком, реакционно, а не революционно, бюрократически, а не демократически, подкупая государственных чиновников (это общее правило и в Америке и в Германии), сохраняя частный характер банков именно для сохранения тайны операций, именно для взимания миллионов и миллионов «сверхприбыли» с того же государства, именно для обеспечения мошеннических финансовых проделок.

И Америка и Германия «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать *военную каторгу*, а банкирам и капиталистам *рай*. Их регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыль выше тех, какие были до войны.

Такой путь вполне возможен и для республикански-империалистской России; он и осуществляется не только Милюковыми и Шингаревыми¹⁰⁷⁾, но и Керенским вкупе с Терещенкой, Некрасо-

вым ⁸¹⁾, Бернадским ²⁰⁰⁾, Прокоповичем ²⁰¹⁾ и К^о, которые *тоже прикрывают* реакционно-бюрократически «неприкосновенность» банков, их священные права на бешеные прибыли. Давайте же лучше, говорить *правду*: в республиканской России хотя бы реакционно-бюрократически регулировать экономическую жизнь, но затрудняются «часто» провести это в жизнь при существовании «Советов», которых не удалось разогнать Корнилову номер первый, но которые постарается разогнать Корнилов номер второй...

Вот это будет правда. И эта простая, хотя и горькая правда полезнее для просвещения народа, чем сладенькая ложь о «нашей», «великой», «революционной», — демократии...

Национализация банков чрезвычайно облегчила бы одновременную национализацию страхового дела, т.е. объединение всех страховых компаний в одну, централизацию их деятельности, контроль за ней государства. Съезды служащих в страховых обществах и здесь выполнили бы это объединение немедленно и без всякого труда, если бы революционно-демократическое государство декретировало это и предписало директорам правлений крупным акционерам под строгой ответственностью каждого осуществить объединение без малейшего промедления. В страховое дело вложены капиталистами сотни миллионов, вся работа выполняется служащими. Объединение этого дела понизило бы страховую премию, дало массу удобств и облегчений всем страхующимся, позволило бы расширить их круг, при прежней затрате сил и средств. Решительно никаких других обстоятельств, кроме косности, рутинности и корысти горстки обладателей доходных местечек, не задерживает этой реформы, которая опять-таки и «обороноспособность» страны подняла бы, дав сбережение народного труда, открыв ряд серьезнейших возможностей «регулировать экономическую жизнь» на деле, а не на словах.

Национализация синдикатов.

Капитализм тем отличается от старых докапиталистических систем народного хозяйства, что он создал теснейшую связь и взаимозависимость различных отраслей его. Не будь этого, никакие шаги к социализму, кстати сказать, были бы технически не выполнимы. Современный же капитализм с господством банков

над производством довел эту взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства до высшей степени.

Банки и крупнейшие отрасли промышленности и торговли срались неразрывно. С одной стороны, это значит, что нельзя национализировать только банки, не делая шагов к созданию государственной монополии торговых и промышленных синдикатов (сахарной, угольной, железной, нефтяной и пр.), не национализируя эти синдикаты. С другой стороны, это значит, что регулирование экономической жизни, если его осуществлять серьезно, требует одновременно национализации и банков и синдикатов.

Возьмем для примера хоть сахарный синдикат. Он создан еще при царизме и тогда привел к крупнейшему капиталистическому объединению прекрасно оборудованных фабрик и заводов, при чем это объединение, разумеется, насквозь проникнуто было реакционнейшим и бюрократическим духом, обеспечивало скандально-высокие барыши капиталистам, ставило в абсолютно бесправное, униженное, забитое, рабское положение служащих и рабочих. Государство уже тогда контролировало, регулировало производство в пользу магнатов богатей.

Тут остается только превратить реакционно - бюрократическое регулирование в революционно - демократическое простыми декретами о созыве съезда служащих, инженеров, директоров, акционеров, о введении единообразной отчетности, о контроле рабочих союзов и пр. Эта самая простая вещь — и именно она остается не сделанной!! При демократической республике остается *на деле* реакционно-бюрократическое регулирование сахарной промышленности, все остается по старому, хищение народного труда, рутина и застой, обогащение Бобринских²⁶²) и Терещенок. Призвать к самостоятельной инициативе демократию, а не бюрократию, рабочих и служащих, а не «сахарных королей», вот что можно и должно бы сделать в несколько дней, одним ударом, — если бы эс-эры и меньшевики не затемняли сознания народа планами «коалиции», как раз с этими сахарными королями, как раз той коалиции с богачами, от которой, вследствие которой «полная бездеятельность» правительства в деле регулирования экономической жизни пристывает совершенно неизбежно *).

*) Эти строки были уже написаны, когда я прочел в газетах, что правительство Керенского вводит сахарную монополию и, разумеется, вводит ее реакционно-бюрократически без съездов служащих, рабочих, без гласности, без обуздания капиталистов!!!

Возьмите нефтяное дело. Оно «обобществлено» уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей—вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с «дела», уже организованного фактически-технически общественно в общегосударственных размерах, уже ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д. Национализация нефтяной промышленности возможна *сразу* и обязательна для революционно-демократического государства, особенно когда оно переживает величайший кризис, когда надо во что бы то ни стало сберечь народный труд и увеличивать производство топлива. Понятно, что бюрократический контроль тут ничего не даст, ничего не изменит, ибо и с Терешенками, и с Керенскими, и с Авксентьевыми, и со Скобелевыми «нефтяные короли» справятся так же легко, как справились они с царскими министрами, справятся посредством оттяжек, отговорок, обещаний, затем прямого и косвенного подкупа буржуазной прессы (это называется «общественным мнением» и с этим Керенские и Авксентьевы «считаются»), подкупа чиновников (оставляемых Керенским и Авксентьевым на старых местах в старом неприкосновенном государственном аппарате).

Чтобы сделать что-либо серьезное, надо от бюрократии перейти, и действительно революционно перейти, к демократии, т.-е. объявить войну нефтяным королям и акционерам, декретировать конфискацию их имущества и наказание тюрьмой за оттяжку национализации нефтяного дела, за сокрытие доходов или отчетов, за саботирование производства, за неприятие мер к повышению производства. Надо обратиться к инициативе рабочих и служащих, *их* созвать немедленно на совещание и съезды, в их руки передать такую-то долю прибыли при условии создания всестороннего контроля и увеличения производства. Если бы такие революционно-демократические шаги были сделаны тотчас, сразу, в апреле 1917 года, тогда Россия, одна из богатейших стран в мире по запасам жидкого топлива, могла бы сделать за лето, пользуясь водным транспортом, очень и очень многое в деле снабжения народа необходимыми количествами топлива.

Ни буржуазное, ни коалиционное эс-эровски-меньшевистски-кадетское правительство не сделало ровно ничего, ограничилось бюрократической игрой в реформы. Ни единого революционно-демократического шага предпринять не осмелилось. Те же не-

фтяные короли, тот же застой, та же ненависть рабочих и служащих к эксплуататорам, тот же развал на этой почве, то же хищение народного труда, все как было при царизме, переменились только *заголовки* исходящих и входящих бумаг в «республиканских» канцеляриях.

Относительно угольной промышленности, не менее «готовой» технически и культурно к национализации, не менее бесстыдно управляемой грабителями народа, угольными королями, мы имеем ряд нагляднейших *фактов* прямого саботажа, прямой порчи и остановки производства промышленниками. Даже министерская меньшевистская «Раб. Газета» признала эти факты. И что же? Ровно ничего не сделано, кроме старых реакционно-бюрократических совещаний «пополам», поровну от рабочих и от разбойников угольного синдиката!!

Ни одного революционно-демократического шага, ни тени попытки установления единственно реального контроля *снизу*, через союз служащих, через рабочих, путем террора по отношению к губящим страну и останавливающим производство углепромышленникам! Как же можно, мы ведь «все» за «коалицию», если не с кадетами, то с торгово-промышленными кругами, а коалиция это и значит оставлять у капиталистов власть, оставлять их безнаказанными, позволять им тормозить дело, валить все на рабочих, усиливать разруху, готовить таким образом новую корниловщину!

Отмена коммерческой тайны.

Без отмены коммерческой тайны контроль за производством и распределением либо остается пустейшим посулом, потребным только для надувания кадетами эс-эров и меньшевиков, а эс-эрами и меньшевиками трудящихся классов, либо контроль может быть осуществлен только реакционно-бюрократическими способами и мерами. Как ни очевидно это для всякого непредубежденного человека, как ни упорно настаивала на отмене коммерческой тайны «Правда» (закрытая в значительной степени именно за это правительством Керенского, служащим капиталу),—ни республиканское правительство наше, ни «правительственные органы революционной демократии» и не подумали об этом *первом слове* действительного контроля.

Именно здесь ключ ко всякому контролю. Именно здесь самое чувствительное место капитала, грабящего народ и саботирую-

щего производство. Именно поэтому и боятся эс-эры и меньшевики прикоснуться к этому пункту.

Обычный довод капиталистов, повторяемый без размышления мелкой буржуазией, состоит в том, что капиталистическое хозяйство абсолютно не допускает вообще отмены коммерческой тайны, ибо частная собственность на средства производства, зависимость отдельных хозяйств от рынка делает необходимым «священную неприкосновенность» торговых книг и торговых, а в том числе, конечно, и банковых оборотов.

Люди, в той или иной форме полторающие этот или подобные доводы, дают себя в обман и сами обманывают народ, закрывая глаза на два основные крупнейшие и общеизвестные факта современной хозяйственной жизни. Первый факт: крупный капитализм, т.-е. особенность хозяйства банков, синдикатов больших фабрик и т. д. Второй факт: война.

Именно современный крупный капитализм, становящийся повсюду монополистическим капитализмом, устраняет всякую тень разумности коммерческой тайны, делает ее лицемерием и исключительно орудием скрывания финансовых мошенничеств и невероятных прибылей крупного капитала. Крупное капиталистическое хозяйство, по самой уже технической природе своей, есть обобществленное хозяйство, т.-е. и работает оно на миллионы людей и объединяет своими операциями, прямо и косвенно, сотни, тысячи и десятки тысяч семей. Это не то, что хозяйство мелкого ремесленника или среднего крестьянина, которые вообще никаких торговых книг не ведут, и к которым поэтому и отмена торговой тайны не относится!

В крупном хозяйстве операции все равно известны сотням и более лиц. Закон, охраняющий торговую тайну, служит здесь не потребностям производства или обмена, а спекуляции и наживе в самой грубой форме, прямому мошенничеству, которое, как известно, в акционерных предприятиях приобретает особенное распространение и особенно искусно прикрывается отчетами и балансами, комбинируемыми так, чтобы надуть публику.

Если торговая тайна неизбежна в мелком товарном хозяйстве, т.-е. среди мелких крестьян и ремесленников, где само производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то в крупном капиталистическом хозяйстве охрана этой тайны есть охрана привилегий и прибылей буквально горстки людей *против* всего народа. Это признано уже и законом постольку, поскольку

введена публикация отчетов акционерных обществ, но этот контроль, во всех передовых странах, а также в России, уже осуществленный, есть именно реакционно-бюрократический контроль, который *народу* глаз не открывает, который *не позволяет* знать *всю правду* об операциях акционерного общества.

Чтобы действовать революционно-демократически, тут следовало бы немедленно издать иной закон, отменяющий торговую тайну, требующий от крупных хозяйств и от богачей самых полных отчетов, предоставляющий любой группе граждан, достигающей солидной демократической численности (скажем, 1000 или 10.000 избирателей) права просмотра *всех* документов любого крупного предприятия. Такая мера вполне и легко осуществима простым декретом; *только* она развернула бы народную инициативу контроля через союзы служащих, через союзы рабочих, через все политические партии, только она сделала бы контроль серьезным и демократическим.

Добавьте еще к этому войну. Громадное большинство торговых промышленных предприятий работает теперь не на «вольный рынок», а на *казну*, на войну. Я говорил уже поэтому в «Правде», что люди, возражающие нам доводами о невозможности введения социализма, лгут и трижды лгут, ибо речь идет не о введении социализма теперь, непосредственно, с *сегодня* на *завтра*, а о *раскрытии казнокрадства*.

Капиталистическое хозяйство «на войну», т.-е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками, на которых наживают неслыханные прибыли господ кадеты, вместе с меньшевиками и эс-эрами, которые противятся отмене торговой тайны, представляют из себя не что *иное*, как *пособников и укрывателей казнокрадства*.

Война стоит России теперь 50 миллионов рублей в *день*. Эти 50 миллионов в день идут большею частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере 5 миллионов *ежедневно*, а вероятнее 10 миллионов и более, составляют «безгрешные доходы» капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников. Особенно крупные фирмы и банки, ссужающие деньгами под операции с военными поставками, наживают здесь неслыханные прибыли, наживают именно казнокрадством, ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей.

Об этих скандальных прибылках на поставках о «гарантийных письмах», скрываемых банками, о том, кто наживается на растущей дороговизне, «все» знают, об этом с усмешечкой говорят в «обществе», об этом не мало отдельных точных указаний имеется даже в буржуазной прессе, по общему правилу замалчивающей «неприятные» факты и обходящей «щекотливые» вопросы. Все знают, — и все молчат, все терпят, все мирятся с правительством, красноречиво говорящим о «контроле» и «регулировании»!!!

Революционные демократы, если бы они были действительно революционными и демократическими, немедленно издали бы закон отменяющий торговую тайну, обязывающий поставщиков и торговцев отчетностью, запрещающий им покидать их род деятельности без разрешения власти, вводящий конфискацию имущества за утайку и обман народа, организующего проверку и контроль *снизу*, демократически: со стороны самого народа, союзов слушающих, рабочих потребителей и т. д.

Наши эс-эры и меньшевики вполне заслуживают названия запуганных демократов, ибо по данному вопросу они повторяют то, что говорят все запуганные мещане, именно, что капиталисты «резбегутся» при применении «слишком суровых» мер, что без капиталистов «нам» не справиться, что «обидятся», пожалуй, и англо-французские миллионеры, которые ведь нас «поддерживают», и тому подобное. Можно подумать, что большевики предлагают нечто в истории человечества невиданное, никогда не испробованное, утопичное, тогда как на самом деле уже 125 лет тому назад во Франции люди, действительно бывшие «революционными демократами», действительно убежденные в справедливом, оборонительном характере войны с их стороны, действительно опиравшиеся на народные массы, искренно убежденные в том же, — эти люди умели установить *революционный* контроль за богачами и достигать результатов, перед которыми преклонялся весь мир. А за истекшие пять четвертей века развитие капитализма, создав банки, синдикаты, железные дороги и пр. и пр., во сто крат облегчило и упростило меры действительно демократического контроля со стороны рабочих и крестьян за эксплуататорами и капиталистами.

В сущности говоря, весь вопрос о контроле сводится к тому, кто кого контролирует, т.-е. какой класс является контролирующим и какой контролируемым. У нас до сих пор, в республиканской России, при участии «правомочных органов», якобы рево-

люционной демократии в роли контролеров признаются и оставляются помещики и капиталисты. В результате неизбежно то мародерство капиталистов, которое вызывает всеобщее возмущение народа, и та разруха, которая искусственно капиталистами поддерживается. Надо перейти решительно, бесповоротно, не боясь рвать со старым, не боясь строить смело новое, к контролю *над* помещиками и капиталистами со стороны рабочих и крестьян. А этого наши эс-эры и меньшевики пуще огня боятся.

Принудительное объединение в союзы.

Принудительное санкционированное, т.-е. принудительное объединение в союз, напр., промышленников уже применено на практике Германией. Тут нет ничего нового. И тут по вине эс-эров и меньшевиков мы видим полнейший застой республиканской России, которую сие малопочтенные партии «занимают» кадрилием, который танцуют с кадетами, или с Бубликовыми, или с Терещенками и Керенскими.

Принудительное санкционирование есть, с одной стороны, своего рода подталкивание государством капиталистического развития, всюду и везде ведущего к организации классовой борьбы, к росту числа, разнообразия и значения союзов. А, с другой стороны, принудительное «обсоюзовывание» есть необходимое предварительное условие всякого сколько-нибудь серьезного контроля и всякого сбережения народного труда.

Германский закон обязывает, например, кожевенных фабрикантов данной местности или всего государства объединяться в союз, при чем представитель государства входит для контроля в правление этого союза. Подобный закон непосредственно, т.-е. сам по себе, нисколько не затрагивает отношений собственности, не отнимает ни единой копейки ни у одного собственника и не предпрещает еще, будет ли контроль осуществляться в реакционно-бюрократических или в революционно-демократических формах, направлении, духе.

Подобные законы можно и должно бы издать у нас немедленно, не теряя ни одной недели драгоценного времени и представляя *самой общественной обстановке* определить более конкретные формы осуществления закона, быстроту его осуществления, способы надзора за его осуществлением и т. п. Государству не нужны тут ни особый аппарат, ни особые изыскания, ни какие бы то ни было предварительные исследования для издания

такого закона, нужна лишь решимость порвать с некоторыми частными интересами капиталистов, «не привыкших» к подобному вмешательству, не желающих терять сверхприбыли, обеспечиваемые на-ряду с бесконтрольностью хозяйничаньем по старинке.

Никакой аппарат и никакая «статистика» (которую Чернов хотел подменить революционную инициативу крестьянства) не нужны для издания такого закона, ибо осуществление его должно быть возложено на самих фабрикантов или промышленников, *на наличные* общественные силы, под контролем тоже наличных общественных (т.-е. не правительственных, не бюрократических сил), только обязательно из т. наз. «низших сословий», т.-е. из угнетенных, эксплуатируемых классов, которые всегда в истории оказывались неизмеримо *выше* эксплуататоров по способности на героизм, на самопожертвование, на товарищескую дисциплину.

Допустим, что у нас имеется действительно революционно-демократическое правительство и что оно постановляет: все фабриканты и промышленники каждой отрасли производства, если они занимают, скажем, не менее 2 рабочих, обязаны немедленно объединиться в поездные и погубернские союзы. Ответственность за неуклонное выполнение закона возлагается в первую голову на фабрикантов, директоров, членов правления, крупных акционеров (ибо все это настоящие вожди современной промышленности, настоящие ее хозяева). Они рассматриваются, как дезертиры с военной службы и караются, как таковые, за уклонение от работы по немедленному осуществлению закона, отвечая по круговой поруке,—все за одного, один за всех, всем своим имуществом. Затем ответственность возлагается и на служащих всех, тоже обязанных составить *один* союз, и на всех рабочих с их профессиональным союзом. Целью «обсоюзования» является установление полнейшей, строжайшей и подробнейшей отчетности, а главное *соединение операций* по закупке сырья, по сбыту изделий, по *сбережению* народных средств и сил. Это сбережение при объединении разрозненных предприятий в один синдикат достигает гигантских размеров, как учит экономическая наука, как показывают примеры всех синдикатов, картелей, трестов. При чем еще раз надо повторить, что само по себе это обсоюзование в синдикат ни на иоту отношений собственности не изменяет, ни одной копейки ни у одного собственника не отнимает. Это обстоятельство приходится усиленно подчеркивать, ибо буржуазная пресса постоянно «пугает» мелких и средних хозяев, будто со-

циалисты вообще, большевики в особенности, хотят «экспроприровать» их: утверждение заведомо ложное, так как социалисты *даже при полном социалистическом* перевороте экспроприровать мелких крестьян не хотят, не могут и не будут. А мы говорим все время *только* о тех ближайших и насущнейших мерах, которые уже осуществлены в Западной Европе и которые сколько-нибудь последовательная демократия должна бы немедленно осуществлять у нас для борьбы с грозящей и неминуемой катастрофой.

Серьезные трудности, и технические и культурные, встретило бы объединение в союзы мельчайших и мелких хозяйств, вследствие крайнего раздробления их предприятий, технической примитивности, неграмотности или необразованности владельцев. Но именно эти предприятия могли бы быть исключены из закона (как уже отмечено в нашем предположительном примере, выше), и не объединение их, не говоря уже о запоздании их объединения, серьезной полной невозможности создать бы не могло, ибо роль громадного числа мелких предприятий *ничтожна* в общей сумме производства, в их значении для народного хозяйства в целом, а кроме того они часто зависимы, так или иначе, от крупных предприятий.

Решающее значение имеют только крупные предприятия, и здесь технические и культурные средства и силы для «обсоюзовывания» *есть налицо*, недостает только твердой, решительной, беспощадно суровой по отношению к эксплуататорам инициативы *революционной* власти для того, чтобы эти силы и средства были пущены в ход.

Чем беднее страна технически образованными и вообще интеллигентными силами, тем *насущнее* необходимо, как можно быстрее и как можно решительнее декретировать принудительное объединение и начать проведение его с крупнейших и крупных предприятий, ибо именно объединение *сбережет* интеллигентные силы, даст возможность *полностью* использовать и правильнее распределить их. Если даже русское крестьянство в своих захолустьях, при царском правительстве, работая против тысячи препон, создаваемых им, сумело после 1905 года сделать громадный шаг вперед в деле создания всяких союзов, то, разумеется, объединение крупной и средней промышленности и торговли могло бы быть проведено в несколько месяцев, или же быстрее, при условии принуждения к этому со стороны действительно

революционно-демократического правительства, опирающегося на поддержку, участие, заинтересованность, выгоды «низов», демократии, служащих, рабочих, — призывающего их к контролю.

Регулирование потребления.

Война заставила все воюющие и многие нейтральные государства перейти к регулированию потребления. Хлебная карточка появилась на свет божий, стала привычным явлением, потянула за собой и другие карточки. Россия не осталась в стороне и тоже ввела хлебные карточки.

Но именно на этом примере мы можем всего, пожалуй, нагляднее сравнить реакционно-бюрократические методы борьбы с катастрофой, старающиеся ограничиться минимумом преобразований, с революционно-демократическими, которые, чтобы заслуживать свое название, должны ставить своей прямой задачей насильственный разрыв с отжившим старым и возможно большее ускорение движения вперед.

Хлебная карточка, этот главный образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило. Вводится максимум потребления далеко не всех, а только главных «народных» продуктов. И это все. О большем не заботятся. Бюрократически подсчитывают наличные запасы хлеба, делят их по душам, устанавливают норму, вводят ее и ограничиваются этим. Предметов роскоши не трогают, ибо они «все равно» так дороги, что «народу» недоступны. Поэтому во *всех*, без всякого исключения, воюющих странах, *даже* в Германии, которую, кажется, не вызывая споров, можно счесть образцом самого аккуратного, самого педантичного, самого строгого регулирования потребления, *даже* в Германии мы видим постоянный обход богатыми каких бы то ни было «норм» потребления. Это тоже «все» знают, об этом тоже «все» говорят с усмешкой, и в германской социалистической а иногда даже буржуазной прессе, несмотря на свирепости казарменно-строгой немецкой цензуры, постоянно встречаются заметки и сообщения о «меню» богачей, о получении белого хлеба в любом количестве богатыми в таком-то курорте (под видом больных его посещают все... у кого много де-

пег), о замене богачами простонародных продуктов изысканными и редкими предметами роскоши.

Реакционное капиталистическое государство, которое *боится* подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, *боится* развить самостоятельность рабочих и вообще трудящихся, *боится* «разжечь» их требовательность; *такому* государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакционной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь не *посылая* на действительное регулирование потребления в смысле *контроля* за богатыми, в смысле возложения на них лучше поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, *больших* тягот в военное время.

Реакционно-бюрократическое решение задачи, поставленной пародом войной, ограничивается хлебной карточкой, распределением поровну абсолютно-необходимых для питания «народных» продуктов, ни на йоту не отступая от бюрократизма и реакционности, именно от цели: самостоятельности бедных, пролетариата, массы народа («демоса») *не* поднимать контроля с *их* стороны за богатыми, *не* допускать лазеек для того, чтобы богатые вознаграждали себя предметами роскоши, оставлять *побольше*. И во всех странах, повторяем, даже в Германии, — о России нечего и говорить, — лазеек оставлено масса, голодает «простой народ», а богатые ездят в курорты, пополняют скудную казенную норму всяческими «дodatками» со стороны и *не* позволяют себя контролировать.

В России, только что проделавшей революцию против царизма во имя свободы и равенства, в России, сразу ставшей демократической республикой по ее фактическим политическим учреждениям, особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение, озлобление и возмущение масс, это легкость обхода «хлебных карточек» богатыми, которую *все* видят. Легкость эта особенно велика. «Под полой» и за особенно высокую цену, особенно «при связях» (которые есть только у богатых), достают все и помногу. Голодает народ. Регулирование потребления ограничивается самыми узкими, бюрократически-реакционными рам-

ками. Со стороны правительства нет и тени заботы о том, чтобы поставить это регулирование на началах действительно революционно-демократических.

От хвостов страдают «все», но... но богатые посылают прислугу стоять в хвостах и нанимают даже для этого особую прислугу! Вот вам и «демократизм»!!!

Революционно-демократическая политика во время неслыханных бедствий, переживаемых страной, для борьбы с надвигающейся катастрофой, не ограничилась бы хлебными карточками, а добавила бы к ним, во-первых, принудительное объединение всего населения в потребительные общества, ибо без такого объединения контроль за потреблением полностью провести нельзя; во-вторых, трудовую повинность для богатых, с тем, чтобы они обслуживали бесплатно эти потребительные общества секретарским и другим трудом; в-третьих, раздел поровну между населением действительно всех продуктов потребления, чтобы тягости войны распределить действительно равномерно; в-четвертых, организацию контроля такую, чтобы потребление именно богатых контролировали бедные классы населения.

Создание действительно демократизма в этой области, проявление действительно революционности в организации контроля как раз наиболее нуждающимися классами народа, было бы величайшим толчком к напряжению каждой наличной интеллигентной силы, к развитию действительно революционной энергии всего народа. А то теперь министры республиканской и революционно-демократической России совершенно так же, как их собратия во всех остальных империалистских странах, говорят пышные слова об «общем труде в пользу народа», о «напряжении всех сил», но именно народ видит, чувствует и осязает лицемерность этих слов.

Получается топтание на месте и неудержимый рост развала, приближение катастрофы, ибо по-Корниловски, по-Гинденбургски, по общему империалистскому образцу ввести военной каторги для рабочих наше правительство не может—слишком еще живы в народе традиции, воспоминания, следы, навыки, учреждения *революции*; а сделать действительно серьезные шаги по пути революционно-демократическому наше правительство не хочет, ибо оно насквозь пропитано и сверху и донизу опутано отношениями зависимости от буржуазии, «коалиции» с ней, боязнью затронуть ее фактические привилегии.

Разрушение работы демократических организаций правительством.

Мы рассмотрели различные способы и методы борьбы с катастрофой и голодом. Мы видели повсюду непримиримость противоречия между демократией с одной стороны и правительством, а также поддерживающим его блоком эс-эров и меньшевиков с другой. Чтобы доказать, что эти противоречия существуют в действительности, а не только в нашем изложении, и что непримиримость их доказывается фактически конфликтами, имеющими общенародное значение, достаточно напомнить два особенно типичных «итога» и урока полугодовой истории нашей революции.

История «царствования» Пальчинского ¹⁶¹⁾—один урок.

История «царствования» и падения Пешехонова ¹³⁸⁾—другой.

В сущности, описанные выше меры борьбы с катастрофой и голодом сводятся к всестороннему поощрению (вплоть до принуждения) «обсоюзования» населения и в первую голову демократии, т.-е. большинства населения, — значит, прежде всего угнетенных классов, рабочих и крестьян, особенно беднейших. И на этот путь стихийно стало становиться население само для борьбы с неслыханными трудностями, тяготами и бедствиями войны.

Царизм всячески тормозил самостоятельное и свободное «обсоюзование» населения. Но после падения царской монархии демократические организации стали возникать и быстро расти по всей России. Борьбу с катастрофой повели самочинные демократические организации, всякого рода комитеты снабжения, продовольственные комитеты, совещания по топливу и прочее и т. п.

И вот, самое замечательное во всей полугодовой истории нашей революции по рассматриваемому вопросу состоит в том, что *правительство*, называющее себя республиканским и революционным, *правительство, поддерживаемое* меньшевиками и эс-эрами от имени «полномочных органов революционной демократии», это правительство *боролось против демократических организаций и побороло их!!!*

Пальчинский приобрел себе этой борьбой самую печальную и самую широкую всероссийскую известность. Он действовал за спиной правительства, не выступая открыто перед народом (совершенно так же, как предпочитали действовать кадеты вообще, охотно выдвигавшие «для народа» Церетели ²⁴⁾, а сами обдelyвавшие втихомолку все важные дела). Пальчинский тормозил и

срывал всякие серьезные меры самочинных демократических организаций, ибо ни одна серьезная мера не могла состояться без «ущерба» безмерных прибылей и самодурства кит-китычей. А Пальчинский именно верным защитником и слугой кит-китычей и был. Доходило до того,—и этот факт был опубликован в газетах, что Пальчинский прямо *отменял* распоряжения самочинных демократических организаций!!!

Вся история «царствования» Пальчинского много месяцев и как раз тогда, когда Церетели, Скобелев ³⁶⁾, Чернов были «министрами», — есть один сплошной, безобразный скандал, срыв воли народа, решения демократии, *в угоду* капиталистам, ради их грязной корысти. В газете могла появляться, разумеется, лишь ничтожная доля «подвигов» Пальчинского и полное расследование того, как он *мешал* борьбе с голодом, удастся осуществить только истинно демократическому правительству пролетариата, когда он завоюет власть и на *суд* народа отдаст, без утайки, дела Пальчинского и подобных ему.

Возразят, пожалуй, что Пальчинский ведь был исключением и вот его уже удалили... Но в том-то и дело, что Пальчинский — не исключение, а *правило*, что с удалением Пальчинского дело ничуть не улучшилось, что его место заняли такие же Пальчинские с иной фамилией, что все «влияние» капиталистов, вся политика срыва *борьбы с голодом в угоду им* осталась неприкосновенною. Ибо Керенский и К^о — лишь ширма защиты интересов капиталистов.

Самое наглядное доказательство тому — уход из министерства Пешехонова, министра продовольствия. Как известно, Пешехонов — народник самый, самый умеренный. Но по организации продовольственного дела он хотел работать добросовестно, в связи с демократическими организациями, опираясь на них. Тем интереснее *опыт* работы Пешехонова и уход его, что этот умереннейший народник, член «народно-социалистической партии», готовый идти на какие угодно компромиссы с буржуазией, все же оказался вынужденным уйти. Ибо правительство Керенского в угоду капиталистам, помещикам и кулакам, *повысило* твердые цены на хлеб!!

Вот как описывает М. Смит в газете «Свободная Жизнь», от 2 сентября, этот «шаг» и его значение:

«За несколько дней до принятия правительством повышения твердых цен в общегосударственном продовольственном комитете

произошла такая сцена: представитель правой Рохович, упорный защитник интересов частной торговли и беспощадный враг хлебной монополии и государственного вмешательства в экономическую жизнь, заявил во всеуслышание с самодовольной улыбкою, что, по его сведениям, твердые цены на хлеб будут в скором времени повышены.

«Представитель же Совета Рабочих и Солдатских Депутатов заявил в ответ на это, что ему ничего подобного не известно, что пока в России длится революция, такой акт не может иметь места, и что, во всяком случае, правительство не может пойти на этот акт без совещания с правомочными органами демократии—экономическим советом и общегосударственным продовольственным комитетом. К этому заявлению присоединился и представитель Совета Крестьянских Депутатов!

«Но, увы! Действительность внесла в эту контраверсию весьма жестокую поправку: правы оказались не представители демократии, а представитель цензовых элементов. Он оказался прекрасно осведомленным по поводу готовящегося покушения на права демократии, хотя представители ее и отвергли с негодованием самую возможность такого покушения».

Итак, и представитель рабочих и представитель крестьянства заявляют определенно свое мнение от имени гигантского большинства народа, а правительство Керенского поступает наоборот, в интересах капиталистов!

Рохович, представитель капиталистов, оказался превосходно осведомленным за спиной демократии—совершенно так же, как мы всегда наблюдали и теперь наблюдаем наилучшую осведомленность буржуазных газет «Речи» и «Биржевки», о том, что происходит в правительстве Керенского.

На что указывает эта замечательная осведомленность? Ясно—на то, что капиталисты имеют свои «ходы» и держат *фактически* власть в своих руках. Керенский—подставная фигура, которую они пускают в ход, так и тогда, как и когда им требуется. Интересы десятков миллионов рабочих и крестьян оказываются принесенными в жертву прибылям горстки богачей.]

Что же отвечают на это возмутительное издевательство над народом наши эс-эры и меньшевики? Может быть, они обратились к рабочим и крестьянам с воззванием, что Керенскому и его коллегам после этого место только в тюрьме?

Боже упаси! Эс-эры и меньшевики, в лице принадлежащего им «Экономического Отдела», ограничились принятием грозной резолюции, которую мы уже упоминали. В этой резолюции они заявляют, что повышение хлебных цен правительством Керенского есть «мера *пагубная*, наносящая *сильнейший удар* как продовольственному делу, так и всей хозяйственной жизни страны» и что проведены эти пагубные меры с прямым «*нарушением*» закона!!!

Таковы результаты политики соглашательства, политики заигрывания с Керенским и желания «*пасть*» его!

Правительство нарушает закон, принимая, в угоду богачам, помещикам и капиталистам, такую меру, которая *губит* все дело контроля, продовольствия и оздоровления расшатанных до-нельзя финансов, — а эс-эры и меньшевики продолжают говорить о соглашении с торгово-промышленными кругами, продолжают ходить на совещание с Терещенкой, пасть Керенского и ограничиваются бумажной резолюцией протеста, которую правительство преспокойно кладет под сукно!!!

Вот где с особенной наглядностью обнаруживается та истина, что эс-эры и меньшевики изменили народу и революции и что действительным вождем масс, даже эс-эровских и меньшевистских, становятся большевики.

Ибо именно завоевание власти пролетариатом с партией большевиков во главе его, одно в состоянии было бы положить конец творимым Керенским и К^о безобразиям и *восстановить* ту работу демократических организаций продовольствия, снабжения и т. д., которую Керенский и его правительство *срывает*.

Большевики выступают — на приведенном примере это видно с полнейшей ясностью, — как представители интересов обеспечения дела продовольствия и снабжения, интересов удовлетворения насущнейших нужд рабочих и крестьян вопреки той колеблющейся, нерешительной, поистине изменнической политики эс-эров и меньшевиков, которая довела страну до позора, подобного этому повышению цен на хлеб!

Финансовый крах и меры против него.

Вопрос о повышении твердых цен на хлеб имеет также другую сторону. Это повышение означает новое хаотическое увеличение выпуска бумажных денег, новый шаг вперед процесса усиления дороговизны, усиление финансового расстройтва и

краху. Все признают, что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение всего сильнее именно рабочих, беднейшей части населения, что он является главным злом финансовой неурядицы.

И именно к этой мере прибегает поддерживаемое эс-эрами и меньшевиками правительство Керенского.

Для серьезной борьбы с финансовым расстройством и неизбежным финансовым крахом нет иного пути, кроме того революционного разрыва с интересами капитала и организации контроля действительно демократического, т. е. «снизу», контроля рабочих и беднейших крестьян за капиталистами, — того пути, о котором говорит все наше предыдущее изложение.

Необъятный выпуск бумажных денег поощряет спекуляцию, позволяет капиталистам наживать на ней миллионы и создает громадные трудности столь необходимому расширению производства, ибо дороговизна материалов, машин и пр. усиливается и идет вперед скачками. Как помочь делу, когда приобретаемые спекуляцией богатства богатых скрываются?

Можно ввести подходящий налог с прогрессирующими и очень высокими ставками для крупных и крупнейших доходов. Наше правительство, вслед за другими империалистическими правительствами, ввело его. Но он остается в значительной степени фикцией, мертвой буквой, ибо, во-первых, ценность денег все быстрее и быстрее падает, а, во-вторых, утайка доходов тем сильнее, чем больше источником их является спекуляция и чем надежнее охранена коммерческая тайна.

Чтобы сделать налог действительным, а не фиктивным, нужен действительный, а не остающийся на бумаге контроль. А контроль за капиталистами невозможен, если он остается бюрократическим, ибо бюрократия тысячами нитей сама связана и переплетена с буржуазией. Поэтому и в западно-европейских империалистических государствах, все равно и в монархиях и в республиках, финансовое упорядочение достигается лишь ценой такого введения «трудовой повинности», которое создает для рабочих *военную каторгу* или *военное рабство*.

Реакционно бюрократический контроль — вот единственное средство, которое знают империалистические государства, не исключая демократических республик, Франции и Америки, для сваливания тяжестей войны на пролетариат и на трудящиеся массы.

Основное противоречие нашей правительственной политики состоит именно в том, что приходится проводить—дабы не ссориться с буржуазией, не разрушать «коалиции» с ней—реакционно-бюрократический контроль, называя его «революционно-демократическим», обманывая на каждом шагу народ, раздражая и озлобляя массы, только что свергнувшие царизм.

Между тем именно революционно-демократические меры, объединяя в союзы как раз угнетенные классы, рабочих и крестьян, как раз массы—давали бы возможность установления самого действительного контроля за *богатыми* и успешной борьбы с утайкой доходов.

Стараются поощрять чековое обращение для борьбы с чрезмерным выпуском бумажных денег. Для бедных эта мера не имеет значения, ибо беднота все равно живет со дня на день, все равно в неделю завершает свой «хозяйственный оборот», возвращая капиталистам их скудные гроши, которые ей удастся заработать. Для богатых чековое обращение могло бы иметь громадное значение, оно позволило бы государству, особенно в связи с такими мерами, как национализация банков и отмена торговой тайны, *действительно* контролировать доходы капиталистов, действительно «демократизировать» (а вместе с тем и упорядочить) финансовую систему.

Но помехой тут является именно боязнь нарушить привилегии буржуазии, разорвать «коалицию» с ней. Ибо без мер истинно революционных, без серьезнейшего принуждения, капиталисты никакому контролю не подчинятся, своих бюджетов не откроют, запасы бумажек не сдадут «под отчет» демократического государства.

Объединенные в союз рабочие и крестьяне,¹ национализируя банки, вводя чековое обращение как обязательное по закону для всех богатых людей, отменяя торговую тайну, устанавливая конфискацию имущества за утайку доходов и т. п., могли бы с чрезвычайной легкостью сделать контроль и действительным и универсальным, контроль именно за богатыми, контроль именно такой, который *вернул бы казне* выпускаемые ею бумажные деньги *от тех*, кто их имеет, от тех, кто их прчет.

Для этого нужна революционная диктатура демократии, возглавляемой революционным пролетариатом, т. е. для этого демократия должна стать революционной *на деле*.

В этом весь гвоздь. Этого-то и не хотят наши эс-эры и меньшевики, обманывающие народ *флагом* «революционной демократии»

и поддерживающие на деле реакционно-бюрократическую политику буржуазии, которая, как всегда, руководится правилом: *«après nous le déluge»*—после нас хоть потоп!

Мы не замечаем даже обыкновенно, до какой степени глубоко въелись в нас антидемократические привычки и предрассудки насчет «святости» буржуазной собственности. Когда инженер или банкир публикует доходы и приходы рабочего, данные о его заработках и о производительности его труда, это считается архизаконным и справедливым. Никто не думает усматривать в этом посягательство на «частную жизнь» рабочего «сыск, или донос» инженера. Труд и заработок наемных рабочих буржуазное общество рассматривает *своей* открытой книгой, куда всякий буржуа вправе всегда заглянуть, всегда разоблачить «роскошь» рабочего, какую-то будто бы «лень» его и т. п.

Ну, а обратный контроль? Что, если бы союзы служащих, конторщиков, *прислуги* были *приглашены демократическим государством* к проверке доходов и расходов капиталистов, к публикации данных об этом, к содействию правительству в деле борьбы с утайками доходов?

Какой бы дикий вой подняла буржуазия против «ыска», против «доносов»! Когда «господа» контролируют прислугу, капиталисты—рабочих, это считается в порядке вещей, частная жизнь трудящегося и эксплуатируемого *не* считается неприкосновенной, буржуазия вправе требовать к отчету каждого «наемного раба», всегда вынести на публику его доходы и расходы. А попытку угнетенных контролировать угнетателя, вывести на чистую воду *его* расходы и доходы, раскрыть *его* роскошь, хотя бы даже во время войны, когда эта роскошь вызывает прямой голод и гибель армий на фронте,—о, нет, буржуазия «ыска» и доносов не допустит!

Вопрос сводится все к тому же: господство буржуазии с истинно-революционным демократизмом не примиримо. В XX веке, в капиталистической стране нельзя быть революционным демократом, *если* бояться итти к социализму.

Можно ли итти вперед, боясь итти к социализму?

Предшествующее изложение легко может у читателя, воспитанного на ходячих оппортунистических идеях эс-эров и меньшевиков, вызвать такое возражение: большинство описываемых

здесь мер, в сущности, не демократические, а *уже* социалистические меры.

Это ходячее возражение, обычное (в той или иной форме) в прессе буржуазной, эс-эровской и меньшевистской, есть реакционная защита отсталого капитализма, защита, наряженная постривистски. Дескать, мы не созрели для социализма, рано «вводить» социализм, наша революция буржуазная,—поэтому надо быть в холопах у буржуазии (хотя великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою революцию великой посредством *террора* против всех угнетателей, и помещиков, и капиталистов).

Услуживающие буржуазии горе-марксисты, к которым перешли и эс-эры, и которые рассуждают так, не понимают (если рассмотреть теоретические основы их мнения), что такое империалистические монополии? Что такое государство? Что такое революционная демократия? Ибо, поняв это, нельзя не признать, что нельзя идти вперед, не идя к социализму

Об империализме говорят все. Но империализм есть не что иное, как монополистический социализм.

Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь»,²⁶³ «Продамет»,²⁶⁴ сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

А что такое государство? Это организация господствующего класса,—напр., в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов.

Ну, а попробуйте-ка подставить *вместо* юнкерски-капиталистического, вместо помещичьи-капиталистического государства государство *революционно-демократическое*, т.-е. революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит, оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т.-е.

вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии *революционного демократизма*)—государство направляет предприятие в чьих интересах?

— Либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистическую республику;— либо в интересах революционной демократии;—тогда *это и есть шаг к социализму*.

Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу* всего народа и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией.

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от монополий (а война удесятирила их число, роль и значение) вперед итти *нельзя*, не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждая их по-Пешехоновски, по-Дановски, по-Черновски доводами, что наша революция буржуазная, что нельзя «вводить» социализма и т. п.,—и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т.-е. реакционно-бюрократически подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции.

Стоять на месте нельзя—в истории вообще, во время войны в особенности. Надо итти либо вперед, либо назад. Итти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не идя к социализму, не делая шагов к нему (шагов, обусловленных и определенных уровнем техники и культуры: крупное машинное хозяйство нельзя «ввести в земледелие крестьян», его нельзя отменить в сахарном производстве).

А если бояться итти вперед, *это значит* итти назад, чем г.г. Керенские, при восторгах Милюковых и Плехановых, при глупом пособничестве Церетели и Черновых, и занимаются.

Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание,—никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически,—а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких *промежуточных ступеней нет*.

К вопросу о социализме наши эсеры и меньшевики подходят по доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим.

А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма.

Что такое трудовая всеобщая повинность?

Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом.

В Германии юнкера (помещики) и капиталисты вводят всеобщую трудовую повинность, и тогда она неизбежно становится военной каторгой для рабочих.

Но возьмите то же самое учреждение и продумайте значение его при революционно-демократическом государстве. Всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляемая Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, это еще не социализм, но это *уже не капитализм*. Это громадный шаг к социализму, такой шаг, что, при условии сохранения полной демократии, от такого шага нельзя уже было бы без неслыханных насилий над массами уйти назад, к капитализму.

Борьба с разрухой и война.

Вопрос о мерах борьбы с надвигающейся катастрофой подводит нас к освещению другого важнейшего вопроса: о связи внутренней политики с внешнею, или иначе: о соотношении между войной захватной, империалистской и войной революционной, про-

летарской, между войной преступно-грабительской и войной справедливо-демократической.

Все описанные нами меры борьбы с катастрофой чрезвычайно усилили бы, как уже было нами отмечено, обороноспособность или, говоря иначе, военную мощь страны. Это с одной стороны. А с другой стороны, эти меры нельзя провести в жизнь, не превращая войны захватной в войну справедливую, войны, ведомой капиталистами в интересах капиталистов, в войну, ведомую пролетариатом в интересах всех трудящихся и эксплуатируемых.

В самом деле. Национализация банков и синдикатов, в связи с отменой коммерческой тайны и рабочим контролем за капиталистами, означала бы не только гигантское сбережение народного труда, возможность съэкономить силы и средства, она означала бы также улучшение положения трудящихся *масс* населения, большинства его. В современной войне, как все знают, экономическая организация имеет решающее значение. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа, — в этом отношении наше положение лучше, чем какой бы то ни было из воюющих европейских стран. А при борьбе с разрухой указанными средствами, привлекая к этой борьбе самодеятельность масс, улучшая их положение, вводя национализацию банков и синдикатов, Россия использовала бы свою революцию и свой демократизм для подъема всей страны на неизмерно более высокую ступень экономической организованности.

Если бы вместо «каолиции» с буржуазией, тормозящей все меры контроля и саботирующей производство, эс-эры и меньшевики осуществили в апреле переход власти к Советам и направили свои силы не на игру «в министерскую чехарду», не на бюрократическое просиживание, рядом с кадетами, местечек министров, товарищей министров и пр. и пр., а для руководства рабочими и крестьянами в *их* контроле за капиталистами, в *их* войне против капиталистов, — то, Россия была бы теперь страной в полном экономическом преобразовании, с землей у крестьян, с национализацией банков, т.е. была бы *постольку* (а это крайне важные экономические базы современной жизни) *выше* всех остальных капиталистических стран.

Обороноспособность, военная мощь страны с национализацией банков, *чем* страны с банками, остающимися в частных руках. Военная мощь крестьянской страны, с землей в руках крестьянских комитетов, *выше*, чем страны с помещичьим землевладением.

Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и при том с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическим и, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, *переродив, обновив* ее хозяйственную основу.

Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию *хозяйственно*. А этого нельзя сделать в XX веке одним смещением царизма. Франция 125 лет тому назад не ограничилась этим. Этого нельзя сделать даже одним революционным уничтожением помещичьего землевладения (мы даже этого не сделали, ибо эс-эры и меньшевики изменили крестьянству), одной передачей земли крестьянству. Ибо мы живем в XX веке, господство над землей *без господства над банками* не в состоянии внести перерождения, обновления в жизнь народа.

Материальное, производственное обновление Франции, в конце XVIII века, было связано с политическим и с духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с ней), с беспощадной войной объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т.-е. *угнетенные классы*, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы. Не 1792—1793 г.г., а много лет спустя *после* победы реакции внутри страны, контр-революционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные.

А в России? Мы продолжаем вести войну империалистическую, в интересах капиталистов, в союзе с империалистами, в согласии с тайными договорами, которые заключил *царь* с капиталистами Англии и пр., обещая в этих договорах русским капиталистам ограбление чужих стран, Константинополь, Львов, Армению и т. д.

Война остается несправедливой, реакционной, захватной со стороны России, пока она не предложила справедливого мира и не порвала с империализмом. Социальный характер войны, ее истинное значение определяется не тем, где стоят неприятельские войска (как думают эс-эры и меньшевики, опускаясь до вульгарности темного мужика). Этот характер определяется тем, *какую политику* война продолжает («война есть продолжение политики»), *какой класс* в каких целях войну ведет.

Нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на их энтузиазм. Передовой класс революционной России, пролетариат, все яснее сознает преступность войны, и буржуазия не только не могла разубедить в этом массы, а, напротив, сознание преступности войны растет. Пролетариат *обеих столиц* стал в России интернационалистским окончательно.

Где уж тут говорить о массовом энтузиазме за войну?

Одно неразрывно связано с другим, внутренняя политика с внешней. Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно, великие экономические преобразования. И нельзя вызвать героизма в массах, не разрывая с империализмом, не предлагая всем народам демократический мир, не превращая войны таким путем из захватной, грабительской, преступной в справедливую, оборонительную, революционную.

Только беззаветно-последовательный разрыв с капиталистами и во внутренней и во внешней политике в состоянии спасти нашу революцию и нашу страну, зажатую в железные тиски империализма.

Революционная демократия и революционный пролетариат.

Чтобы быть действительно революционной, демократия современной России должна идти в полнейшем союзе с пролетариатом, поддерживая его борьбу, как единственного до конца революционного класса.

Таков итог, к которому приводит разбор вопроса о средствах борьбы с неминуемой катастрофой неслыханных размеров.

Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу

самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства.

В силу ряда исторических причин — большой отсталости России, особенных трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года, в России раньше других стран вслыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически.

Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции. Нас подтягивает, подхватывает исключительно редкая во время империалистской войны революционно-демократическая свобода.

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей.

И отношение пролетариата к крестьянству в такой момент подтверждает соответственно видоизменяя ее — старую большевистскую постановку: вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии. Только в том залог спасения революции.

А крестьянство есть наиболее многочисленный представитель всей мелко-буржуазной массы.

Наши эс-эры и меньшевики взяли на себя реакционную роль: удержать крестьянство под влиянием буржуазии, вести крестьянство к коалиции с буржуазией, а не с пролетариатом.

Опыт революции учит массы быстро. И реакционная политика эс-эров и меньшевиков терпит крах: они побиты в Советах обеих столиц. В обеих мелко-буржуазно-демократических партиях растет «левая» оппозиция. В Питере 10 сентября 1917 г. городская конференция эс-эров дала большинство в $\frac{2}{3}$ *левым* эс-эрем, тяготеющим к союзу с пролетариатом, отвергающим союз (коалицию) с буржуазией.

Эс-эры и меньшевики повторяют излюбленное буржуазией противопоставление: буржуазия и демократия. Но такое противопоставление столь же бессмысленно, в сущности, как сравнение пудов с аршинами.

Бывает демократическая буржуазия, бывает буржуазная демократия: только самое полное невежество и в истории и в политической экономии способно отрицать это.

Неверное противопоставление понадобилось эс-эрам и меньшевикам, чтобы прикрыть бесспорный факт: между буржуазией и пролетариатом стоит *мелкая буржуазия*. Она неизбежно, в силу ее экономического классового положения, колеблется между буржуазией и пролетариатом.

Эс-эры и меньшевики тянут мелкую буржуазию к союзу с буржуазией. В этом суть всей их «коалиции», всего коалиционного министерства, всей политики Керенского, типичного полукадета. За полгода революции эта политика потерпела полный крах.

Кадеты злорадствуют: революция-де потерпела крах, революция не справилась ни с войной, ни с разрухой.

Неправда. Крах потерпели *кадеты и эс-эры с меньшевиками*, ибо этот блок (союз) полгода правил Россией, за полгода усилил разруху, запутал и затруднил военное положение.

Чем полнее крах союза буржуазии с *эс-эрами и меньшевиками*, тем быстрее научится народ. Тем легче он найдет верный выход: союз беднейшего крестьянства с пролетариатом.

Написано в середине 10 сентября 1917 г.

Напечатано отдельной брошюрой

в конце октября 1917 г.

УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ

ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ

*Написано в конце сентября
1917 г.*

*Напечатано в журнале
„Просвещение“ № 1—2,
сентябрь — октябрь 1917 г.*

Удержат ли большевики государственную власть.

Удержат ли большевики государственную власть.

В чем согласны все направления, от «Речи» до «Новой Жизни» включительно, от кадетов-корниловцев до полубольшевиков, *все* за исключением большевиков?

В том, что большевики одни либо никогда не решатся взять всю государственную власть в свои руки, либо, если решатся и возьмут, не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени.

Если кто-либо заметит, что вопрос о взятии всей государственной власти одними большевиками — совершенно не реальный политический вопрос, что считать его реальным может лишь самое дурное самомнение какого-нибудь «фанатика», то мы опровергнем это замечание, приведя точные заявления самых ответственных и самых влиятельных политических партий и направлений различного «цвета».

Но сначала два слова по первому из намеченных вопросов, именно: решатся ли большевики взять одни в свои руки всю государственную власть? Я уже имел случай на Всероссийском съезде Советов ответить категорическим утверждением на этот вопрос в одном замечании, которое мне довелось крикнуть с места во время одной из министерских речей Церетели. И я не встречал ни в печати, ни устно заявлений со стороны большевиков, что нам не следовало бы брать одним власть. Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще — а партия передового класса в особенности — не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким полем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть.

Приведем теперь заявление кадетов, эс-эров и полу-большевиков (я сказал бы охотнее четверть-большевиков) но интересующему нас вопросу.

Передовик «Речи» от 16 сентября:

...Разногласица и разброд царили в зале Александринского театра, и социалистическая пресса отражает ту же картину. Определенностью и прямолинейностью отличается только взгляд большевиков. В Советщанин, это—взгляд меньшинства. В Советах, это—все усиливающееся течение. Но, несмотря на весь словесный задор, на хвастливые фразы, на демонстрацию самоуверенности, большевики за исключением немногих фанатиков, храбры лишь на словах. Взять «всю власть» они не попытались бы по собственному побуждению. Дезорганизаторы и разрушители *par excellence*, они по существу трусы, в глубине души прекрасно сознающие и внутреннее свое невежество и эфемерность своих теперешних успехов. Так же хорошо, как и все мы, они понимают, что первый день их окончательного торжества был бы и первым днем их стремительного падения. Безответственные по самой природе, анархисты по методам и приемам, они мыслимы лишь как одно из направлений политической мысли,—вернее сказать, как одна из ее аберраций. Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, извергнуть его, было бы вручение его вождям судеб страны. И если бы не сознание непоправимости и гибельности подобных опытов, можно было бы с отчаяния решиться и на такое героическое средство. К счастью, повторяем, сами эти печальные герои дня огню не стремятся на самом деле к захвату всей полноты власти. Ни при каких условиях им недоступна созидательная работа. Таким образом, вся их определенность и прямолинейность ограничивается сферой политической трибуны, митинговой словесности. Практически их позиция не может ни с какой точки зрения быть принята в расчет. Впрочем, в одном отношении она имеет и некоторое реальное последствие: она объединяет все прочие оттенки «социалистической мысли» в отрицательном к себе отношении...

Так рассуждают кадеты. А вот точка зрения самой большой, «господствующей и правительствующей» партии в России, «социалистов-революционеров» в равным образом неподписанной, т. е. редакционной, передовице их официального органа «Дела Народа» от 21 сентября:

...Если буржуазия не захочет работать вместе с демократией до Учредительного Собрания на почве утвержденной Советщанином платформы, когда коалиция должна возникнуть в недрах состава Советщанина. Это — тяжкая жертва со стороны защитников коалиции, но на нее должны пойти и пропагандисты идеи «чистой линии» власти. Но мы опасаемся, что здесь соглашение может и не состояться. И тогда остается третья и последняя комбинация: власть обязана организовать та половина Советщанина, которая принципиально защищала идею однородности ее.

Скажем определенно: *большевики будут обязаны формировать кабинет*. Они с величайшей энергией прививали революционной демократии ненависть к коалиции, обещая ей всякие блага после упразднения «соглашательства» и объясняя этим последним все бедствия страны.

Если они отдавали отчет в своей *агитации*, если они *не обманывали массы*, — они *обязаны* расплачиваться по выдаваемым направо и налево векселям.

Вопрос становится ясно.

И пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые теории о невозможности им взять власть.

Этих теорий демократия не примет.

В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку. Вот три комбинации, три пути, которые стоят перед нами, — иных нет! (Курсив принадлежит самому «Делу Народа»).

Так рассуждают эс-чры. Вот, наконец, «позиция» — если можно попытки сидеть между двух стульев назвать позицией новожиизенских «четверть-большевиков», взятая из редакционной передовицы «Новой Жизни» от 23 сентября:

...Если коалиция с Коноваловым и Кишкиным ²⁵⁶) вновь будет составлена, то это будет означать не что иное, как новую капитуляцию демократии и отмену резолюции Совещания об ответственной власти на платформе 14 августа...

...Однородное министерство меньшевиков и эс-эров так же мало может чувствовать свою подотчетность, как мало чувствовали ее ответственные министры-социалисты в коалиционном кабинете... Такое правительство не только не могло бы сплотить вокруг себя «живые силы» революции, но не могло бы рассчитывать на сколько-нибудь деятельную поддержку ее авангарда-пролетариата.

Однако, не лучшим, а еще худшим выходом из положения, собственно не выходом, а просто провалом, было образование другого типа однородного кабинета, правительства «пролетариата и беднейшего крестьянства». Такой лозунг, правда, никем и не выставляется — кроме как в случайных, несмелых, систематически затем «разъясненных» замечаниях «Рабочего Пути»... (Эту вопиющую неправду «смело» пишут ответственные публицисты, забывшие даже передовицу «Дела Народа» от 21 сентября...)

Формально большевиками воскрешены ныне лозунги — вся власть Советам. Он был отменен, когда, после июльских дней, Советы, в лице Ц.И.К., определенно стали на путь активной анти-большевистской политики. Теперь же не только может считаться выпрямленной «линия Совета», но есть все основания рассчитывать, что предполагаемый Съезд Советов даст большевистское большинство. При таких условиях воскрешенный большевиками лозунг: «вся власть Советам» есть «тактическая линия», направленная именно к диктатуре пролетариата и «беднейшего крестьянства». Правда, под Советами разумеются и Советы Крестьянских Депутатов, и таким образом большевистский лозунг предполагает власть, опирающуюся

на подавляющую часть всей демократии России. Но в таком случае лозунг: «вся власть Советам» лишается самостоятельного значения, так как делает Советы почти однозначными, по своему составу, образуемому Совещением «предпарламенту»... (Утверждение «Новой Жизни» есть бесстыднейшая ложь, равняющаяся заявлению, что подлог и подделка демократизма «однозначуци почти» с демократизмом: предпарламент есть подлог, выдающий волю меньшинства народа.—особенно Кусковой²⁶⁶), Беркегейма²⁶⁷), Чайковских и¹⁷⁷) К^о—за волю большинства. Это во-первых. Во-вторых, даже подделанные Авксентьевыми и Чайковскими Крестьянские Советы дали на Совещании такой высокий процент противников коалиции, что вместе с Советами Раб. и Солд. Депутатов получился бы провал коалиции безусловный. И, в-третьих, «власть Советам» означает, что власть Крестьянских Советов распространялась бы преимущественно па деревню, а в деревнях преобладание беднейших крестьян обеспечено...) Если же одно и то же, то большевистский лозунг надлежит немедленно снять с очереди. Если же «власть Советам» только прикрывает собой диктатуру пролетариата, то такая власть означает именно провал и крушение революции.

Надо ли доказывать, что пролетариат, изолированный не только от остальных классов страны, но и от действительных живых сил демократии, не сможет ни технически овладеть государственным аппаратом и привести его в движение в исключительно сложной обстановке, ни политически не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию?

Единственной властью, отвечающей требованиям момента, является сейчас действительно частная коалиция внутри демократии...

* * *

Мы извиняемся перед читателями за длинные выписки, но они были безусловно необходимы. Необходимо было точно представить позицию разных партий, враждебных большевикам. Необходимо было точно доказать крайне важное обстоятельство, что все эти партии признали вопрос о взятии всей полноты государственной власти одними большевиками не только вопросом вполне реальным, но и актуальным, злободневным.

Перейдем теперь к разбору тех доводов, в силу которых «все», от кадетов до новожизненцев, убеждены, что большевикам власти не удержать.

Солидная «Речь» ровно никаких доводов не приводит. Она только поливает большевиков потоками отборнейшей и озлобленнейшей брани. Приведенная нами цитата показывает, между прочим, как глубоко неправильно было бы думать, что вот де «Речь» «провоцирует» большевиков на взятие власти, а потому: «береги-

тес, дескать, товарищи, ибо, что враг советует, то верно худо!» Если мы будем вместо делового учета соображений и общего и конкретного характера давать «убеждать» себя тем, что буржуазия «провоцирует» нас на взятие власти, то мы окажемся одураченными буржуазией, ибо она, наверняка, всегда будет злобно пророчествовать миллионы бед от взятия власти большевиками, всегда будет злобно кричать: «лучше бы всего сразу и на «долгие годы» избавиться от большевиков, если бы подпустить их к власти и затем разбить на голову». Такие крики — тоже «провокация», если хотите, только с противоположной стороны. Кадеты и буржуа вовсе не «советуют» и никогда не «советовали» нам взять власть, они только пытаются *запугать* нас неразрешимыми будто бы задачами власти.

Нет. Мы не должны давать запугать себя криками запуганных буржуа. Мы должны твердо помнить, что «неразрешимых» общественных задач мы себе никогда не ставили, а *вообще* разрешимые задачи немедленных шагов к социализму, как единственного выхода из очень трудного положения, *разрешит только* диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Победа и прочная победа более чем когда-либо, более чем где-либо, обеспечена теперь пролетариату в России, если он возьмет власть.

Будем обсуждать чисто деловым образом *конкретные* обстоятельства, делающие неблагоприятным тот или иной отдельный момент, но не дадим ни на минуту запугать себя дикими воплями буржуазии и не забудем, что вопрос о взятии всей власти большевиками становится поистине *злободневным*. Теперь неизмеримо большая опасность грозит нашей партии в том случае, если мы забудем это, *чем* в том случае, если мы признаем взятие власти «преждевременным». «Преждевременного» в этом отношении быть теперь *не* может: за это говорят из миллиона шансов все, кроме разве одного-двух.

По поводу злобной брани «Речи» можно и должно повторить:

Мы слышим звуки одобренья
не в сладком рокоте хвалы,
а в диких криках озлобленья!

Что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы *правильно* указываем народу пути и средства для свержения господства буржуазии.

«Дело Народа» на этот раз, в виде редкого исключения, не соблаговолило почтить нас своей бранью, но и не привело ни тени доводов. Оно только в косвенной форме, намеком, пытается *запугать* нас перспективой «большевики будут обязаны формировать кабинет». Вполне допускаю, что, пугая нас, эс-эры сами искреннейшим образом напуганы, до смерти напуганы призраком напуганного либерала. Равным образом допускаю, что эс-эрам удастся в каких-нибудь особенно высоких и особенно гнилых учреждениях, вроде Ц. И. К. и ему подобных «контактных» (т.е. соприкасающихся с кадетами, являющихся с кадетами, выражаясь попросту) комиссиях запугать кое-кого из большевиков, ибо, во-первых, атмосфера во всех этих Ц. И. К., в «предпарламенте» и т. п. гнуснейшая, затхлая до тошноты, долго дышать ей для *всякого* человека вредно, а, во-вторых, искренность заразительна, и искренне напуганный филистер способен даже отдельного революционера на время превратить в филистера.

Но как бы ни была понятна, «по человечеству» судя, эта искренняя запуганность эс-эра, имевшего несчастье быть министром с кадетами или быть в министериабельном положении перед кадетами, но давать себя запугивать значит делать политическую ошибку, которая слишком легко может оказаться граничащей с изменой пролетариату. Ваши деловые доводы, господа! Не надейтесь, что мы дадим себя напугать вашей запуганностью!

* * *

Деловые доводы на этот раз мы находим только в «Новой Жизни». Она выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно «шокирующей» эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков.

Адвокат выдвинул *шесть* доводов:

- 1) пролетариат «изолирован от остальных классов страны»;
- 2) он «изолирован от действительных живых сил демократии»;
- 3) он «не сможет технически овладеть государственным аппаратом»;
- 4) он «не сможет привести в движение» этот аппарат;
- 5) «обстановка исключительно сложна»;
- 6) он «не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию».

Довод первый изложен «Новой Жизнью» неуклюже до смешного, ибо классов в капиталистическом и полукапиталистическом обществе мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как ее главный представитель) и пролетариат. Какой же смысл говорить об изолированности пролетариата от остальных классов, когда речь идет о борьбе пролетариата против буржуазии? о революции против буржуазии?

Должно быть, «Новая Жизнь» хотела сказать, что пролетариат изолирован от крестьянства, ибо не о помещиках же, в самом деле, могла здесь идти речь. Но точно, ясно сказать, что пролетариат изолирован теперь от крестьянства, нельзя было, ибо вопиющая неправильность такого утверждения бьет в глаза.

Трудно представить себе, чтобы в капиталистической стране пролетариат был так мало изолирован от мелкой буржуазии—заметьте: в революции *против буржуазии*—как теперь пролетариат в России. Из объективных и бесспорных данных мы имеем новейшие данные о голосовании *за* и *против* коалиции с буржуазией по «куриям» Церетелевской «булыгинской думы», т.-е. пресловутого «Демократического» Совещания. Возьмем курии Советов. Получаем:

	За коалицию.	Против.
Советы Раб. и Солд. Депутатов	83	192
Советы Крестьянских Депутатов.	102	70
Все Советы	185	262

Итак, большинство в целом на стороне пролетарского лозунга: *против* коалиции с буржуазией. И мы видели выше, что даже кадеты вынуждены признать усиление влияния большевиков в Советах. А ведь мы имеем здесь Совещание, созванное вождями *вчерашнего дня* в Советах, эс-эрами и меньшевиками имеющими обеспеченное большинство в центральных учреждениях! Явно, что *действительное* преобладание большевиков в Советах здесь *преуменьшено*.

И по вопросу о коалиции с буржуазией и по вопросу о передаче немедленно помещичьей земли крестьянским комитетам большевики имеют уже сейчас *большинство* в Советах Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, *большинство народа*, большинство мелкой буржуазии. «Рабочий Путь» № 19, от 24 сентября, приводит из № 25 органа эс-эров «Знамя Труда» сведения о состоявшемся 18 сентября в Питере совещании местных Сове-

тов Крестьянских Депутатов. На этом совещании за неограниченную коалицию высказались исполнительные комитеты 4 крестьянских Советов (Костромской, Московской, Самарской и Таврической губерний). За коалицию без кадетов высказались Исп. Комитеты *трех* губерний и *двух* армий (Владимирской, Рязанской и Черноморской губ.). Против коалиции высказались Исполн. Комитеты *двадцати трех* губерний и *четыре*х армий.

Итак, большинство крестьян против коалиции!

Вот вам и «изолированность пролетариата».

Между прочим, отметить надо, что за коалицию высказались три окраинные губернии, Самарская, Таврическая и Черноморская, где сравнительно очень много богатых крестьян, крупных помещиков, работающих с наемными рабочими, а также четыре промышленные губернии (Владимирская, Рязанская, Костромская и Московская), в которых крестьянская буржуазия тоже сильнее, чем в большинстве губерний России. Было бы интересно собрать более подробные данные по этому вопросу и рассмотреть, нет ли сведений именно о *беднейших* крестьянах в губерниях с наиболее «*богатым*» крестьянством.

Интересно далее, что «национальные группы» дали очень значительное преобладание противникам коалиции, именно: 40 голосов против 15. Аннексионистская, грубо насильническая политика бонапартиста Керенского и К^о по отношению к неполноправным нациям России принесла свои плоды. Широкая масса населения угнетенных наций, т.-е. масса мелкой буржуазии среди них, доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение. Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы.

Национальный и аграрный вопросы, это — коренные вопросы дня мелко-буржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат «не изолирован» на редкость. Он имеет за собой большинство народа. Он *один* способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах, ибо впервые массы встретили бы со стороны правительства не беспощадное угнетение крестьян помещиками, украинцев великороссами, как при

царизме, не прикрытое пышными фразами стремление продолжать подобную же политику при республике, не придирки, обиды, кляузы, отяжки, подножки, увертки (все, чем награждает крестьян и угнетенные нации Керенский), а горячее сочувствие, доказываемое на деле, немедленные и революционные меры против помещиков, немедленное восстановление *полной* свободы для Финляндии, Украины, Белоруссии, для мусульман и т. д.

Господа эс-эры и меньшевики прекрасно знают это и потому протаскивают полукadetские верхи кооператоров за подмогу своей *реакционно-демократической* политике *против* масс. Поэтому никогда не решатся они опросить массу, устроить референдум или хотя бы голосование по всем местным Советам, по всем местным организациям относительно определенных пунктов практической политики, например, следует ли тотчас передать все помещичьи земли крестьянским комитетам, следует ли исполнить такие-то требования финнов или украинцев и т. п.

А вопрос о мире, этот кардинальный вопрос всей современной жизни. Пролетариат «изолирован от остальных классов»... Пролетариат выступает здесь поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии, ибо только пролетариат, достигши власти, *сразу* предложит справедливый мир всем воюющим народам, только пролетариат пойдет на действительно *революционные* меры (опубликование тайных договоров и т. п.), чтобы достигнуть как можно скорее, как можно более справедливого мира.

Нет. Господа из «Новой Жизни», кричащие об изолированности пролетариата, выражают этим только свою субъективную запуганность буржуазией. Объективное положение дел в России, несомненно, таково, что пролетариат *как раз теперь не* «изолирован» от большинства мелкой буржуазии. Как раз теперь, после печального опыта «коалиции», пролетариат имеет на своей стороне сочувствие *большинства* народа. *Это* условие для удержания власти большевиками *есть* на-лицо.

* * *

Довод второй состоит в том, будто пролетариат «изолирован от действительных живых сил демократии». Что это значит, понять невозможно. Это, должно быть, «по-гречески», как говорят в таких случаях французы.

Писатели «Новой Жизни» — народ министериабельный. Они вполне пригодны были бы в министры при кадетях. Ибо от таких министров требуется именно умение говорить благовидные и благоприликанные фразы, в которых нет ровно никакого смысла, которыми можно прикрыть всякую гадость и которым поэтому обеспечены хлопки империалистов и социал-империалистов. Хлопки кадетов, Брешковской, Плеханова и К^о обеспечены новожизненцам за утверждение, что пролетариат изолирован от действительных живых сил демократии, ибо в *косвенной* форме здесь сказано — или утверждение это будет так понятно, как если бы им было сказано, — что кадеты, Брешковская, Плеханов, Керенский и К^о суть «живые силы демократии».

Это неверно. Это мертвые силы. Это доказала история коалиции.

Запуганные буржуазией и буржуазно-интеллигентской обстановкой, новожизненцы «живым» признают *правое* крыло эс-эров и меньшевиков, ничем существенным не отличающееся от кадетов, вроде «Воли Народа», «Единства» и т. п. Мы же считаем живым только то, что связано с массами, а не с кулаками, только то, что уроки коалиции оттолкнули от нее. «Деятельные живые силы» мелко-буржуазной демократии представлены левым крылом эс-эров и меньшевиков. Усиление этого левого крыла, в особенности после июльской контр-революции, есть один из вернейших объективных признаков того, что пролетариат *не* изолирован.

Еще нагляднее показывают это в самое последнее время колебания влево эс-эровских центровиков, доказанные заявлением Чернова 4 сентября, что его группа не может поддерживать новую коалицию с Кишкиным и К^о. Эти колебания влево эс-эровского центра, который до сих пор давал подавляющее большинство представителей партии эс-эров, партии главенствующей и господствующей по числу голосов, собранных ею в городе и особенно в деревне, доказывают, что цитированные нами выше заявления «Дела Народа» о необходимости для демократии, при известных условиях, «гарантировать полную поддержку» чисто большевистскому правительству, что эти заявления во всяком случае не только фразы.

Такие факты, как отказ эс-эровского центра поддержать новую коалицию с Кишкиным, или преобладание *противников* коалиции среди *меньшевиков-оборонцев* из провинции (Жордания ²⁶⁸) на Кавказе и т. д.), являются объективным доказательством, что извест-

ная часть *масс*, идущих до сих пор за меньшевиками и эс-эрами, *поддержат* чисто большевистское правительство.

Именно от *живых*-то сил демократии пролетариат России теперь не изолирован.

* * *

Довод третий: пролетариат «не сможет технически овладеть государственным аппаратом». Это, пожалуй, самый обычный, наиболее ходкий довод. Он заслуживает наибольшего внимания как по этой причине, так и потому, что он указывает на одну из самых *серьезных*, самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом. Нет сомнения, что задачи эти очень трудны, но если мы, называя себя социалистами, будем указывать на эту трудность только для того, чтобы *отмахнуться* от выполнения таких задач, то на практике наше отличие от слуг буржуазии сведется к нулю. Трудность задач пролетарской революции должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач.

Под государственным аппаратом разумеется прежде всего *постоянная армия*, полиция и чиновничество. Говоря о том, что пролетариат не сможет технически овладеть этим аппаратом, писатели «Новой Жизни» обнаруживают самое крайнее невежество и нежелание считаться ни с фактами жизни, ни с соображениями, указанными давно в большевистской литературе.

Писатели «Новой Жизни» все считают себя если не марксистами, то знакомыми с марксизмом, образованными социалистами. А Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить ее новой ²⁶⁹⁾ (об этом подробнее я говорю в брошюре, первый выпуск которой закончен и выходит скоро в свет под заглавием: «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»). Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. На это обстоятельство я указывал много раз, начиная с 4 апреля 1917 г., об этом говорится в резолюциях большевистских конференций, а равно в большевистской литературе. «Новая Жизнь», конечно, могла бы заявить свое полное несо-

гласие и с Марксом и с большевиками, но обходить вопрос во все со стороны газеты, которая так часто и так высокомерно бранит большевиков за несерьезное будто бы отношение к трудным вопросам, значит выдавать себе свидетельство о бедности.

«Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат *не* может. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место *свой*, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Нельзя не назвать прямо чудовищным, что «Новая Жизнь» про этот «государственный аппарат» совершенно забыла. Поступая так в своих теоретических рассуждениях, новожизненцы в сущности делают в области политической теории то, что кадеты делают в политической практике. Ибо, если в самом деле пролетариату и революционной демократии никакого нового государственного аппарата *не надо*, тогда Советы теряют raison d'être и теряют право на существование, тогда *правы* кадеты-корниловцы в своих стремлениях свести Советы на-нет.

Это чудовищная теоретическая ошибка и политическая слепота «Новой Жизни» тем чудовищнее, что даже меньшевики-интернационалисты (с которыми «Нов. Жизнь» шла в блоке на последних выборах в Гор. Думу в Питере) обнаружили в этом вопросе известное сближение с большевиками. Так, мы читаем в той декларации Советского большинства, которую т. Мартов огласил на Демократическом Совещании:

«...Советы Депутатов — Рабочих, Солдатских и Крестьянских,— созданные в первые дни революции могучим порывом подлинного народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшавшую ткань государственности старого режима...»

Это сказано немножко чересчур красиво, т.-е. вычурность выражений прикрывает здесь недостаток ясности политической мысли. Советы *не* заменили *еще* старой «ткани», и эта старая «ткань» *не* есть государственность старого режима, а государственность *и* царизма *и* буржуазной республики. Но во всяком случае Мартов здесь на две головы выше новожизненцев.

Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила *не* оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а

теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ни чем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение.

Наши Советы в 1905 году были только, так сказать, утробным зародышем, ибо просуществовали всего несколько недель. Ясное дело, что не могло быть и речи при тогдашних условиях о всестороннем развитии их. И в революции 1917 года об этом не может быть еще речи, ибо срок в несколько месяцев крайне мал, а главное: эс-эровские и меньшевистские вожди *протитуировали* Советы, сводили их на роль говорилен, на роль придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели, Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности Советы могут только взяв *всю* государственную власть, ибо иначе им *ничего делать*, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки. «Двоевластие» есть паралич Советов.

Если бы народное творчество революционных классов не сошло Советов, то пролетарская революция была бы в России

делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя. Печальная история Церетелевски-Черновского протестирования Советов, история «коалиции» есть вместе с тем история избавления Советов от мелко-буржуазных иллюзий, прохождения их через «чистилище» практического изучения ими всей гнусности и грязи *всех* и *всяких* буржуазных коалиций. Будем надеяться, что это «чистилище» не надорвало Советы, а закалило их.

* * *

Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов ²⁷⁰).

Когда новожизненские писатели возражали нам, будто мы впадаем в синдикализм, выставляя лозунг «рабочего контроля», то это возражение было образчиком школьнически-глупенького применения «марксизма», который не продуман, а *заучен* на струвистский манер ²⁷¹). Синдикализм либо отрицает революционную диктатуру пролетариата, либо сводит ее, как и вообще политическую власть, на девятое место. Мы ставим ее на первое место. Если просто говорить в духе новожизненцев: *не* рабочий контроль, а государственный контроль, то получается буржуазно-реформистская фраза, получается в сущности чисто кадетская формула, ибо против *участия* рабочих в «государственном» контроле кадеты ничего не имеют. Кадеты-корниловцы прекрасно знают, что такое участие есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного *подкупа* в политическом смысле всяких Гвоздевых ⁶), Никитиных ²⁷²), Прокоповичей, Церетели и всей этой банды.

Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-«керенская» государственность, от которой рабочему народу в России «корнелится и керится» вот уже больше полугода. Если речь идет о пролетарском государстве, *т.-е.* о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль мо-

жет стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов.

В этом главная трудность, в этом главная задача пролетарской, т.-е. социалистической, революции. Без Советов эта задача по крайней мере для России, была бы неразрешима. Советы *намечают* ту организационную работу пролетариата, которая *может* решить задачу всемирно исторической важности.

Здесь мы подошли к другой стороне вопроса о государственном аппарате. Кроме преимущественно «угнетательского» аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества, есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом (как и вообще пролетарская революция только опираясь на эти завоевания способна достигнуть своей цели).

Капитализм создал *аппараты* учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим* ²⁷³).

Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем* готовым у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее. еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике,—это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это—общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества.

Этот «государственный аппарат» (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем «взять» и «привести в движение» одним ударом, одним указом, ибо фактиче-

скую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие*, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении.

Одним указом пролетарского правительства этих служащих можно и должно перевести на положение государственных служащих — подобно тому, как сторожевые псы капитализма, вроде Бриана²⁷⁴) и других буржуазных министров, одним указом переводят бастующих железнодорожников на положение государственных служащих. Таких государственных служащих нам понадобится много больше, и их можно получить больше, ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*.

«Государствление» массы служащих банковых, синдикатских, торговых и пр. и пр. вещь вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора *Советов*.

А с высшими служащими, которых очень немного, но которые тянут к капиталистам, придется поступить, как с капиталистами, «по строгости». Они, как и капиталисты, окажут *сопротивление*. Это сопротивление надо будет *сломить*, и если бессмертно-наивный Пешехонов лепетал еще в июне 1917 года, как настоящий «государственный младенец», что «сопротивление капиталистов сломлено», то эту детскую фразу, ребячью похвальбу, мальчишескую выходку *пролетариат осуществит в серьез*.

Это мы сделать можем, ибо речь идет о сламывании сопротивления ничтожного меньшинства населения, буквально горстки людей, за каждым из которых союзы служащих, профессиональные союзы, потребит. общества и Советы учредят такой *надзор*, что всякий Тит Титыч будет *окружен*, как француз под Седаном. Этим Тит Титычей мы знаем поименно: достаточно взять списки директоров, членов правления, крупных акционеров и т. п. Их несколько сот — самое большое несколько тысяч на всю Россию, к каждому из них пролетарское государство, с аппаратом Советов союзов служащих и т. д., может приставить и по десятку и по сотне контролеров, так что даже вместо «сламывания сопротивления» удастся, пожалуй, посредством *рабочего контроля* (за капиталистами) сделать какое бы то ни было сопротивление **невозможным**.

Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном всеобъемлющем, рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения. Конфискацию мы легко заменим взиманием *справедливого* налога (хотя бы в «Шингаревских» ставках) — только бы исключить возможность какого-либо уклонения от подóтчетности, сокрытия правды, обхода закона. А эту возможность *устранит только рабочий контроль рабочего государства.*

Принудительное синдицирование ²⁷⁵), т.-е. принудительное объединение в союзы под контролем государства, вот что капитализм подготовил, вот что в Германии осуществило государство юнкеров, вот что вполне будет осуществимо в России для Советов, для диктатуры пролетариата, вот что *даст нам «государственный аппарат»* и универсальный и новейший и небюрократический *).

* * *

Четвертый довод адвокатов буржуазии: пролетариат не сможет «привести в движение» государственный аппарат. Этот довод не представляет собой чего-либо нового по сравнению с предыдущим доводом. Старым аппаратом мы не смогли бы, конечно, ни овладеть, ни привести его в движение. Новый аппарат, Советы, *уже* приведен в движение «могучим порывом подлинного народного творчества». С этого аппарата надо только снять те *путы*, которые наложило на него главенство эс-эровских и меньшевистских вождей. Этот аппарат *уже* в ходу, надо только выбросить прочь те уродливые мелко-буржуазные привески, которые мешают ему идти вперед и вперед полным ходом.

Два обстоятельства надо здесь рассмотреть, чтобы дополнить сказанное выше: во-первых, новые средства контроля, созданные *не* нами, а капитализмом в его военно-империалистской стадии; во-вторых, значение углубления демократизма в деле *управления* государством пролетарского типа.

Хлебная монополия и хлебные карточки созданы не нами, а воюющим капиталистическим государством. Оно уже создало всеобщую трудовую повинность в рамках капитализма, это — военная

*) Подробнее о значении принудительного синдицирования смотри в моей брошюре: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

каторжная тюрьма для рабочих. Но и здесь, как и во всем своем историческом творчестве, пролетариат берет свое оружие у капитализма, а не «выдумывает», не «создает из ничего».

Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов, самым могучим средством учета и контроля,—таким средством, которое, будучи распространено на капиталистов и *на богатых вообще*, будучи применено к ним *рабочими*, даст невиданную еще в истории силу «приведения в движение» государственного аппарата, для преодоления сопротивления капиталистов, для подчинения их пролетарскому государству. Это средство контроля и *принуждения к труду* посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина *только* запугивала, только сламывала *активное* сопротивление. *Нам этого мало.*

Нам этого мало. Нам надо не только «запугать» капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всеилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и *пассивное* — несомненно, еще более опасное и вредное — сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных «сопротивленцев») поставить их *на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.

И мы имеем средство для этого. Нам дано для этого средство и оружие в руки само воюющее капиталистическое государство. Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность ²⁷⁶). «Кто не работает, тот не должен есть» — вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы Рабочих Депутатов, когда они станут властью.

Рабочая книжка есть у каждого рабочего. Его не унижает этот документ, хотя он *теперь*, несомненно, является документом капиталистического наемного рабства, свидетельством на принадлежность трудящегося человека тому или иному тунеядцу.

Советы введут рабочую книжку *для богатых*, а *затем* с постепенностью — для всего населения (в крестьянской стране, вероятно, на долгое время рабочая книжка будет не нужна для подавляющего большинства крестьянства). Рабочая книжка пере-

станет быть признаком «черной кости», перестанет быть документом «низших» сословий, свидетельством наемного рабства. Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше «рабочих», но зато и нет никого, кто бы не был *работником*.

Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определенный срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа;—без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще. Нам нужны хорошие организаторы банковского дела и объединения предприятий (в этом деле у капиталистов больше опыта; а с опытными людьми работа идет легче), нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода ²⁷⁷). Мы всем таким работникам дадим посильный и привычный им труд, мы, вероятно, лишь с постепенностью будем вводить равенство платы в полном его размере ²⁷⁸), оставляя на время перехода более высокую плату для таких специалистов, но мы поставим их под всесторонний рабочий контроль, мы добьемся полного и безусловного проведения в жизнь правила: «кто не работает, тот да не ест». А организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции, академии и прочее; нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран.

И, конечно, мы не впадем ни капли в утопизм, мы не покинем почвы самого трезвого практического расчета, если скажем: весь класс капиталистов окажет самое упорное сопротивление, но организацией всего населения в Советы это сопротивление будет сломлено, при чем особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется, разумеется, наказывать конфискацией всего имущества и тюрьмой, но зато победа пролетариата *увеличит* число таких случаев, о котором, напр., я читаю в сегодняшних «Известиях»:

26 сентября в Центр. Совет Ф.-З. Комитетов явились два инженера с заявлением, что группой инженеров решено образовать союз инженеров-социалистов. Считая, что настоящее время является по существу началом социальной революции, союз предлагает себя в распоряжение рабочих масс и желает, отстаивая интересы рабочих, действовать в полном едине

нии с рабочими организациями. Представители Центр. Совета Ф.-З. Комитетов ответили, что Совет охотно образует в своей организации секцию инженеров, включающую в свою программу основные тезисы 1 конференции Фабрично-Заводских Комитетов о рабочем контроле над производством. В ближайшие дни состоится соединенное заседание делегатов Центр. Совета Фабрично-Заводских Комитетов и инициативной группы инженеров-социалистов. («Известия Ц. И. К.» от 27 сентября 1917 г.).

* * *

Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130.000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждения огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией, будто бы, не смогут управлять 240.000 членов партии большевиков ²⁷⁹⁾, управлять в интересах бедных и против богатых. Эти 240.000 человек имеют за себя уже теперь не менее 1 миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, напр., августовскими выборами в Питерскую Думу. Вот у нас уже «государственный аппарат» в 1 миллион — людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20 числа ежемесячно крупного куша.

Мало того, у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удеслятерить* наш государственный аппарат,—средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством.

Чтобы пояснить, как легко применимо это чудесное средство, как безошибочно его действие, возьмем возможно более простой и наглядный пример.

Государству надо выселить из квартиры принудительно определенную семью и поселить другую. Это делает сплошь да рядом капиталистическое государство, это будет делать и наше пролетарское или социалистическое государство.

Капиталистическое государство выселяет семью рабочих, потерявшую работника и не внесшую платы. Является судебный при-

став, полицейский или милицейский, целый взвод их. В рабочем квартале, чтобы произвести выселение, нужен отряд казаков. Почему? Потому, что пристав и «милицейский» отказываются идти без военной охраны очень большой силы. Они знают, что сцена выселения вызывает такую бешеную злобу во всем окрестном населении, в тысячах и тысячах доведенных почти до отчаяния людей, такую ненависть к капиталистам и к капиталистическому государству, что пристав и взвод милицейских могут ежеминутно разорвать в клочки. Нужны большие военные силы, надо привести в большой город несколько полков непременно из какой-нибудь далекой окраины, чтобы солдатам была чужда жизнь городской бедноты, чтобы солдат не могли «заразить» социализмом.

Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих (из которых пусть только один является членом нашей партии или сочувствующим ей), затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и две женщины. — «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы беготни по лавчонкам и т. п. Затем в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в нашем отряде, напишет сейчас в 2-х экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его».

Таково могло бы быть, на мой взгляд, представленное на наглядных примерах соотношение между старым, буржуазным, и новым, социалистическим, государственным аппаратом и государственным управлением.

Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая гухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами и с Брешковской и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно; т.-е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту.

Мы знаем, что кадеты тоже согласны учить народ демократизму. Кадетские дамы согласны читать, по лучшим английским и французским источникам, лекции для прислуги о женском равноправии. А также на ближайшем концерте-митинге, перед тысячами людей, на эстраде будет устроено целование: кадетская дама лекторша будет целовать Брешковскую, Брешковская бывшего министра Церетели, и благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, каково республиканское равенство, свобода и братство...

Да, мы согласны, что кадеты, Брешковская и Церетели, по своему, преданы демократизму и пропагандируют его в народе. Но что же делать, если у нас несколько иное представление о демократизме?

По-нашему, для облегчения неслыханных тягостей и бедствий войны, а равно для лечения тех ужаснейших ран, которые нанесла народу война, нужен *революционный* демократизм, нужны *революционные* меры именно такого рода, как описанное для примера распределение жилых помещений в интересах бедноты. *Точно так же* надо поступить и в городе и в деревне с продуктами продовольствия, одеждой, обувью и т. д., в деревне с землей и прочее. К управлению государством *в таком* духе мы можем *сразу* привлечь *государственный* аппарат, миллионов в десять, если не в двадцать человек, аппарат, невиданный ни в одном капиталистическом государстве. Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам обеспечено полнейшее и беззаветное сочувствие гигантского большинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо у нас есть сознательные дисциплинированные долгой капиталистической «выучкой» (не даром же мы были на выучке у капитализма), рабочие, которые в *состоянии* создать рабочую

милицию и *постепенно* расширить ее (начиная расширять немедленно) *во всенародную* милицию. Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных.

Разумеется, неизбежны ошибки при первых шагах этого нового аппарата. Но разве не было ошибок у крестьян, когда они из крепостного права выходили на волю и начинали сами вести свои дела? Разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики? как немедленный приступ к настоящему народному самоуправлению? Самое главное теперь — распрощаться с тем буржуазным интеллигентским предрассудком, будто управлять государством могут только особые чиновники, всецело зависимые от капитала по всему своему общественному положению. Самое главное — положить конец такому положению вещей, когда управлять пытаются по старому буржуа, чиновники и «социалистические» министры, но управлять не могут, и после 7 месяцев получают в крестьянской стране крестьянское восстание!! Самое главное — внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы, показать им на практике, что они могут и должны взяться сами за *правильное*, строжайше упорядоченное, организованное распределение хлеба, всякой пищи, молока, одежды, квартир и т. д. *в интересах бедноты*. Без этого спасения России от краха и гибели *нет*, а добросовестный смелый, повсеместный приступ к передаче дела управления в руки пролетариев и полу-пролетариев даст такой невиданный в истории революционный энтузиазм масс, умножит во столько раз народные силы по борьбе с бедствиями, что многое кажущееся невозможным для наших узких, старых, бюрократических сил, станет осуществимым для сил миллионной массы, *начинающей работать на себя*, а не на капиталиста, не на барчука, не на чиновника, не из-под палки.

* *
*

К вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, поднятый особенно энергично и особенно неудачно т. Базаровым в № 138 «Новой Жизни», от 27 сентября, в статье: «Большевики и проблема власти».

Тов. Базаров ¹²³⁾ рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни, ибо семимесячный опыт де показал, «десятки и сотни документаль-

ных данных, имеющих в Экон. Отделе Петербургского Исполнительного Комитета» подтвердили, что Советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти», «не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный единому общегосударственному центру». «Дело идет» — извольте видеть — «не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики ни издевались над людьми с планом»...

Все эти рассуждения товарища Базарова прямо поразительно беспомощны, как сколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения!

В самом деле. Говорить, будто Советы хоть где-нибудь в России, хоть когда-нибудь пользовались «всей полнотой власти», это просто смешно (если это не повторение корыстно-классовой лжи капиталистов). Вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками; человек, сколько-нибудь знакомый с опытом истории и с данными науки о связи политики с экономикой, не мог бы «забыть» этого «маленького» обстоятельства.

Лживый прием буржуазии состоит в том, что она, не давая Советам власти, *саботируя* всякий серьезный шаг их, сохраняя правительство в своих руках, сохраняя власть над землей и над банками и т. д., сваливает вину за разруху на Советы!! В этом же и состоит весь начальный опыт коалиции.

Никогда полноты власти Советы не имели, и ничего кроме паллиативов и усиления путаницы их меры дать не могли.

Доказывать большевикам, централистам по убеждению и по программе и на тактике всей своей партии, необходимость централизма, значит, поистине ломиться в открытую дверь. Если писатели «Новой Жизни» занимаются этим пустым занятием, то это лишь потому, что они совершенно не поняли смысла и значения наших насмешек над их «общегосударственной» точкой зрения. А не поняли этого новожизненцы потому, что учение о классовой борьбе признают они только *зубами*, а не умом. Повторяя заученные слова о классовой борьбе, они ежесекундно сбиваются на забавную теоретически, реакционную практически «надклассовую точку зрения», называя это прислужничество буржуазии «общегосударственным» планом.

Государство, милые люди, есть понятие классовое. Государство есть орган или машина насилия одного класса над другим. Пока оно есть машина для насилия буржуазии над пролетариатом, до тех пор пролетарский лозунг может быть лишь один: *разрушение* этого государства. А когда государство будет пролетарским, когда оно будет машиной насилия пролетариата над буржуазией, тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм.

Говоря популярнее: не над «планами» мы смеемся, а над тем, что Базаров и К^о не понимают, что, отрицая «рабочий контроль», отрицая «диктатуру пролетариата», они *стоят* за диктатуру буржуазии. Середины нет, середина пустая мечта мелко-буржуазного демократа.

Против *централизма* Советов, против их объединения ни один центр, ни один большевик никогда не спорил. Против фабрично-заводских комитетов по отраслям производства и их централизации никто из нас не возражает. Базаров стреляет *мимо*.

Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над *реформизмом*. Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «не замена аппарата, а реформирование», значит, быть реформистом, значит, становиться не революционным, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а *не* свержение его, уступки его при сохранении власти *за ним*.

Это и есть как раз то, что испробовано полугодичной коалицией.

Над этим мы и смеемся. Базаров, не продумав учения о классовой борьбе, дает себя поймать буржуазии, которая хорошо поет: «вот, вот именно, мы как раз не против реформирования, мы за участие рабочих в общегосударственном контроле, мы вполне согласны», и добрый Базаров *объективно* играет роль подголоска капиталистов.

Так всегда бывало, так всегда будет с людьми, в обстановке острой классовой борьбы пытающимися занять «среднюю» позицию. И именно потому, что писатели «Нов. Жизни» не в состоянии понять классовой борьбы, их политика есть такое смешное, вечное шатание между буржуазией и пролетариатом.

Возьмитесь-ка за «планы», любезные граждане, это не политика, это не дело классовой борьбы, тут вы можете принести народу пользу. У вас в газете масса экономистов. Соединитесь с такими инженерами и пр., кои готовы поработать над вопро-

сами регулирования производства и распределения, отдайте вкладной лист вашего большого «аппарата» (газеты) на деловую разработку точных данных о производстве и распределении продуктов в России, о банках и синдикатах и т. д. и т. д. — вот в чем вы принесете пользу народу, вот где ваше сиденье между двух стульев не особенно вредно скажется, вот какая работа по части «планов» вызовет не насмешку, а благодарность рабочих.

Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но... но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и *полно в интересах трудящихся*.

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план *пролетарского* государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, *против* эксплуататоров. Под «общегосударственным» мы согласны понимать лишь то, что сламывает сопротивление капиталистов, что дает всю полноту власти большинству народа, т.-е. пролетариям и полупролетариям рабочим и беднейшим крестьянам.

* *
*

Довод пятый состоит в том, что большевики не удержат власти, ибо «обстановка исключительно сложная»...

О мудрецы! Они готовы, пожалуй, помириться с революцией — только без «исключительно сложной обстановки».

Таких революций не бывает, и ничего кроме реакционных lamentаций буржуазного интеллигента нет в воздыханиях по такой революции. Если даже революция началась при обстановке, которая кажется не очень сложной, то сама революция в своем развитии *всегда* создает *исключительно* сложную обстановку. Ибо революция, настоящая, глубокая, «народная» по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война»

Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны. А думать, что гражданская война мыслима без «исключительно сложной обстановки», могут только люди в футляре.

Если бы не было исключительно сложной обстановки, то не было бы и революции. Волков бояться—в лес не ходить.

В доводе пятом нечего разбирать, потому что в нем нет никакой ни экономической, ни политической, ни вообще какой-либо иной мысли. В нем есть только вздох людей, опечаленных и испуганных революцией. Позволю себе, для характеристики этого вздоха, два маленьких личных воспоминания.

Разговор с богатым инженером незадолго до июльских дней. Инженер был некогда революционером, состоял членом социал-демократической и даже большевистской партии. Теперь весь он—один испуг, одна злоба на бушующих и неукротимых рабочих. Если бы еще это были такие рабочие, как немецкие,—говорит он (человек образованный, бывавший за границей),—я, конечно, понимаю вообще неизбежность социальной революции, но у нас, при том понижении уровня рабочих, которое принесла война... это не революция, это—пропасть.

Он готов бы признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «станция социальная революция». Alle aussteigen (всем выходить). Тогда почему бы не перейти с положения инженера при Тит Титыхах на положение инженера при рабочих организациях.

Этот человек видал стачки. Он знает, какую бурю страстей вызывает всегда, даже в самое мирное время, самая обыкновенная стачка. Он понимает, конечно, во сколько миллионов раз должна быть сильнее эта буря, когда классовая борьба подняла *весь* трудящийся люд огромной страны, когда война и эксплуатация довели почти до отчаяния миллионы людей, которых веками мучили помещики, десятилетиями грабили и забивали капиталисты и царские чиновники. Он понимает все это «теоретически», он признает все это только губами, он просто запуган «исключительно сложной обстановкой».

После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье ²⁸¹). Прятал нашего брата, конечно, рабо-

чий. В далеком рабочем предместьи Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли-было и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб явился для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. В основе всего, к классовой борьбе за хлеб мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямою, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе с капиталом. Лес рубят — щепки летят.

Какая мучительная вещь, эта «исключительно сложная обстановка» революции так думает и чувствует буржуазный интеллигент.

Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем — так думает и чувствует рабочий.

* *

Шестой и последний довод: пролетариат «неспособен будет противостоять всему напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию».

Не пугайте, господа, не запугаете. Видели мы эти враждебные силы и их напор в корниловщине (от которой ничем не отличается керенщина). Как смел пролетариат и беднейшее крестьянство корниловщину, в каком жалком и беспомощном положении оказались сторонники буржуазии и немногочисленные представители особенно зажиточных и особенно «враждебных» революции

местных слоев мелких землевладельцев, это все видели, это народ помнит. «Дело Народа», от 30 сентября, уговаривая рабочих «претерпеть» керенщину (т.-е. корниловщину) и поддельную Церетелевскую булыгинскую Думу до Учредительного Собрания (созываемого под охраной «военных мер» против восстающего крестьянства!), «Дело Народа» повторяет, захлебываясь, именно шестой довод «Новой Жизни» и кричит до хрипоты: «правительство Керенского ни в коем случае не подчинится (власти Советов, власти рабочих и крестьян, которую «Дело Народа», чтобы не оставаться позади погромщиков и антисемитов, монархистов и кадетов, называет властью «Троцкого и Ленина»: вот до каких приемов доходят эс-эры!!!).

Но ни «Новая Жизнь», ни «Дело Народа» сознательных рабочих не запугают. «Правительство Керенского», — говорите вы, «ни в коем случае не подчинится», т.-е. повторит корниловщину, говоря проще, прямее, яснее. И господа из «Дела Народа» смеют говорить, будто это будет «гражданская война», будто это «ужасные перспективы».

Нет, господа, не обманете рабочих. Это не гражданская война будет, а безнадежнейший бунт кучки корниловцев: или они желают «не подчиняться» народу и во что бы то ни стало спровоцировать его на повторение в широком масштабе того, что в Выборге было по отношению к корниловцам, *если эс-эры желают* этого, если член партии эс-эров Керенский желает этого — он довести народ до исступления может. Но рабочих и солдат вы этим, господа, не запугаете.

Какая безмерная наглость: подделали новую булыгинскую Думу, посредством подлогов набрали себе в подмогу реакционных кооператоров, деревенских кулаков, надбавили к ним капиталистов и помещиков (называемых цензowymi элементами) и хотят *срывать* с этой бандой корниловцев *волю народа*, волю рабочих и крестьян.

Довели в крестьянской стране дело до того, что всюду разливаётся широкой рекой крестьянское восстание! Подумайте только: в демократической республике с 80% населения из крестьян довели их до крестьянского восстания... То же самое «Дело Народа», газета Чернова, орган партии «социалистов-революционеров», который 30 сентября имеет бесстыдство советовать рабочим и крестьянам «претерпеть», вынуждено было признаться в передовой статье от 9 сентября:

«Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех *кабальных* отношений, которые все еще *господствуют* в деревне—именно центральной России».

Это самое «Дело Народа» в той же передовице 29 сентября говорит, что «стольпинская хватка еще сильно дает себя знать» в приемах «революционных министров», то-есть другими словами, говоря яснее и проще, называет *стольпинцами* Керенского, Никитина, Кишкина и К^о.

«Стольпинцы» Керенский и К^о довели крестьян до восстания, вводят теперь «военные меры» против крестьян, утешают народ созывом Учредительного Собрания (хотя Керенский и Церетели раз уже *обманули* народ, торжественно объявив 8 июля, что Учредительное Собрание будет собрано в срок, 17 сентября, а потом *нарушили свое слово* и отсрочили Учредительное Собрание вопреки советам даже *меньшевика Дана*, отсрочили Учредительное Собрание не на конец октября, как хотел тогдашний меньшевистский Ц. И. К., а на конец ноября). «Стольпинцы» Керенский и К^о утешают народ близким созывом Учредительного Собрания, как будто народ может поверить тем, кто раз солгал в подобном деле, как будто бы народ может поверить в *правильный* созыв Учредительного Собрания правительством, вводящим *военные меры* в глухих деревнях, то-есть явно *прикрывающим* произвольные аресты сознательных крестьян и *подделку* выборов.

Довести крестьян до восстания—и иметь бесстыдство говорить им: надо «претерпеть», надо подождать, довериться тому правительству, которое «военными мерами» усмиряет восставших крестьян!

Довести дело до гибели сотен тысяч русских солдат при наступлении после 19 июня, до затягивания войны, до восстания немецких матросов, кидающих в воду своих начальников, довести дело до этого, все время фразерствуя о мире и *не предлагая* справедливого мира *всем* воюющим,—и иметь бесстыдство говорить рабочим и крестьянам, говорить гибнущим солдатам: «необходимо претерпеть», доверьтесь де правительству «стольпинца» Керенского, доверьтесь еще на месяц корниловским генералам, может они за месяц еще несколько десятков тысяч солдат отдадут на убой... «Необходимо претерпеть».

Это ли не бесстыдство??

Нет, господа эс-эры, коллеги Керенского по партии, вы не обманете солдат.

Ни одного дня, ни одного *лишнего* часа не потерпят правительства Керенского рабочие и солдаты, знающие, что *советское* правительство даст *немедленное* предложение справедливого мира всем воюющим, а следовательно даст *по всей вероятности* немедленное перемирие и скорый мир.

Ни одного дня, ни одного *лишнего* часа не потерпят солдаты нашей крестьянской армии, чтобы оставалось, вопреки воле Советов, правительство Керенского, *военными мерами* умиряющее крестьянское восстание.

Нет, господа эс-эры, коллеги Керенского по партии, вы не обманете больше рабочих и крестьян.

* * *

В вопросе о напоре враждебных сил, который по уверению до смерти запуганной «Новой Жизни» сметет диктатуру пролетариата, есть еще одна чудовищная логическая и политическая ошибка, которую могут не видеть только люди, давшие себя запугать почти до невменяемости.

«Напор враждебных сил сметет диктатуру пролетариата» — говорите вы. Хорошо. Но ведь вы все экономисты и образованные люди, любезные сограждане. Вы все знаете, что противопоставить демократию—буржуазии есть бессмыслица и невежество, что это то же самое, как противопоставить пуды аршинам. Ибо бывает демократическая буржуазия и недемократические (способные на Вандею) слои мелкой буржуазии.

«Враждебные силы», это—фраза. Классовое же понятие есть *буржуазия* (за которую стоят и помещики).

Буржуазия с помещиками; пролетариат; мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, в первую голову крестьянство,— вот три основные «силы», на которые разделяется Россия, как и *всякая* капиталистическая страна. Вот три основные «силы», которые давно показаны в каждой капиталистической стране (и в России) не только научным экономическим анализом, но и *политическим опытом* всей новейшей истории *всех* стран, опытом *всех* европейских революций с XVIII века, опытом *двух* русских революций 1905 и 1917 годов.

Итак, вы грозите пролетариям тем, что их власть сметет напор буржуазии? К этому и только к этому сводится ваша угроза, больше никакого содержания в ней нет.

Хорошо. Если, напр., буржуазия может смести власть рабочих и беднейших крестьян, тогда ничего иного не остается кроме «коалиции», т.-е. союза или соглашения мелких буржуа с буржуазией. Ничего иного и мыслить нельзя!!

А ведь коалиция испробована полгода, привела к краху, и вы сами, любезные, но не умеющие думать граждане из «Новой Жизни», от коалиции *отреклись*.

Что же получается?

Вы так запутались, граждане из «Новой Жизни», так дали запугать себя, что в самом простом рассуждении *о счете даже не до пяти, а только до трех*, вы не умеете свести концов с концами.

Либо вся власть буржуазии—этого вы давно не защищаете, и сама буржуазия не смеет даже заикнуться об этом, зная, что уже 20—21 апреля такую власть народ одним движением плеча скинул и скинет теперь втрое решительнее, беспощаднее. Либо власть мелкой буржуазии, т.-е. коалиция (союз, соглашение) ее с буржуазией, ибо самостоятельно и независимо мелкая буржуазия власти не хочет и не может взять, как доказал опыт всех революций, как доказывает и экономическая наука, разъясняющая что в капиталистической стране можно стоять за капитал, можно, стоять за труд, но по середке устоять нельзя. Эта коалиция в России полгода испробовала не десятки способов и провалилась.

Либо, наконец, вся власть пролетариям и беднейшим крестьянам, против буржуазии, для того, чтобы сломить ее сопротивление. Это еще не испробовано, и это вы, господа из «Новой Жизни», *отсоветуете* народу, запугивая его вашей собственной запуганностью перед буржуазией.

Ничего четвертого и выдумать нельзя.

Значит, если «Новая Жизнь» боится диктатуры пролетариата и отказывается от нее из-за возможного будто бы поражения пролетарской власти буржуазией, то это равносильно *возвращению тайком* на позицию *соглашательства* с капиталистами!!! Ясно как день, что кто боится сопротивления, кто не верит в возможность сломить это сопротивление, кто учит народ: бойтесь сопротивления капиталистов, вам не сладить с ними,—тот *тем самым* призывает опять к соглашательству с капиталистами.

Беспомощно и жалко запуталась «Новая Жизнь», как запутались теперь все мелко-буржуазные демократы, видящие крах коалиции, не смеющие защищать ее открыто и в то же время

защищенные буржуазией, боящиеся всевластия пролетариев и беднейшего крестьянства.

* * *

Бояться сопротивления капиталистов и в то же время называть себя революционером, желать числиться в социалистах—какой позор! Какое идейное падение испорченного оппортунизмом всемирного социализма нужно было, чтобы *могли* появляться такие голоса!

Силу сопротивления капиталистов мы уже видели, весь народ видел, ибо капиталисты сознательнее других классов и сразу поняли значение Советов, сразу напрягли *все свои силы* до последней степени, пустили в ход все и вся, пустились во все тяжкие, дошли до неслыханных приемов лжи и клеветы, до военных заговоров, *чтобы сорвать Советы*, свести их на-нет, проституировать их (при помощи меньшевиков и эс-эров), превратить их в говорильни, утомить крестьян и рабочих месяцами и месяцами пустейшей словесности и игры в революцию.

А силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян *мы еще не видали*, ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленные нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, *почувствуют*, что власть в государстве досталась угнетенным классам, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, *помогает* их сопротивление. *Только* тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом», только тогда на каждые *десять тысяч* открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимается *по миллиону* новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что и им может служить вся мощь современного централизованного государства, что и *их* отряды пролетарской милиции с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему повседневному участию в деле управления государством.

Капиталисты с помещиками, при благосклонном участии г.г. Плехановых, Брешковских, Церетели, Черновых и К^о, сделали

все, чтобы *испоганить* демократическую республику, испоганить ее услужением перед богатством до того, что народом овладевает апатия, равнодушие, *ему все равно*, ибо голодный не может отличить республики от монархии, озябший, разутый, измученный солдат, гибнущий за чужие интересы, не в состоянии полюбить республики.

А вот когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидит—не из газет, а собственными глазами увидит,—что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что эта власть не останавливается перед революционными мерами, что она берет лишние продукты у тунеядцев и дает голодным, что она вселяет принудительно бесприютных в квартиры богачей, что она заставляет богатых платить за молоко, но не дает им ни одной капли молока, пока не снабжены им в достаточных размерах дети *всех* бедных семей, что земля переходит к трудящимся, фабрики и банки под контроль рабочих, что за укрывательство богатства миллионеров ждет немедленная и серьезная кара, вот—когда беднота увидит это и почувствует это,—тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир. ибо во всех страхах зреет социалистический переворот.

Наша революция непобедима, если она не будет бояться, сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за нами стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемировые силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а, напротив, умноженные ею.

Бояться, что власть большевиков, то-есть власть пролетариата, которому обеспечена беззаветная поддержка беднейшего крестьянства, «сметут» господ капиталисты! Какая близорукость, какая позорная боязнь народа, какое лицемерие! Люди, проявляющие эту боязнь, принадлежат к тому «высшему» (по капиталистической мерке, а на деле *стнизшему*) «обществу», которое произносит слово «справедливость», само не веря в него, по привычке, как фразу, не вкладывая никакого содержания в него.

Вот пример:

Г. Пешехонов—известный полукадет. Более умеренного трудовика, единомышленника Брешковских и Плехановых, не найти. Более услужливого перед буржуазией министра не было. Более горячего сторонника «коалиции», соглашения с капиталистами, не видал мир!

А вот какие признания *вынужден* был делать сей господин в своей речи на «Демократическом» (читай: булыгинском) Совещании, по передаче оборонческих «Известий»:

Есть две программы. Одна, это—программа групповых притязаний, притязаний классовых и национальных. Наиболее откровенно эту программу защищают большевики. Но и другим частям демократии вовсе не легко отказаться от этой программы. Ведь это признание трудовых масс, притязания ободенных и угнетенных национальностей. И не так легко поэтому демократии разрывать с большевиками, отказаться от этих классовых требований прежде всего от того, что эти требования по существу своему справедливы. Но эта программа, за которую мы боролись до революции, ради которой революцию совершали и которую мы при других условиях очень дружно поддерживали бы все, при данных условиях представляет громадную опасность. Теперь опасность еще сильнее потому, что предъявлять эти требования приходится в такой момент, когда удовлетворение их для государства невозможно. Нужно отстоять сначала целое—государство, его спасти от гибели и для этого есть только один путь: не удовлетворение требований, сколько бы справедливыми и сильными они ни представлялись, а, напротив, ограничения, жертвы, которые необходимо приносить со всех сторон. («Известия Ц. И. К.» от 17 сентября.)

Г. Пешехонов не понимает, что, пока капиталисты у власти, он отстаивает *не* целое, а корыстные интересы русского и «союзного» империалистского капитала. Г. Пешехонов не понимает, что война перестала быть захватной, империалистской, грабительской только после разрыва с капиталистами, с *их* тайными договорами, с *их* аннексиями (захватами чужих земель), с *их* банковыми финансовыми мошенничествами. Г. Пешехонов не понимает, что лишь *после* этого война стала бы, в случае отказа противника от формально предложенного ему справедливого мира, оборонительной, справедливой войной. Г. Пешехонов не понимает, что обороноспособность страны, свергнувшей иго капитала, давшей землю крестьянам, поставившей банки и фабрики под рабочий контроль, была бы *во много раз* выше обороноспособности капиталистической страны.

И главное — г. Пешехонов не понимает, что, будучи вынужден признать справедливость большевизма, признать, что его требо-

вания суть требования «*трудовых масс*», т.-е. большинства населения, он *сдает* этим всю свою позицию, всю позицию всей мелко-буржуазной демократии.

Вот в чем наша сила. Вот почему наше правительство будет непобедимо: потому, что даже противники вынуждены признать, что большевистская программа есть программа «*трудовых масс*» и «*угнетенных национальностей*».

Ведь г. Пешехонов, это—политический друг кадетов, публики из «*Единства*» и «*Дела Народа*», Врешковских и Плехановых, это—представитель кулаков и таких господ, жены и сестры которых пришли бы завтра выкалывать зонтиками глаза недобитым большевикам, если бы дошло дело до их поражения войсками Корнилова или (что совершенно одно и то же) войсками Керенского.

И такой господин *вынужден* признать «справедливость» требований большевиков.

Для него «справедливость» только фраза. Но для масс полу-пролетариев, для большинства мелкой буржуазии города и деревни, разоренных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба. Вот почему *нельзя* опереть *никакой* политики на «коалиции», на «соглашении» интересов голодных и разоряемых с интересами эксплуататоров. Вот почему *обеспечена* поддержка *этим* массам, в их подавляющем большинстве, большевистского правительства.

«Справедливость—пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они созерцали *заднюю* «экономического материализма».

Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т.-е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс, никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, жел. дорог и т. п., когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм, когда сознательные рабо-

чие сплотили партию в $1/4$ миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых, — когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая поменала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции.

Послесловие.

Преыдущие строки были написаны, когда передовица «Новой Жизни» от 1 октября принесла новый перл тупоумия, тем более опасного, что оно прячется под флагом сочувствия к большевикам и под покровом премудрого филистерского рассуждения: «не дать себя провоцировать» (не дать себя поймать в ловушку криков о провокации, долженствующих запугать большевиков и побудить их *не* брать власти).

Вот этот перл:

Уроки движений, вроде 3—5 июля, с одной стороны, и корниловских дней, с другой, с полной ясностью показали, что демократия, имеющая в своем распоряжении влиятельнейшие среди населения органы, непобедима, когда в гражданской войне занимает оборонительную позицию, и терпит поражение, теряя все промежуточные, колеблющиеся элементы, когда берет наступательную инициативу в свои руки.

Если бы большевики проявили, в какой бы то ни было форме, какую бы то ни было уступчивость по отношению к такому филистерскому тупоумию, которое выражено в этом рассуждении, то они погубили бы и свою партию и революцию.

Ибо автор этого рассуждения взявшись говорить о гражданской войне (тема как раз по плечу для дамы приятной во всех отношениях), извратили *уроки истории* по этому вопросу до невероятного комизма.

Вот как рассуждал об *этих* уроках, об уроках истории по *этому* вопросу представитель и основоположник пролетарски-революционной тактики Карл Маркс:

Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении. Эти правила, будучи логическим следствием из сущности партий, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848 года до-

статочно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца (буквально: считаться со всеми последствиями этой игры). Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета» (Маркс имеет в виду самый «трудный» случай восстания: против «прочной» старой власти, против неразложившейся под влиянием революции и колебаний правительства армии); «если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены, надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона ²⁸²): смелость, смелость и еще раз смелость» («Революция и контр-революция в Германии», нем. изд. 1907 года, стр. 118).

Мы все это переделали—могут сказать про себя «тоже-марксисты» из «Новой Жизни»,—у нас вместо тройной смелости два достоинства: «у нас два-с: умеренность и аккуратность». Для «нас» опыт всемирной истории, опыт великой французской революции—ничто. Для «нас» важен опыт двух движений 1917 года, искаженный Молчалинскими очками.

Посмотрим на этот опыт без этих милых очков.

3—5 июля вы сопоставляете с «гражданской войной», ибо вы поверили Алексинскому ¹⁶⁸), Переверзеву и К⁰¹⁴⁵). Это характерно для господ из «Новой Жизни», что они *таким* людям верят (не сделав самостоятельно ровно ничего, несмотря на громадный аппарат большой] ежедневной газеты, для *собрания сведений* о 3—5 июля).

Но допустим даже на минуту, что 3—5 июля было не началом гражданской войны, удержанной большевиками в пределах начатка, а настоящей гражданской войной. Допустим.

Что же, в таком случае, доказывает этот урок?

Во-первых, что большевики в наступление *не* переходили, ибо неоспоримо, что в ночь с 3-го на 4-е июля и даже 4-го июля они

взяли бы очень много, если бы перешли в наступление. Оборона была их слабостью, если рассуждать о гражданской войне (как рассуждает «Новая Жизнь», а не о превращении стихийного взрыва в демонстрацию типа 20 — 21 апреля, как говорят *факты*).

Итак, «урок» говорит *против* мудрецов из «Новой Жизни».

Во-вторых, если большевики не задавались даже целью восстания 3 — 4 июля, если *ни одна коллегия* большевиков подобного вопроса даже не ставила, то причина тому лежит *вне* нашего спора с «Нов. Жизнью». Ибо мы спорим об *уроках* «гражданской войны», т.-е. восстания, а не о том, когда заведомое неимение большинства на своей стороне удерживает революционную партию от мысли о восстании.

Так как известно всем, что большевики получили большинство в столичных Советах и в стране (более 49% голосов в Москве) лишь *гораздо позже*, чем в июле 1917 года, то, следовательно, «уроки» получаются опять совсем не те, совсем не те, какие желает видеть новоженская дама, приятная во всех отношениях.

Нет, нет, не беритесь-ка лучше за политику, граждане из «Нов. Жизни»!

Если нет у революционной партии большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании. Кроме того, для него нужны: 1) нарастание революции в общенациональном масштабе; 2) полный моральный и политический крах старого, например, «коалиционного» правительства; 3) большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т.-е. тех, кто *не* вполне за правительство, хотя вчера был вполне за него.

Почему «Новая Жизнь», заговорив об «уроках» 3 — 5 июля, этого, очень важного, урока даже и не заметила? Потому, что не политики взялись за политический вопрос, а запуганные буржуазией люди интеллигентского кружка.

Далее. В-третьих, факты говорят, что именно *после* 3 — 4 июля, именно в связи с *разоблачением* господ Церетели их *июльской* политикой, именно в связи с тем, что *массы* увидели в большевиках *своих* передовых борцов, а в «социал-блокистах» изменников, начинается *развал* эс-эров и меньшевиков. Этот развал *еще до* корниловщины вполне доказан выборами 20 августа в Питере, давшими победу большевикам и разгром «социал-блокистов» («Дело Народа» недавно пыталось опровергнуть это, *скрывает*

итоги обо *всех* партиях; но это самообман и обман читателя; по данным «Дня» от 24 августа, относящимся только к городу, процент голосов за кадетов повысился с 22⁰/₀ до 23⁰/₀, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 40⁰/₀; процент голосов за большевиков возрос с 20⁰/₀ до 33⁰/₀, а абсолютное число голосов за них уменьшилось всего на 21⁰/₀, процент голосов за всех «средних» уменьшился с 58⁰/₀ до 44⁰/₀, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 60⁰/₀!!).

Развал эс-эров и меньшевиков после июльских дней и до корниловских доказан также ростом «левого» крыла в обеих партиях, достигшего почти 40⁰/₀: «мечь» за преследуемых г.г. Керенскими большевиков.

Пролетарская партия, несмотря на «потерю» ею нескольких сот ее членов, *выиграла* гигантски от 3—4 июля, ибо именно в эти тяжелые дни *массы* поняли и увидели ее преданность и *измену* эс-эров и меньшевиков. «Урок», значит, получается совсем, совсем не «новожизненный», а иной: не отходи от кипящих масс к «Молчалиным демократии», и, если восставать, то переходи в наступление, пока силы врага разрознены, захватывай врага врасплох.

Не так ли, господа «тоже-марксисты» из «Новой Жизни»?

Или «марксизм» состоит в том, чтобы *не* класть в основу тактики точный учет *объективного* положения, а бессмысленно и без критики валить в одну кучу и «гражданскую войну», и «съезд Советов с созывом Учредительного Собрания»?

Но ведь это же просто смехотворно, господа, ведь это же сплошная издевка и над марксизмом, и над всякой логикой вообще!

Если в *объективном* положении вещей *нет* основания для обострения классовой борьбы до степени «гражданской войны», тогда зачем вы о «гражданской войне» заговорили *по поводу* «Съезда Советов и Учред. Собрания»? (именно так озаглавлена рассматриваемая передовица «Новой Жизни»). Тогда бы надо ясно сказать читателю и доказать ему, что в условиях объективного положения *нет* почвы для гражданской войны и что поэтому можно и должно во главу угла тактики класть мирные, конституционно-легальные, юридически и парламентски «простые» вещи, вроде Съезда Советов и Учр. Собрания. Тогда *можно* держаться того мнения, что подобный съезд и подобное собрание действительно способны *решать*.

Если же в объективных условиях момента коренится неизбежность или хотя бы только вероятность гражданской войны, если вы о ней не «зря» заговорили, а ясно видя, чувствуя, осязая наличность обстановки гражданской войны, тогда как же можно ставить во главу угла Съезд Советов или Учр. Собрание?? Ведь это насмешка над голодными и истерзанными массами! Что же, голодный согласится «ждать» два месяца? Или разруха, о нарастании которой вы сами ежедневно пишете, согласится «ждать» до Съезда Советов или до Учредительного Собрания? Или немецкое наступление, при отсутствии серьезных шагов к миру (т.е. при отсутствии формального предложения справедливого мира всем воюющим) с нашей стороны, согласится «ждать» Съезда Советов или Учредительного Собрания? Или вы имевте такие данные, которые позволяют вам заключить, что история русской революции, шедшая с 28 февраля по 30 сентября необыкновенно бурно и темпом неслыханно быстрым, пойдет с 1 октября по 29 ноября темпом архи-спокойным, мирным, легально-уравновешенным, исключаящим взрывы, скачки, поражения на войне, экономические кризисы? Или армия на фронте, про которую *не*-большевик офицер Дубасов официально от имени фронта заявил, что она «воевать не будет», эта армия станет спокойно голодать и мерзнуть до «назначенного» числа? Или крестьянское восстание от того, что вы назовете его «анархией» и «погромом», оттого, что Керенский пошлет «военные» силы *против крестьян*, перестанет быть элементом гражданской войны? Или возможна, *мыслима* спокойная, правильная, *не* поддельная работа правительства над созывом Учр Собрания *в крестьянской* стране при *подавлении* этим правительством крестьянского восстания?

Не смейтесь над «растерянностью Смольного Института», господа! Ваша растерянность не меньше. На грозные вопросы гражданской войны вы отвечаете растерянными фразами и жалкими конституционными иллюзиями. Вот почему я говорю, что если бы большевики поддались таким настроениям, они погубили бы и свою партию, и свою революцию.

Статья написана в конце сентября; послесловие к ней — в первые числа октября 1917 г.

Напечатана в «Просвещении» № 1—2 сентябрь—октябрь 1917 г., за подписью Н. Ленин.

КРИЗИС НАЗРЕЛ

И ДРУГИЕ СТАТЬИ

*Статьи и письма,
написанные
в октябре 1917 года*

Кризис назрел.

I.

Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт ⁶²⁾ в Германии, Адлер ⁷⁵⁾ — в Австрии, Маккли ²¹¹⁾ — в Англии — таковы наиболее известные имена этих героев одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий, и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны — увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже своей свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии — вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революций* в мировом масштабе.

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрознены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать и в этом было главное для пресечения *массовой заразительности* мятежнических действий. Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда

уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военно-каторжного режима, *не удалось*.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И, так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II.

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эс-эров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелко-буржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*.

Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство измены демократизму и революции, правительство *империалистской* бойни, правительство *охраны* капиталистов и помещиков *от* народа.

В России, благодаря обману эс-эрами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с Советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание ²⁵³?

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди *официальной* эс-эровской партии, той самой, которая все время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или до последних недель имела большинство народа на своей стороне, — той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эс-эров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции, — эти вожди официальной эс-эровской

партии пишут... 29 сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

«...Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное Правительство и даже прошедший через такое чистилище, как юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров».

Так пишут официальные эс-эры! Подумайте только: сторонники коалиции *вынуждены* признать, что через 7 месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эс-эры *вынуждены* назвать *столыпинцами* своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эс-эры, терпящие Керенского, стали *противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной* партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского—эс-эра, Никитина и Гвоздева—меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания *военными мерами* республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III

Ясно само собою, что, если в крестьянской стране, после 7 месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает обще-

национальный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контр-революционных сил к «последней черте».

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис нагнал.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелко-буржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «Демократическом» Совецании, подтасованном господином Церетели и К°, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя выше курии Советов рабочих и солдатских депутатов по проценту голосов, поданных *против* коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный *откол* от правительства финляндских войск и балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, не большевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т.е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат, четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные Думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелко-буржуазна — это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связи с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, — это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эс-эров и меньшевиков с 70 проц. в

июне падают до 18 проц. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 проц. до 30 проц., но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эс-эров и «правых» меньшевиков. А «Русск. Вед.» говорят, что *абсолютное* число голосов за кадетов понизилось с 67 до 62 тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 проц. всего числа голосов. Что вместе с левыми эс-эрами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и *в стране*, — в этом ни тени сомнения быть не может.

А к числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством, при чем даже меньшевики-оборонцы недовольны «своим» министром Никитиным, а официальные эс-эры называют Керенского и К^о «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эс-эрами имеет, если имеет, только отрицательное значение?

IV.

Да, вожди Ц. И. К. ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в созыв У. С., «ожидания» съезда Советов и т. п., нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а *в деле*.

Ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством, которое *даже* «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит *губить* всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушными к выборам, если крестьянство *доведено до восстания*, а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!!

Ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент — *значит* дать подделать выборы в У. С. *совершенно так же*

и еще хуже, грубее — как подделали «Демократическое Собрание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел...

„Рабочий Путь“ № 30,
7 октября 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.

Письмо в П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б.). ²⁸⁴⁾

Дорогие товарищи!

События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно *преступлением*.

Аграрное движение растет, Правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут (99% голосов солдат за нас в Москве ²⁸⁵⁾, финляндские войска и флот против Правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве — 47% б-ков — гигантская победа. С левыми с.-р. *явное* большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с Правительством. Либерданы ²⁴⁶⁾ вместо съезда на 20 октября говорят уже о съезде в 20 числа, и т. д., и т. д.

При таких условиях «ждать» — преступление.

Большевики не в праве ждать съезда Советов, они должны взять власть *тотчас*. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии ²⁸⁶⁾ будут поклядисты друг к другу и *против нас объединятся*), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать *сильнее*, чем мы), и жизнь сотни тысяч людей на войне.

Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание* тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с питерским Советом)

правительством. В Москве победа обеспечена и *возвать* некому. В Питере можно *выждать*. Правительству нечего делать и нет спасения, оно *сдается*.

Ибо московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу,—агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра*, если бонапартист Керенский *сдается* (а если не *сдается*, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас*, уступки железнодорожникам и почтовым служащим—*тотчас*, и т. д.

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*.

Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден *сдаться*. Питерский Совет может *выждать*, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: *власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным*.

Победа обеспечена, и на $\frac{9}{10}$ шансы, что бескровно.

Ждать—преступление перед революцией.

Привет П. Ленину.

Написано в начале октября 1917 г.

Из архива Ц. К. Р. К. П.

Т е з и с ы,

выработанные для Петербургской общегородской конференции и наказа делегатам на партийный съезд.

О предпарламенте.

1) Участие нашей партии в «предпарламенте» или «демократическом Совете» или «Совете республики» есть явная ошибка и отступление от пролетарски-революционного пути.

2) Объективное положение таково, что в стране, несомненно, нарастает революция против бонапартистского правительства Керенского (крестьянское восстание, усиление недовольства и конфликтов с правительством в армии и среди национальных групп, конфликт с железнодорожниками и почтовыми служащими, полный крах соглашателей м-ков и эс-эров на выборах и пр.).

При таком нарастании революции идти в поддельный парламент, подтасованный для обмана народа, значит облегчать этот

обман, *затруднять* дело подготовки революции, отвлекать внимание и силы партии от насущной задачи борьбы за власть и за свержение правительства.

3) Съезд партии должен поэтому отозвать членов нашей партии из предпарламента, объявить бойкот его, призвать народ к подготовке сил для разгона этой черетелевской «булыгинской думы»

О лозунге „вся власть Советам“.

1. Вся полугодовая работа большевиков в революции, вся критика, направленная ими против м-ков и эс-эров за «соглашательство» и за превращение этими партиями Советов в говорильни требуют от большевиков добросовестного, марксистски выдержанного соблюдения этого лозунга; к сожалению, в верхах партии заметны шатания, как бы «боязнь» борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами.

2. Весь опыт обеих революций, как 1905 года, так и 1917 г., а равно все решения партии большевиков, все ее политические заявления за много лет сводятся к тому, что Совет рабочих и солдатских депутатов реально—лишь как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи Советы—пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и протестов.

3. Особенно теперь, когда в стране разливается крестьянское восстание, подавляемое Керенским при помощи подобранных войск, когда же военные меры в деревне грозят подтасовкой и подделкой выборов в Учредительное Собрание, когда в Германии дошло дело до восстания во флоте,—теперь отказ большевиков от превращения Советов в орган восстания был бы изменой и крестьянам, и делу международной социалистической революции.

4. Задача взятия власти Советами есть задача успешного восстания. Поэтому все лучшие силы партии должны быть направлены на фабрики и в казармы, чтобы разъяснить массам их задачу и чтобы, правильно учитывая их настроение, выбрать правильный момент для свержения правительства Керенского.

Связывать эту задачу непременно со съездом Советов, подчинить ее этому съезду—значит *играть в восстание*, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая

с толку массы иллюзией, будто «резолуцией» съезда Советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой.

5. Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно «дождаться» его, сосредоточить все силы на разъяснении массам неизбежности восстания и на подготовке его. Имея в руках оба столичные Советы и отказываясь от этой задачи, мирясь с созывом Учредительного Собрания (т.-е. с подделкой Учредительного Собрания) правительством Керенского, большевики свели бы на пустую фразу свою пропаганду лозунга «власть Советам» и политически опозорили бы себя, как партию революционного пролетариата.

6. Это особенно верно теперь, когда выборы в Москве дали 49½% голосов большевикам и когда за большевиками, при поддержке их левыми с.-р., — поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство в стране.

Примечание к резолюции о «власти Советам»:

Можно не все печатать из тезисов о «власти Советам», но если отказываться от партийного обсуждения и от выяснения массам таких насущнейших и важнейших вопросов, для обсуждения коих нет полной свободы печати, или кои нельзя вынести перед врагом, то это равносильно потере связи партии с авангардом пролетариата.

Написано в начале октября 1917 г.

Из архива Ц. К. Р. К. П.

Советы постороннего.

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими советами постороннего на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще,

в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отречься теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

- 1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.
- 2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.
- 3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики — Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15 — 20 тыс. (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнkerов), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон; б) телеграф; в) жел.-дор. станции; г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнк. школы, телеграфа и телефона и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*.

Будем надеяться, что, в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

*Написано 8 октября 1917 года.
Опубликовано в „Правде“ № 250,
7 ноября 1920 г.,
за подписью Посторонний.*

Письмо к товарищам.

Товарищи! Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискуя постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются в свет. Вполне сознавая это, я вынужден тем не менее обратиться к большевикам с этим письмом даже под риском, что оно вовсе не появится в печати, ибо колебания, против которых я считаю своим долгом восстать со всей решительностью, неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию. А что касается до опасности опоздать, то для предупреждения ее я буду указывать, какими сведениями, от какого числа, я обладаю.

Мне удалось только в понедельник, 16 октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях. Обсуждался тот самый вопрос о восстании, который обсуждался и воскресными газетами всех направлений. На собрании было представлено все влиятельнейшее из всех отраслей большевистской работы в столице. И только ничтожнейшее меньшинство собрания, именно всего-на-всего двое товарищей, заняло отрицательное отношение. Доводы, с которыми выступали эти товарищи, до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям. Но факт налицо, и так как революционная партия терпеть колебаний по столь серьезному вопросу не в праве, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести может, то необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны. Дальнейшие строки пусть будут попыткой выполнить эту задачу.

«...У нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно».

Люди, которые способны говорить это, либо искажители правды, либо педанты, которые желают во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнохонько половину голосов плюс один голос. Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии. Предъявление подобного требования есть издевательство над слушателями и не более, как прикрытие своего бегства от действительности.

Ибо действительность показывает нам воочию, что именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков. Это доказали и выборы 20 августа в Питере, еще до корниловщины, когда процент большевистских голосов поднялся с 20% до 33% в городе без пригородов, и затем выборы в сентябре в районные думы Москвы, когда процент большевистских голосов поднялся с 11% до 49% (один товарищ москвич, которого я видел на-днях, говорил мне, что

точная цифра 51%). Это доказали перевыборы Советов. Это доказал тот факт, что большинство крестьянских Советов; вопреки своему «авксентьевскому» центральному совету, высказалось *против* коалиции. Быть против коалиции это значит *на деле* идти за большевиками. Далее, сообщения с фронта все чаще и все определеннее показывают, что *масса* солдат вопреки злостным клеветам и нападкам эс-эровско-меньшевистских всждей, офицеров, депутатов и проч., и проч., все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков.

Наконец, самый крупный факт современной жизни в России есть *крестьянское восстание*. Вот объективный, не словами, а делами показанный переход парода на сторону большевиков. Ибо, как ни лжет буржуазная пресса и ее жалкие подголоски из «колеблющихся» новожизненцев и К^о, крича о погромах и об анархии, но факт на-лицо. Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Не даром вся запуганная восстанием эс-эровская шваль, вплоть до «Дела Народа» *вопит* теперь о необходимости передачи земель крестьянам! Вот *на деле* доказанная правильность большевизма и успех его. «Учить» бонапартистов и их лакеев в предпарламенте *оказалось* невозможным иначе как восстанием.

Это факт. Факты—упрямая вещь. И такой фактический «довод» за восстание сильнее тысячи «пессимистических» уверток растерявшегося и запуганного политика.

Не будь крестьянское восстание событием общенационального политического значения, эс-эровские лакеи из предпарламента не кричали бы о необходимости передать землю крестьянам.

Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания, отмечено уже в «Раб. Пути», это—подвоз хлеба к станциям жел. дор. Тамб. губ. Вот вам еще «довод», господа растерявшиеся, довод за восстание, как единственное средство спасти страну от стучащегося уже в дверь голода и кризиса неслыханных размеров. Пока эс-эровско-меньшевистские предатели народа ворчат, грозят, пишут резолюции, обещают накормить голодных созывом Учр. Собрания, народ *по-большевистски* приступит к решению вопроса о хлебе *восставшем* против помещиков, капиталистов и скупщиков.

И прекрасные плоды *такого* (единственно реального) решения вопроса о хлебе вынуждена была признать *буржуазная* пресса, даже «Рус. Воля», напечатавшая сообщение, что станции жел. дорог Тамб. губернии оказались завалены хлебом... *После того, как крестьяне восстали.*

Нет, сомневаться теперь в том, что большинство народа идет и пойдет за большевиками, значит позорно колебаться и на деле выкидывать прочь *все* принципы пролетарской революционности, отречься от большевизма совершенно.

«...Мы недостаточно сильны, чтобы взять власть, а буржуазия недостаточно сильна, чтобы сорвать Учред. Собрание»...

Первая часть этого довода есть простой пересказ довода предыдущего. Он не выигрывает в силе и убедительности, если свою растерянность и запуганность буржуазией выражают пессимизмом насчет рабочих, оптимизмом насчет буржуазии. Если юнкера и казаки говорят, что будут драться до последней капли крови против большевиков, то это заслуживает полного доверия; если же рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам, то «уместно» вспомнить, что одно дело — голосовать, а другое дело драться!

Конечно, если рассуждать так, то восстание «опровергнуто». Только, спрашивается, чем же отличается этот своеобразно направленный, своеобразно устремленный «пессимизм» от политического перехода на сторону буржуазии?

Взгляните на факты, вспомните «забываемые» нашими пессимистами тысячекратные заявления большевиков. Мы тысячи раз говорили, что Советы р. и с. депутатов — сила, что это авангард революции, что они *могут* взять власть. Мы тысячи раз упрекали меньшевиков и эс-эров, что они фразерствуют насчет «полномочных органов демократии» и в то же время *боятся* взять власть в руки Советов.

А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила.

И после того, как это доказано опытом, фактами, мы выбросим прочь большевизм, отречемся от себя и скажем: мы недостаточно сильны (хотя мы имеем оба столичных и большинство провинциальных Советов на стороне большевиков)!!! Ну, разве

эго не позорные колебания? В сущности, ведь наши «пессимисты» выкидывают прочь лозунг «вся власть Советам», *боятся* признаться в этом.

Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учред. Собрания?

Если буржуазию *не в силах* свергнуть Советы, то *значит* она достаточно сильна для срыва Учр. Собрания, ибо больше помещать некому. Верить обещаниям Керенского и К^о, верить резолюциям лакейского предпарламента, — неужели это достойно члена пролетарской партии и революционера?

Буржуазия не только *в силах* сорвать Учр. Собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и *косвенно* достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба. Доказано *фактами*, что по частям все это буржуазия уже делала. Значит, она *в силах* сделать это и *в целом*, если рабочие и солдаты не свергнут ее.

«...Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва У. С. и отказа от корниловских попыток»...

До этого *договорился* один из двух печальных пессимистов, Пришлось договориться до этого, ибо отказ от восстания *есть* отказ от лозунга вся власть Советам.

Конечно, лозунги «не святыня», слов нет. Но почему же *никто* не поднял вопроса об изменении этого лозунга (как поднял я этот вопрос после июльских дней)? Почему *боятся* сказать это открыто, хотя с сентября в партии обсуждается вопрос о восстании, *неизбежном* отныне для осуществления лозунга: «вся власть Советам»?

Тут не вывернуться нашим печальным пессимистам никогда. Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учред. Собрание.

Неужели трудно понять, что *при власти* в руках Советов Учр. Собр. *обеспечено* и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. *Никто* ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой «комбинированный тип» все признавали, но про- тащить теперь под словечком «комбинированный тип» *отказ*

от передачи власти Советам, протащить *тайком*, боясь отречься от нашего лозунга открыто, — что это такое? можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения?

Нашему пессимисту ответили метко; револьвер без пули? Если да, то это прямой переход к Либерданам, которые тысячу раз объявляли Советы «револьвером» и тысячи раз обманывали народ, ибо Советы *при их господстве* оказывались нулем.

А если револьвер «с пулей», то это и есть *техническая* подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет.

Либо переход к Либерданам и *открытый* отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Средин нет.

«...Буржуазия не может сдать Питера немцам, хотя Родзянко и хочет этого, ибо воюют не буржуа, а наши геройские матросы»...

Этот довод сводится опять к тому «оптимизму» *насчет буржуазии*, который на каждом шагу фатально проявляют пессимисты по части революционных сил и способностей пролетариата.

Воюют геройские матросы, *но* это не помешало *двум* адмиралам *скрыться* перед взятием Эзеля!!

Это факт. Факты упрямая вещь. Факты доказывают, что адмиралы *способны* предавать не хуже Корнилова. А что ставка не реформирована, что командный состав корниловский, это бесспорный факт.

Если корниловцы (с Керенским во главе, ибо он тоже корниловец) *захотят* сдать Питер, они могут сделать это ловко и даже «тройко».

Во-первых, они могут предательством корниловского командного состава открыть сухопутный северный фронт.

Во-вторых, они могут «сговориться» насчет свободы действий всего немецкого флота, который *сильнее* нас, сговориться и с немецкими и с английскими империалистами. Кроме того «скрывшиеся адмиралы» могли передать немцам *и планы*.

В-третьих, локаутами и саботажем доставки хлеба они могут довести войска наши до *полного* отчаяния и бессилия.

Ни одного из этих трех путей отрицать нельзя. Факты доказали, что во все три двери буржуазно-казацкая партия России уже стучалась, их пробовала открыть.

Следовательно? Следовательно, мы не в праве *ждать*, пока буржуазия задушит революцию.

Что родзянковские «хотения» — не пустышка, это доказано опытом. Родзянко¹⁶⁵) — человек дела. За Родзянкой стоит *капитал*. Это неоспоримо. Капитал — сила, пока пролетариат не овладел властью. Политику капитала Родзянко верой и правдой проводил *десятилетия*.

Следовательно? Следовательно, колебаться по вопросу о восстании, как единственном средстве спасти революцию, значит впадать в ту наполовину либердановскую, эс-эровски-меньшевистскую трусливую доверчивость к буржуазии, наполовину «мужицки»-бессознательную доверчивость, против которой больше всего большевики боролись.

Либо сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь «верой» в Учр. Собрание, пока Родзянко и К^о сдадут Питер и задушат революцию, — либо восстание. Середины нет.

Даже созыв Учр. Собрания, отдельно взятый, ничего тут не меняет, ибо никаким «учредительством», никакими голосованиями, хотя бы архисуверенного собрания голода не проймешь, Вильгельма не проймешь. И созыв Учр. Собр. и *успех* его зависит от перехода власти к Советам, эту старую большевистскую истину все более наглядно и все более *жестко* подтверждает действительность.

«...Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учр. Собр., к чему нам все ставить на карту»...

Довод филистера, который «читал», что Учр. Собр. созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лойяльнейшем, конституционном пути.

Жаль только, что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера *ожиданиями* Учр. Собр. решить нельзя. Эту «мелочь» забывают наивные или растерявшиеся, или давшие себя запугать люди.

Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждало. Война не ждет. Скрывшиеся адмиралы не ждали.

Или от того, что мы, большевики, *провозгласим* веру в созыв Учр. Собр., от этого голод согласится подождать? Скрывшиеся адмиралы согласятся подождать? Маклаковы и Родзянки согласятся прекратить локауты, саботаж подвоза хлеба, тайные сговоры с английскими и немецкими империалистами?

Ведь *так* выходит у героев «конституционных иллюзий» и парламентского кретинизма. Живая жизнь исчезает—остается только *бумажка* о созыве Учр. Собр., остаются только выборы.

И слепые люди дивятся еще, что голодный народ и предаваемые генералами и адмиралами солдаты равнодушны к выборам! О, мудрецы!

«...Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать?..»

Это так чрезвычайно убедительно и чрезвычайно революционно. История не повторяется, но если мы повернемся к ней *задом* и будем, созерцая корниловщину первую, твердить: «вот кабы корниловцы начали»,—если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия! Как она похожа на «авось да небось»! Авось корниловцы опять начнут не во-время! — неправда ли, какой это сильный «довод»? Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?

А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? Если они *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых? ошибок!

Забудем все, что сотни раз доказывали и *доказали* большевики, что доказала полугодовая история нашей революции, именно: что выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата, забудем это, отречемся от всего этого и будем ждать! Ждать—чего? Ждать чуда: именно, что бурное и катастрофическое течение событий с 20 апреля по 29 августа сменится (по случаю затягивания войны и роста голодовки) мирным, спокойным, гладким, легальным созывом Учредительного Собрания и исполнением его законнейших решений: вот она «марксистская» тактика. Ждите, голодные, Керенский обещал созвать Учредительное Собрание!

«...В международном положении нет, собственно, *ничего*, обязывающего нас выступать немедленно, мы скорее повредим делу социалистической революции на Западе, если дадим себя *расстрелять*»...

Этот довод поистине великолепен: «сам» Шейдеман, «сам» Ренодель не сумел бы искуснее «оперировать» с сочувствием рабочих успеху международной социалистической революции!

Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея *одного* Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности *всех* классов населения, вплоть до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т. е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте — шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея *большинство* в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием. Мы будем рассуждать, как Шейдеманы и Ренодели: благоразумнее всего не восставать, ибо если нас перестреляют, то мир потеряет таких прекрасных, таких благоразумных, таких идеальных интернационалистов!!

Докажем свое благоразумие. Примем резолюцию сочувствия *немецким повстанцам* и отвергнем *восстание* в России. Это будет настоящим, благоразумным интернационализмом. И как быстро процветет международный интернационализм, если *повсюду* всторжествует такая же мудрая политика!..

Война замучила, истерзала рабочих всех стран до крайности. Взрывы и в Италии, и в Германии, и в Австрии учащаются. Мы *одни* имеем Советы рабочих и солдатских депутатов,—будем *выжидать*—предадим немецких интернационалистов, как мы предаем русских крестьян, не словами, а делами, восстанием против помещиков, зовущих нас к восстанию против правительства Керенского...

Пусть сгустилась туча империалистского заговора капиталистов всех стран, которые готовы задушить русскую революцию,—будем спокойно выжидать, пока нас задушат *рублем!* Вместо того, чтобы напасть на заговорщиков и сломать их ряды победой Советов рабочих и солдатских депутатов, будем ожидать Учр. Собрания, где *голосованиями* победят все международные заговоры, если Керенский и Родзянко добросовестно созовут Учр. Собрание. Имеем ли мы право сомневаться в добросовестности Керенского и Родзянки?

«...Но против нас «все»! Мы изолированы. И Ц. И. К., и меньшевики-интернационалисты, и новожизненцы, и левые эс-эры выпустили и выпустят воззвания против нас!..»

Пресильный довод. Мы до сих пор били беспощадно колеблющихся за колебания. Мы *на этом* приобрели сочувствие народа. Мы *на этом* завоевали Советы, без которых восстание не могло быть падежным, быстрым, верным. Теперь воспользуемся завоеванными Советами, чтобы *и нам перейти в стан колеблющихся*. Какая прекрасная карьера большевизма!

Вся суть политики Либерданов и Черновых, а также «левых» среди эс-эров и меньшевиков состоит в *колебаниях*. Как *показатели* того, что *массы левеют*, левые эс-эры и меньшевики-интернационалисты имеют *огромное* политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эс-эров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи.

Но именно характер этой связи и разоблачает всю бездну бесхарактерности тех, кто вздумал теперь хныкать по поводу того, что заживо сгнивший Ц. И. К. или колеблющиеся левые эс-эры и К^о выступили против нас. Ибо *эти* колебания мелко-буржуазных вождей, Мартовых, Камковых, Сухановых и К^о, надо сопоставить с *восстанием* крестьян. Вот *реальное* политическое сопоставление. С кем итти? С теми колеблющимися горстками питерских вождей, которые *посвенно* выразили *левение* масс и которые при *каждом* политическом повороте позорно хныкали, колебались, бегали просить прощение у Либерданов и Авксентьевых с Комп., или с *этими полевевшими массами*.

Так, только так стоит вопрос.

По случаю предательства крестьянского восстания Мартовыми, Камковыми, Сухановыми—и нам, рабочей партии революционных интернационалистов, предлагают предать его. Вот к чему сводится политика «киваний» на левых эс-эров и меньшевиков-интернационалистов.

А мы сказали: чтобы помочь колеблющимся, надо перестать колебаться самому. Эти «милые» левые мелко-буржуазные демократы колебались и за коалицию! Мы их повели, в конце концов, за собой,—тем, что не колебались сами. И жизнь подтвердила нас.

Своими колебаниями эти господа губили революцию всегда. Только мы спасли ее. И теперь мы спасаем, когда голод стучится в ворота Питера, а Родзянко и К^о готовят сдачу его?!

«...Но у нас нет даже прочных связей с железнодорожниками и почтовыми служащими. Их официальные представители — Плансоны ²⁸⁷). А можно ли победить без почты и без жел. дорог?..»

Да, да, Плансоны—здесь, Либерданы—там. Какое доверие оказали им *массы*? Не мы ли доказывали всегда, что эти вожди предадут *массы*? Не от этих ли вождей повернули массы к нам и на выборах в Москве и на выборах в Советы? Или масса жел.-дор. и почтовых служащих не голодает? не бастует против правительства Керенского и К^о?

А перед 28 февраля были у нас связи с этими союзами?—спросил один товарищ «пессимиста». Тот ответил указанием на несравнимость обеих революций. Но это указание только усиливает позицию того, кто задал вопрос. Ибо о длинной подготовке *пролетарской* революции *против буржуазии* тысячи раз говорили как раз большевики (и говорили не для того, чтобы забыть это накануне решительного момента). Как раз *выделением* пролетарских элементов массы от мелко-буржуазных и буржуазных верхов характеризуется политическая и экономическая жизнь союзов почт.-тел. и железнодорожного. Дело вовсе не в том, чтобы обязательно запастись заранее «связями» с тем и другим союзом, дело в том, что только победа пролетарского и крестьянского восстания *может* удовлетворить *массы* в армиях железнодорожников и почтово-телеграфных служащих

«...Хлеба в Питере на 2—3 дня. Можем ли мы дать хлеб повстанцам?..»

Одно из тысячи скептических замечаний (скептики *всегда* могут «сомневаться», и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их),— из таких замечаний, которое валит с больной головы на здоровую.

Именно Родзянки и К^о, именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом. Нет и быть *не может* иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, вопреки их саботажу, ни сломить сопротивление подкупленных служащих и наживающихся капиталистов, ни создать строгий учет *нельзя*. Это доказала именно история продовольственных учреждений и продовольственной маistry «демократии», которая

миллионы раз жаловалась на саботаж капиталистов, *хныкала, умоляла*.

Нет силы на свете, кроме силы победоносной пролетарской революции, чтобы вместо жалоб и просьб и слез перейти к *революционному делу*. И чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить, тем труднее будет *наладить* подвоз и распределение хлеба.

Промедление в восстании смерти подобно—вот что надо ответить тем, кто имеет печальное «мужество» смотреть на рост разрухи, на близость голода и *отсоветовать* рабочим восстание (*то-есть советовать им подождать, еще положиться на буржуазию*).

«...В положении на фронте тоже нет еще опасности. Если даже солдаты сами заключат перемирие, это еще не беда»...

Но солдаты не заключат перемирия. Для этого нужна государственная власть, которой нельзя получить без восстания. Солдаты просто *убегут*. Об этом говорят доклады с фронта. Ждать нельзя, не рискуя помочь сговору Родзянки с Вильгельмом и *помой* разрухой при повальном бегстве солдат, если они (*уже близкие к отчаянию*) дойдут до полного отчаяния и бросят все на произвол судьбы.

«...А если мы возьмем власть и не получим ни перемирия, ни демократического мира, то солдаты могут не пойти на революционную войну. Что тогда?»

Довод, заставляющий вспомнить изречение: один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить.

Мы никогда не отрицали трудностей *власти* во время империалистской войны, но мы тем не менее всегда *проповедывали* диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Неужели мы отречемся от этого, когда пришел момент действия??

Мы всегда говорили, что диктатура пролетариата в одной стране создает гигантские перемены и международного положения, и экономики страны, и положения армии, и настроения ее,—и мы «забудем» все это теперь, давая себя запугать «трудностями» революции??

«...В массах нет рвущегося на улицу настроения, как передают все. К признакам, оправдывающим пессимизм, принадлежит также крайне возросшее распространение погромной и черносотенной прессы»...

Когда люди дадут буржуазии запугать себя, тогда, естественно, все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет. Во-первых, они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, на место политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, её непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати» забывают. Иногда людям бывает очень «кстати» забыть, что ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему они вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоев массы.

Во-вторых,—и это в данный момент главное—говоря о настроении масс, бесхарактерные люди забывают добавить,

— что «все» передают его, как сосредоточенное и выжидательное;

— что «все» согласны насчет того, что по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступают, как один человек;

— что все согласны насчет сильного недовольства у рабочих нерешительностью центров в вопросе о «последнем, решительном бое», неизбежность коего сознается ясно;

— что «все» единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс, как близкое к отчаянию, и указывают на факт нарастания анархизма именно на этой почве;

— что «все» признают также, что среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу *только* для демонстраций, *только* для частичной борьбы, ибо в воздухе носится приближение не частичного, а общего боя, безнадежность же отдельных стачек, демонстраций, давлений испытана и признана вполне.

И так далее.

Если мы к этой характеристике настроения масс подойдем с точки зрения всего развития классовой и политической борьбы и всего хода событий за полгода нашей революции, то нам ста-

пет ясно, как искажают дело запуганные буржуазией люди. Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было *стихийное возбуждение*, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы *еще* не наши, что крестьяне *еще* верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно.

Тогда у большинства сознательных рабочих вопроса о последнем решительном бое *не* возникало вовсе; нет ни одной коллегии из партийных коллегий вообще, которая бы этот вопрос ставила. А у малосознательной и очень широкой массы не было ни сосредоточенности, ни решимости отчаяния, а было именно *стихийное возбуждение* с наивной надеждой просто «выступление», просто-демонстрацией «повлиять» на Керенских и буржуазию.

Для восстания нужно не это, а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это—с одной стороны. А, с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, разможат все даже по-анархически», *если* не сумеют руководить ими в решительном бое большевики.

Именно к этому сочетанию наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс развитие революции привело на деле *и* рабочих *и* крестьянство.

Именно на этой почве понятен также «успех» подделывающихся под большевизм негодяев черносотенной печати. Что черные злорадствуют при виде приближающегося решительного боя буржуазии с пролетариатом, это бывало всегда, это наблюдалось во всех без всякого изъятия революциях, это абсолютно неизбежно. И если *этим* обстоятельством давать себя запугивать, тогда надо отказаться не только от восстания, но и пролетарской революции вообще. Ибо *не* может в капиталистическом обществе быть такого нарастания этой революции, которое бы *не* сопровождалось злорадством черной сотни и ее надеждами погреть себе руки.

Сознательные рабочие прекрасно знают, что черная сотня с буржуазией работают рука об руку и что решительная победа рабочих (в которую мелкие буржуа не верят, которой капиталисты боятся, которой черносотенцы иногда из злорадства желают, уверенные, что большевики не удержат власти), — что эта победа черную сотню *раздавит* до конца, что власть большевики *сумеют* удержать твердо и к величайшей пользе для всего измученного и истерзанного войной человечества.

В самом деле, кто же из не сошедших с ума людей может сомневаться в том, что *Родзянки* и *Суворины* ²⁸⁸⁾ действуют вместе? что между ними распределены роли?

Разве факты не доказали, что по указке Родзянки действует Керенский, а «государственная типография российской республики» (не шутите!) печатает на казенный счет черносотенные речи черносотенцев «Госуд. Думы»? Разве этого факта не разоблачали *даже* лакействующие перед «своим человечком» лакеи из «Дела Народа»? Разве опыт *всех* выборов не доказал полнейшей поддержки «Новым Временем», продажной газетой, царско-помещичьими «интересами» направляемой газетой, кадетских списков?

Разве мы не читали вчера, что торгово-промышленный капитал (беспартийный, конечно,—о, разумеется, беспартийный, ведь Вихляевы ¹²⁵⁾ и Ракитниковы ²⁸⁹⁾, Гвоздевы и Никитины коалируют с кадетами, боже упаси, а с *беспартийными* торгово-промышленными кругами!), отвалив 300.000 р. кадетам?

Вся черносотенная пресса, если смотреть на вещи с классовой, а не сантиментальной точки зрения, есть *отделение* фирмы «Рябушинский, Милюков и К^о». Капитал покупает себе, с одной стороны, Милюковых, Заславских, Потресовых и прочее, а, с другой стороны, черносотенцев.

Никакого иного средства покончить с этим безобразнейшим отравлением народа ядом дешевой черносотенной заразы быть не может, кроме *победы пролетариата*.

И можно ли удивляться тому, что измученная и истерзанная голодом и затягиванием войны толпа «хватается» за черносотенный яд? Можно ли мыслить себе капиталистическое общество накануне краха *без* отчаяния в среде угнетенных масс? И может ли отчаяние масс, среди которых не мало темноты, *не* выразиться в увеличенном сбыте всякого яда?

Нет, безнадежна позиция тех, кто, толкуя о настроении масс, свою личную бесхарактерность сваливает на массы. Массы де-

лятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетенных и голодных *не* бесхарактерны.

«...Марксистская партия, с другой стороны, не может сводить вопрос о восстании к вопросу о военном заговоре»...

Марксизм есть чрезвычайно глубокое и разностороннее учение. Неудивительно поэтому, что *обрывки* цитат из Маркса, — особенно если приводить цитаты *не* кстати — можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет с марксизмом. Военный заговор есть бланкизм, *если* его устраивает не партия определенного класса, *если* его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, *если* на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа, *если* развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, *если* не завоевано большинство признанных «полномочными» или иначе себя показавших органов революционной борьбы вроде «Советов», *если* в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, *если* лозунги восстания (вроде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, *если* передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни, — поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, *если* экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами.

Пожалуй, довольно?

В своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» (я надеюсь, что она на днях выйдет уже в свет) я привел цитату из Маркса, действительно относящуюся к вопросу о восстании и определяющую признаки восстания как «искусства».

Я готов биться о заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного

заговора, и призвать их к объяснению разницы между «искусством» вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторяют сказанное выше, либо осрамят себя и вызовут всеобщий смех рабочих. Попробуйте ка, любезные тоже-марксисты! Спойте нам песенку *против* «военного заговора».

Послесловие.

Предыдущие строки были уже написаны, когда я получил, в 8 час. вечера, во вторник, утренние питерские газеты со статьей г. В. Базарова в «Новой Жизни». Г-н В. Базаров утверждает, что «по городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления».

Если это правда, то я прошу товарищей, в руки которых это письмо не может попасть раньше полудня в среду, *напечатать* его возможно скорее.

Оно писалось не для печати, а только для беседы с членами партии по переписке. Но если не принадлежащие к партии и тысячу рад осмеянные ею за презренную бесхарактерность герои из «Новой Жизни» (третьего дня голосовавшие за большевиков, вчера за меньшевиков и *почти* объединившие их на всемирно-знаменитом объединительном съезде), если подобные субъекты получают *листок* от членов нашей партии, агитирующих против восстания, тогда молчать нельзя. Надо агитировать и *за* восстание. Пускай злонимы вылезают окончательно на свет божий и понесут заслуженное ими за их позорные колебания наказание хотя бы в виде насмешек всех сознательных рабочих. Я имею в своем распоряжении только час времени до отсылки настоящего письма в Питер и потому только в двух словах отмечу один «прием» печальных героев безголового «новожизненства». Г-н В. Базаров пробует полемизировать с тов. Рязановым²⁹⁰), который сказал, и сказал 1000 раз правильно, что «восстание готовят все те, кто создает в массах настроение отчаяния и индифферентизма».

Печальный герой печального дела «возражает»:

«Разве отчаяние и индифферентизм когда-либо побеждали?»

О, презренные дурачки из «Новой Жизни»! Они знают *такие* примеры восстания в истории, когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчая-

ния? Когда эти массы не охватывал индифферентизм (равнодушные) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революции, к низведению Либердаями Советов с органов власти и восстания до роли пустых говорилень?

Или, может быть, презренные дурачки из «Новой Жизни» открыли у масс *равнодушные*... к вопросу о хлебе? о затягивании войны? о земле для крестьян?

Напечатано 16 и 17 октября 1917 г.

Напечатано в газете „Рабочий

Путь“ №№ 40, 41, 42,

19, 20 и 21 октября 1917 г.

за подписью Н. Ленин.

Новый обман крестьян партией эс-эров.

Партия эс-эров объявила торжественно и всенародно в своей главной газете «Дело Народа» от 18 и 19 октября, что новый земельный законопроект министра земледелия является «крупным шагом к осуществлению аграрной программы партии», что «Ц. К. партии настоятельно предлагает всем партийным организациям развить энергичную агитацию в пользу законопроекта и популяризовать его в массах».

Между тем этот законопроект министра С. Л. Маслова¹²²), члена партии с.-р., перепечатанный в главных частях «Делом Народа», есть *обман крестьян*. Партия эс-эров обманула крестьян: она переползла со своего земельного проекта на помещичий, кадетский, план «справедливой оценки» и сохранения помещичьей собственности на землю. Партия эс-эров торжественно и всенародно на своих съездах первой (1905 года) и второй (1917 года) русской революции обязалась поддерживать крестьянское требование *конфискации* помещичьих земель, т.-е. перехода их крестьянам *безвозмездно*. А в теперешнем проекте господина С. Л. Маслова не только оставляется помещичья собственность на землю, но даже плата крестьян за «арендуемые» земли, по «справедливой» оценке, *поступает помещикам*.

Этот законопроект господина С. Л. Маслова есть полная измена партии эс-эров крестьянам, полный переход этой партии к приверженчеству помещиков. Надо все силы напрячь, все усилия употребить, чтобы как можно шире распространить среди крестьян сознание этой истины.

«Дело Народа» от 18 окт. напечатало §§ 25—40 проекта С. Л. Маслова. Вот основное и главнейшее из этого проекта:

1) В образуемый «временный арендный фонд» поступают *не все* помещичьи земли.

2) Зачисление помещичьих земель в этот фонд производится *земельными комитетами*, созданными по закону *помещичьего* правительства князя Львова от 21 апреля 1917 года.

3) Арендная плата крестьян за эти помещичьи земли устанавливается земельными комитетами «сообразно чистой доходности» и, за вычетом платежей, поступает «подлежащему владельцу», *то-есть помещику*.

Это—тройной обман крестьян эс-эрами, и поэтому на каждом из трех этих пунктов надо подробнее остановиться.

В «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» № 88, от 19 авг., напечатан «примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных с мест депутатами на 1 Всероссийский Съезд Советов крестьянских депутатов в Петербурге в 1917 году».

Эта сводка 242 наказов, сделанная выборными от местных крестьян, есть *лучший* материал для суждения о том, *чего хотят* крестьяне. И этот сводный наказ вполне наглядно доказывает обман крестьян проектом С. Л. Маслова и партии эс-эров.

Крестьяне требуют отмены права частной собственности на землю; обращения *всей* частновладельческой и т. д. земли во всенародное достояние безвозмездно; превращения земельных участков с высоко - культурными хозяйствами (сады, плантации и пр.) в «показательные участки», передачи их в «исключительное пользование государства и общин»; конфискация *всего* хозяйственного инвентаря, живого и мертвого» и т. д.

Так выражены требования крестьян, точно и ясно, на основании 242 местных наказов, самими крестьянами данных.

А партия эс-эров вместо этого, войдя в «коалицию» (т.-е. в союз или в соглашение) с буржуазией (капиталистами) и помещиками, участвуя в правительстве капиталистов и помещиков составила теперь проект, *не уничтожающий помещичьей собственности*, а передающий *только часть* помещичьих земель в *временный арендный фонд!!*

В арендный фонд, по этому проекту, *не* могут быть зачислены сады, плантации, посеы свекловицы и прочее! В арендный фонд *не* могут быть зачислены земли, необходимые «для удовле-

творения потребностей самого владельца, его семьи, служащих и рабочих, а также для обеспечения содержания наличного скота»!!

Значит, у богатого помещика, имеющего свеклосахарный, картофельный завод, маслособойни или мельницы, сады и плантации, сотни голов скота и десятки служащих и рабочих, остается *большое хозяйство и притом капиталистическое хозяйство*. Вот с какой наглостью, с каким бесстыдством обманула крестьян партия эс-эров!

Зачисление помещицъей, — или «частновладельческой», как говорит проект, — земли в арендный фонд производится *земельными комитетами*, созданными по закону 21 апреля 1917 года *помещичьим* правительством князя Львова и К^о, — тем правительством Милюкова и Гучкова, империалистов и грабителей народных масс, которое рабочие и солдаты Петербурга разбили движением 20 — 21 апреля, т.е. целых полгода тому назад.

Понятно, что закон этого помещицъего правительства о земельных комитетах далеко не является демократическим (народным) законом. Напротив, в этом законе целый ряд возмутительнейших отступлений от демократизма. Напр., § XI этого закона предоставляет «губернским земельным комитетам право приостанавливать решения волостных и уездных комитетов до окончательного решения главного земельного комитета». А комитеты, по этому мошеннически написанному помещицъему закону, составлены так, что уездный комитет менее демократичен, чем волостной, губернский менее демократичен, чем уездный, — главный комитет менее демократичен, чем губернский!

Волостной земельный комитет весь выборный населением волости. В уездный комитет входит, по закону, напр., мировой судья, 5 членов от «временных исполнительных комитетов» (до организации нового самоуправления). В губернский комитет входит не только член окружного суда и мировой судья, но и представитель министерства, *назначаемый* министром и т. п. А в главный земельный комитет входит 27 членов «по приглашению Врем. Правительства»! В него входит, по одному, представители 11 политических партий, при чем большинство (шесть из 11) дано *кадетам и правее их стоящим*. Ну, разве это не мошенничество Львова, Шингарева ¹⁰⁷ (они подписали закон) и их приятелей? Разве это не издевка над демократизмом в угоду помещикам?

Разве не подтверждает это полностью многократное заявление большевиков, что только *Советы крестьянских депутатов*, вы-

бранные *массой трудящихся* и сменяемые ею в любое время, способны правильно выражать волю крестьянства и проводить ее в жизнь?

Эс-эры, получившие благодаря бессознательной доверчивости крестьян большинство в Всероссийском Исполнительном Комитете Советов крестьянских депутатов, *изменили* крестьянам, *пресали* Советы крестьянские, *перешли на сторону помещиков* и помирились с законом помещика князя Львова о земельных комитетах. Вот в чем второй главный обман крестьян эс-эрами.

И тем с большей настоятельностью должны мы, рабочая партия, повторить требование большевиков: вся власть в деревне Советам крестьянских депутатов и депутатов от сельско-хозяйственных рабочих!

Крестьянские наказания требуют конфискации, *безвозмездного* отчуждения помещичьих земель, конфискации конских заводов, частных племенных скотоводств и птицеводств, передачи в государственное пользование высоко-культурных участков, конфискации всего живого и мертвого инвентаря помещичьих имений.

Вместо этого эс-эровский министерский проект угощает крестьян *сохранением арендной платы*, которая по-прежнему попадает в карман помещика!

«Арендная плата,— гласит § 33 эс-эровского проекта,— вносится в комитеты, которые» (покрыв платежи в казну и пр.) «остаток передают подлежащему владельцу».

Вот как «социалисты-революционеры», обманув крестьян пышными обещаниями, преподнесли крестьянству *помещичий кадетский земельный проект!*

Это—полнейший обман крестьян.

Ровнехонько ничего из крестьянских требований конфискации тут не осталось. Это не конфискации помещичьего земл владения, а *укрепление* его «республиканским» правительством, *обеспечивающим* помещикам *сохранение* и инвентаря, и земли на содержание «служащих и рабочих», и земли, «предназначенной» (достаточно одного «предназначения»!) «владельцем под посев сахарной свекловицы и иных технических растений», и *платы* за всю остальную землю, передаваемую в арендный фонд. Земельные комитеты превращаются в *сборщиков арендной платы* для господ благородных землевладельцев!

Помещичья собственность не уничтожается, а укрепляется эс-эрами. Их переход на сторону помещиков, их измена крестьянам выстучает теперь наружу яснее ясного.

Не надо дать себя в обман хитрым кадетам, этим верным друзьям капиталистов и помещиков. Кадеты делают вид, что проект эс-эров необычайно «революционный», и во всех буржуазных газетах поднят шум *против* проекта, повсюду помещены заметки о «сопротивлении» буржуазных министров (и, конечно, их прямых прихвостней вроде Керенского) такому «страшному» законопроекту. Все это—комедия, игра, запрос торгующегося купца, который видит бесхарактерность эс-эров и надеется еще больше отторговать. На самом же деле проект С. Л. Маслова есть «помещичий» проект, писанный *для* соглашения с помещиками, *для* спасения их.

Если «Дело Народа» в названных номерах называет этот проект «выдающимся законопроектом о земле, начинающим (!) великую (!!) реформу социализации (!!!) земли», то это чистейшее шарлатанство. В проекте нет ни малейшей «социализации» (кроме разве «социальной помощи помещику получать наверняка арендную плату), нет ровнехонько ничего «революционно-демократического», нет вообще ничего кроме обычных в европейском *буржуазном реформаторстве* «реформ» «ирландского» типа.

Повторяем, это проект *для* спасения помещиков, *для* «успокоения» начавшегося крестьянского восстания путем ничтожных уступок, сохраняющих главное за помещиками.

Внесение эс-эрами в Правительство такого позорного проекта является наглядным выяснением того неслыханного лицемерия, с которым большевиков упрекают в «срыве» Учредительного Собрания планами переходами власти в Советам. Всего 40 дней осталось до Учредительного Собрания.—Лицемерно кричат кадеты, капиталисты, помещики, меньшевики и эс-эры! А под шумок вносят в правительство громадный законопроект о земле, *надувающий* крестьян, *закабаляющий* их помещикам, *укрепляющий* помещичью собственность на землю.

Когда надо поддерживать помещиков против разрастающегося крестьянского восстания, тогда и за 40 дней до Учредительного Собрания, и за 30 дней до него «можно» протащить громадный законопроект.

А когда речь заходит о передаче всей власти Советам *для* передачи *всей* земли крестьянам, *для* *немедленного* уничтожения помещичьей собственности на землю, *для* *немедленного* предложения справедливого мира, о, тогда кадеты, капиталисты, по-

мещики, меньшевики и эс-эры поднимают дружный вой против большевиков.

Пусть же знают крестьяне, как обманула их партия эс-эров, как предала она их помещикам.

Пусть знают крестьяне, что только *рабочая* партия, только *большевики* стоят горой и до конца *против* капиталистов, *против* помещиков, за интересы *беднейшего* крестьянства и *всех* трудящихся.

Написано 20 октября.

Напечатано „Рабочий Путь“ № 44

24 октября и ввиду его кон-

фискации перепечатано в № 45

от 25 октября 1917 г.,

за подписью Н. Ленин.

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА

О ГОСУДАРСТВЕ

И

ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА

В РЕВОЛЮЦИИ

*Написано в августе — сентябре
1917 г.*

*Напечатано отдельной книгой
в конце 1917 г.*

Изд. „Жизнь и Знание“.

ПРЕДИСЛОВИЕ ²⁹¹).

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом, и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всемогущими союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о «тыле» их — в военно-каторжные тюрьмы для рабочих.

Неслыханные ужасы и бедствия затягивающейся войны делают положение масс невыносимым, усиливают возмущение их. Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение.

Накопленные десятилетиями сравнительно мирного развития элементы оппортунизма создали господствующее в официальных социалистических партиях всего мира течение социал-шовинизма. Это течение (Плеханов, Потресов, Брешковская, Рубанович ²⁹²), затем в чуточку прикрытой форме г.г. Церетели, Чернов и К⁰ в России; Шейдеман ⁵), Легин ²⁹³), Давид ⁵) и пр. в Германии; Рендель ³⁷), Гед ³⁸), Вандервельде ⁷⁶) во Франции и Бельгии; Гайндман ²¹⁰) и фабианцы ²⁹⁴) в Англии и т. д., и т. д.), социализм на словах, шовинизм на деле, отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства, ибо большинство так называемых великих держав давно эксплуатирует и порабощает целый ряд мелких и слабых народностей. А империалистская война является как раз войной за раздел и передел этого рода добычи. Борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще и империалистской буржуазии — в особенности невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками насчет «государства».

Мы рассматриваем сначала учение Маркса и Энгельса о государстве, останавливаясь особенно подробно на забытых или подвергшихся оппортунистическому искажению сторонах этого учения. Мы разберем затем специально главного представителя этих искажений, Карла Каутского, наиболее известного вождя Второго Интернационала (1889 — 1914 г.г.), который потерпел такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подведем, наконец, главные итоги опыта русских революций 1905 и особенно 1917 годов. Эта последняя, видимо, заканчивает в настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развития, но вся эта революция вообще может быть понята лишь, как одно из звеньев в цепи социалистических пролетарских революций, вызываемых империалистской войной. Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к государству приобретает таким образом, не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение, как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать для своего освобождения от ига капитала в ближайшем будущем.

Август 1917 г.

ГЛАВА I.

Классовое общество и государство.

1. Государство — продукт непримиримости классовых противоречий.

С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая *содержание* революционного учения, при тупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты нынче «марксисты», — не шутите! И все чаще немецкие буржуазные ученые, вчерашние специалисты по истреблению марксизма, говорят о «национально-немецком» Марксе, который будто бы воспитал так великолепно организованные для ведения грабительской войны союзы рабочих.

При таком положении дела, при неслыханной распространенности искажений марксизма, наша задача состоит прежде всего в *восстановлении* истинного учения Маркса о государстве. Для этого необходимо приведение целого ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сде-

лают изложение тяжеловесным и нисколько не посодействуют его популярности. Но обойтись без них совершенно невозможно. Все, или по крайней мере все решающие, места из сочинений Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде, чтобы читатель мог составить себе самостоятельное представление о совокупности взглядов основоположников научного социализма и о развитии этих взглядов, а также, чтобы искажение их господствующим ныне «каутскианством» было доказано документально и показано наглядно.

Начнем с самого распространенного сочинения Фр. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое в 1894 году вышло в Штуттгарте уже 6-ым изданием. Нам придется переводить цитаты с немецких оригиналов, потому что русские переводы, при всей их многочисленности, большей частью либо неполны, либо сделаны крайне неудовлетворительно.

«Государство, — говорит Энгельс, подводя итоги своему историческому анализу, — никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель²⁹⁵). Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» (стр. 177—178 шестого немецкого издания).

Здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут*

быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелко-буржуазные идеологи,—вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба,— «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом *примирения* классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит,— сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса! — что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелко-буржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение — значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

Например, все эс-эры (социалисты - революционеры) и меньшевики в революции 1917 года, когда вопрос о значении и роли государства как раз встал во всем своем величии, встал практически, как вопрос немедленного действия и притом действия в массовом масштабе,— все скатились сразу и целиком к мелко-буржуазной теории «примирения» классов «государством». Бесчисленные резолюции и статьи политиков обеих этих партий насквозь пропитаны этой мещанской и филистерской теорией «примирения». Что государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелко-буржуазная демократия никогда не в состоянии понять. Отношение к государству — одно из самых наглядных проявлений того, что наши эс-эры и меньшевики вовсе не социалисты (что мы, большевики, всегда доказывали), а мелко-буржуазные демократы с почти социалистической фразеологией.

С другой стороны, «каутскианское» извращение марксизма гораздо тоньше. «Теоретически» не отрицается ни то, что государство есть орган классового господства, ни то, что классовые

противоречия непримиримы. Но упускается из виду или затушевывается следующее: если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая *над* обществом и *«все более и более отчуждающая* себя от общества», то явно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено. Этот вывод, теоретически ясный сам собою, Маркс сделал, как мы увидим ниже, с полнейшей определенностью на основании конкретно-исторического анализа задач революции. И именно этот вывод Каутский—мы покажем это подробно в дальнейшем изложении—...«забыл» и извратил.

2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.

«...По сравнению со старой гентильной (родовой, или клановой) организацией,—продолжает Энгельс,—государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям...

Нам это деление кажется «естественным», но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам.

..Вторая отличительная черта—учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества»...

Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством,—силы, происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Мы имеем право говорить об особых отрядах вооруженных людей, потому что свойственная всякому государству общественная власть «не совпадает непосредственно» с вооруженным населением, с его «самодействующей вооруженной организацией».

Как все великие революционные мыслители, Энгельс старается обратить внимание сознательных рабочих именно на то, что господствующей обывательщине представляется наименее стоящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими. Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но... разве может это быть иначе?

С точки зрения громадного большинства европейцев конца XIX века, к которым обращался Энгельс и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революции, это не может быть иначе. Им совершенно непонятно, что это такое за «самодействующая вооруженная организация населения»? На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, постоянная армия), западно-европейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского²⁹⁶), ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо-враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы невозможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримо-враждебные классы, «самодействующее» вооружение которых привело бы к вооруженной борьбе между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие ему особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым.

Энгельс ставит в приведенном рассуждении теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» отрядов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения». Мы увидим, как этот вопрос конкретно иллюстрируется опытом европейских и русских революций.

Но вернемся к изложению Энгельса.

Он указывает, что иногда, например, кое-где в Северной Америке, эта общественная власть слаба (речь идет о редком исключении для капиталистического общества и о тех частях Сев. Америки в ее до-империалистическом периоде, где преобладал свободный колонист), но, вообще говоря, она усиливается:

«...Общественная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили общественную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство»...

Это писано не позже начала 90-х годов прошлого века. Последнее предисловие Энгельса помечено 16 июня 1891 г. Тогда поворот к империализму—и в смысле полного господства трестов и в смысле всевластия крупнейших банков, и в смысле грандиозной колониальной политики и пр.—только-только еще начинался во Франции, еще слабее в Сев. Америке и в Германии. С тех пор «конкуренция завоеваний» сделала гигантский шаг вперед, тем более, что земной шар оказался в начале второго десятилетия XX века окончательно поделенным между этими «конкурирующими завоевателями», т.-е. великими грабительскими державами. Военные и морские вооружения выросли с тех пор неимоверно, и грабительская война 1914—1917 г.г. из-за господства над миром Англии или Германии, из-за дележа добычи приблизил «поглощение» всех сил общества хищнической государственной властью к полной катастрофе.

Энгельс умел еще в 1891 году указывать на «конкуренцию завоеваний», как на одну из важнейших отличительных черт внешней политики великих держав, а негодня социал-шовинизма в 1914—1917 г.г., когда именно эта конкуренция, обострившись

во много раз, породила империалистскую войну, прикрывают защиту грабительских интересов «своей» буржуазии фразами о «защите отечества», об «обороне республики и революции» и т. п.!

3. Государство—орудие эксплуатации угнетенного класса.

Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

«Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники,—пишет Энгельс,—становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободное добровольное уважение, с которым относились к органам родового (клавового) общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его». Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников. «Самый жалкий полицейский служитель» имеет больше «авторитета», чем представители клана, но даже глава военной власти цивилизованного государства мог бы позавидовать старшине клана, пользующемуся «не из-под палки приобретенным уважением» общества.

Вопрос о привилегированном положении чиновников, как органов государственной власти, здесь поставлен. Намечено, как основное: что ставит их над обществом? Мы увидим, как этот теоретический вопрос практически решался Парижской Коммуной в 1871 году и реакционно затушевывался Каутским в 1912 г.

«...Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически-господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса... Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим

классам, как кажущаяся посредница между ними»... Такова абсолютная монархия XVII и XVIII всков, бонапартизм 1-ой и 3-ей империи во Франций, Бисмарк—в Германии.

Таково,—добавим от себя,—правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям революционного пролетариата, в такой момент, когда советы, благодаря руководству мелко-буржуазных демократов, уже бессильны, а буржуазия еще недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их.

«В демократической республике,—продолжает Энгельс,—богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее»,—именно, во-первых, посредством «прямого подкупа чиновников» (Америка), во-вторых, посредством «союза между правительством и биржей» (Франция и Америка).

В настоящее время империализм и господство банков «развили» оба эти способа отстаивать и проводить в жизнь всевластие богатства в каких угодно демократических республиках до необыкновенного искусства. Если, например, в первые же месяцы демократической республики в России, можно сказать, в медовый месяц бракосочетания «социалистов» эс-эров и меньшевиков с буржуазией, в коалиционном правительстве г. Пальчинский саботировал все меры обуздания капиталистов и их мародерства, их грабежа казны на военных поставках, если затем ушедший из министерства г. Пальчинский (замененный, конечно, другим совершенно таким же Пальчинским) «награжден» капиталистами местечком с жалованьем в 120.000 руб. в год,—то что это такое? Прямой подкуп или не прямой? Союз правительства с синдикалистами, или «только» дружественные отношения? Какую роль играют Черновы и Церетели, Авксентьевы и Скобелевы?—«Прямые» ли они союзники миллионеров-казнокрадов или только косвенные?

Всевластие «богатства» и потому *вернее* при демократической республике, что оно не зависит от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев (через Пальчинских, Черновых, Церетели и К^о) этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий буржуазной демократической республики не колеблет этой власти.

Надо отметить еще, что Энгельс с полнейшей определенностью называет всеобщее избирательное право орудием господства бур-

жуазии. Всеобщее избирательное право,—говорит он, явно учитывая долгий опыт немецкой социал-демократии,—есть

«показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве».

Мелко-буржуазные демократы, вроде наших эс-эров и меньшевиков, а также их родные братья, все социал-шовинисты и оппортунисты Западной Европы, ждут именно «большого» от всеобщего избирательного права. Они разделяют сами и внушают народу ту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право «в теперешнем государстве» способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь.

Мы можем здесь только отметить эту ложную мысль, только указать на то, что совершенно ясное, точное, конкретное заявление Энгельса искажается на каждом шагу в пропаганде и агитации «официальных» (т. - е. оппортунистических) социалистических партий. Подробное выяснение всей лживости той мысли, которую отмечает здесь прочь Энгельс, дается нашим дальнейшим изложением взглядов Маркса и Энгельса на «теперешнее» государство.

Общий итог своим взглядам Энгельс дает в своем наиболее популярном сочинении в следующих словах:

«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей рядом с прялкой и с бронзовым топором».

Не часто случается встречать эту цитату в пропагандистской и агитационной литературе современной социал-демократии. Но даже тогда, когда эта цитата встречается, ее приводит большою

частью, как будто бы совершали поклон перед иконой, т. - е. для официального выражения почтения к Энгельсу без всякой попытки вдуматься в то, насколько широкий и глубокий размах революции предполагается этой «отправкой всей государственной машины в музей древностей». Не видно даже, большей частью, понимания того, что называет Энгельс государственной машиной

4. «Отмирание» государства и насильственная революция.

Слова Энгельса об «отмирании» государства пользуются такой широкой известностью, они так часто цитируются, так рельефно показывают, в чем состоит соль обычной подделки марксизма под оппортунизм, что на них необходимо подробно остановиться. При ведем все рассуждение, из которого они взяты:

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя, как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. - е. организация эксплуататорского класса, для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видной корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эгоистической цели представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев—граждан государства, в средние века—феодалов дворянства, в наше время—буржуазии. Когда государство, наконец-то, становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, т. - е.

столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы,—с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно, как представитель всего общества,—взятие во владение средств производства от имени общества,—является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другую излишним и само собой засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не «отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра. («Анти-Дюринг», «Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом»²⁹⁷), стр. 302—303 по 3 нем. изд.).

Не боясь ошибиться, можно сказать, что из этого, замечательно богатого мыслями, рассуждения Энгельса действительным достоянием социалистической мысли в современных социалистических партиях стало только то, что государство «отмирает», по Марксу, в отличие от анархического учения об «отмене» государства. Так обкарнить марксизм—значит свести его к оппортунизму, ибо при таком «толковании» остается только смутное представление о медленном, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь, об отсутствии революции. «Отмиранию» государства в ходячем, общераспространенном, массовом, если можно так выразиться, понимании означает, несомненно, затушевывание, если не отрицание, революции.

А, между тем, подобное «толкование» есть самое грубое, выгодное лишь для буржуазии искажение марксизма, теоретически основанное на забвении важнейших обстоятельств и соображений, указанных хотя бы в том же, приведенном нами полностью «итоговом» рассуждении Энгельса.

Во-первых. В самом начале этого рассуждения Энгельс говорит, что, беря государственную власть, пролетариат «тем самым уничтожает государство, как государство». Что это значит, об

этом думать «не принято». Обычно это либо игнорируют совершенно, либо считают чем-то вроде «гегельянской слабости» Энгельса. На деле в этих словах выражен кратко опыт одной из величайших пролетарских революций, опыт Парижской Коммуны 1871 г., о чем подробнее пойдет у нас речь в своем месте. На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «*уничтожается*» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полу-государство.

Во-вторых. Государство есть «особая сила для подавления». Это великолепное и в высшей степени глубокое определение Энгельса дано им здесь с полнейшей ясностью. А из него вытекает, что «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата). В этом и состоит «уничтожение государства, как государства». В этом и состоит «акт» взятия во владение средств производства от имени общества. И само собою очевидно, что *такая* смена одной (буржуазной) «особой силы» другою (пролетарскою), «особою силою» никак уже не может произойти в виде «отмирания».

В-третьих. Об «отмирании» и — даже еще рельефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе *после* «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества», т.-е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой «государства» в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о «засыпании» и «отмирании» *демократии*. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но «непонятно» это только для того, кто не вдумался, что демократия есть *тоже* государство и что, следовательно, демократия *тоже* исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может «уничтожить» только революция. Государство вообще, т.-е. самая полная демократия, может только «отмереть».

В-четвертых. Выставив свое знаменитое положение: «государство отмирает», Энгельс сейчас же поясняет конкретно, что направляется это положение и против оппортунистов и против анархистов. При этом на первое место поставлен у Энгельса тот вывод из положения об «отмирании государства», который направлен против оппортунистов.

Можно биться об заклад, что из десяти тысяч человек, которые читали или слышали об «отмирании» государства, 9.990 совсем не знают или не помнят, что Энгельс направлял свои выводы из этого положения *не только* против анархистов. А из остальных 10 человек, наверное, 9 не знают, что такое «свободное народное государство» и почему в нападении на этот лозунг заключается нападение на оппортунистов. Так пишется история! Так происходит незаметная подделка великого революционного учения под господствующую обывательщину. Вывод против анархистов тысячи раз повторялся, опошлялся, вбивался в головы наиболее упрощенно, приобрел прочность предрассудка. А вывод против оппортунистов затушевывали и «забыли»!

«Свободное народное государство» было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. Никакого политического содержания, кроме мещански-напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет. Поскольку в нем легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельс готов был «на время» «оправдать» этот лозунг с агитаторской точки зрения. Но этот лозунг был оппортунистичен, ибо выражал не только подкрашивание буржуазной демократии, но и непонимание социалистической критики всякого государства вообще. Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не в праве забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике. Далее. Всякое государство есть «особая сила для подавления» угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *не* свободно и *не* народно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70 годах.

В-пятых. В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждение об отмирании государства, есть рассуждение о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. Этого «никто не помнит», о

значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют. А между тем они связаны с «отмиранием» государства неразрывно, в одно стройное целое.

Вот это рассуждение Энгельса:

«...Что насилие играет также в истории другую роль (кроме свершителя зла), именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы,— обо всем этом ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, может быть, насилие — к сожалению, извольте видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения 30-тилетней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история!» (стран. 193, по 3 нем. изд., конец 4 главы II отдела).

Как можно соединить в одном учении этот панегирик насильственной революции, настойчиво преподносимый Энгельсом немецким социал-демократам с 1878 по 1894 г.г., т.е. до самой его смерти, с теорией «отмирания» государства?

Обычно соединяют то и другое при помощи эклектицизма, безыдейного или софистического выхватывания произвольно (или для угождения власть имущим) то одного, то другого рассуждения, при чем в 99 случаях из 100, если не чаще, выдвигается на первый план именно «отмирание». Диалектика заменяется эклектицизмом: это самое обычное, самое распространенное явление в официальной социал-демократической литературе наших дней по отношению к марксизму. Такая замена, конечно,

не новость, она наблюдалась даже в истории классической греческой философии. При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и пр., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития.

Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно сменится государством пролетарским (диктатурой пролетариата) *не может* путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспеваемый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса (вспомним конец «Нищеты философии» и «Комм. м. манифеста» с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции; вспомним критику Готской программы²⁸⁸ 1875 года, почти 30 лет спустя, где Маркс беспощадно бичует оппортунизм этой программы),—этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы *в таком* и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе *всего* учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал-шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими *такой* пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. - е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе как путем «отмирания».

Подробное и конкретное развитие этих взглядов Маркс и Энгельс давали, изучая каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции. К этой безусловно самой важной, части их учения мы и переходим.

Г Л А В А II.

Государство и революция. Опыт 1848—1851 г.г.

I. Канун революции.

Первые произведения зрелого марксизма, «Нищета философии» и «Коммунистический манифест», относятся как раз к кануну революции 1848 года. В силу этого обстоятельства, наряду с изложением общих основ марксизма, мы имеем здесь до известной степени отражение тогдашней конкретной революционной ситуации, и поэтому целесообразнее будет, пожалуй, рассмотреть то, что говорится авторами этих произведений о государстве, непосредственно перед их выводами из опыта 1848—1851 годов.

«...Рабочий класс, — пишет Маркс в «Нищете философии», — поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственной политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества» (стр. 182 нем. изд., 1885 г.).

Почтительно сопоставить с этим общим изложением мысли об исчезновении государства после уничтожения классов то изложение, которое дано в написанном Марксом и Энгельсом несколько месяцев спустя, — именно, в ноябре 1847 года, — «Коммунистическом манифесте»:

«...Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»...

«...Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение» (буквально: повышение) «пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии».

«...Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь ка-

питал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.-е. организованного, как господствующий класс, пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (стр. 31 и 37 по 7-му нем. изд., 1906 г.).

Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата» (как стали говорить Маркс и Энгельс после Парижской Коммуны), а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже к числу «забытых слов» марксизма — *«государство, то-есть организованный в господствующий класс пролетариат»*.

Это определение государства не только никогда не разъяснялось в господствующей пропагандистской и агитационной литературе официальных соц.-дем. партий. Мало того, оно было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, оно бьет в лицо обычным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям на счет «мирного развития демократии».

Пролетариату нужно государство—это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «забывая» добавить, что, во-первых, по-Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, то-есть устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно «государство», «то-есть организованный в господствующий класс пролетариат».

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т.-е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т.-е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господ-

ство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации т.-е. в интересах громаднейшего большинства народа против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т.-е. помещиков и капиталистов.

Мелко-буржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменяющие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелко буржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием над-классового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, напр., история французских революций 1848 и 1871 г.г., как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX веков.

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелко-буржуазным социализмом, пыне возрожденным в России партиями эс-эров и меньшевиков. Маркс провел учение о классовой борьбе последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого готовят его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелко-буржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто еще меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к самостоятельной борьбе за свое освобождение.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т.-е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и *для руководства* громадной массой населения,—крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т.-е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, т.-е. организованный в господствующий класс пролетариат», — эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата.

Но если пролетариату нужно государство, как *особая* организация насилия *против* буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вывод, мыслимо ли создание такой организации без предварительного уничтожения, без разрушения той государственной машины, которую создала *себе* буржуазия? К этому выводу вплотную подводит «Коммунистический манифест» и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848—1851 г.г.

2. Итоги революции.

По интересующему нас вопросу о государстве Маркс подводит итоги революции 1848—1851 годов в следующем рассуждении из сочинения «18-е брюмера Луи Бонапарта»:

«...Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2-го декабря 1851 года (день совершения государственного переворота Луи Бонапартом) она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парла-

ментарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть*, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе, как единственный упрек, *чтобы сконцентрировать против нее все силы разрушения* (курсив наш). И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый кот!

«Эта исполнительная власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма,—упадке, который этот организм помогал ускорять». Первая французская революция развила централизацию, «но вместе с тем расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину». Легитимная монархия и июльская монархия «не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда»...

«...Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. *Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее*» (курсив наш). «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе» («18-е брюмера Луи Бонапарта», стр. 98—99, изд. 4, Гамбург 1907 г.).

В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Комм. манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-обязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве. И именно это основное не только совершенно *забыто* господствующими официальными соц.-дем. партиями, *но и прямо извращено* (как увидим ниже) виднейшим теоретиком II-го Интернационала К. Каутским.

В «Коммунистическом манифесте» подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазии, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государство в «организованный, как господствующий класс, пролетариат», и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно. Здесь не ставится вопрос о том, какова же должна — с точки зрения исторического развития — быть эта смена буржуазного государства пролетарским.

Именно такой вопрос Маркс ставит и решает в 1852-м году. Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции — 1848—1851. Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытоживание опыта*.

Вопрос о государстве ставится конкретно: как исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазии государственная машина? Каковы ее изменения, какова ее эволюция в ходе буржуазных революций и перед лицом самостоятельных выступлений угнетенных классов? Каковы задачи пролетариата по отношению к этой государственной машине?

Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия. О том, как тысячи нитей связывают эти учреждения именно с буржуазией, говорится неоднократно в сочинениях Маркса и Энгельса. Опыт каждого рабочего поясняет эту связь с чрезвычайной наглядностью и внушительностью. Рабочий класс на своей шкуре учится познавать эту связь, — вот почему он так легко схватывает и так твердо усваивает науку о неизбежности этой связи, — науку, которую мелко-буржуазные демократы либо невежественно и легкомысленно

то отрицают, либо еще легкомысленнее признают «вообще», забывая делать соответствующие практические выводы.

Чиновничество и постоянная армия, это—«паразит» на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздражают, но именно паразит, «затыкающий» жизненные поры. Господствующий ныне в официальной социал-демократии каутскианский оппортунизм считает взгляд на государство, как на *паразитический организм*, специальной и исключительной принадлежностью анархизма. Разумеется, это извращение марксизма чрезвычайно выгодно тем мещанам, которые довели социализм до неслыханного позора оправдания и прикрашивания империалистической войны путем применения к ней понятия «защита отечества», по все же это—безусловное извращение.

Через все буржуазные революции, которых видала Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата. В частности, именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их *над* народом. Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эс-эров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учр. Собрания», а Учредительное Собрание оттягивать помаленьку до конца войны! С дележом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного Собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого дележа и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог за полгода—27 февраля—27 августа 1917 г.—несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами.

Но чем больше происходит «переделов» чиновничьего аппарата между различными буржуазными и мелко-буржуазными партиями

(между кадетами, эс-эрами и меньшевиками, если взять русский пример), тем яснее становится угнетенным классам, и пролетариату во главе их, их непримиримая враждебность ко *всему* буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всех буржуазных партий, даже для самых демократических и «революционно-демократических» в том числе, усиливать репрессии против революционного пролетариата, укреплять аппарат репрессий, т.-е. ту же государственную машину. Такой ход событий вынуждает революцию «*концентрировать все силы разрушения*» против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее.

Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848 — 1851 годов привели к такой постановке задачи. До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году. В 1852 году с точностью естественно-исторического наблюдения можно было лишь констатировать, что пролетарская революция *подошла* к задаче «сосредоточить все силы разрушения» против государственной власти, к задаче «сломать» государственную машину.

Здесь может возникнуть вопрос, правильным ли является обобщение опыта, наблюдений и заключений Маркса, перенесение их на пределы более широкие, чем история Франции за три года, 1848 — 1851 годы? Для разбора этого вопроса напомним сначала одно замечание Энгельса, а затем перейдем к фактическим данным.

«...Франция, — писал Энгельс в предисловии к 3 изданию «18 брюмера», — Франция есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна однообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время Великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии, с такой классиче-

ской ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна» (стр. 4 в изд. 1907 г.).

Последнее замечание устарело, поскольку с 1871 года наступил перерыв в революционной борьбе французского пролетариата, хотя этот перерыв, каким бы продолжительным он ни был, не устраняет несколько возможности того, что в грядущей пролетарской революции Франция проявит себя, как классическая страна борьбы классов до решительного конца.

Но бросим общий взгляд на историю передовых стран в конце XIX и начале XX веков. Мы увидим, что медленнее, многообразнее, на гораздо более широкой арене происходил тот самый процесс, с одной стороны, выработки «парламентарной власти» как в республиканских странах (Франция, Америка, Швейцария), так и в монархических (Англия, Германия до известной степени, Италия, скандинавские страны и т. д.),—с другой стороны, борьбы за власть различных буржуазных и мелко-буржуазных партий, деливших и переделывших «добычу» чиновничьих местечек, при неизменности основ буржуазного строя,—наконец, усовершенствования и укрепления «исполнительной власти», ее чиновничьего и военного аппарата.

Нет никакого сомнения, что это—общие черты всей новейшей эволюции капиталистических государств вообще. За три года, 1848—1851, Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру.

В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах.

Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 г., к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушение» государственной машины.

Чем заменит ее пролетариат,—об этом повчительнейший материал дала Парижская Коммуна.

3. Постановка вопроса Марксом в 1852 году *).

В 1907 году Меринг опубликовал в журнале «Neue Zeit» (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Вейдемейеру от 5. III. 1852 г. В этом письме содержится, между прочим, следующее замечательное рассуждение:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства (*historische Entwicklungskämpfe der Produktion*), 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»...

В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, а буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов—значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма.

*) Добавлено ко 2-му изданию.

И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс *практически* к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все «каутскианцы» (колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались желкими филистерами и мелко-буржуазными демократами, *отрицающими* диктатуру пролетариата. Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата», вышедшая в августа 1918 г., т.-е. много спустя после первого издания настоящей книжки, есть образец мещанского искажения марксизма и подлого отречения от него *на деле*, при лицемерном признании его *на словах* (см. мою брошюру: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Петр. и Москва 1918 г.).

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, попадает целиком под приведенную характеристику *буржуазной* позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!). Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свержения* буржуазии и полного уничтожения ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по новому* диктаторским (против буржуазии).

Далее. Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*.

Г Л А В А III.

Государство и революция. Опыт Парижской Коммуны
1871 года. Анализ Маркса.

1. В чем героизм попытки коммунаров?

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870 г. Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния. Но когда в марте 1871 г. рабочим навязали решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования. Маркс не уперся на педантском осуждении «несвоевременного» движения, как печально-знаменитый русский ренегат марксизма Плеханов, в ноябре 1905 г. писавший в духе поощрения борьбы рабочих и крестьян, а после декабря 1905 г. по-либеральному кричавший: «Не надо было браться за сружие».

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадный важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому манифесту», которую счел необходимым сделать Маркс, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому немецкому изданию «Комм. манифеста», подписанное обоими его авторами, помечено 24-ым июня 1872 г. В этом предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Комм. манифеста» «теперь местами устарела».

«...В особенности, — продолжают они, — Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто владеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»...

Взяты во вторые кавычки слова этой цитаты заимствованы ее авторами из сочинения Маркса: «Гражданская война во Франции».

Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десятым, если не девяноста девяти сотым читателей «Комм. манифеста». Подробно об этом искажении мы скажем ниже, в главе, специально посвященной искажениям. Теперь достаточно будет отметить, что ходячее, вульгарное «понимание» приведенного нами знаменитого изречения Маркса состоит в том, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного развития в противоположность захвату власти и тому подобное.

На самом деле — *как раз наоборот*. Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее.

12 апреля 1871 г., т. - е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

«...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18 брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее (курсив Маркса; в оригинале стоит zerbrechen), и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в том и состоит попытка наших геройских парижских товарищей» (стр. 709 в «Neue Zeit», XX, 1, год 1901 — 1902). (Письма Маркса к Кугельману вышли по-русски не менее, как в двух изданиях; одно из них под моей редакцией и с моим предисловием).

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим каутскианским «толкованием» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-е брюмера», то мы привели выше полностью соответствующее место.

Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871 г., когда Англия была еще образом страны чисто-капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция и даже народная революция представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917 г., в эпоху первой великой империалистической войны, это ограничение Маркса отпадает, и Англия, и Америка, крупнейшие и последние во всем мире представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 г.г. до «европейского», общеимпериалистического, совершенства) «государственной машины».

Во-вторых, особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной *народной* революции». Это понятие народной революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что, кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции, для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими до-нельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его, активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 г.г., хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действи-

тельной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по своему построить новое общество, на место разрушаемого старого.

В Европе 1871 г. на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее—таков действительный интерес «народа»—большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (об них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Чем же именно?

2. Чем заменить разбитую государственную машину?

На этот вопрос в 1847-м году, в «Комм. манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» — таков был ответ «Комм. манифеста».

Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта

организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии».

Опыт Коммуны, как он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу. Приведем важнейшие места из этого сочинения:

В XIX веке развивалась происходящая от средних веков «централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судебским сословием». С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства. После каждой революции, означаящей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто-угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто». Государственная власть после революции 1848—1849 г. г. становится «национальным орудием войны капитала против труда». Вторая империя закрепляет это.

«Прямой противоположностью империи была Коммуна. Она была определенной формой» «такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»...

В чем именно состояла эта «определенная» форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

«...Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»...

Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эс-эров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования!

«...Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса»...

«...Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих полигических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время»...

«...То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устраниии постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... Они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми»...

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (=особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно*. В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это а чем более всенародным становится самое

выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня «*заработной платы рабочего*». Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом*—от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от господства, как «*особой силы*» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном—по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном—пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях—им же несть числа—об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время,—вроде того, как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн ²⁴³), не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным» демократизмом. Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры—не то, что примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у

этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость в *любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто-политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. - е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

«Коммуна—писал Маркс—сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов—армию и чиновничество».

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т. - е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может *только* пролетариат и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

3. Уничтожение парламентаризма.

«Коммуна—писал Маркс—должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы»...

«Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (*ver und zertreten*) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы поды-

скивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871 году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу «забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и «деляческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам, и на этом удивительно-разумном основании объявили *всякую* критику парламентаризма «анархизмом»! Ничего нет странного, что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба ³⁰⁾, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги ⁴³⁾, Брантипги ⁴¹⁾, Биссолати ⁴⁰⁾ и К⁰, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма.

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр. Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет на-лицо революционной ситуации,—но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте,—вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-коинституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в *этой* области, то где же выход из парламентаризма? Как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из *говорилен* в «работающие» учре-

ждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и пр.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти цели парламентаризма. Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господ «социалистические» министры науют дозрчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадрили, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к пирогу» доходных и почетных местечек побольше «эс-эров и меньшевиков», с другой стороны, чтобы занять внимание народа. А в канцеляриях, в штабах «работают» «государственную» работу!

«Дело Народа», орган правящей партии «социалистов-революционеров», недавно в редакционной передовице признался, — с бесподобной откровенностью людей из «хорошего общества», в котором «все» занимаются политической проституцией, — что даже в тех министерствах, кои принадлежат «социалистам» (извините за выражение!), даже в них весь чиновничий аппарат остается в сущности старым, функционирует по-старому, саботирует революционные начинания вполне «свободно»! Да если бы не было этого признания, разве фактическая история участия эс-эров и меньшевиков в правительстве не доказывает этого? Характерно тут только то, что, находясь в министерском обществе с кадетами, господа Черновы, Русановы, Зензиновы и прочие редакторы «Дела Народа» настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея, что «у них» в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза—для одурачения деревенских Иванушек,

а чиновничья канцелярская волокита — для «ублаговорения» капиталистов — вот вам *суть* «честной» коалиции.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма — можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих, как у меньшевиков и эс-эров, как у Шейдеманов и Легинов, Самба и Вандервельдов.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях *того* чиновничества, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т.-е. обычное капиталистическое предприятие с «работными, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не отходя к ним с педантскими «нравоучениями» (вроде плехановского: «не надо было братья за оружие» или черетелевского «класс должен самоограничиваться»).

Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтатели» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся—пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней),—вот *наша* пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка,—порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство,—такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ 70-х годов прошлого века называл *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное

по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства—и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное, как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата,—вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от протестирования этих учреждений буржуазией.

4. Организация единства нации.

«...В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»...

От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.

«...Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены,—такое утверждение было сознательным подлогом,—а должны были быть переданы коммунам, т.-е. строго ответственным чиновникам»...

«...Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации»... «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

До какой степени не поняли—может быть, вернее будет сказать: не захотели понять—оппортунисты современной социал-демократии эти рассуждения Маркса, лучше всего показывает геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Именно по поводу приведенных слов Маркса Бернштейн писал, что эта программа «по своему политическому содержанию обнаруживает во всех существенных чертах величайшее сходство с федерализмом Прудона ²⁵⁶)... При всех прочих расхождениях между Марксом и «мелким буржуа» Прудоном (Бернштейн ставит слова «мелкий буржуа» в кавычки, которые должны быть, по его мнению, ироническими) в этих пунктах ход мысли у них настолько близок, как только возможно. Конечно, продолжает Бернштейн, значение муниципалитетов растет, но «мне кажется сомнительным, чтобы первой задачей демократии было такое упразднение (Auflösung—буквально: распушение, растворение) современных государств и также полное изменение (Umwandlung—переворот) их организации, как представляют себе Маркс и Прудон—образование национального собрания из делегатов от провинциальных или областных собраний, которые, в свою очередь, составлялись бы из делегатов от коммун,—так что вся прежняя форма национальных представительств исчезла бы совершенно» (Бернштейн, «Предпосылки», стр. 134 и 136 немецкого издания 1899 года).

Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно. ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противо-

вес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины.

Оппортунисту приходит в голову только то, что он видит вокруг себя, в среде мещанской обывательщины и «реформистского» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революции пролетариата оппортунист разучился и думать.

Это смешно. Но замечательно, что в этом пункте с Бернштейном не спорили. Бернштейна многие опровергали — особенно Плеханов в русской литературе, Каутский — в европейской, но ни тот, ни другой об *этом* извращении Маркса Бернштейном не говорили.

Оппортунист настолько разучился мыслить революционно и размышлять о революции, что он приписывает «федерализм» Марксу, смешивая его с основателем анархизма Прудоном. А желающие быть ортодоксальными марксистами, отстаять учение революционного марксизма Каутский и Плеханов об этом молчат! Здесь лежит один из корней того крайнего опошления взглядов на разницу между марксизмом и анархизмом, которое свойственно и каутскианцам и оппортунистам и о котором нам еще придется говорить.

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа. Маркс сходится с Прудоном как раз в том, чего не видит оппортунист Бернштейн. Маркс расходится с Прудоном как раз в том, в чем Бернштейн видит их сходство.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным)²⁹⁹ ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелко-буржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма.

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной

собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу, — разве это не будет централизм? Разве это не будет самый последовательный демократический централизм? И притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может притти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филестеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военной силой могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита.

5. Уничтожение паразита-государства.

Мы привели уже соответствующие слова Маркса и должны дополнить их.

«...Обычной судьбой нового исторического творчества,— писал Маркс,— является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает (bricht — разбивает) современную государственную власть, была рассматриваема, как воскрешение средневековой Коммуны... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты)... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации»...

«Коммунальное устройство вернуло бы обществу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост—«государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции»...

«...Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней»...

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней» — вот в каких выражениях говорит Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, а теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести не извращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

«...Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»...

«Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом»...

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не преидеши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к не-государству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические *формы* этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1874 год: дело под-ходит к *разрушению* буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата раз-разилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и быющую в глаза слабость, стал изу-чать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна—«открытая наконец» пролетарской революцией—форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна—первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» по-литическая форма, которую можно и должно *заменить* разбитое.

Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, про-должают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

Г Л А В А IV.

Продолжение. Дополнительные пояснения Энгельса.

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны Энгельс неоднократно возвращался к этой же теме, поясняя анализ и заключение Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

1. «Жилищный вопрос».

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.) Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к государству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты

сходства пролетарского государства с теперешним государством,— черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве, а, с другой стороны, черты различия или переход к уничтожению государства:

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т.-е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших—вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно,—именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоеует политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполняема, как и прочие экспроприации и занятия квартир современным государством» (стр. 22 нем. изд. 1887 года).

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распорядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

«...Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий ста»

новится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда останется «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и проч. едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передаче ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем» (стр. 69).

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, именно: об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства.

Говоря о переходе бланкистов, после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

«...Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства»... (стр. 55).

Какие-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрят, пожалуй, противоречие между этим признанием «отмены государства» и отрицанием такой формулы, как анархистской, в приведенном выше месте «Анти-Дюринга». Было бы не удивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в «анархисты», — теперь все распространеннее становится со стороны социал-шовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об «отмирании государства» в «Анти-Дюринге» обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедают, будто возможно отменить государство «с сегодня на завтра».

Бвиду полного искажения господствующей ныне «социал-демократической» доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с анархистами.

2. Полемика с анархистами.

Эта полемика относится к 1873 году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов «автономистов» или «антиавторитаристов», в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в «Neue Zeit»³⁰⁰).

«...Если политическая борьба рабочего класса,—писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики,—принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство»... («Neue Zeit», 1913—1914, год 32, т. 1, стр. 40).

Вот против какой «отмены» государства восставал исключительно Маркс, опровергая анархистов! Совсем не против того, что государство исчезнет с исчезновением классов или будет отменено с их отменой, а против того, чтобы рабочие отказались от употребления оружия, от организованного насилия, *то-есть от государства*, долженствующего служить цели: «сломить сопротивление буржуазии».

Маркс нарочно подчеркивает — чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом — «революционную и *преходящую* форму» государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное

использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопросов против анархистов: свержая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, — что это такое, как не «переходящая форма» государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так ли* ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами. *Так ли* ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий Второго Интернационала?

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя «анти-авторитаристами», т.-е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно в открытом море, — говорит Энгельс, — разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

«...Если я выдвигаю эти аргументы, — пишет Энгельс, — против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «А! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, а об известном *поручении*». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя»..

Показав таким образом, что авторитет и автономия — понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

«...Если бы автономисты, — пишет он, — хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ни-

ми можно было бы столкнуться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет; и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против полигического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, т.-е., что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или авторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу, или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (стр. 39).

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о «политическом государстве». Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873 года против анархистов, но спорили именно *не* так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путанно и *нерволюционно*,— вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету власти, государству, видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистойшей мещанской пошлости: «Мы-де признаем государство, а анархисты нет!» Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих. Энгельс говорит иное: он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции. Он ставит затем конкретно вопрос о революции, тот именно вопрос, который обычно социал-демократы из оппортунизма обходят, оставляя его, так сказать, на исключительную «разработку» анархистам. И, ставя этот вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли Коммуне *больше* пользоваться *революционной* властью *государства*, т.-е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия от вопроса о конкретных задачах пролетариата в революции обыкновенно отделялась либо просто насмешечкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво-софистическим: «там видно будет». И анархисты получали право говорить против такой социал-демократии, что она изменяет своей задаче революционного воспитания рабочих. Энгельс использует опыт последней пролетарской революции именно для самого конкретного изучения, что и как следует делать пролетариату и по отношению к банкам, и по отношению к государству.

3. Письмо к Бебелю.

Одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю ³⁰¹⁾ ст 18—28 марта 1875 г. Письмо это,—заметим в скобках,—было

напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во втором томе его мемуаров («Из моей жизни»), вышедшем в свет в 1911 г., г.-е. 36 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, критикуя тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Бракке, и касаясь специально вопроса о государстве, следующее:

«...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле.

Народным государством» анархисты кололи нам глаза более, чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «Коммуна» (ст. 322 немецкого оригинала).

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал в письме, помеченном всего несколькими неделями позже данного письма (письмо Маркса от 5 мая 1875 г.), и что Энгельс жил тогда вместе с Марксом в Лондоне. Поэтому, говоря: «мы» в последней фразе, Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово «государство» и заменить его словом «община».

Какой бы вой об «анархизме» подняли главари нынешнего, подделанного под удобства оппортунистов «марксизма», если бы им предложили такое исправление программы!

Пусть воют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства.

«Коммуна не была уже государством в собственном смысле», — вот важнейшее теоретическое утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна *переставала* быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплоататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это — отступления от государства в собственном смысле. И если бы Коммуна упрочилась, то в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать.

«Анархисты колот нам глаза «народным государством»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку «изродное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство». Энгельс старается поправить борьбу немецких с.-д. против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет «государства». Увы! Письмо Энгельса 36 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования этого письма Каутский упорно повторяет, в сущности, те же ошибки, от которых предостерегал Энгельс.

Бebelь ответил Энгельсу письмом от 21 сент. 1875 г., в котором он писал, между прочим, что «вполне согласен» с его суждением о проекте программы и что он упрекал Либкнехта ³⁰²⁾ за уступчивость (стр. 304 нем. издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цели», то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве: «Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*» (нем. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Так напечатано в 9-ом (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от революции.

4. Критика проекта Эрфуртской программы.

Критика проекта Эрфуртской программы¹³⁵⁾, посланная Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 года и опубликованная только десять лет спустя в «Neue Zeit», не может быть обойдена при разборе учения марксизма о государстве, потому что она посвящена, главным образом, именно критике *оппортунистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устройства.

Мимоходом отметим, что по вопросам экономики Энгельс дает также одно замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел поэтому он предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистической, эпохи. Вот это указание: по поводу слова «отсутствие планомерности» (Planlosigkeit), употребленного в проекте программы для характеристики капитализма, Энгельс пишет:

«...Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» («Neue Zeit», год 20, т. 1, 1901—1902, стр. 8).

Здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т.-е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*. Последнее приходится

подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при *капитализме*, хотя и в новой его стадии, но, несомненно, при капитализме. «Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванию капитализма, чем занимаются все реформисты.

Но вернемся к вопросу о государстве. Тройкого рода особенно ценные указания дает здесь Энгельс: во-первых, по вопросу о республике; во-вторых, о связи национального вопроса с устройством государства; в-третьих, о местном самоуправлении.

Что касается республики, то Энгельс сделал из этого центр тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомним, какое значение Эрфуртская программа приобрела во всей международной социал-демократии, как она стала образцом для всего Второго Интернационала, то без преувеличения можно будет сказать, что Энгельс критикует здесь оппортунизм всего Второго Интернационала

«Политические требования проекта, — пишет Энгельс, — страдают большим недостатком. *В нем нет того* (курсив Энгельса), что собственно следовало сказать».

И дальше поясняется, что германская конституция есть собственно слепок с реакционнейшей конституции 1850 года, что рейхстаг есть лишь, как выразился Вильгельм Либкнехт, «фигурный листок абсолютизма», что на основе конституции, узаконяющей мелкие государства и союз немецких мелких государств, хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» — «очевидная бессмыслица».

«Касаться этой темы опасно», — добавляет Энгельс, прекрасно знающий, что легально выставить в программе требо-

вание республики в Германии нельзя. Но Энгельс не мирится просто-на-просто с этим очевидным соображением, которым «все» удовлетворяются. Энгельс продолжает: «но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся (einreissende) в большой части соц.-дем. печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов, или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований»...

Что германские социал-демократы действовали из боязни возобновления исключительного закона, этот основной факт Энгельс выдвигает на первый план и, не обинуясь, называет его оппортунизмом, объявляя, именно в силу отсутствия республики и свободы в Германии, совершенно бессмысленными мечты о «мирном» пути. Энгельс достаточно осторожен, чтобы не связать себе рук. Он признает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму, но в Германии, — повторяет он, —

«...в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, — в Германии провозглашать нечто подобное, и при том без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы»...

Прикрывателями абсолютизма действительно и оказались в громадном большинстве официальные вожди германской с.-д. партии, которая положила «под сукно» эти указания.

«...Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно, в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались»...

Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему, может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...

Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже Великая французская революция»...

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса,—именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, несколько не уступая господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, развращению, раскрытию и обострению этой борьбы, что раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего Второго Интернационала это—тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила история партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917 года.

По вопросу о федеративной республике в связи с национальным составом населения Энгельс писал:

«Что должно встать на место теперешней Германии?» (с ее реакционной монархической конституцией и столь же реакционным делением на мелкие государства, делением, увеличивающим особенности «пруссачества», вместо того, чтобы растворить их в Германии, как в целом). «По-моему, пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соед. Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живут четыре нации и, несмотря на единство пар-

ламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства: именно, что каждое отдельное государство, входящее в союз, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует, как таковой, независимо от того, велик ли он или мал». В Германии союзное государство есть переход к вполне-единому государству, и «революцию сверху» 1866 и 1870 годов надо не поворачивать вспять, а дополнить «движением снизу».

Энгельс не только не обнаружил равнодушия к вопросу о формах государства, а, напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является.

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос.

У Энгельса, как и у Маркса, несмотря на беспощадную критику ими реакционности мелких государств и прикрытия этой реакционности национальным вопросом в определенных конкретных случаях, нигде нет и тени стремления отмахнуться от национального вопроса, — стремления, которым часто грешат голландские и польские марксисты, исходящие из законнейшей борьбы против мелкобуржуазного национализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с

национальным вопросом отдельных мелких делений Англии. даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику.

Но централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелко-буржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса несколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно.

«...Итак, единая республика — пишет Энгельс, развивая программные взгляды марксизма на государство. — Но не в смысле теперешней французской республики, которая представляет из себя не больше, чем основанную в 1798 году империю без императора. С 1792 по 1798 годы каждый французский департамент, каждая община (*Commune*) пользовались полным самоуправлением по американскому образцу, и это должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показали и доказали нам Америка и первая Французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, напр., швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к бунду» (т. е. к федеративному государству в целом), «но независим также и по отношению к уезду (бецирку) и по отношению к общине. Кантональные правительства назначают уездных исправников (штатгальтеров) и префектов, чего совершенно нет в странах английского языка и что мы у себя в будущем так же решительно должны устранить, как и прусских ландратов и регирунгсратов» (комиссаров, исправников, губернаторов, вообще чиновников, назначаемых сверху). Энгельс предлагает соответственно этому формулировать пункт программы о самоуправлении следующим образом: «Полное самоуправление в провинции»

(губернии или области), «уезде и общине через чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством».

В закрытой правительством Керенского и других «социалистических» министров «Правде» (№ 63, от 28 мая 1917 года) мне уже случалось указывать, как в этом пункте — разумеется, далеко не в нем одном — наши якобы социалистические представители якобы революционной якобы демократии совершали вопиющие отступления *от демократизма*. Понятно, что люди, связавшие себя «коалицией» с империалистской буржуазией, оставались глухи к этим указаниям.

Крайне важно отметить, что Энгельс с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно распространенный — особенно среди мелко-буржуазной демократии — предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это — неверно. Факты, приводимые Энгельсом относительно централистической французской республики 1792 — 1798 г.г. и федералистической швейцарской, опровергают это. Свободы *больше* давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая. Или иначе: *наибольшая* местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была *централистической*, а не федеративной республикой.

На этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания.

5. Предисловие 1891 года к «Гражданской войне» Маркса.

В предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции» — это предисловие помечено 18-м марта 1891 года и первоначально было напечатано в журнале «Neue Zeit» — Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны. Эта сводка, углубленная всем опытом 20-летнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры в государство» может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу.

Во Франции, — отмечает Энгельс, — после каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разрушение рабочих. Отсюда, — после каждой завоеванной рабочими революции, — новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих»...

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела — между прочим, и по вопросу о государстве (*есть ли оружие у угнетенного класса?*) — схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелко-буржуазные демократы. В русской революции 1917 года «меньшевику», «тоже-марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исторической» речи 9-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое, и за «государственную» необходимость вообще!

Историческая речь Церетели от 9-го июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917 г. одной из нагляднейших иллюстраций того, как предводимый г-ном Церетели ²⁴⁾ блок эс-эров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто и *для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки оппортунизма в своей партии и который выражался поэтому наиболее осторожно:

«Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия

отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок».

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству» умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить невероисповедное состояние, по отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглуляющего народ.

Будущий историк германской социал-демократии, прослеживая корни его позорного краха в 1914 году, найдет немало интересного материала по этому вопросу, начиная от уклончивых, открывающих настежь дверь оппортунизму заявлений в статьях идейного вождя партии, Каутского, и кончая отношением партии к «*Los von-Kirche Bewegung*» (движению к отделению от церкви) в 1913 году.

Но перейдем к тому, как Энгельс 20 лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

«...Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, — именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а, с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время»...

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но и в *демократической республике* государство остается государством, т. - е. сохраняет свою основную отличительную черту: превращать должностных лиц в «слуг общества», органы его— в *господ* над ним.

«...Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности,—по управлению, по суду, по народному просвещению,—лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выбранных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалование, которое вообще платила Коммуна, было 6.000 франков *).

Таким образом была создана падежная помеха погопе за местечками и карьеризму, даже независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того»...

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе не могло служить мостиком для перепрыгивания на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, напр., иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме пз-

*) Номинально это дает около 2.450 ру., а по теперешнему курсу около 6.000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, напр., в городских думах жалованье по 9.000 руб., не предлагая ввести для всего государства максимум 6.000 руб.,—сумма достаточная ³⁰⁶).

лишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалование чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это—софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии *до конца*, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д.—все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизма никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

Энгельс продолжает:

«...Этот взрыв (Sprengung) старой государственной власти и ее замена повою, поистине демократическою, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство Божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству,—суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т-е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно сильный шаг вперед, если они отделяются от веры в последственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же, государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем

в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности».

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь, как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей «коалиционной» практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания: 1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике «ничуть не меньше», чем при монархии, государство остается «машиной для угнетения одного класса другим», то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как «учат» иные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая форма классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности,—этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

6. Энгельс о преодолении демократии.

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания («Internationals aus dem Volksstaat»),—предисловии, помеченном 3 января 1894 года, т.е. написанном за 1½ года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово «коммунист», а не «социал-демократ», ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассальянцы в Германии.

«...Для Маркса и для меня,—продолжает Энгельс,—было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь

растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово («социал-демократ») может, пожалуй, сойти («*mag passieren*»), хотя оно и остается неточным (*unpassend*, неподходящим) для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической,—для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а, следовательно, также и демократии. Названия *действительных* (курсив Энгельса) политических партий, однако, никогда вполне не соответствуют им; партия развивается, название остается».

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике.— У нас с Марксом,—говорит он,—было прекрасное, научно-точное название партии, но не было действительной, т.-е. массовой, пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь бы партия *развивалась*, лишь бы научная истинность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-Энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того чисто случайного обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство ³⁰³... Может быть, теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно почетным, когда они ознаменовали, кроме того, столь громадный исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может быть, и я поколебался бы в своем апрельском предложении изменить название нашей партии. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово большевики...

По вопросу о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечаем мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывая, что уничтожение государства есть уничтожение

также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятым; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т.е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другой.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения*.

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных, общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности»,—всякой государственности, в том числе и демократически - республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

Г Л А В А V.

Экономические основы отмирания государства.

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы»²⁹⁸) (письмом к Бракке³⁰⁴) от 5 мая 1875 г., напечатанное только в 1891 г. в «Neue Zeit», IX, 1, и вышед-

шее по-русски отдельным изданием). Полемиическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. Постановка вопроса Марксом.

При поверхностном сравнении письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово государство из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем, Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества», т. е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы к корню неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем³⁰⁵) в немалой степени) предрасудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма, и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс, прежде всего, отмечает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

«...Современное общество, — пишет он, — есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В Пруско-Германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соедин. Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество).

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения»...

Высмеивая таким образом все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научно данными.

Первое, что установлен вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще,—и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции,—это то обстоятельство, что исторически несомненно должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. Переход от капитализма к коммунизму.

«...Между капиталистическим и коммунистическим обществом,—продолжает Маркс,—лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*».

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что «Коммунистический манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии». На основании всего изложенного выше, можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда

остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии с.-д.—из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных—из 15 миллионов ³⁰⁶!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых,—вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических преюнах праву собрания (общественные здания не для «нищих»), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы, и так далее, и так далее,—мы увидим ограничения, да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими,—особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково $\frac{9}{10}$, если не $\frac{99}{100}$ буржуазных публицистов и политиков), но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: «угнетенным раз

в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их!

Но от этой капиталистической демократии, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой, — развитие вперед нейдет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелко-буржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т.-е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, — нет свободы нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства».

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т.-е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т.-е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), — *только* тогда «исчезает государство и *можно говорить о свободе*». Только тогда возможно и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического

рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса, и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, на-ряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов, — дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных

рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплоататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народ без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *отмирать*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. Первая фаза коммунистического общества.

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства и возмещение «снощенных» машин и т. п., а затем из предме-

тов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассалья («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

«Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло».

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. Поэтому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«Равное право, — говорит Маркс, — мы здесь действительно имеем, но это *еще* «буржуазное право», которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нару-

шение равенства и несправедливость». В самом деле, каждый получает, отработав равную с другими долю общественного труда, — равную долю общественного производства (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

«...При равном труде, — заключает Маркс, — следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получает на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным».

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и пр. в частную собственность. Развивая мелко-буржуазно-неясную фразу Лассалья о «равенстве» и «справедливости» *вообще* Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган ³⁰⁷), постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество г.г. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

«...Но эти недостатки, — продолжает Маркс, — неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталисти-

ческого общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества».

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* — и лишь *постольку* — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть», — этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток, — говорит Маркс, — но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И *постольку* остается еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освещающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. Высшая фаза коммунистического общества.

Маркс продолжает:

«...На высшей фазе коммунистического общества после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противополож-

ность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой техники, мы в праве с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», — этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по

потребностям», т.-е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут тратиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяется и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и *со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде г.г. Церетели, Черновых и К^о) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов Рабочих и Солдатских Депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним г.г. Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» который никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой, или низшей, и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кропоткиных³⁰⁸), Грива³⁰⁹), Корнелиссена³¹⁰) и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих, сохранивших честь и совесть анархистов Гэ)³¹¹).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, поскольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм, как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле, остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу: и в природе, и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное равенство*. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т.-е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.-е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, — мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз-на-всегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это — с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного

права всех на определение устройства государства и управления им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все», *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д., и т. п.

При таких экономических предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно-образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим).

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для налаживания, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному чело-

веку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок *).

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и *для дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом,—с этого момента начинает исчезать необходимость во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова, тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма»,—тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практи-

*) Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету, контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (см. выше, гл. IV, § 2, о полмике Энгельса с алархистами).

ческой жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настезь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

Г Л А В А VI.

Опошление марксизма оппортунистами.

Вопрос об отношении государства к социальной революции и социальной революции к государству занимал виднейших теоретиков и публицистов II-го Интернационала (1889 — 1919) очень мало, как и вообще вопрос о революции. Но самое характерное в том процессе постепенного роста оппортунизма, который привел к краху II-го Интернационала в 1914 году, — это то, даже когда вплотную подходили к этому вопросу, его *старались обойти*, или его не замечали.

В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, проистекло *извращение* марксизма и полное опошление его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратце, этот печальный процесс, возьмем виднейших теоретиков марксизма, Плеханова и Каутского.

1. Poleмика Плеханова с анархистами.

Плеханов посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру — «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще! В его брошюре выделяются две части: одна — историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера³¹²), Прудона и пр.; другая часть — филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита.

Сочетание тем презабавнее и прехарактернее для всей деятельности Плеханова во время кануна революции и в течение революционного периода в России: Плеханов так и показал себя в 1905 — 1917 годах — полудоктринером, полуфилистером, в политике шедшим в хвосте у буржуазии.

Мы видели, как Маркс и Энгельс, полемизируя с анархистами, выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству. Энгельс, издавая в 1891 г. «Критику Готской программы» Маркса, писал, что «мы (т.-е. Энгельс и Маркс) находились тогда в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами — после гаагского конгресса ³¹³⁾ (первого) Интернационала едва прошло два года».

Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, при чем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину и *чем* заменить ее, анархизм не дал.

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма да и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса *не* ставились вовсе. Это *уже* есть победа оппортунизма.

2. Полемика Каутского с оппортунистами.

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Не даром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во главе их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скалился Каутский к невероятно-позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно тот факт, что перед своим выступлением против виднейших представителей оппортунизма во Франции (Мильеран ³¹⁴) и Жорес ³¹⁵) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская «Заря» ³¹⁶), выходящая в 1901—1902 г.г. в Штуттгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года. В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаруживавшие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способа трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и соц.-демократическ. программа». Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно.

Бернштейн в своих геростратовски-знаменитых «Предпосылках социализма» обвиняет марксизм в «бланкизме» ³⁰) (обвинение, с тех пор тысячу раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, большевиков). При этом Бернштейн останавливается специально на марксовой «Гражданской войне во Франции» и пытается — как мы видели, весьма неудачно — отождествить точку зрения Маркса на уроки Коммуны с точкой зрения Прудона. Особенное внимание Бернштейна вызывает то заключение Маркса, которое этот последний подчеркнул в предисловии 1872 года к «Коммунистическому манифесту» и которое гласит: «рабочий класс не может просто взять в руки готовую государственную машину и пустить ее в ход для своих собственных целей».

Бернштейну так «понравилось» это изречение, что он не меньше трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (Sprengung — взрыв, выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ей, и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 года выдвигал задачу пролетарской революции «разбить» государственную машину, об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры, — писал Каутский *«против»* Бернштейна, — мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (стр. 173 нем. издан.).

Это не полемика *против* Бернштейна, а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 г. по 1891 год, в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 г., перед лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, проделывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания, и спасается под сень «беспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!

Между Марксом и Каутским — пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это — его брошюра о «Социальной революции». Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о «пролетарской революции» и о «пролетарском режиме». Автор дал очень много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел*. В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т.-е. выбрана такая формулировка, которая делает уступку оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти *без* разрушения государственной машины. Как раз то, что Маркс в 1872 году объявил «устарелым» в программе «Коммунистического манифеста», *возрождается* Каутским в 1902 году.

В брошюре посвящен специальный параграф «формам и орудию социальной революции». Здесь говорится и о массовой политической стачке, и о гражданской войне, и о таких «орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия», но о том, чему уже научила рабочих Коммуна, — ни звука. Очевидно, Энгельс не даром предостерегал, особенно немецких социалистов, против «суеверного почтения» к государству.

Каутский излагает дело так: победивший пролетариат «осуществит демократическую программу» и излагает параграфы ее. О том, что нового дал 1871 год по вопросу о замене пролетарской демократией демократии буржуазной, — ни звука. Каутский отделяется такими «солидно» звучащими банальностями:

«Очевидно само собой, что мы не достигнем господства при теперешних порядках. Революция сама предполагает продолжительную и глубоко-захватывающую борьбу, которая успеет уже изменить нашу теперешнюю политическую и социальную структуру».

Несомненно, что это «очевидно само собой», как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутый фразы о «глубоко захватывающей» борьбе *обходится* насущный для революционного пролетариата вопрос о том, *в чем же* выражается «глубина» *его* революции по отношению к государству, но отношению к демократии, в отличие от прежних, не пролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский *на деле* по этому существеннейшему пункту делает уступку оппортунизму, объявляя грозную

на словах войну ему, подчеркивая значение «идеи революции» (много ли стоит эта «идея»; если бояться пропагандировать рабочим конкретные идеи революции?) или говоря: «революционный идеализм прежде всего», или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь «едва ли многим больше, чем мелких буржуа».

«В социалистическом обществе,—пишет Каутский,—могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (??), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»...

«Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократической (??) организации,—таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах» (стр. 148 и 115 русского перевода, женевское издание 1903 года).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической» организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупно-капиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют *нечто вроде парламента*».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как вообразает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе «нечто вроде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, устанавливать распорядок

и наблюдать за управлением «аппарата», но аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать «бюрократом».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их».

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (*не для народа*) с бюрократизмом (*против народа*), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре «Путь к власти» (кажется, не изданной по-русски, ибо она вышла в разгар реакции у нас, в 1909 году) ³¹⁷). Эта брошюра есть большой шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 года против Бернштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре «Социальная революция» 1902 года, а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что «эра революции» *наступает*.

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После «революционного периода 1789 — 1871 г.г.» для Западной Европы начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. «Пролетариат не может уже больше говорить о преждевременной революции». «Мы вступили в революционный период». «Революционная эра начинается».

Эти заявления совершенно ясны. Эта брошюра Каутского должна служить мерилom для сравнения того, чем *обещала быть* германская социал-демократия перед империалистической войной и как низко она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. «Теперьшняя ситуация, — писал Каутский в рассматриваемой брошюре, — ведет за собой ту опасность, что нас (т.е. германскую социал-демократию) легко принять за более умеренных, чем мы есть на деле». Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась!

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революции, он и в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о *«политической революции»*, опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все же-таки иду назад против того, что говорил Маркс уже 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор полемике с Паннекуком.

3. Полемика Каутского с Паннекуком.

Паннекук ⁶⁸⁾ выступил против Каутского, как один из представителей того «лево-радикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург ⁶⁴⁾, Карла Радека ⁷³⁾ и др. и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксистским), или «каутскианства», вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: «Массовые действия и революция» («Neue Zeit», 1912, XXX, 2) Паннекук оха-

рактизовал позицию Каутского, как позицию «пассивного радикализма», «теорию бездеятельного ожидания». «Каутский не хочет видеть процесса революции» (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах пролетарской революции по отношению к государству.

«Борьба пролетариата, — писал он, — есть не просто борьба против буржуазии *из-за* государственной власти, а борьба *против* государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их (буквально: распушение, *Auflösung*) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства» (стр. 548).

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, *как* опровергал ее Каутский.

«До сих пор, — писал он, — противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые — ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (стр. 724)

Если у Паннекука изложение страдает неотчетливостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела, и *по коренному принципиальному* вопросу Каутский, целиком покинув позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анархистами определено у него совершенно неверно, марксизм искажен и опошлен окончательно.

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что: 1) Первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. 2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государствен-

ной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и как он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. 3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменив его новым.

Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппортунистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования «завоевания» как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает, как начетчик: он двигает «цитату» из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости «решительной централизации силы в руках государственной власти». И Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить «централизм»?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отягчение мерксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

«Цитата» взята Каутским ни к селу, ни к городу. Централизм возможен и со старой и с новой государственной машиной. Если рабочие добровольно объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покоиться на «полном разрушении» государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, обходя прекрасно известные рассуждения Маркса и Энгельса о Коммуне и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

«...Может быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников? — продолжает Каутский. — Но мы не обходимся без чиновников и в партийной и профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом...

«Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в «будущем государстве», а о том, уничтожает ли

(буквально: распускает, auflöst) наша политическая борьба государственную власть *прежде, чем мы ее завоевали* (Курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками могло бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. «Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст «государству будущего» победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция» (стр. 725).

Это — явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно о *революции*. Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об «оппозиции», Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает...* Это как раз то, что и требовалось оппортунистам.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции*. Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «суеверное почтение» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью), или она *разрушается* и заменяется *новой*. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи новой машины, — эту *основную* мысль марксизма Каутский смазывает, или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. «Мы не обходимся без чиновников в партийной и в профессиональной организации»...

Мы не обходимся без чиновников при *капитализме*, при *государстве буржуазии*. Пролетариат угнетен, трудящиеся массы поработаны капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.-е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспропрированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и не верно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений «работающими, т.-е. издающими законы и проводящими их в жизнь».

В сущности, вся аргументация Каутского против Ианнекужа и особенно великолепный довод Каутского, что мы и в профессиональных и в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским старых «доводов» Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге «Предпосылки социализма» Бернштейн воюет против идей «примитивной» демократии, против того, что он называет «доктринерским демократизмом», — императивные мандаты, не получающие вознаграждения должностные лица, бессильное центральное представительство и т. д. В доказательство несостоятельности «примитивного» демократизма, Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вэбб³¹⁸). За 70, дескать, лет своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы «в полной свободе» (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развивались не «в полной свободе», а в *полном капиталистическом рабстве* при котором, разумеется,

«не обойтись» без ряда уступок царящему злу, насилию, неправде, исключение бедноты из дел «высшего» управления. При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимается до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении*. При социализме *все* будут управлять поочереды и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот *перелом*, которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превращений вообще. «Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, — где же нам обойтись без министерств и чиновников?» — рассуждает оппортунист, насквозь пропитанный филистерством и, в сущности, не только не верящий в революцию, в творчество революции, но смертельно боящийся ее (как боятся ее наши меньшевики и эс-эры).

«Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем и как* заменять разрушаемое», — рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за господами Кропоткиными и К^о, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину, вот так-то проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *замечание* практически-насуточных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, по-

ставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

«...Задача массовой стачки, — продолжает Каутский, — никогда не может состоять в том, чтобы *разрушить* государственную власть, а только в том, чтобы привести правительство к уступчивости в каком-либо определенном вопросе или заменить *правительство*, враждебное пролетариату, правительством, идущим ему навстречу (*entgegen kommende*). ...Но никогда и ни при каких условиях это (т.е. победа пролетариата над враждебным правительством) не может вести к *разрушению* государственной власти, а только к известной *передвижке* (*Verschiebung*) отношений сил *внутри государственной власти*... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращения парламента в господина над правительством» (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше «правительства, идущего навстречу пролетариату», — шаг назад к филистерству по сравнению с 1847 годом, когда «Коммунистический манифест» провозгласил «организацию пролетариата в господствующий класс».

Каутскому придется осуществлять излюбленное им «единство» с Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, «идущее навстречу пролетариату».

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализма и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины так, чтобы сам вооруженный пролетариат *был правительством*. Это — «две большие разницы».

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за «передвижку отношений силы внутри государственной власти», за «приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством», — благороднейшая цель, в которой все приемлемо для оппортунистов, все остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдем на раскол с оппортунистами; и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за «передвижку отношений силы», а за *свержение буржуазии*, за *разрушение бур-*

жуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов рабочих и солдатских депутатов, за революционную диктатуру пролетариата.

* * *

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как «Социалистический Ежемесячник» в Германии (Легин, Давид, Кольб и мн. другие, включая скандинавов Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельде во Франции и Бельгии, Турати ⁵⁴⁾, Тревес ⁵⁵⁾ и другие представители правого крыла итальянской партии, фабианцы и «независимцы» («независимая рабочая партия», на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии, и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто, преобладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ «диктатура» пролетариата «противоречит» демократии!! Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелко-буржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы в праве сделать вывод, что Второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества, — массам внушалось обратное, и «завоевание власти» представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не сыграть громадной роли тогда, когда государства, с усиленным, вследствие империалистического соревнования, военным аппаратом, превратились в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор: Англия или Германия, тому или другому финансовому капиталу господствовать над миром.

К о н е ц I в ы п у с к а .

ПОСЛЕСЛОВИЕ К 1-му ИЗДАНИЮ.

Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященной «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать.

Автор.

Петроград.

30 ноября 1917 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 2-му ИЗДАНИЮ.

Настоящее, 2-е, издание печатается почти без перемен. Добавлен только параграф 3-й к главе II-й.

Автор.

Москва,

17 декабря 1918 года.

Написано в августе — сентябре 1917 г.

Издано отдельной брошюрой в ноябре 1917 г.,

за подписью Н. Ленин (В. Ильин).

ДОПОЛНЕНИЯ К I ч. XIV т

Материалы, которыми редакция не располагала в момент издания 1-й части XIV тома.

Письме от 30 марта 1917 г. ³¹⁹).

30—III—1917. Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издательству «Колокола» ³²⁰), я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона ¹²) и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда. Ясно, что злейшего врага, хуже английских империалистов, русская *пролетарская* революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист *Милоков и К^о* способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милокову и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму. Единственная, единственная без преувеличения, надежда для нас попасть в Россию, это послать как можно скорее *надежного* человека в Россию, чтобы путем давления «Совета Рабочих Депутатов» *добиться* от правительства *обмена* всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Действовать надо архи-энергично, каждый шаг протоколируя, не жалея денег на телеграммы, собирая документы против Милокова и К^о, способных затягивать дело, кормить обещаниями, надувать и т. д. Вы можете представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время.

Далее. Посылка надежного человека в Россию *еще нужнее* по принципиальным соображениям. Последние известия заграничных газет все яснее указывают, что правительство, при пря-

мой помощи Керенского и благодаря непростительным (выражаясь мягко) колебаниям Чхеидзе, надувает (и безуспешно надувает) рабочих, выдавая «империлистскую» войну за «оборонительную». В телеграмме СПб. Тел. Агентства от 30—III—1917 г., Чхеидзе вполне дал себя обмануть этому лозунгу, принятому — если верить этому источнику, конечно, вообще не надежному — и Советом Раб. Депутатов. Во всяком случае, если даже это известие неверно, все же опасность подобного рода обмана, несомненно, *громдна*. Все усилия партии должны быть направлены на борьбу с ними. Наша партия опозорила себя бы навсегда, политически убила бы себя, если бы пошла на такой обман. Судя по одному сообщению, Муранов ³²¹⁾ *вместе со Скобелевым* вернулся из Кронштадта. Если Муранов ездил туда по *поручению* Временного Правительства Гучковых-Милюковых, я очень прошу Вас передать (через надежного человека) и напечатать, что я *осуждаю это безусловно*, что всякое сближение с колеблющимися в сторону социал-патриотизма и стоящими на глубоко ошибочной, глубоко вредной, социал-нацифистской каутскианской позиции Чхеидзе и К^о, по моему глубочайшему убеждению, *вредно* для рабочего класса, *опасно* и *недопустимо*.

Я надеюсь, Вы получили мои «письма издалека» №№ 1 — 4 ¹⁾, где я развил теоретические и политические основы этих взглядов. Если эти письма пропали или не дошли до Питера, прошу телеграфировать мне, и я вышлю копии.

Нет сомнения, что в Питерском Совете Раб. и Солд. Депутатов многочисленны и даже, повидимому, преобладают: 1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии, проводящего империализм, т.-е. защиту и оправдание грабительской, завоевательной *со стороны России* войны под прикрытием моря звонких фраз и пустых посулов; 2) сторонники Чхеидзе, колеблющегося безбожно в сторону социал-патриотизма и разделяющего всю пошлость, всю нелепость каутскианства. С обоями течениями наша партия обязана бороться самым ушорным, самым настойчивым, самым беспощадным образом. И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступлю социал-патриотизму Керенского и К^о или социал-патриотизму и каутскианству Чхеидзе и К^о.

Во что бы то ни стало я должен требовать переиздания в Питере — хотя бы под заглавием «Из истории последних лет

царизма» здешнего «С.-Д.», брошюры Ленина и Зиновьева о войне и социализме, «Коммуниста» и «сборника С.-Д.». А больше всего и прежде всего тезисов из № 47 «С.-Д.» (от 13—X—1915 года) ³²²). Эти тезисы теперь архи-верны.

Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за 1½ года до революции.

Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией.

Война не перестала быть империалистской со стороны России, не может перестать, пока (1) у власти помещики и капиталисты, представители класса буржуазии; (2) пока у власти такие прямые агенты и слуги этой буржуазии, как Керенский и другие социал-патриоты; (3) пока договоры царизма с англо-французскими империалистами остаются в силе (правительство Гучкова—Милюкова прямо заявило за границей, не знаю, сделало ли оно это в России,—что оно верно этим договорам). Договоры эти грабительские, о захвате Галиции, Армении, Константинополя и т. д. и т. д.; (4) пока эти договоры не опубликованы и не отменены; (5) пока не порван весь вообще союз России с англо-французскими, буржуазными, империалистскими правительствами; (6) пока госуд. власть в России не перешла от империалистской буржуазии (простые обещания и «пацифистские» заявления, сколь бы ни верили им глупенькие Каутский, Чхеидзе и К^о, не превращают буржуазию в не-буржуазию) в руки пролетариата, который один способен при условии поддержки его беднейшей частью крестьянства, порвать не на словах, а на деле с интересами капитала, с империалистской политикой, порвать с грабежами других стран, освободить угнетенные великороссами народы полностью, вывести войска из Австрии и Галиции тотчас и т. д.; (7) один пролетариат способен, если он избавится от влияния своей национальной буржуазии, внушить истинное доверие пролетариям всех воюющих стран и с ними вступить в переговоры о мире; (8) эти пролетарские условия мира, изложенные точно и ясно и в № 47 «С.-Д.» и у меня в письме № 4.

Отсюда ясно, что лозунг: мы защищаем теперь республику в России, мы ведем теперь «оборонительную войну», мы будем воевать с Вильгельмом, мы воюем за свержение Вильгельма» есть величайший обман, величайшее надувательство рабочих. Ибо Гучков—Львов—Милюков и К^о суть помещики и капиталисты,

представители класса помещиков и капиталистов, империалисты, воюющие за те же грабительские цели, на основе тех же грабительских договоров царизма, в союзе с той же империалистской, грабительской буржуазией Англии, Франции и Италии.

Призыв немцам со стороны буржуазной и империалистской республики в России: «свергните Вильгельма» есть повторение лживого лозунга французских социал-шовинистов, изменников социализма, Жюля Гедда, Самба и К^о.

Надо очень популярно, очень ясно, без ученых слов излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это—во-первых. А второе и главное — свергать надо буржуазное правительство и начать с России, ибо иначе мира нельзя получить. Возможно, что правительство Гучкова—Милокова мы не можем сейчас же «свергнуть». Пусть так. Но это не довод за то, чтобы говорить неправду. Говорить рабочим надо правду. Надо говорить, что правительство Гучкова—Милокова и К^о есть империалистское правительство, что рабочие и крестьяне должны сначала (теперь ли или после выборов в Учред. Собрание, если с ними не надуют народа, не оттянут выборы до после войны, вопрос о моменте отсюда решать нельзя), сначала должны передать всю государственную власть в руки рабочего класса, врага капитала, врага империалистской войны, и лишь тогда они вправе звать к свержению всех королей и всех буржуазных правительств.

Ради бога постарайтесь доставить все это в Питер и в «Правду» и Муранову, и Каменеву и др. Ради бога приложите все усилия, чтобы с надежным человеком послать это. Лучше всего было бы, если бы поехал надежный, умный парень, вроде Кобы ³²³) (он оказал бы важную услугу всему всемирному рабочему движению) и помог бы питерским нашим друзьям... Надеюсь, Вы сделаете это. Сделайте все возможное.

Условия в Питере архитрудные. Патриоты республиканцы напрыгают все усилия. Нашу партию хотят залить помоями и грязью («дело» Черномазова ³²⁴)—посылаю о нем документы) и т. д. и т. д. Доверять ни Чхеидзе и К^о, ни Суханову, ни Стеклову ^{24а}) и пр. нельзя. Никакого сближения с другими партиями, ни с кем. Ни тени доверия и поддержки правительству Гучкова—Мил. и К^о. Непримируемая пропаганда интернационализма и борьба с республиканским шовинизмом всюду и в прессе, и внутри Сов. Раб. Депутатов; организация *нашей* партии—в этом суть. Каменев должен

понять, что на него ложится *всемирно* историческая ответственность.

На сношения Питера с Стокгольмом ³²⁵⁾ не жалейте денег.

Очень прошу, дор. тов., телеграфировать мне во всех отношениях.

Надеюсь, помогут в этом и шведские друзья. Крепко жму руку.

Из архива Ц. К. Р. К. П.

Ваш Ленин.

Прощальное письмо к швейцарским рабочим ³²⁶⁾.

Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию, для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы члены Р. С.-Д. Р. П., объединенной Центральным Комитетом, в отличие от другой *партии*, носящей то же самое название, но объединенной «Организационным Комитетом», шлем вам братский привет и выражения глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если *открытые* социал-патриоты и оппортунисты, швейцарские грютльянцы, перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди *открыто* приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение,—если *прикрытые* социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в *прикрытой* форме такую же политику,—то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистической точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны в выступлениях по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые в числе едва ли большем, чем 10—15 человек, были членами швейцарской рабочей партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного и социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения

«Циммервальдской левой»⁶¹⁾, решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого «центра», к которому принадлежит Р. Гримм⁵⁷⁾, Ф. Шнейдер, Я. Шмид и др. в Швейцарии, Каутский⁴⁵⁾, Гаазе⁴⁶⁾, «Арbeitsgemeinschaft» в Германии, Лонге⁴⁸⁾, Прессман⁴⁹⁾ и др. во Франции, Сноуден⁵⁰⁾, Рамсэй Макдональд⁵²⁾ и др. в Англии, Турати⁵⁴⁾, Тревес⁵⁵⁾ и их друзья в Италии, названная выше партия «Организационного Комитета» (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными с.-д. Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Фрейе-Югенд», которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне,—которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Тóсс резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу,—которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на немецком и французском языке «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников продолжения Россией *империалистской* войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободой.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете «Социал-Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 окт. 1915 г.³²²⁾. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется *республиканское* правительство, желающее продолжать *империалистскую* войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем *против* «защиты отечества» в *такой* войне.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России ³²⁷) и в котором главнейшие решающие посты принадлежат *монархистам* Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть рабочих посредством лозунга «немцы должны свергнуть Вильгельма» (правильно, но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и др.—своих королей, а русские—своих монархистов Львова и Гучкова?). Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр. и которые *подтверждены правительством Гучкова—Миллюкова—Керенского*—выдать за «оборонительную» (т.-е. справедливую, законную, даже с точки зрения пролетариата) свою *империалистскую* войну с Германией—выдать за «защиту» республики (которой в России *еще* нет и которую Львовы и Гучковы даже и не *пообещали* еще учредить), защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и пр.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде Плеханова, Засулич ⁹⁴), Потресова и т. д.) и партией «центра», партией «Организационного Комитета» ¹¹), партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения, на почве лозунга: «пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной»,—если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы *раньше* всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова—Миллюкова. Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно гучковское правительство *вело уже* переговоры о восстановлении монархии в России. *Только* вооружение и организация пролетариата способны помешать *Гучкову и К^о восстановить* монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России и *всей Европы* способен избавить человечество от ужасов империалистской войны.

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистическим авангардом про-

летариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В № 47 «Социал-Демократа» мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти *тотчас*? Мы ответили: 1) мы немедленно предложили бы мир *всем* воюющим народам; 2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении *всех* колоний и *всех* угнетенных и неполноправных народов; 3) мы немедленно начали бы и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; 4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы *неприемлемы* не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и не только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную борьбу против немецкой—и не одной только немецкой—буржуазии. Мы повели бы ее. Мы не пацифисты. Мы противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые *могут* оказаться необходимыми в *интересах социализма*.

Задача, которую мы обрисовали в № 47 «Соц.-Дем.», гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а *объективные условия*, созданные империалистской войной, завели *все* человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру, или передать власть *во всех* цивилизованных станах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порожденных империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России, *на известное, быть может, очень короткое время*, застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия—крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней не может победить *тогда* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 г. и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи мы будем бороться впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса *может* довести неизбежный и назревший аграрный переворот до *конфискации* и всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда и его выставили теперь в Петерб. и Ц. К. нашей партии, и газета нашей партии «Правда».

За *этот* лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельскохо-зяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшими крестьянами и *зажиточными* крестьянами, которых усилила столыпинская (1907—1914, аграрная «реформа»³⁴). Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата в первой Думе (1906) и во второй (1907) выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе отнюдь не был бы еще социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позицию социалистического переворота в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революц. организации, как «Советы раб. деп.», заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести—под давлением невыносимо тяжелой импер. войны и ее последствий—ряд революционных мер для *контроля* за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами *победоносно завершить* социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле *начнет* ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского социал. пролетариата.

Пусть малoverы предаются отчаянию по поводу временной победы в европ. социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К^о в Германии, Самба, Гед, Рендель и К^о во Франции, фабианцы и «лабуристы»^{40а}) в Англии. Мы твердо убеждены, что эту *взявшую пелю* на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже *кипит* настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского «затишья» 1871—1914 г.г. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Лепины, Давиды и К^о и не такие колеблющиеся, придавленные рутинной «мирного» периода политики, как Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало группу «Спартакуса»⁶²), которое вело пропаганду в бременской «Арbeiterполитик»⁷³).

Объективные условия империалистской войны служат порукою в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 г. лозунг «превращения империалистской войны в гражданскую войну», угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием с.-д. «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского и англо-французского социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, г. Плеханов назвал его «грезофарсом» (Mittelding zwischen Traum und Komödie). А представители

«центра» отделялись молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой «прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве».

Теперь после марта 1917 г. только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в гражданскую *становится* фактом.

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей членов Р. С.-Д. Р. Партии (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля н. ст. 1917 г.

Н. Ленин.

Из архива Ц. К. Р. К. П.

Предисловие к книге „Империализм, как новейший этап капитализма“.

Предлагаемая вниманию читателя брошюра написана мною весною в 1915 г. в Цюрихе. В тамошних условиях работы мне приходилось естественно терпеть известный недостаток во французской и английской литературе и очень большой недостаток—литературе русской. Но все же главный английский труд об империализме, книгу Дж. А. Гобсона, я использовал с тем вниманием, которого этот труд по моему убеждению заслуживает.

Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим—экономическим в особенности—анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским—проклятым эзоповским—языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции, о том, что социал-шовинизм (социализм на словах, шовинизм на деле) есть полная измена социализма, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма.

и т. п.—мне приходилось говорить «рабым» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом к выходящему вскоре переизданию моих зарубежных статей 1914—1917 г.г. ³²⁸). Особенно стоит отметить одно место на стр. 119—120, чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты (с коими так непоследовательно борется Каутский) по вопросу об аннексии, как бесстыдно они прикрывают аннексии своих капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии. Внимательный читатель легко подставит вместо Японии—Россию, а вместо Кореи—Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и проч. невеликороссами заселенные области.

Я бы хотел надеяться, что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма.

*Написано 26 апреля 1917 г.
Напечатано в книге „Империализм, как новейший этап капитализма“. Петербург 1917 г.*

РЕЧИ НА ВСЕРОССИЙСКОЙ
АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

•

24—29 апреля 1917 г
Петербурга.

Речи на Всероссийской апрельской конференции Р. С.-Д. Р. П. 1917 г. ³²⁹).

Приветственная речь.

(Заседание 24 апреля.)

Товарищи, наша конференция собирается, как первая конференция пролетарской партии, в условиях не только российской, но и нарастающей международной революции. Приходит время, когда повсеместно оправдывается утверждение основателей научного социализма, единогласно предвиденное также социалистами, собравшимися на Базельском конгрессе, что всемирная война ведет неизбежно к революции.

В XIX веке, наблюдая пролетарское движение разных стран и рассматривая возможные перспективы социальной революции, Маркс и Энгельс говорили неоднократно, что роли этих стран будут распределены в общем пропорционально, сообразно национально историческим особенностям каждой из них. Эту свою мысль они выражали, если ее кратко формулировать, так: французский рабочий начнет, немецкий доделает.

На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения, которое, например, в Германии, нарастает изо дня в день все сильнее и сильнее. Только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи.

Доклад о текущем моменте.

Товарищи, мне приходится по вопросу о текущем моменте, об его оценке, захватить чрезвычайно широкую тему, которая, насколько я могу судить, распадается на три части: 1) оценка собственно политического положения у нас в России,—отношение

к правительству и создавшемуся двоевластию; 2) отношение к войне, и 3) создавшаяся международная обстановка рабочего движения, поставившая его, (если говорить о мировом масштабе) непосредственно перед социалистической революцией.

Я думаю, что мне придется на некоторых пунктах остановиться только кратко, с другой стороны я имею представить вам проект резолюции по всем этим вопросам, но с оговоркой, что ввиду крайнего недостатка сил у нас, а также ввиду того политического кризиса, который создан здесь, в Петербурге, мы не могли не только обсудить резолюцию, но даже и сообщить ее своевременно на места. Таким образом, я повторяю, что это только предварительные проекты, облегчающие работу в комиссии и позволяющие сосредоточить ее на некоторых наиболее существенных вопросах.

Я начинаю с первого вопроса. Если я не ошибаюсь, московская конференция приняла ту же резолюцию, что и петербургская общегородская. (*С мест: с поправками*). Я не видал этих поправок и не могу судить. Но так как петербургская резолюция была напечатана в «Солдатской Правде»³⁵⁰, то, если не будет возражений, я могу считать, что она всем известна. Эту резолюцию я вношу, как проект, на настоящую всероссийскую конференцию.

Большинство других партий мелко-буржуазного блока, царящего в Петербургском Совете, представляет нашу политику, в отличие от своей, как политику скоропалительных шагов. Наша политика отличается тем, что мы требуем прежде всего точной классовой характеристики происходящего. Основной грех мелко-буржуазного блока состоит в том, что он фразой заслоняет от народа правду о классовом характере правительства.

Разногласия с резолюцией москвичей, поскольку можно судить из одного текста резолюции, едва ли существенны, но общую характеристику правительства, как контр-революционного, я бы считал неправильной. Если говорить вообще, то надо выяснить, о какой революции мы говорим. С точки зрения буржуазной революции, этого сказать нельзя, так как она уже окончилась. С точки зрения пролетарско-крестьянской — говорить это преждевременно, так как нельзя быть уверенным, что крестьяне пойдут непременно дальше буржуазии, и выражать свою уверенность в крестьянстве, в особенности теперь, когда оно повернуло к империализму и к оборончеству, т.-е. к поддержке войны, по моему, неосновательно. А сейчас оно вошло с кадетами в целый

ряд соглашений. Поэтому я считаю этот пункт резолюции т.т. москвичей политически неправильным. Мы хотим, чтобы крестьянство пошло дальше буржуазии, чтобы оно взяло землю у помещиков, но сейчас еще об его будущем поведении ничего сказать определенно нельзя.

Мы тщательно избегаем слов «революционная демократия». Когда речь идет о нападении правительства, тогда можно говорить об этом, но здесь эта фраза прикрывает максимальный обман, потому что разделить классы, которые в этом хаосе слились, очень трудно. Наша задача — освободить тех, которые плетутся в хвосте. Для нас Советы важны не как форма, нам важно, какие классы эти Советы представляют. Поэтому необходима длительная работа по прояснению пролетарского сознания...

(Читает текст резолюции).

Здесь гвоздь нашей политики. Мелкая буржуазия вся сейчас колеблется и прикрывает свое колебание фразой о революционной демократии. Мы должны противопоставить этим колебаниям пролетарскую линию. Сорвать ее преждевременным выступлением желают контр-революционеры. Нашими задачами являются увеличение числа Советов, укрепление их сил, сплочение внутри нашей партии.

Москвичи в 3-м пункте прибавляют контроль за правительством. Представлен этот контроль Чхеидзе, Стекловым, Церетели и другими руководителями мелко-буржуазного блока. Контроль без власти есть пустейшая фраза. Как я буду контролировать Англию? Для того, чтобы ее контролировать, надо захватить ее флот. Я понимаю, что неразвитая масса рабочих и солдат может наивно и бессознательно верить в контроль, но достаточно подумать об основных моментах, чтобы понять, что эта вера — отступление от основных принципов классовой борьбы.

Что такое контроль? Если я напишу бумажку или резолюцию, то они напишут контр-резолюцию. Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть. Если это не понятно широкой массе мелко-буржуазного блока, надо иметь терпение разъяснить ей это, но ни в коем случае не говорить ей неправду. А если я заслоню это основное условие контролем, я говорю неправду и играю в руку капиталистам и империалистам.

«Пожалуйста, ты меня контролируй, а я буду иметь пушки. Будь сыт контролем», говорят они. Они знают, что отказать народу сейчас нельзя. — Без власти контроль — мелко-буржуазная

фрза, тормозящая ход и развитие русской революции. Вот, поэтому, я возражаю против третьего пункта товарищей москвичей.

Что касается этого своеобразного переплета двух властей, когда Временное Правительство, не имея в своих руках власти, пушек, солдат, вооруженной массы людей, опирается на Советы, которые, полагаясь пока на обещания, ведут политику поддержки этих обещаний, то, если вы хотите участвовать в этой игре, вас постигнет крах. Наша задача — не принимать участия в этой игре, мы будем продолжать работу разъяснения пролетариату всей несостоятельности этой политики, и каждый шаг действительной жизни покажет, насколько мы правы. Мы сейчас в меньшинстве, массы нам пока не верят. Мы сумеем ждать: они будут переходить на нашу сторону и, учитывая соотношение сил, мы тогда скажем: наше время пришло.

Теперь я перехожу к вопросу о войне, который практически нас объединил, когда мы выступили против займа, отношение к которому показало сразу воочию, как делятся политические силы. Как написала «Речь», все, кроме «Единства», колеблется, вся мелко-буржуазная масса — за заем с оговоркой. Капиталисты делают кислую мину, с улыбкой кладут резолюцию в карман и говорят: «Вы можете говорить, а действовать все-таки будем мы». Во всем мире все те, которые голосуют сейчас за заем, называются социал-шовинистами.

Я перейду прямо к чтению резолюции о войне. Она делится на три части: 1) характеристика войны с точки зрения ее классового значения, 2) революционное оборончество масс, чего нет ни в одной стране, и 3) как кончить войну.

Многим, в том числе и мне лично, приходилось выступать, особенно перед солдатами, и я думаю, что если разъяснять все с классовой точки зрения, то для них всего более неясно в нашей позиции, как именно мы хотим кончить войну, как мы считаем возможным ее кончить. В широких массах есть тьма недоразумений, полного непонимания нашей позиции, поэтому мы должны здесь быть наиболее популярными.

Вторая половина этой части резолюции говорит об обещаниях, которые правительство дает. Быть может, для марксиста эта часть была бы излишней, но для масс это важно. Поэтому надо добавить, почему мы этим обещаниям не верим, почему мы не должны доверять правительству. Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от империа-

листической политики. Наша линия должна заключаться не в указании на то, что мы от правительства требуем опубликования договоров. Это было бы иллюзией. Требовать этого от правительства капиталистов, это все равно, если бы мы потребовали раскрытия торговых мошенничеств. Если мы говорим, что надо отказаться от аннексий и контрибуций, надо указать, как это сделать; и если нас спросят, кто это сделает, мы скажем, что это шаг по существу дела революционный; такой шаг должен сделать только революционный пролетариат. Иначе это будут лишь пустые обещания, пожелания, которыми капиталисты ведут на поводу народ.

Часть мелкой буржуазии заинтересована в этой политике капиталистов, — здесь сомневаться не приходится, и поэтому непозволительно пролетарской партии возлагать *теперь* надежды на общность интересов с крестьянством. Мы боремся за то, чтобы крестьянство перешло на нашу сторону, но оно стоит, до известной степени сознательно, на стороне капиталистов.

Нет никакого сомнения, что пролетариат и полупролетариат не заинтересованы в войне, как классы. Они идут под влиянием традиций и обмана: у них нет еще политического опыта. Отсюда наша задача — длительное разъяснение. Мы не делаем им ни малейших принципиальных уступок, по к ним мы не можем подходить, как к социал-шовинистам. Эти элементы населения никогда социалистическими не были, никакого понятия о социализме не имеют, они только просыпаются к политической жизни. Их сознание растет и ширится с необыкновенной быстротой. К ним надо уметь подойти с разъяснением, и это является самой трудной задачей, в особенности для партий, которая еще вчера находилась в подполье.

У некоторых является мысль, не отреклись ли мы от себя: мы пропагандировали превращение империалистической войны в гражданскую, а теперь мы говорим против нас самих. Но в России первая гражданская война кончилась, мы переходим теперь ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом. В этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне прежде, чем люди поняли ее необходимость, тогда мы, несомненно, впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но

только тогда, когда она ведется сознательным классом. Можно свергать того, кто известен народу, как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилем сейчас берут, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя: это бессмыслица. Надо уметь стоять на точке зрения марксизма, который говорит, что это превращение империалистической войны в гражданскую строится на объективных условиях, а не на субъективных. Мы пока отказываемся от этого лозунга, по только пока. Оружие сейчас у солдат и рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войны, мы проповедуем мирно

Правительству выгодно было, чтобы первый неосторожный шаг к выступлению был выдвинут нами. Они сегодня испытывают чувство озлобления, потому что наша партия дала лозунг мирной манифестации. Мелкой буржуазии, которая сейчас выжидает, мы не должны сдать ни одной иоты из своих принципов. Нет более опасной ошибки для пролетарской партии, как строить свою тактику на субъективных желаниях там, где нужна организованность. Говорить, что за нас большинство — нельзя; в данном случае нужно недоверие, недоверие и недоверие. Базировать на этом пролетарскую тактику, значит ее убить.

Третий пункт касается вопроса, как кончить войну. Точка зрения марксистов известна, но трудность в том, как ее передать массам в наиболее ясной форме. Мы не пацифисты и не можем отрешиться от революционной войны. Чем последняя отличается от войны капиталистической? Прежде всего тем, какой класс в ней заинтересован и какую политику заинтересованный класс ведет в этой войне. Выступая перед массами, надо давать им конкретные ответы. Итак, первый вопрос, как отличить войну революционную от войны капиталистической. Массовики не понимают, в чем тут разница, что здесь речь идет о различии классов. Мы должны не только теоретически говорить, но мы должны практически показать, что мы тогда поведем войну действительно революционную, когда власть будет у пролетариата. Мне кажется, что такая постановка вопроса дает ответ более наглядный на вопрос о том, какая эта война, и кто ее ведет.

В «Правде» напечатан проект воззвания к солдатам всех воюющих стран. Мы имеем сведения о том, что на фронте происходит братание, но оно еще полустихийно. Чего недостает в братании, — это ясной политической мысли. Солдаты инстинктивно почувство-

вали, что надо действовать снизу, их классовый инстинкт революционно настроенных людей подсказал им, что только здесь настоящий путь. Но этого недостаточно для революции. Мы хотим дать ясный, политический ответ. Для того, чтобы война могла быть окончена, власть должна перейти в руки революционного класса. Я бы предложил от имени конференции составить обращение к солдатам всех воюющих стран и напечатать это воззвание на всех языках. Если мы вместо всех этих ходячих фраз о мирных конференциях, на которых половина входящих членов суть тайные или прямые агенты империалистических правительств, разошлем это воззвание, то это в тысячу раз быстрее приведет нас к цели, чем все мирные конференции. Мы не хотим иметь дело с немецкими Плехановыми. Когда мы ехали в вагоне по Германии, господа социал-шовинисты, немецкие Плехановы, лезли к нам в вагон, но мы им ответили, что ни один социалист из них к нам не войдет, а если войдут, то без большого скандала мы их не выпустим. Если бы к нам впустили, например, Карла Либкнехта, то мы бы с ним поговорили. Когда мы выпустим воззвание к трудящимся всех стран и в нем дадим наш ответ на вопрос о том, как кончить войну, и когда солдаты прочтут наш ответ, дающий политический выход из войны, тогда братание гигантски шагнет вперед. Это необходимо для того, чтобы братание поднялось со ступени инстинктивного ужаса перед войной и перешло в ясное политическое сознание того, как из этой войны выйти.

Переходя к оценке текущего момента с точки зрения положения международного рабочего движения и состояния международного капитализма с точки зрения марксизма, нелепо останавливаться на положении одной только страны, говоря об империализме, тогда, как капиталистические страны так тесно связаны друг с другом. Теперь же во время войны эта связь неизмеримо сильнее. В один кровавый комок спутано все человечество и выхода из него поодиночке быть не может. Если есть страны более и менее развитые, то настоящая война их всех связала такими нитями между собой, что выход отсюда одной только страны представляется невозможным и нелепым.

Мы все согласны, что власть должна быть в руках Советов раб. и солд. деп. Но что они могут и должны сделать, если власть перейдет к ним, т.-е. будет находиться у пролетариев и полупролетариев? Получается сложное и трудное положение.

Если мы говорим о переходе власти, то тут появляется опасность, и в прежние революции игравшая большую роль, а именно: революционный класс берет в свои руки государственную власть и не знает, что с ней делать. Примеры революций, которые на этом терпели свой крах, в истории имеются. Советы раб. и солд. деп., которые всю Россию покрывают теперь своей сетью, стоят сейчас в центре всей революции; однако, они, мне кажется, недостаточно нами поняты и изучены. Если они возьмут в свои руки власть, это уже не будет государство в обычном смысле слова. Такой государственной власти, долго державшейся, никогда в мире не бывало, но к ней подходило все рабочее движение мира. Это будет именно государство типа Парижской Коммуны. Такая власть является диктатурой, т.-е. опирается не на закон, не на формальную волю большинства, а прямо непосредственно на насилие. Насилие — орудие силы.

Каким же образом Советы станут применять эту власть? Вернутся ли они к старому управлению через полицию, будут ли вести управление посредством старых органов власти? По-моему, они этого сделать не могут, и во всяком случае перед ними стоит непосредственная задача устройства государства не буржуазного. Я употребил сравнение этого государства с Парижской Коммуной в том смысле, что та разбила старые органы управления и заменила совершенно новыми, прямыми непосредственными органами рабочих. Меня обвиняют в том, что я употребил в настоящий момент слово, наиболее пугающее капиталистов, так как они стали комментировать его, как желание непосредственного введения социализма. Но я его употребил лишь в смысле замены старых органов новыми, пролетарскими. Маркс говорил, что в этом величайший шаг вперед всего мирового пролетарского движения.

Вопрос о социальных задачах пролетариата имеет для нас громадное практическое значение, с одной стороны, потому, что мы связаны сейчас со всеми другими странами и вырваться из этого клубка нельзя. Либо пролетариат вырвется весь в целом, либо его задуют; с другой стороны, Советы раб. и солд. деп. есть факт. Нет сомнений ни для кого, что они, покрывая всю Россию, являются властью и другой власти быть не может. Если же это так, то мы должны ясно представить себе, как они эту власть могут употребить. Говорят, что власть эта такая, как во Франции и в Америке, но ничего подобного там нет, — такой непосредственной власти там не существует.

Резолюция о текущем моменте распадается на три части. В первой—характеризуется объективное положение, созданное империалистической войной: в какое положение попал всемирный капитализм; во второй—условия международного пролетарского движения и в третьей—задачи русского рабочего класса при переходе власти в его руки. В первой части я формулирую тот вывод, что во время войны капитализм развился еще больше, чем до войны. Он уже взял в свои руки целые области производства. Еще в 1891 году, 27 лет тому назад, когда немцы приняли свою эрфуртскую программу, Энгельс говорил, что нельзя по-прежнему толковать капитализм, как отсутствие планомерности. Это устарело; если есть тресты, то отсутствия планомерности уже нет. В особенности в XX-м веке развитие капитализма гигантскими шагами пошло вперед, а война сделала то, что не было сделано за 25 лет. Огосударствление промышленности шагнуло не только в Германии, но и в Англии. От монополии вообще перешли к государственной монополии. Объективное положение дел показало, что война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению. Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее. Таким образом социалистическая революция придвинута ходом войны.

Англия до войны была страной максимальной свободы, на что указывают всегда политики типа кадетской партии. Свобода была потому, что там не было революционного движения. Война все сразу переделала. Страна, в которой десятилетиями не запомнят такого примера, чтобы покушались на свободу социалистической печати, сразу перешла к чисто царистской цензуре, тюрьмы переполнились социалистами. Капиталисты там веками научились управлять народом без насилия. Если же они прибегнули к насилию, значит они почувствовали, что революционное движение растет, что иначе поступить нельзя. Когда мы указывали, что Либкнехт представляет массу, хотя он один, и против него 100 немецких Плехановых, нам говорили, что это утопия, иллюзия. Между тем, кто хоть раз бывал за границей на собраниях рабочих, тот видел, что сочувствие масс к Либкнехту есть несомненный факт. Самые ярые противники его должны были хитрить перед массой, если не притворяться сторонниками, то во всяком случае никто не смел выступать против него. Теперь же дело пошло еще дальше. Теперь мы имеем дело с массовыми

стачками и имеем братание на фронте. В этом отношении пускаться в предсказания было бы величайшей ошибкой, но ясно, что сочувствие к Интернационалу возрастает. Начинается революционное брожение в немецкой армии, это факт, показывающий, что революция там созревает.

Теперь, каковы же задачи революционного пролетариата? Главный недостаток и главная ошибка всех рассуждений социалистов в том, что вопрос ставится слишком обще — переход к социализму. Между тем, надо говорить о конкретных шагах и мерах. Одни из них назрели, другие еще нет. Сейчас мы переживаем переходный момент. Мы явно выдвинули формы, которые не походят на формы буржуазных государств. С. Р. и С. Д. — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Это факт решающий: русская революция создала Советы. Ни в одной буржуазной стране мира таких государственных учреждений нет и быть не может, ни одна социалистическая революция не может оперировать ни с какой властью, кроме этой. Советы должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Тогда для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно сделать. Страх есть главный враг в этом отношении. Массам необходимо проповедывать, что эти шаги надо делать сейчас, иначе власть С. Р. и С. Д. будет бессмысленна и ничего не даст народу.

Я пытаюсь дать ответ на вопрос, какие конкретные шаги мы можем народу предлагать, не становясь в противоречие с марксистскими убеждениями.

Для чего мы хотим, чтобы власть перешла в руки Советов р. и с. деп.?

Первой мерой, которую Советы должны осуществить, является национализация земли. О ней говорят все народы. Говорят, что эта мера — самая утопическая, и, однако, все приходят к ней, именно потому, что русское землевладение так запутано, что иного выхода, кроме того, чтобы всю землю разгородить и превратить ее в государственную собственность, нет. Надо отменить частную собственность на землю. Это та задача, которая перед нами стоит, потому что большинство народа за это. Для этого

нам нужны Советы. Эту меру провести со старым государственным чиновничеством невозможно.

Вторая мера. Мы не можем стоять за то, чтобы социализм «вводить»,— это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедывать. Большинство населения в России— крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать. Но что они могут сказать против того, чтобы в каждой деревне был банк, который дал бы им возможность улучшить хозяйство.

Против этого они ничего сказать не могут.

Мы должны эти практические меры крестьянам пропагандировать и укреплять сознание их необходимости.

Другое дело синдикат сахарозаводчиков. Здесь наше предложение должно быть непосредственно практическим: вот эти уже созревшие синдикаты должны быть переданы в собственность государства. Если Советы хотят брать власть, то только для таких целей. Больше ее не для чего им брать. Вопрос стоит так: либо дальнейшее развитие этих Советов, либо они умрут бесславной смертью, как было в Парижскую Коммуну. Если нужна буржуазная республика, то это могут сделать и кадеты.

Я кончу ссылкой на одну речь, которая произвела на меня наибольшее впечатление. Углекоп произнес замечательную речь, в которой он не употребил ни одного книжного слова, рассказывая, как они делали революцию. У них вопрос стоял не о том, будет ли президент или нет, но его интересовала— они взяли копи— охрана канатов для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания.

Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная. Вот это настоящее завоевание власти на месте!

Буржуазия нигде так не оформилась, как в Питере. Капиталисты здесь держат в своих руках власть, а на местах крестьяне, не задаваясь никакими социалистическими планами, предпринимают чисто практические меры. Я думаю, что эта программа революционного движения одна верно указывает на настоящий путь революции. Мы за то, чтобы к этим мерам приступили с величайшей осмотрительностью и осторожностью. Только в эту сторону надо смотреть вперед, иначе выхода нет. Иначе Советы раб. и солд. деп. будут разогнаны и умрут бесславной смертью, а, если власть будет действительно в руках революционного пролетариата, то толь-

ко для того, чтобы идти вперед. Идти же вперед—значит предпринимать конкретные шаги. Если мы уверены, что революция войду задушит, и если рабочие всех стран ее поддержат, то взятие власти—единственная мера, единственный выход.

Заключительное слово по прениям о текущем моменте.

Тов. Каменев ³²⁾ ловко сел на конька об авантюризме. Необходимо остановиться на этом. Каменев убежден и утверждает, что, говоря против лозунга «долой Временное Правительство», мы проявили колебания. Я согласен с ним: колебания от линии революционной политики, конечно, были, и этих колебаний надо избегать. Я думаю, что наши разногласия с Каменевым не очень велики, потому что, соглашаясь с нами, он становится на другую позицию.

В чем состоял наш авантюризм? Это была попытка прибегнуть к насильственным мерам. Мы не знали, сильно ли масса в этот тревожный момент колебнулась в нашу сторону, а вопрос стал бы другим, если б она колебнулась сильно. Мы дали лозунг мирных демонстраций, а некоторые товарищи из петербургского комитета дали лозунг иной, который мы аннулировали, но задержать не успели, масса пошла за лозунгом П. К.

Мы говорим, что лозунг «долой Временное Правительство»—авантюристский, что свергать сегодня правительство нельзя, поэтому мы дали лозунг мирных демонстраций. Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения, а П. К. взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление. Организационный аппарат оказался не крепок: не все проводят наши постановления. Вместе с правильным лозунгом «да здравствуют Советы» был дан неправильный: «долой Временное Правительство». В момент действия брать «чуточку полевее» было неуместно. Мы рассматриваем это, как величайшее преступление, как дезорганизацию. Мы не остались бы ни минуты в Ц. К., если б сознательно допустили этот шаг. Произошло это из-за несовершенства организационного аппарата. Да, у нас в организации были недостатки. Поставлен вопрос об улучшении организации.

Меньшевики и К^о тремлют сл во авантюризм, но вот у них-то действительно не было ни организации, ни линии. У нас же есть организация и есть линия.

В тот момент буржуазия мобилизовала все силы, центр прятался, а мы организовали мирную демонстрацию. Политическая линия была только у нас. Были ошибки? Да, были. Не ошибается только тот, кто не действует. А организоваться хорошо — это трудное дело.

Теперь насчет контроля. Мы с тов. Каменевым идем вместе, кроме вопроса о контроле. Он видит в нем политический акт. Но он субъективно понимает это слово лучше, чем Чхеидзе и др. Мы на контроль не пойдем. Нам говорят: вы себя изолировали, вы наговорили страшных слов о коммунизме, напугали буржуа до родимчика... Пусть!! Но не это вас изолировало. Нас изолировал вопрос о займе, вот что привело нас к изоляции. Вот в каком вопросе мы оказались в меньшинстве. Да, мы в меньшинстве. Ну, что ж! В это время угара шовинизма быть социалистом, — значит быть в меньшинстве, а быть в большинстве — значит быть шовинистом. Сейчас крестьянин с Милоковым вместе займом бьет социализм. Крестьянин идет за Милоковым и Гучковым. Это факт. Буржуазно-демократическая диктатура крестьянства — это старая формула.

Чтоб толкать крестьянство на революцию, надо отделить пролетариат, выделить пролетарскую партию, ибо крестьянство шовинистично. Привлекать мужика сейчас — значит, сдать на милость Милокова.

Временное Правительство свергнуть надо, но не сейчас и не обычным путем. Мы согласны с Каменевым. Но надо разъяснить. Вот на это слово уселся Каменев. Тем не менее это единственное, что мы можем делать.

Рыков ³³¹) говорит, что социализм должен прийти из других стран, с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм. Маркс сказал, что Франция начнет, а немец доделает, а вот русский пролетариат добился больше, чем кто-либо...

Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата» — ну это был бы скачок через мелкую буржуазию. Но мы говорим: «помогай революции через Совет р. и с. деп.»! Сбиваться на реформизм нельзя. Мы ведем борьбу не с тем, чтобы быть побежденными, а чтоб выйти победителями, в крайнем случае рассчитываем на успех частичный. Если мы потерпим поражение, то достигнем частичного успеха. Это будут реформы. Реформы — это вспомогательное средство для классовой борьбы.

Далее Рыков говорит, что переходного периода между капитализмом и социализмом нет. Это не так. Это разрыв с марксизмом.

Линия, намеченная нами, верна, и в будущем мы будем все меры принимать, чтоб достигнуть такой организации, чтоб не было пекистов ³³²), которые не слушают Ц. К. Мы растем, как полагается это настоящей партии.

Речь о проекте созыва международной социалистической конференции в Стокгольме.

(Заседание 25 апреля.)

Я не могу согласиться с тов. Ногиным ³³³). Я думаю, что мы имеем здесь политический акт необыкновенной важности, который нас обязывает начать энергичную кампанию против русских и англо-французских шовинистов, принявших предложение этого Боргбьерга ³³⁴) участвовать в конференции. Не надо забывать сути и подкладки всей этой истории. Я вам прочту точно сообщенное в «Рабочей Газете» предложение Боргбьерга и отмечу, что за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма. Германские капиталисты через посредство германских социал-шовинистов предлагают социал-шовинистам всех стран съехаться на конференцию. Вот почему надо развернуть большую кампанию.

Почему они это делают через социалистов? Потому, что они хотят надуть рабочую массу. Господа дипломаты — люди тонкие: прямо сказать этой вещи нельзя, а надо подослать датского Плеханова. Мы видали за границей сотни раз германских социал-шовинистов, надо их разоблачать.

Тут не может быть и тени сомнения, что это предложение именованного правительства, которое не делает таких шагов прямо и которому нужны услуги датских Плехановых, потому что на такие услуги немецкие агенты не годятся. На то на свете социал-шовинисты, чтобы они брали на себя такие задачи. Наша задача эту подоплеку, которую они скрывают, разоблачить перед всем миром от имени 70.000 рабочих пролетарской партии, собравшейся на конференцию. Необходимо напечатать подробную резолюцию, перевести ее на иностранные языки и дать достойный ответ, чтобы эти господа не смели соваться в социалистическую партию.
(*Читает проект резолюции.*)

Социалистические газеты молчат сегодня утром. Они прекрасно знают, где зарыта собака. Они знают, что молчание — золото. Только «Раб. Газ.» помещает статью без всякой оценки: с одной стороны, нельзя сознаться, а, с другой стороны, надо признаться...

Русское правительство, как никто, может не сомневаться в том, что это, действительно, агент немецкого правительства.

Если нам все время кричат об освобождении Эльзас-Лотарингии, то этим господам надо напомнить, что здесь речь идет просто о кармане, ибо там имеются громадные богатства, а немецкие капиталисты дерутся с французскими из-за того, кто больше награбит. Им выгодно, когда Плехановы кричат, что это святое дело — освободить Эльзас-Лотарингию. Когда немецкие социал-шовинисты говорят, поэтому, о мирном исправлении границ Эльзас-Лотарингии, читай: мирный дележ награбленной добычи между французскими и немецкими империалистами.

Я должен еще добавить: я забыл указать на тот факт, что немецкие представители «центра» — Каутский, Гаазе⁴⁶⁾, Ледебур⁴⁷⁾ — пошли на эту конференцию. Это факт, чрезвычайно позорный для них. Английские и французские социалисты на эту конференцию не идут. Это указывает на то, что англо-французские шовинисты, являющиеся якобы социалистами, на деле — буржуазные агенты, потому что они способствуют продолжению империалистической войны, несмотря на те громадные усилия, которые делает через посредство Боргбьерга немецкое социалистическое большинство, потому что, несомненно, германское правительство через Боргбьерга говорит: «Положение таково, что я должен отдать вам вашу добычу (немецкие колонии в Африке)». Это подтверждается тем, что состояние Германии самое отчаянное, вести теперь эту войну — дело безнадежное, страна накануне гибели. Вот почему они говорят, что они готовы отдать почти всю добычу, ибо они все-таки стремятся при этом урвать кое-что. Дипломаты великолепно сносятся друг с другом, а буржуазные газеты, когда они пишут об иностранных делах, фразами одурачивают народ. Несомненно, что когда английские и французские социал-шовинисты сказали, что они не идут на конференцию, они все знали; они пошли в свое министерство иностранных дел и им там сказали: «Вот вам подоплека, — и мы не хотим, чтобы вы туда шли». Так, и только так обстояло дело.

Посмотрим, если русские солдаты получают эту резолюцию, — а это, мне казалось бы, нужно сделать от имени 70.000 членов

нашей партии,—тогда они, действительно, начнут понимать всю штуку, которую от них скрывали. Они поймут тогда, что вести дальше завоевательную войну Германия не может, и что речь идет только о том, чтобы задушить и дограть Германию. Отрицать то, что Боргбьерг — агент немецкого правительства, нельзя.

Вот почему, товарищи, я думаю, что нам эту комедию социалистического съезда надо разоблачать. Все эти съезды не что иное, как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной масс. Надо раз-на-всегда сказать правду так, чтобы ее услышали на фронте солдаты и рабочие всех стран. Наша кампания по поводу таких предложений будет, с одной стороны разъяснением нашей пролетарской линии, а с другой, таким массовым выступлением, каких еще не было. Вот почему я вас просил бы, по возможности принять этот манифест, доставить в исполнительный комитет петерб. Совета, перевести на иностранные языки и завтра напечатать в «Правде».

Речь о резолюции о войне.

(Заседание 27 апреля.)

Товарищи, первоначальный проект резолюции о войне я читал на общегородской конференции. В силу кризиса, который занял в Петербурге внимание и силы всех товарищей, нам не удалось исправить этот проект. Но вчера и сегодня комиссия работала успешно, и он подвергся изменениям, сильно сократился и, по нашему мнению, улучшился.

Я хочу сказать пару слов о построении этой резолюции. Она разделена на три части: первая часть посвящена классовому анализу войны с добавлением, в виде нашего принципиального отношения, почему партия предостерегает массы от какого-либо доверия правительственным обещаниям и какой бы то ни было поддержки Временному Правительству. Вторая часть резолюции посвящена вопросу о революционном оборончестве, как о необычайно широком массовом течении, которое сплотило сейчас против нас огромное большинство народа. Задача заключается в том, как определить классовое значение этого революционного оборончества, в чем его сущность, каково реальное соотношение сил и как нам бороться с этим течением. Третья часть резолюции касается вопроса, как окончить войну. На этот практический вопрос, имеющий наибольшую важность для партии, необходимо

было ответить подробно, и мы считаем, что нам удалось дать удовлетворительный ответ. В ряде статей «Правды» и провинциальных газет (которые доходят до нас крайне неаккуратно: почта не работает, и надо пользоваться оказиями, чтобы брать местные листки для Ц. К.), где было большое число статей о войне, отрицательное отношение партии к войне и к вопросу о займе достаточно выяснилось. Я думаю, что голосование конференции против займа решило вопрос об отрицательном отношении к революционному оборончеству. Остановливаться подробнее на резолюции мне не представляется возможным.

(Читает резолюцию).

«Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война капиталистическая, т.е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д.».

Наше основное и первое положение есть вопрос о содержании войны, вопрос общего и политического характера, вопрос спорный, который капиталисты и социал-шовинисты старательно обходят. Поэтому мы его должны поставить на первом месте и сделать добавление:

«Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции, ее дальнейшему развитию. Переход государственной власти в России к Временному Правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России».

Эта вот, прочитанная мною сейчас, фраза имеет для нас большое значение во всей пропаганде и агитации. Изменился ли теперь и может ли измениться классовый характер войны? Наш ответ основывается на том, что власть перешла в руки помещиков и капиталистов, тех же классов, которые эту войну подготовили. Дальше мы переходим к одному из фактов, показывающих наиболее наглядно характер войны. Одно дело—классовый характер, выражающийся во всей политике, которую определенные классы вели в течение десятилетий, а другое дело—наглядный классовый характер войны.

«Этот факт особенно наглядно обнаружился в том, что новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных бывшим царем Николаем II с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило, без опроса народа, эти тайные договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д. Сокрытием этих договоров русский народ вводится в обман относительно истинного характера войны».

Итак, я еще раз подчеркиваю, что мы указываем особенно наглядное подтверждение характера войны. Даже если бы совсем не было договоров, характер войны несколько не изменился бы, потому что соглашение между группами капиталистов может быть достигнуто очень часто без всяких договоров. Но они существуют, значение их особенно наглядно, и мы, для объединения работы агитаторов и пропагандистов, считаем этот факт особенно необходимым подчеркнуть и решили этот пункт выделить. Внимание народа устремлено на этот факт, и оно должно быть устремлено, тем более, что договоры эти заключены у нас царем, который свергнут, так что внимание народа должно быть остановлено на том, что войну ведут правительства по договорам, заключенным старыми правительствами. Я думаю, что здесь вскрываются в наиболее выпуклой форме противоречия между интересами капиталистов и волею народа, и задача агитаторов, вскрывая эти противоречия, направлять на них внимание народа, стараться прояснять сознание масс, обращаясь к их классовому сознанию. Содержание же договоров таково, что не может быть сомнения относительно того, что они обещают громадные барыши капиталистам путем ограбления других стран, поскольку эти договоры остаются всегда во всех странах тайными. Нет ни одной республики на свете, которая внешнюю политику вела бы открыто. Пока существует капиталистический строй, нельзя ждать, чтобы капиталисты открыли свои торговые книжки. Раз есть частная собственность на средства производства, то она включает частную собственность на акции и на финансовые операции. Главная основа теперешней дипломатии, это и есть финансовые операции, сводящиеся к ограблению и удушению слабых народностей. Вот с нашей точки зрения те основные положения, из которых вытекает вся оценка войны. Из них мы делаем вывод:

«Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов,

не разрывая совершенно с интернационализмом, т.-е. братской солидарностью рабочих всех стран против ига капитала».

Это наш главный, основной вывод, определяющий всю нашу тактику и отделяющий нас от всех других партий, какими бы социалистическими они себя ни называли. Этим положением, которое для всех нас бесспорно, предрешен вопрос о нашем отношении ко всем другим политическим партиям. Дальше идет речь о том, что наше правительство особенно широко поставило вопрос об обещаниях. Около этих обещаний идет длительная кампания Советов, запутавшихся в этих обещаниях и испытывающих народ. Поэтому мы считаем необходимым к чисто объективному анализу классового положения прибавить оценку обещаний, которые, конечно, для марксиста сами по себе никакого значения не имеют. Но для широких масс это много значит, а для политики — еще больше. Петербургский Совет запутался в этих обещаниях и придает им вес, авансируя свою поддержку. Вот почему мы прибавляем к этому пункту следующую формулировку:

«Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т.-е. от завоевания чужих стран, или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей».

Так как слово «аннексия» — иностранное, то мы даем ему точное политическое определение, которого ни партия к.-д., ни партия мелко-буржуазных демократов (народников и меньшевиков) не могут дать. Нет слов, которые употреблялись бы столь бессмысленно и неоправданно.

«Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банковского капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибылей на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д.; во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9-го апреля 1917 года в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18 апреля и разъяснением ее 22 апреля оно подтвердило захватный характер своей политики.

«Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т.-е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решать вопрос, желают ли они быть

независимыми государствами или входить в состав какого угодно государства».

Указать это мы признали необходимым, потому что вопрос о мире без аннексий является основным вопросом во всех этих дискуссиях об условиях мира. Все партии признают, что мир станет альтернативой и что мир с аннексиями явится неслыханной катастрофой для всех стран. И перед народом, в стране которого существует политическая свобода, нельзя иначе поставить вопрос о мире, как о мире без аннексий. Приходится, поэтому, высказываться за мир без аннексий, и остается только лгать посредством затуманивания понятия аннексий, или обходить этот вопрос. «Речь» кричит, например, что возврат Курляндии России и есть отказ от аннексий. Когда я говорил перед Советом р. и солд. деп., мне один солдат подал записку с вопросом: «Мы должны драться, чтобы отвоевать Курляндию. Неужели отвоевать Курляндию, значит быть за аннексии?» Я должен был ответить утвердительно. Мы против того, чтобы Германия могла насильем присоединить Курляндию, но и против того, чтобы Россия держала Курляндию насильственно. Например, наше правительство выпустило манифест о независимости Польши, напишав его ничего не говорящими фразами. Они написали, что Польша должна находиться в свободном военном союзе с Россией. В этих трех словах только и заключается правда. Свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией есть на деле полное военное порабощение Польши. Политически он может давать свободу: все равно, границы ее будут определены военным союзом.

Если мы будем бороться за то, чтобы русские капиталисты овладели в прежних границах Курляндией и Польшей, значит, германские капиталисты в праве грабить Курляндию. Они могут возразить: «Мы вместе грабили Польшу. Когда мы начали рвать Польшу в конце XVIII века, тогда Пруссия была очень маленькой и слабой державой, а Россия — громадной, и Россия награбила больше. Теперь мы сделали сильнее, и позвольте нам урвать большую часть». Никаким образом против этой логики капиталистов возразить нельзя. Япония в 1863 году была нулем по сравнению с Россией, а в 1905 году Россию вздула. Германия в 1863—1873 г. г. была нулем по сравнению с Англией, а теперь она сильнее ее. Они могут возразить: «мы были слабы, когда у нас взяли Курляндию, теперь мы развились сильнее вашего и хотим ее от-

нять». Не отказываться от аннексии, значит оправдывать бесконечные войны из-за захвата слабых народностей. Отказ от аннексий означает предоставление каждому народу свободно решать, желает ли он жить отдельно, или совместно с другим. Конечно, для этого надо вывести войска. Допустить малейшие колебания в вопросе об аннексиях, значит оправдать бесконечные войны. Следовательно, в этом отношении никаких колебаний мы допустить не могли. Наш ответ по отношению к аннексиям—свободное решение народов. Как сделать, чтобы эта политическая свобода была также и экономической? Для этого необходим переход власти в руки пролетариата и свержение ига капитала.

Теперь перехожу ко второй части резолюции.

«Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь Россию, все народнические партии (нар.-соц., трудовиков, с.-р. и оппортунистическую партию с.-д. меньшевиков из О.К., Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые подобно капиталистам извлекают прибыли из насилия над слабыми народами; с другой стороны, революционное оборончество является результатом обмана капиталистами части городских и деревенских пролетариев, которые, по своему классовому положению, в прибылях капиталистов и в империалистической войне не заинтересованы».

Значит, тут наша задача в том, чтобы определить, из каких слоев могло вырасти и выросло оборонческое настроение. Россия—самая мелко-буржуазная страна и верхние слои мелкой буржуазии прямо заинтересованы в продолжении этой войны. Зажиточное крестьянство, подобно капиталистам, получает прибыль от нее. С другой стороны, масса пролетариата и полупролетариата в аннексиях не заинтересована, так как прибыли от банкового капитала они не получают. Каким образом эти классы могли стать на точку зрения революционного оборончества? Такое отношение этих классов к революционному оборончеству есть результат влияния идеологии капиталистов, которое в резолюции выражено словом «обман». Они не умеют отличить интересов капиталистов от интересов страны. Отсюда для нас вывод:

«Конференция признает безусловно недопустимыми и означющими на деле полный разрыв с интернационализмом и социализмом какие бы то ни было уступки революционному оборонче-

ству. Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то наша партия будет бороться с этими настроениями неустанным разъяснением той истины, что бессознательно-доверчивое отношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех к быстрому окончанию войны».

Вот здесь в последних словах выражена та особенность, которая резко отличает Россию от всех остальных капиталистических западных стран и от всех капиталистическо-демократических республик. Ибо там нельзя сказать, что доверчивость бессознательных масс является главной причиной продолжения войны. Там массы сейчас сдавлены железными тисками военной дисциплины, и тем больше дисциплина, чем демократичнее республика, ибо в последней право упирается на «волю народа». В России в силу революции этой дисциплины нет. Массы свободно избирают представителей в Советы, явление, которое сейчас нигде в мире наблюдать нельзя. Но они доверчивы бессознательно, и отсюда определенное использование их для борьбы. Кроме разъяснений, здесь поделать ничего нельзя. Разъяснения должны касаться здесь прямых революционных задач и способов действий. Когда массы свободны, попытки делать что-либо от имени меньшинства, не разъясняя массам, были бы нелепым бланкизмом, простой авантюристской попыткой. Только завоеванием массы, если ее можно завоевать,—только так мы создаем прочную опору для победы пролетарской классовой борьбы.

Перехожу к третьей части резолюции:

«Что касается самого важного вопроса—о том, как кончить возможно скорее, и притом не насильническим, а истинно демократическим миром эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

«Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одной из воюющих сторон».

Эту мысль о подобном окончании войны нам очень часто навязывают люди, которым хочется облегчить борьбу с противником посредством искажения его взглядов,—обычный прием капиталистов, приписывающих нам бессмысленное окончание войны односторонним отказом. И они возражают: «Войну нельзя кончить, воткнувши штыки в землю», как формулировал это один солдат, который является типичным революционным оборонцем. Это не возражение, говорю я. Это анархическая идея, что

можно кончить войну без перемены правительственных классов; это идея либо анархическая, которая не имеет государственного смысла, или туманно пацифистская, и связи между политикой и угнетающим классом совершенно не вскрывает. Война есть зло, а мир благо... Конечно, эту идею надо разъяснять, популяризовать массам. И, вообще говоря, все наши резолюции пишутся для руководящих слоев, для марксистов, они не годятся никоим образом для чтения масс, но должны дать объединяющее руководство всей политики для любого пропагандиста и агитатора. Для этого прибавлен еще один абзац:

«Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно — будто бы мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как капиталистов русских, английских, французских и проч., а императора Вильгельма — таким же коронованным разбойником, как и Николая II, и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих».

По поводу этого пункта в комиссии возникли некоторые споры, с одной стороны, по поводу того, что будто бы мы в этом месте перешли на слог слишком популярный, а с другой стороны, будто бы английский, итальянский и румынский монархи не заслужили чести быть сюда вставленными. Но после обстоятельных дискуссий мы пришли к единому соглашению, что в данный момент, когда мы задались целью опровергнуть те клеветы, которые «Биржовка» пыталась большей частью грубо, «Речь» тонко, а «Единство» прямыми намеками возводить на нас, — по такому вопросу надо выступить с наиболее яркой и резкой критикой этих понятий, имея в виду самые широкие массы. А так как нам говорят: если вы считаете Вильгельма разбойником, помогите нам его свергнуть, — то, ведь, мы можем ответить, что и все другие тоже разбойники, и с ними тоже надо бороться, так что не надо забывать и королей Италии и Румынии, найдутся такие и в рядах наших союзников. Эти два абзаца содержат отвод против клевет, которые стремятся свести дело на погром и на перебранку. Вот почему мы должны дальше перейти к серьезному практическому вопросу, как ту войну кончить.

«Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся правительствами, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных

классов, что эту войну можно окончить демократическим миром только посредством перехода всей государственной власти, по крайней мере, в нескольких воюющих странах, в руки класса пролетариев и полупролетариев, который, действительно, способен положить конец гнету капитала».

Для марксиста эти истины, что войны ведутся капиталистами, и что они связаны с их классовыми интересами, — абсолютные истины. Марксисту на этом не приходится останавливаться. Но для широких масс все искусные пропагандисты и агитаторы должны уметь без иностранных слов объяснить эту истину, потому что у нас споры обыкновенно превращаются в пустую перебранку, не дающую ничего. И к этому мы подходим во всех частях резолюции. Мы говорим: чтобы понять войну, надо спрашивать, кому она выгодна; чтобы понять, каким способом окончить войну, надо спрашивать, каким классам она невыгодна. Связь тут ясна, и отсюда дальше вывод:

«Революционный класс, взяв в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезврежению, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций».

Если мы говорим от имени революционного класса, народ в праве спросить: ну, а вы, что бы вы сделали на их месте, чтобы окончить войну? Это неизбежный вопрос. Нас народ выбирает сейчас как своих представителей, и мы должны дать совершенно точный ответ. Революционный класс, взявший власть, начал бы с того, чтобы подрвать господство капиталистов, и предложил бы всем народам точные условия мира, потому что, если подрыва экономического господства капиталистов не будет, то получатся только бумажки. Только победоносный класс может это сделать, может привести к изменению политики.

Еще раз повторяю: для неразвитых народных масс эта истина требует посредствующих звеньев, которые вводили бы в вопрос неподготовленных людей. Вся ошибка и вся ложь популярной литературы о войне состоит в том, что этот вопрос обходят, об этом молчат, изображая дело так, что не существовало никакой борьбы классов, а как будто две страны жили дружно и одна на другую напала, а та обороняется. Это является вульгарным рассуждением, в котором нет ни тени объективности, это созна-

тельный обман народа со стороны образованных людей. Если мы сумеем подойти к этому вопросу, то всякий представитель народа схватит сущность: ибо одно дело — интересы господствующих классов, а другое дело — интересы классов угнетенных.

Что было бы, если бы революционный класс взял власть?

«Эти меры и это открытое предложение мира создали бы молное доверие рабочих воюющих стран друг к другу...»

Сейчас этого доверия быть не может, словами манифестов мы этого доверия не создадим. Если один мыслитель сказал, что «язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли», то дипломаты постоянно говорят: «конференции собираются для того, чтобы надувать народные массы». Не только капиталисты, но и социалисты так рассуждают. В частности, это можно сказать о конференции, созываемой Боргбьергом.

«... и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру».

Когда сейчас капиталистическое правительство говорит: «мы за мир без аннексий», этому никто не верит. Народные массы имеют инстинкт угнетенных классов, который им говорит, что ничто не изменилось. Лишь только, когда в одной стране политика изменилась бы на деле, появились бы доверие и попытка к восстаниям. Мы говорим о «восстаниях», так как речь идет о всех странах. «В одной стране революция произошла, теперь она должна произойти в Германии» — это рассуждение фальшиво. Пытаются установить очередь, но так поступать нельзя. Мы все пережили революцию 1905 года, мы все могли слышать или видеть, как она вызвала рост революционных идей во всем мире, о чем всегда говорил Маркс. Революции нельзя ни сделать, ни установить очередь. Заказать революцию нельзя, — революция вырастает. Это сплошное шарлатанство, которое теперь в России особенно часто применяется. Народу говорят: «Вот вы в России сделали революцию, теперь очередь за немцем». Если объективные условия изменятся, тогда восстание неизбежно. А в какой очереди, в какой момент и с каким успехом — этого мы не знаем. Нам говорят: «Если революционный класс в России возьмет власть в свои руки, а в других странах восстания нет, что тогда делать революционной партии? Как быть тогда?» На этот вопрос дает ответ последний пункт нашей резолюции:

«Пока же революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, наша партия будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы за границей, которые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии».

Вот все, что мы можем немедленно обещать и должны делать. Революция нарастает во всех странах, но когда и в какой мере она нарастет, этого никто не знает. Во всех странах есть люди, которые ведут революционную борьбу против своих правительств. Их, и только их, мы должны поддерживать. Вот это дело, а все остальное только ложь. И мы добавляем:

«В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте...»

Это замечание на возражение Плеханова. «Что из этого выйдет? — говорит Плеханов. — Ну, побратались, а дальше? Это же означает возможность сепаратного мира на фронте». Это фокусничество, а не серьезный аргумент. Мы хотим братания на всех фронтах, и мы об этом заботимся. Когда мы работали в Швейцарии, мы издали текст воззвания на двух языках. На одной стороне по-французски, а на другой по-немецки, и мы звали к тому, к чему ведем мы русских солдат. Мы не ограничиваемся братанием только между Россией и Германией, мы зовем к братанию всех. Теперь, как же понимать братание?

«...стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руку революционного пролетариата».

Сейчас братание стихийное, и не надо обманывать себя на этот счет. Это надо признать, чтобы не вводить народ в заблуждение. Ясной политической мысли у братающихся солдат нет. Это говорит инстинкт угнетенных людей, которые устали, измучились и перестают верить капиталистам: «Пока вы там о мире говорите,—мы это уже два с половиной года слышим,—мы начнем сами». Вот это верный классовый инстинкт. Без такого инстинкта дело революции было бы безнадежно. Ибо, вы знаете, никто не освободил бы рабочих, если бы они сами себя не освободили. Но довольно ли этого инстинкта? На одном инстинкте далеко не уедешь. И потому необходим переход этого инстинкта в сознание.

В воззвании «к солдатам всех воюющих стран» мы даем ответ на вопрос: во что же должно превратиться это братание? — в переход политической власти в руки Советов р. и с. д. Конечно, немецкие рабочие назовут свои Советы другими именами, это не важно. Но суть в том, что мы признаем, несомненно, правильным, что оно стихийно, мы не ограничиваемся поощрением его, а своей задачей ставим это стихийное сближение, одетых в солдатскую шинель рабочих и крестьян всех стран превратить в сознательное движение, цель которого — переход власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата. Это задача очень трудная, но и то положение, в которое человечество поставлено властью капиталистов, неслыханно трудное и ведет человечество прямо к гибели. Поэтому оно вызовет тот взрыв негодования, которое является залогом пролетарской революции.

Вот наша резолюция, которую мы предлагаем вниманию конференции.

Доклад по аграрному вопросу.

(Заседание 28-го апреля.)

Товарищи, аграрный вопрос обсуждался нашей партией так обстоятельно еще во время первой революции, что подготовка к нему имеется в настоящее время, я думаю, достаточная, и косвенным подтверждением этого служит то, что секция конференции, составившаяся из товарищей, близко знакомых с этим вопросом и интересовавшихся им, сошлась на предложенном проекте резолюции без коренных поправок. Я поэтому ограничиваюсь самыми краткими замечаниями. Так как проект, розданный в виде газетной корректуры, имеется у всех членов, то в чтении его полностью нет надобности.

Рост аграрного движения во всей России и сейчас самый очевидный и бесспорный факт для всех. Программа нашей партии, принятая на Стокгольском съезде в 1906 году и предложенная меньшевиками, оказалась опровергнутой уже ходом первой русской революции. Этот съезд состоялся в 1906 г., до I Думы, и меньшевики провели свою муниципализацию, суть которой сводится к следующему: крестьянские земли, общинные и подворные, остаются в собственности крестьян. Помещичьи земли переходят из рук их владельцев в руки органов местного самоуправления. Одним из главных доводов меньшевиков в пользу такой

программы было то, что крестьяне никогда не поймут перехода крестьянской земли в руки кого-нибудь другого, кроме крестьянства. Кто изучал протоколы Стокгольмского съезда, тот вспомнит, что на этот довод особенно напирала докладчица Маслов³³⁵) и Костров. Не надо забывать, и это теперь часто бывает, что дело было перед первой Думой, когда объективных фактов о характере крестьянского движения и об его силе еще не было. Все знали, что Россия горит огнем аграрной революции, но как будет организовано аграрное движение, какова будет крестьянская революция,—никто не знал. Проверить, насколько Стокгольмский съезд отражал серьезное деловое мнение самих крестьян, нельзя было, и вот почему эти доводы меньшевиков играли такую роль. После этого съезда, кроме оппортунистического заявления, что партия не должна воевать в этом пункте аграрной программы, в 1906 г. в I Думе и в 1907 г. во II Думе мы получили впервые внушительное подтверждение того, как смотрит на вопрос крестьянская масса. И в I, и во II Думе был выдвинут самими крестьянами трудовой проект 104. Я изучал специально подписи под этим проектом и подробно знакомился с мнениями депутатов, с тем, к какому классу они принадлежат, насколько их можно назвать крестьянами. Я с полной категоричностью утверждал в той книге, которую царская цензура сожгла, и которую я все-таки переиздам, что из этих 104 подписей громадное большинство подписей принадлежало самим крестьянам. Этот проект требовал национализации земли. Крестьяне говорили, что вся земля отойдет в руки государства.

Вопрос состоит таким образом в том, как объяснить, что в Думах, два раза созванных, представители крестьян всей России предпочли национализацию в той мере, которую меньшевики предлагали в обеих Думах с точки зрения крестьянских интересов? Они предлагали, чтобы крестьяне оставили земли у себя, и только помещичья земля должна быть отдана в руки народа, а крестьяне сказали, что они всю землю передают в руки народа. Как это объяснить? Соц.-революционеры объясняют это тем, что русские крестьяне по своей общинности сочувствуют социализации, трудовому началу и всей этой фразеологии, в которой нет ни малейшего здравого смысла, а только одни фразы... Но как же объяснить? Я думаю, что крестьяне потому пришли к этому выводу, что все русское землевладение, крестьянское и помещичье, общинное и подворное, насквозь прочитано условиями

старого полукрепостничества, и крестьяне с точки зрения условий рынка должны были требовать перехода земли в руки всего народа. Ни один крестьянин не говорил о нормировке и социализации, но все говорили, что ждать дольше невозможно, что нужно разгородить всю землю, т.-е. невозможно в обстановке XX века вести хозяйство по-старому. Столыпинская реформа с тех пор запутала земельный вопрос еще больше. Вот что хотят сказать крестьяне требованием национализации. Это значит — все земли вообще пустить под новую разверстку. Никаких разнообразных форм землевладения быть не должно.

Здесь ровно никакой социализации нет. Это требование крестьян называется уравнильным потому, что, как показывает краткий итог статистики землевладения 1905 года, на 300 семей крестьянских и одну помещичью имеется 2000 десятин земли; в этом смысле оно, конечно, уравнильно, но из этого не следует, что это означало уравнение всех мелких хозяйств между собой. Проект 104-х говорит обратное.

Вот основное, что необходимо сказать, чтобы научно обосновать взгляд, что национализация в России, с точки зрения буржуазно-демократической, является необходимой. Но она необходима и потому, что является гигантским ударом для частной собственности на средства производства. Думать, что, после отмены частной собственности на землю, в России все останется по-старому, это просто нелепость.

Дальше делаются практические выводы и требования. Из мелких поправок я отмечу следующие: в 1 пункте сказано: «Партия пролетариата поддерживает всеми силами немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель»... Вместо «поддерживает» следует поставить «борется за...». Мы не смотрим так, что крестьяне имеют мало земли и им надо земли побольше. Это ходячий взгляд; мы говорим, что помещичье землевладение есть основа гнета, который душит крестьянство и делает его отсталым. Дело не в том, мало у крестьян земли или нет. Долой крепостничество! — вот постановка вопроса с точки зрения революционной классовой борьбы, а не тех чиновников, которые рассуждают, сколько земли у них и по каким нормам ее нужно разверстать.

Пункты 2 и 3 я предлагаю переставить, потому что для нас важен революционный почин, а закон должен быть его результатом. *Если вы будете ждать, пока закон напишется, а сами не разовьете революционной энергии, то у вас не будет ни закона, ни земли.*

Очень часто возражают против национализации, говоря, что она предполагает гигантский чиновнический аппарат. Это верно. Ведь собственность государства означает, что всякий крестьянин есть арендатор земли у государства. Передача аренды запрещается. Но в какой мере крестьянин арендует, какую землю он берет, — это всецело решает соответствующий демократический орган, а не бюрократический.

Вместо «батраков» вставляется «сельско-хозяйственных рабочих». Несколько товарищей заявили, что слово «батрацкий» является обидным, против этого слова возражали. Оно должно быть устранено.

О том, что мы, как партия пролетариата, не можем ограничиваться крестьянством вообще и говорим о диктатуре пролетариата и крестьянства, как, напр., Церетели в своей речи повторил, то ему надо было бы сказать, что он сильно отстал, это годилось еще тогда, когда крестьяне стояли около помещиков... (*пропуск в стенограмме*). Когда расхождение дошло до гигантских размеров по вопросу об оборончестве, то оно выявилось также и по вопросу о земле: соц.-рев. и с.-д. меньшевики стоят на той точке зрения, что надо подождать Учредительного Собрания, но мы говорим, что лишь тогда успех обеспечен, если революционные силы самостоятельно разовьются. Вот отсюда та директива, что землю нужно брать немедленно, но брать с максимальной организованностью. Мы абсолютно против анархических захватов, мы говорим, что землю нужно брать с максимальной организованностью.

Кто тормозит переход земли в руки крестьян, кто тормозит засева, тормозит борьбу с бесхлебьем? — Кадеты, Шингарев, помещики! Наша партия с бесхлебьем и кризисом советует бороться теми мерами, которые способны избавить нас от краха, приближающегося с неслышанной быстротой

Товарищ привез резолюцию с места, в которой говорится, что крестьяне берут помещичий инвентарь, не раздавая его в руки по дворам, но обращая его в общественную собственность. Они устанавливают известную очередь, правило, чтобы этим инвентарем обрабатывать все земли. Прибегая к этим мерам, руководствуются интересами повышения сельско-хозяйственного производства. Этот факт имеет гигантское принципиальное значение, вопреки помещикам и капиталистам, кричащим, что это — анархия. Если вы будете болтать и кричать, что это анархия, а крестьяне будут ждать, то тогда и будет настоящая анархия. Крестьяне

показывают, что они хозяйственные условия и общественный контроль понимают лучше, чем чиновники, и во сто раз лучше его применяют. Такая мера, которая, конечно, для маленькой деревни легко осуществима, неизбежно толкает к переходу к более широким мерам. Если крестьянин этому научится (а он начал этому учиться), тут не надо уменьшать буржуазных профессоров: надо только, чтобы инвентарь был использован не для мелких только хозяйств, но для обработки всей земли. Как они это делают, это не важно; соединяют ли они участки для общей распашки и обсеменения, этого мы не знаем, и это не важно, если они это делают по-разному. Важно только то, что они не имеют, к счастью, перед собой того большого количества мелко-буржуазных интеллигентов, которые называют себя марксистами, социал-демократами и с важным видом учат народ, что для социалистической революции время еще не пришло, и поэтому брать сейчас крестьянам землю нельзя. К счастью, в русских деревнях таких господ мало. Если бы крестьяне ограничились тем, что брали бы землю по соглашению с помещиками, но не применяли бы своего опыта коллективно, тогда крах был бы неминуем, и тогда крестьянские комитеты оказались бы игрушкой, игрой в ничью. Вот почему мы предлагаем к проекту резолюции добавить пункт 8-й.

Раз мы знаем, что сами местные крестьяне этот почин сделали, наша обязанность, наш долг, сказать, что этот почин мы поддерживаем и рекомендуем. Только в этом залог того, что резолюция не ограничится мерами формального характера, борьба с кризисом не останется предметом обсуждения канцелярий и писулук Шингарева, но что на самом деле крестьяне организованным путем пойдут вперед в борьбе с бескормицей и за повышение производства.

Реплика т. Ангарскому ³³⁶).

Товарищи, мне кажется, что у тов. Ангарского ряд противоречий. Я говорю о *материальной* основе стремлений к национализации. Никакой идеи национализации крестьяне не имеют. Я говорю, что существуют известные условия всероссийского и международного рынка, которые выражаются в дорогих ценах на хлеб. Колебание этих цен всякий крестьянин видит, знает и чувствует. С этими условиями, с этими ценами нужно сообразовать хозяйство. Я говорю о том, что старое землевладение и новое хозяйственное устройство разошлись абсолютно, и это

расхождение объясняет, почему крестьяне рвутся вперед. «Крестьянин — собственник», говорит т. Ангарский. Он совершенно прав. На этом Столыпин хотел построить изменение земельных отношений, он делал все возможное, и, однако, это ему не удалось, потому что изменение этих отношений невозможно без революционной ломки. Вот материальная основа стремления крестьян к национализации земли, при полной их неосведомленности о том, что такое национализация. У крестьянина-собственника существует инстинктивное стремление говорить, что земля — божья, потому что жить в старых условиях землевладения нельзя. То, что предлагает тов. Ангарский, — совершенное недоразумение. Второй абзац говорит, что крестьянское землевладение снизу доверху, вдоль и поперек опутано старыми полукрепостническими связями и отношениями. Но разве он говорит про помещичьи земли? Нет. Поправка тов. Ангарского основана на недоразумении. Он написал мне то, чего здесь нет, вещи, о которых крестьяне даже понятия не имеют. Мировое положение крестьяне знают по ценам на хлеб и на продукты массового потребления, и если в деревне проходит железная дорога, то крестьянин познает это на своем собственном хозяйстве. Жить по-старому нельзя, вот что он чувствует, и это чувство он выражает в радикальном требовании — все землевладение долой. Крестьянин хочет быть собственником, но на земле, разгороженной по-новому, чтобы он хозяйничал на земле, владение которой определялось бы его теперешними потребностями, а не теми, какие ему предписаны какими бы то ни было чиновниками. Это крестьянин хорошо знает, но, конечно, иначе выражает, а это и составляет материальную основу стремлений к национализации земли.

Речь о пересмотре партийной программы ⁹⁵).

Товарищи, относительно пересмотра партийной программы дело обстоит таким образом: в секцию был дан первоначальный проект изменений принципиальной части программы и некоторых основных пунктов политической части. Программу надо пересмотреть всю, так как на ее полную устарелость указывалось в партийных кругах еще задолго до войны. В итоге оказалось, что на обсуждение проекта изменений всей программы в целом нет никакой надежды. С другой стороны, в секции всеми признавалось,

что пересмотр программы абсолютно необходим, и в целом ряде вопросов можно и должно указать, в каком направлении следует произвести этот пересмотр. Мы поэтому наметили следующий проект резолюции, которую я вам прочту с небольшими комментариями. Мы отказываемся от того, чтобы сейчас выставлять точно сформулированные тезисы, и указываем лишь, в каком направлении надо сделать пересмотр. (*Читает резолюцию.*)

«Конференция признает необходимость пересмотра партийной программы в следующем направлении:

1) Оценка империализма и эпохи империалистских войн в связи с надвигающейся социалистической революцией; борьба с извращением марксизма так называемыми оборонцами, забывшими лозунг Маркса: «рабочие не имеют отечества».

Это настолько ясно, что не требует комментариев. Действительно, политика нашей партии ушла далеко вперед и практически заняла уже позицию, которую предлагает эта формулировка.

«2) Исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарско-крестьянской республики (т. - е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества)».

Были намечены и другие формулировки этого пункта. Одна ссылалась на опыт Парижской Коммуны и на опыт 70—80-х годов, но такая формулировка неудовлетворительна и слишком обща; другая говорила о республике Сов. р., с. и кр. депутатов, но и эту формулировку большинство товарищей признало неудовлетворительной. Формулировка необходима, так как дело не в том, как называется учреждение, а в том, каков политический характер и строй этих учреждений. Говоря о республике пролетарско-крестьянской, мы указываем на ее социальное содержание и политический характер.

«3) Удаление или исправление устаревших частей политической программы».

Наша общая политическая деятельность в С. Р. и С. Д. практически уже пошла по этому пути, вот почему едва ли можно сомневаться, что изменение программы в этом пункте и точная формулировка того момента, на котором революция застала нашу партию, не может вызвать разногласий.

«4) Переделка ряда пунктов политической программы-минимум в смысле более точного указания на более последовательные демократические требования».

«5) Полная переделка в очень многих местах устаревшей экономической части программы-минимум и пунктов, относящихся к народному образованию».

Главное, что эти пункты устарели; профессиональное движение их обогнало.

«6) Переделка аграрной программы сообразно принятой резолюции по аграрному вопросу»

«7) Вставка требования национализации ряда наиболее подготовленных к тому синдикатов и т. п.».

Здесь выбрана формулировка осторожная, которая может быть сужена или расширена в зависимости от того, какие проекты из печати выйдут.

«8) Добавление характеристики основных течений современного социализма».

В Коммунистическом манифесте такое добавление сделано.

«Конференция поручает Ц. К. составить на этих основаниях проект партийной программы в двухмесячный срок для представления этого проекта на утверждение партийного съезда. Конференция призывает все организации и всех членов партии к обсуждению проектов программы, к исправлению их и к выработке контр-проектов».

Указано было, что желательно создать литературу по этому вопросу и научный орган, но на это нет людей и средств. Вот та резолюция, которая поможет быстрому пересмотру программы. Она будет переслана и за границу, чтобы там наши товарищи-интернационалисты могли принять участие в пересмотре программы, который наша партия предприняла на основании опыта всемирной войны.

Речь по национальному вопросу.

Начиная с 1903 года, когда наша партия приняла программу, мы каждый раз встречались с отчаянной оппозицией со стороны товарищей-поляков. Если вы будете изучать протоколы II-го съезда, то вы увидите, что уже тогда они излагали те же доводы, которые мы встречаем сейчас, и польские социал-демократы ушли с этого съезда, найдя, что признание за нациями

права на самоопределение для них неприемлемо. С этого времени каждый раз мы натываемся на один и тот же вопрос. В 1913 году империализм уже был, но тогда в числе доводов не было упомянуто об империализме, и тогда и теперь позиция польской социал-демократии остается странной, чудовищной ошибкой; эти люди желают свести позицию нашей партии на позицию шовинистов.

Политика Польши является вполне национальной, благодаря долгому угнетению Россией, и весь народ польский пропитан насквозь одной мыслью о мести москалям. Никто так не угнетал поляков, как русский народ. Русский народ служил в руках царей палачом польской свободы. Нет народа, который бы так был пропитан ненавистью к России, нет народа, который бы так страстно не любил Россию, как поляки, и из этого получается странное явление. Польша является помехой социалистическому движению из-за польской буржуазии. Весь свет гори огнем,— лишь бы была свободна Польша. Конечно, такая постановка вопроса есть насмешка над интернационализмом. Конечно, теперь насилие царит над Польшей, но чтобы польские националисты рассчитывали на освобождение ее Россией,—это измена Интернационалу. А польские националисты так пропитали своими взглядами польский народ, что там так и смотрят.

Громадная, историческая заслуга товарищей польских социал-демократов—та, что они выдвинули лозунг интернационализма и сказали: нам всего важнее братский союз с пролетариатом всех остальных стран, и мы никогда на войну за освобождение Польши не пойдем. В этом их заслуга, и поэтому мы всегда только этих польских товарищей социал-демократов считали социалистами. Другие—это патриоты, польские Плехановы. Но из-за этой оригинальной позиции, когда людям, чтобы спасти социализм, приходилось бороться против бешеного, больного национализма, получилось странное явление: товарищи-поляки приходят к нам и говорят, что мы должны отказаться от свободы Польши, от ее отделения.

Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии? Нам предлагают стать шовинистами, потому что этим мы облегчаем позицию соц.-дем. в Польше. Мы не претендуем на освобождение Польши, потому что польский народ живет среди двух способных бороть-

ся государств. Но вместо того, чтобы говорить, что польские рабочие должны рассуждать так: только те соц.-дем. остаются демократами, которые считают, что польский народ должен быть свободным, ибо не место шовинистам в рядах социалистической партии, польские соц.-дем. говорят: именно потому, что мы находим выгодным союз с русскими рабочими, мы против отделения Польши. Это их полное право. Но люди не хотят понять, что для усиления интернационализма не надо повторять одних и тех же слов, а надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения. Мы, русские, должны подчеркивать свободу отделения, а в Польше—свободу соединения. Мы видим тут ряд софизмов, приводящих к полному отказу от марксизма. Точка зрения тов. Пятакова есть повторение точки зрения Розы Люксембург ⁶⁴) (*в стенограмме значительный пропуск, искажающий смысл*). Так рассуждает тов. Пятаков, так он сам побивает себя, ибо в теории он стоит за отрицание свободы отделения, а народу говорит: тот не социалист, кто отрицает свободу отделения. То, что говорил здесь тов. Пятаков, есть невероятная путаница. В Западной Европе преобладают страны, в которых национальный вопрос давным-давно решен. Когда говорят, что национальный вопрос решен, имеют в виду Западную Европу. Тов. Пятаков переносит это туда, куда это не относится—в Европу восточную, и мы попадаем в смешное положение.

Вы подумайте, что за страшная каша получается? Ведь Финляндия у нас под боком. Тов. Пятаков не дает относительно нее конкретного ответа, он запутался совершенно. В «Рабочей Газете» вы вчера читали, что в Финляндии растет сепаратизм. Финляндцы приезжают и говорят, что сепаратизм у них нарастает, так как кадеты не дают Финляндии полной автономии. Там нарастает кризис, недовольство генерал-губернатором Родичевым, а «Рабочая Газета» пишет, что финны должны дожидаться учредительного Собрания, так как там будет достигнуто соглашение Финляндии с Россией. Что значит соглашение? Финны должны сказать, что они могут иметь право на определенное решение своей судьбы по-своему, и тот великоросс, который это право отрицал бы, будет шовинистом. Другое дело, если бы мы сказали финскому рабочему: как тебе выгодно решить... Тов. Пятаков только отрицает наш лозунг, говоря, что это значит не дать ло-

зунга для социалистической революции, но он сам соответствующего лозунга не дал. Метод социалистической революции под лозунгом: «прочь границы», есть полная путаница. Нам не удалось напечатать той статьи, в которой я назвал этот взгляд «империалистическим экономизмом». Что это значит «метод» социалистической революции под лозунгом «долой границы»? Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы. Государство может, конечно, вмещать буржуазное правительство, а нам нужны Советы. Но и для них стоит вопрос о границах. Что значит «прочь границы»? Здесь начинается анархия социалистическая революция под лозунгом «прочь границы»,— это просто каша. Когда социалистическая революция созреет, когда она произойдет, она будет перекидываться в другие страны, и мы ей поможем; но как,—мы не знаем. «Метод социалистической революции» есть фраза, лишенная содержания. Поскольку есть остатки нерешенных буржуазной революцией вопросов, мы стоим за их разрешение. Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист. Надо сойти с ума, чтобы продолжать политику царя Николая. Ведь Норвегия отошла от Швеции... Когда-то Александр I и Наполеон обменивались народами, когда-то цари менялись Польшей. И мы будем продолжать эту тактику царей? Это — отказ от тактики интернационализма, это шовинизм худшей марки. Если Финляндия отделится, что тут дурного? У обоих народов, у пролетариата Норвегии и Швеции, укрепилось доверие друг к другу после отделения. Шведские помещики хотели итти войной... но шведские рабочие этому воспротивились, и сказали: «мы на эту войну не пойдем».

Финляндцы хотят сейчас только автономии. Мы за то, чтобы Финляндии была дана полная свобода, тогда доверие к русской демократии усилится, именно тогда они не отделятся, когда это будет проведено в жизнь. Когда к ним приезжает г-н Родичев и торгуется из-за автономии, к нам приезжают финские товарищи и говорят: «Нам нужна автономия». А против них открывают стрельбу из всех пушек, говоря: «Ждите Учредительного Собрания!» Мы же говорим: «Русский социалист, отрицающий свободу Финляндии, есть шовинист».

Мы говорим, что границы определяются волей населения: Россия, до смей воевать из-за Курляндии! Германия, долой войска из

Курляндии! Вот так мы решаем вопрос об отделении. Пролетариат прибегать к насилию не может, ибо он не должен мешать свободе народов. Тогда будет верен лозунг «прочь границы», когда социалистическая революция станет реальностью, а не методом, и мы скажем тогда: товарищи, идите к нам..

Совсем другое дело—вопрос о войне. В случае надобности, мы от революционной войны не откажемся. Мы не пацифисты... Когда у нас сидит Милюков и посылает Родичева¹⁰¹) в Финляндию, который там бесстыдно торгуется с финским народом, мы говорим: нет, не смеет русский народ насиловать Финляндию, не может быть свободен народ, который сам угнетает другие народы. В резолюции о Боргбьере мы говорим: выведите войска и предоставьте нации решить вопрос самостоятельно. Вот, если завтра Совет возьмет власть в свои руки, это не будет «методом социалистической революции», мы скажем тогда: Германия, долой войска из Польши, Россия, долой войска из Армении, — иначе это будет обман.

Про свою угнетенную Польшу тов. Дзержинский³³⁷) нам говорит, что там все шовинисты. Но почему никто из поляков ни слова не сказал, как быть с Финляндией, как быть с Украиной? Мы с 1903 года так много спорим на этот счет, что становится трудно об этом говорить.

Куда хочешь, туда и иди! Кто не стоит на этой точке зрения, тот аннексионист, тот шовинист. Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся. Когда тов. Пятаков, в полном противоречии со своими взглядами, сказал: «Мы против насильственного удержания в границах», — это и есть признание права нации на самоопределение. Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинском ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы. Агитацию внутри угнетенной массы надо ставить только так.

Но всякий русский социалист, который не признает свободы Финляндии и Украины, скатится к шовинизму и никакими софизмами и ссылками на свой «метод» они себя никогда не оправдают.

Предисловие к брошюре „Материалы по пересмотру партийной программы“. ³³⁸⁾

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков) поручил нижеподписавшему издать немедленно имеющийся уже в наличии в распоряжении Ц. К. материал по пересмотру партийной программы.

Материал этот состоит из следующего:

а) Первоначальный проект изменений теоретической и политической частей программы, внесенный автором этих строк на Всероссийскую Конференцию Р. С.-Д. Р. П. 24—29 апреля 1917 года и рассмотренный только секцией, которая составила на конференции для разработки этого вопроса.

б) Замечания секций и отдельных членов ее как по поводу этого проекта, так и в связи с ним.

в) Мой ответ на эти замечания.

г) Полный проект изменения экономической программы-минимум, выработанный на конференции 24—29 апреля 1917 года подсекцией по охране труда.

д) Снабженный краткими пояснениями проект изменения пунктов партийной программы, относящихся к народному образованию. Проект этот составлен уже после конференции Н. К. Крупской.

Издавая этот материал, я снабжаю его весьма краткими примечаниями, считая главной партийной задачей в настоящий момент—опубликованием материала привлечь как можно большее число товарищей к активной работе над выработкой партийной программы.

Так как все перечисленные выше проекты изменений дают в целом проект полного текста новой программы, то я печатаю в конце настоящей брошюры и старый и новый тексты таким образом, чтобы читатели имели перед глазами весь материал в наиболее удобной для сравнения и для внесения поправок форме.

Но поручению Ц. К., я обращаюсь с просьбой ко всем товарищам—членам партии, а равно ко всем сочувствующим ей, перепечатывать настоящий материал возможно шире в партийных изданиях, ознакомить с ним *весь* состав членов партии и присылать в редакцию „Правды“ (Мойка, 32, Петербург, с пометкой для Ц. К., материалы к пересмотру программы) все и всяческие замечания и проекты.

Брошюра „Материалы по пересмотру партийной программы“.

Изд. „Прибой“. Птб. 1917.

20 мая 1917 года.

К проекту переработки программы ³³⁸).

Старый и новый тексты программы.

Чтобы сделать читателю наиболее легким и удобным сравнение старого и нового текста программы, оба текста печатаются вместе следующим образом: обычным шрифтом набраны те части старой программы, которые остаются без изменений и в новой;

курсивом набраны те части программы, которые вовсе удаляются из новой программы;

жирным шрифтом набраны те части новой программы, которых вовсе не было в старой.

Программа Российской социал-демократической рабочей партии.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать—и давно уже стало—международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран. Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам, и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастаю-

щем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собой неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще больше разоряют мелких производителей, еще больше увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом усовершенствование техники, означаящее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собой в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения, обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т.-е. той социальной революции, которая представляет собой конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения.

Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит подавить ему всякое сопротивление эксплуататоров. Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

Всемирный капитализм дошел в настоящее время—приблизительно с начала XX века—до ступени империализма. Империализм или эпоха финансового капитала есть столь высоко развитое капиталистическое хозяйство,

когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным, вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах, весь мир поделен уже территориально между богатейшими странами и начался раздел мира экономический между интернациональными трестами.

Империалистические войны, т. е. войны из-за господства над миром, из-за рынков для банкового капитала, из-за удушения малых и слабых народностей, — неизбежны при таком положении дела. И именно такова первая великая империалистическая война 1914—1917 годов.

И чрезвычайно высокая ступень развития мирового капитализма вообще, и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом и подготовка банками, а равно союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы, и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистской войной, — все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской, социалистической революции.

Эта эра началась.

Только пролетарская, социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неуспехи ее или волны контр-революции, — окончательная победа пролетариата неизбежна.

На очередь дня переживаемой эпохи ставится поэтому в силу объективных условий, всесторонняя непосредственная подготовка пролетариата к завоеванию политической власти для осуществления экономических и политических мероприятий, составляющих содержание социалистической революции.

Выполнение этой задачи, требующей полнейшего доверия, теснейшего братского союза и непосредственного единства революционных действий рабочего класса всех передовых стран, неосуществимо без немедленного и принципиального разрыва с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах громадного большинства официальных с.-д. партий. Таким извращением является, с одной стороны, течение социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытое лозунгом „защиты отечества“, защиты грабительских интересов „своей“ национальной буржуазии, а с другой стороны, столь же широкое и международное течение так называемого „центра“, стоящее за единство с социал-шовинистами, за сохранение или исправление обанкротившегося II Интернационала, колеблющееся между социал-шовинизмом и революционно-интернационалистской борьбой пролетариата за осуществление социалистического строя.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире,

социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшиe задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на эксплуатации трудящихся масс помещиками, государству или главе государства.

В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обещала бы:

В переживаемый Россией момент, когда Временное Правительство, принадлежащее к классу капиталистов и пользующееся доверием—по необходимости непрочным—широких масс и мелко-буржуазного населения, обязалось созвать Учредительное Собрание,—перед партией пролетариата встает непосредственная задача борьбы за государственное устройство, наилучше обеспечивающее как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности.

Партия пролетариата не может ограничиться буржуазно-парламентарной демократической республикой, которая везде в мире сохраняет и стремится увековечить монархические орудия угнетения масс, именно: полицию постоянную армию, привилегированное чиновничество.

Партия борется за более демократическую пролетарски-крестьянскую республику, в которой полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией; все должностные лица становятся не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства их избирателей; плата всем, без изъятия, должностным лицам определяется в размере, не превышающем среднюю плату хорошему рабочему; парламентарно-представительные учреждения заменяются постепенно Советами представителей от народа (от разных классов и профессий или от разных мест), в одно и то же время законодательствующими и проводящими в жизнь свои законы.

Конституция Демократической Республики Российской должна обеспечить:

1. Самодержавие народа; вся верховная власть в государстве должна принадлежать представителям народа, выбранным и сменяемым в любое время народом и составляющим одно народное собрание, одну палату.

1. Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалование народным представителям; пропорциональное представительство при всех выборах; сменяемость всех без изъятия делегатов и выборных в любое время по решению большинства их избирателей.

3. Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения; отмену всяких государством назначаемых местных и областных властей.

4. Неприкосновенность личности и жилища.

5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

6. Свободу передвижения и промыслов.

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности.

8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечаемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для того школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных, общественных и государственных учреждениях; отмену обязательного государственного языка.

9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

9. Право на свободное отделение и на образование своего государства за всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насильем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насильем над другими народностями.

10. Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника.

11. Выборность судей народом.

11. Выборность судей и должностных лиц как в гражданской службе, так и в армии народом; сменяемость всех их в любое время по решению большинства их избирателей.

12. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

12. Замену полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа; рабочие и служащие должны получать обычную плату от капиталистов за время, посвященное общественной службе во всенародной милиции.

13. Отделение церкви от государства и школы от церкви; полную светскость школы.

14. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоого пола до 16 лет; снабжение бедных детей пицей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

14. Бесплатное и обязательное общее и политехническое (знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образование для всех детей обоого пола до 16 лет; тесную связь обучения с детским общественно-производительным трудом.

15. Снабжение всех учащихся пицей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

16. Передачу дела народного образования в руки демократических органов местного самоуправления; устранение центральной власти от всякого вмешательства в установление школьных программ и в подбор учительского персонала; выборность учителей непосредственно самим населением и право населения отзывать нежелательных учителей.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

Высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистской войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. п.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих.

1. Ограничения рабочего дня для всех наемных рабочих—восемью часами в сутки, включая сюда при непрерывности работы не менее часового перерыва на принятие пищи. В опасных же производствах и вредных для здоровья рабочий день должен быть сокращен до 4—6 часов в сутки.

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоого пола во всех отраслях народного хозяйства.

3. Полного запрещения сверхурочных работ.

4. Воспрещения ночного труда (от 9 час. вечера до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.

4. Воспрещения ночного труда (от 8 час. до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями,— с тем однако, чтобы ночной рабочий труд не мог превышать 4 часов.

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в дошкольном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет детей) шестью часами.

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в дошкольном возрасте (до 16-ти лет), ограничения рабочего времени молодых людей (16—20 лет) четырьмя часами и воспрещения им работы по ночам в опасных для здоровья производствах и рудниках.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения женщины от работ в течение четырех недель до и шести недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма, воспрещения женского ночного труда; освобождения женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время, при бесплатной врачебной и лекарственной помощи.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей, освобождения женщины, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее чем на полчаса.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и помещений для кормления грудью, освобождения женщин, кормящих грудью, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее чем полчаса, выдачи пособий кормящим матерям и сокращения рабочего дня для них до 6 часов.

8. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов.

8. Полного социального страхования рабочих:

а) для всех видов наемного труда;

б) для всех видов потерь трудоспособности, именно от болезней, увечья, инвалидности, старости, профессиональных болезней, материнства, вдовства и сиротства, а также безработицы и др.;

в) полного самоуправления застрахованных во всех страховых учреждениях;

г) оплаты расходов по страхованию за счет капиталистов;

д) бесплатной медицинской и лекарственной помощи с передачей медицинского дела в руки самоуправляющихся больничных касс, избираемых рабочими.

9. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи им заработка в рабочее время.

10. *Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.).*

11. *Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначение инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участие выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и результатов работы.*

9. Учреждения выборной от рабочих организаций инспекции труда и распространения ее на все виды предприятий, употребляющих наемный труд, не исключая и домашней прислуги; введения института инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд.

12. *Надзора органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их в наймы в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их как частных лиц и граждан.*

13. *Учреждения правильно-организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей; бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей с сохранением содержания во время болезни.*

14. *Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.*

10. Издания санитарного законодательства по улучшению гигиенических условий труда и ограждения жизни и здоровья рабочих во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, с передачей санитарного дела в руки выборной от рабочих организаций санитарной инспекции.

11. Издания жилищного законодательства и учреждения—для надзора за санитарным состоянием жилых помещений—выборных от рабочих организаций жилищных инспекций. Однако только уничтожение частной собственности на землю и устройство дешезвых и гигиенических квартир может разрешать жилищный вопрос.

12. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов.

15. *Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимательских организаций.*

16. *Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства, с участием в их управлении представителей от рабочих и предпринимателей.*

13. Для правильной постановки дела подыскания работы безработным учреждаются биржи труда. Биржи труда должны быть классовыми пролетарскими организациями (отнюдь не паритетными), должны находиться в ближайшей связи с профессиональными союзами и другими рабочими организациями и получать средства из общественных самоуправлений.

В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует:

1. Отмены всех сословных стеснений личности и собственности крестьян.

2. Отмена всех платежей и повинностей, связанных с сословной обособленностью крестьян, и уничтожения долговых обязательств имеющих кабальный характер.

3. Конфискации церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и передача их (а равно и казенных земель) крупным органам местного самоуправления, объединяющим городские и сельские округа, при чем земли, необходимые для переселенческого фонда, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, передаются во владение демократического государства.

4. Конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления, при чем минимальный размер подлежащих конфискации земельных участков определяется крупными органами местного самоуправления; поддерживая революционные выступления крестьян вплоть до конфискации помещичьих земель, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия всегда и неизменно будет противодействовать всяким попыткам задержать ход экономического развития. Стремясь при победоносном развитии революции передать конфискованные земли во владение демократических учреждений местного самоуправления, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, в случае неблагоприятных для этого условий, выскажется за раздел между крестьянами тех помещичьих земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство, или которые составляют необходимые для его округления угодья.

1. Борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных и проч.).

2. Выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократические выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3. Требует национализации всех земель в государстве; означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений.

4. Поддерживает почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий живой и мертвый инвентарь в

руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулируемого использования по обработке всех земель.

5. Советует пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет советами депутатов от сельско-хозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

При этом партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищету масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергает в то же время все те реформистские проекты, которые связаны с какими бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

Со своей стороны Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных социальных и политических преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

Брошюра „Материалы по пересмотру партийной программы“. Изд. „Прибой“. 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к 1-ой части XIV тома.

1) „Письма из далека“ написаны Н. Лениным под впечатлением первых известий о русской революции, полученных в Швейцарии. Они являются первым гласным откликом на революционные события в России заграничной группы русских большевиков. Письмо это было доставлено Л. Каменеву товарищем приехавшим из Швейцарии, и в тот же день сдано в печать.

В те же дни, когда писалось это письмо, написано Вл. Ил. „Прощальное письмо швейцарским рабочим“ и „Письмо от 30/III“. Эти два последние письма не находились в руках Редакции во время составления 1 ч. XIV т. и помещены выше в „дополнениях“.

2) П. Н. Миллюков—лидер к.-д. партии, вождь русского либерализма, бывш. профессор Московского университета. В эпоху I-й Думы, кадетами намечался премьером ответственного министерства. Во время войны—идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении. Лидер прогрессивного блока в IV-й Думе, ярый враг международного социализма. В разгар революции, 28 февраля 1917 г., на митинге в Таврическом дворце отстаивал романовскую монархию во главе с Михаилом, но встреченный негодованием рабочей и солдатской массы, вскоре принужден был перекраситься в защитный республиканский цвет. Его выступления на казачьем съезде в первый период революции, речи против Циммервальда и Кинтала полны желчи и ненависти к революционному Интернационалу. Во Временном Правительстве первого состава Миллюков занял пост министра иностранных дел. Его рота 18 апреля 1917 г. о верности Временного Правительства договорам Николая II с союзниками вызвала дружный протест рабочих, и Миллюков вынужден был подать в отставку. Впоследствии глава крупных заговоров против революции, „корниловец“. После октябрьской революции—вдохновитель контр-революционных выступлений против советской России. Сторонник свержения Советской власти при помощи иноземных штыков. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую и искал помощи кайзера, но германская революция расстроила его планы.

После победы советских войск на контр-революционных фронтах, Миллюков поселился в Париже. Редактирует лево-кадетскую газету „Последние Новости“. Стал во главе „демократической группы“ кадетской партии.

3) А. П. Гучков—крупный московский домовладелец и промышленник доброволец в Бурскую войну, работал на Дальнем Востоке в Красном Кресте во время Русско-Японской войны, во время империалистской войны председатель военно-промышленного комитета, основатель „Союза 17 октября“ (в 1905 году), представитель реакционных кругов крупной буржуазии, вдохновитель третье-

июньского блока (см. примеч. 142), председатель III-й Государственной Думы, в первом Временном Правительстве в 1917 г.—военный и морской министр, аннексионист и сторонник „войны до конца“, отстаивал восстановление в армии железной дисциплины, без которой отказывался „спасать отечество от внешнего разгрома“. Ушел в отставку вслед за Милоковым. Поддерживал все контр-революционные движения в 1917—1921 г.г. Эмигрировал в Берлин.

4) Прогноз Н. Ленина вполне оправдался. Соединенные Штаты приняли участие в войне и довели ее размах до размеров действительно мировых. Техника и промышленность Соединенных Штатов имела решающее значение для победы Антанты над Средне-европейской коалицией в конце 1918 г. В конфликт был втянут и Китай, выступление которого, впрочем, имело лишь частичное экономическое значение (конфискация германского торгового флота, искавшего в пачале войны убежище в Китайских портах).

5) *Шейдеман*—член германской социал-демократической партии, видный депутат рейхстага. На последних выборах перед войной был избран вице-президентом рейхстага от с.-д. Во время войны—лидер правого оппортунистического крыла немецкой соц.-демократии, социал-патриот, втировал военные кредиты, вел борьбу с Карлом Либкнехтом и группой „Спартак“; после ноябрьской революции 1918 г.—глава соглашательского правительства республиканской Германии, расстрелявшего десятки тысяч пролетариев.

Давид—правый социал-демократ, бернштейнианец, автор работы „Сельское хозяйство и социализм“, идеолог мелко-буржуазных крестьянских интересов. В годы империалистической войны—крайний социал-шовинист. После революции 1918 года, вошел в первое соглашательское правительство республиканской Германии.

6) *Гвоздев*—меньшевик-ликвидатор, в годы войны председатель рабочей группы Всероссийского военно-промышленного комитета, созданного российскими промышленниками для распределения военных заказов казны. Товарищ министра труда в одном из коалиционных кабинетов Керенского. Занимал крайнюю оборонческую позицию с самого начала войны, проповедник социального перемирия (бургфриден).

Любопытна история создания упомянутой рабочей группы. Общее собрание выборщиков заводов Петербурга по призыву Петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) отказалось от участия в военно-промышленном комитете. Под предлогом, что на собрании присутствовал один нелегальный под чужой фамилией (член П. К. тов. Богдатыев), председателем комитета Гучковым совместно с Гвоздевым было создано вторичное собрание с предварительным устраниением „пораженцев“ путем ареста. Искусственно подобранное большинство перевесом двух—трех голосов постановило выборы произвести. В результате была создана „Рабочая Группа“, служившая простым придатком к комитету промышленников, но не пользовавшаяся никаким авторитетом среди рабочих.

А. П. Потресов—см. прим. 230.

Г. В. Плеханов—см. прим. 27 и 193.

7) *Третьичный Международный Конгресс в Вазеле* собрался в 1912 году, во время Балканской войны, нарушившей равновесие империалистических государств и угрожавшей Европе мировой войной. В этот момент стало очевидным, что капитализм вошел в свою империалистическую фазу, и противоречия „национальных капитализмов“ зашли так далеко, что мировое столкновение

стало неизбежным. Конгрессе в порядке дня имел только вопрос о войне и вынес революционные решения, постановив, что с.-д. партии всех стран обязаны всеми силами противиться войне и противодействовать ей, если она начнется. Когда империалистическая война, предсказанная на Базельском конгрессе, действительно началась через два года, его решения вождями II-го Интернационала были забыты и официальные с.-д. партии, за исключением русской, итальянской, болгарской и сербской, поддерживали войну и свою буржуазию.

8) *Бьюкенен* в годы войны состоял великобританским послом в России, в качестве представителя союзной державы оказывал сильнейшее влияние на русскую политику, диктуя волю английских империалистов и играя роль фактического проконсула России. Октябрьско-кадетская буржуазия усиленно искала у него поддержки и покровительства. Банкеты, которые он устраивал в посольстве, раздувались в буржуазной прессе, как крупные политические события. В февральские дни 1917 г., Гучковы и Милюковы действовали по соглашению с ним, идя на отречение Романовых. Во время керенловского похода на Петербург (август 1917 год), английские броневики были в составе дикой дивизии.

Требования Бьюкенена для Керенского были законом. По его настоянию Керенским был издан закон, устанавливающий тяжелую ответственность печати за оскорбление союзных держав и их представителей. На основании этого закона был привлечен к суду орган Московского комитета Р.К.П. „Социал-Демократ“, установивший содействие Бьюкенена генералу Корнилову. Октябрьская революция помешала процессу.

Неудачное наступление на фронте 18 июня 1917 года было предпринято Керенским под давлением Бьюкенена и других союзных послов.

9) *Первые Советы Рабочих Депутатов* возникли в октябре 1905 года во время всеобщей стачки из общегородских стачечных комитетов, куда входили и представители буржуазных организаций и либеральных профессий. Как „органы революционного самоуправления“, особенно настойчиво их выдвигали меньшевики, стоявшие за „беспартийность и независимость“ Советов, против чего боюлись представители большинства.

Первым председателем Петербургского Совета в 1905 году был Хрустальев-Носарь, случайный в революции человек, примкнувший к меньшевикам. После его ареста председателем был избран Троцкий. 3 декабря 1905 г. Петербургский Совет был арестован, и его Исполнительный Комитет в полном составе приговорен судебной палатой на поселение в Сибирь. Первый Петербургский Совет был всероссийским революционным центром рабочего движения. Совет провел три всеобщих забастовки и выпустил манифест с призывом к финансовому бойкоту царского правительства. Подробнее о роли Петербургского Совета 1905 года и об отношении к нему большевиков см. статьи Н. Ленина в VII т. Собр. соч.

Петербургский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в 1917 г. образовался 27 февраля, по типу Совета 1905 г., сыгравшего крупную роль во время первой русской революции. Первоначальный его состав насчитывал свыше 2000 депутатов. Совет делился на две секции: рабочую и солдатскую, сначала находившиеся под идейным влиянием меньшевиков и эс-эров. Председателем Совета был избран Чхеидзе, товарищами председателя—Керенский и Скобелев. Члены И. К.: Церетели, Дан, Стеклов, Суханов, Капелзинский, от большевиков—А. Шляпников, П. Залуцкий, В. Мологов, несколько позднее от большевиков

а Ц. К. вошел Л. Каменев, вернувшийся из ссылки. По примеру Петербурга, один за другим создавались Советы в провинции. В конце марта состоялось первое совещание Советов, Северной области и фронтовых комитетов, на котором имели представительство 82 Совета, объединившие 20.000.000 рабочих и солдат. Совет пользовался безраздельным влиянием на Петербургский пролетариат и до первого съезда Советов и избрания В. Ц. И. К. являлся всероссийским центром рабочего движения.

По мере того, как соглашатели теряли доверие масс, Петербургский Совет путем перевыборов депутатов изменял свое большинство, пока не перешел в руки большевиков.

10) *Название ликвидаторов* получила в годы реакции большая часть меньшевиков, во главе с Даном, Мартовым, Потресовым, Мартыновым, В. Левицким (Цедербаум), Череваниным и др. Ликвидаторы, отказываясь от признания близости и неизбежности русской революции, настаивали на уничтожении старой подпольной партии, требовали отказа от нелегальной борьбы, старались нащупать пути соглашения с буржуазией и правительством, лозунги свержения царизма и полного народовластия заменяли лозунгами буржуазных свобод (печати, собраний, союзов и др.). В момент подъема стачечного движения их газеты („Луч“ и др.) кричали о стачечном азарте. В годы войны громадное большинство ликвидаторов встало на социал-патриотическую позицию и участвовало в военно-промышленных комитетах, имея их целью снабжение армии и распределение военных заказов. После февральской революции л-ы были затрещниками коалиции демократических партий с капиталистами. После октября большинство из них вело активную борьбу с Советской властью. Борьбе с ликвидаторами посвящен ряд статей Н. Ленина за 1909—1914 г.г. См. также сб. статей В. Ильина (Н. Ленина), Ю. Каменева и Г. Зиновьева: „Марксизм и ликвидаторство“ (СПб. 1914 г.) и брош. Каменева „Две партии“ (Париж 1911 г.).

11) *Ц. К.*—Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П. После раскола партии в 1911 г. Центральный Комитет остался в руках большевиков и право пользовался именем Ц. К. принадлежало им.

О. К.—Организационный Комитет Р. С.-Д. Р. П. Так обычно назывался орган, игравший роль Ц. К. у меньшевиков в периоды раскола на большинство и меньшинство (1903—1906 г.г. и с 1911 г. до лета 1917 года, когда меньшевики избрали собственный Ц. К.).

С.-Р.—Партия социалистов-революционеров.

Бунд—Всеобщий Еврейский Рабочий Союз. Бунд основан в 1897 году, вошел в Р. С.-Д. Р. П. на первом съезде в Минске в 1898 г., но на II съезде в 1903 г. вышел из партии ввиду своего нежелания подчиниться проведенному на съезде „искровцами“ организационному централизму. Вторично вошел в Р. С.-Д. Р. П. на Стокгольмском объединительном съезде в 1905 г. После нового раскола общероссийской партии в годы реакции фактически из нее ушел, не желая поддерживать ликвидаторство. Во время войны большинство бундовцев было оборонцами и социал-патристами (Либер, Абрамович). В процессе гражданской войны организации Бунда революционизировались под давлением пролетарских масс и в 1921 г. Бунд сдился с Р. К. П.

12) *М. А. Натансон* (Бобров), родился в 1844 г., один из виднейших организаторов народнического движения 70-х г.г., в 1872 г. был выслан в Архангельскую губернию. В 1878 г. за принадлежность к „Обществу друзей“ вновь был

сослан в Сибирь, где пробыл до 1887 г. В 1893 г. вместе с другими народниками организовал „Социально-революционную партию Народного Права“, ставившую своей целью замену самодержавия представительными учреждениями, но скоро распавшуюся после ряда арестов в 1897 г. С образованием партии социалистов-революционеров в девяностых годах, Натансон вошел в ее Центральный Комитет, в котором пребывал почти беспрерывно. В годы реакции боролся против покаянных и упадочных настроений партии, выразителем которых явился Б. Савинков со своими романами „Конь бледный“ и „То, чего не было“. С начала империалистической войны Натансон занял интернационалистскую позицию и вместе с Черновым участвовал на Циммервальдской и Кунтальской конференциях. В августе—сентябре 1917 г., порвал с Черновым и встал во главе левых с.-р., шедших тогда с большевиками.

После октябрьской революции, был представителем левых с.-р. во В. Ц. И. К. После июльской лево-эс-эровской авантюры 1918 г. и распада партии, вошел в отколовшуюся группу—революционных коммунистов, впоследствии примкнувших к Р. К. П. Скончался за границей в 1919 году, в глубокой старости. Натансон, оставаясь народником, безоговорочно примкнул к пролетарской революции и Советской власти, являясь лучшим представителем той интеллигенции, которая еще в 70-х г.г. начала борьбу против самодержавия за социализм и всю жизнь оставалась верна этой задаче.

⁴⁹⁾ Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), родился в 1873 году—вождь меньшевизма. В конце 1900 г. вошел в состав редакции (вместе с В. И. Ульяновым-Лениным, Плехановым, Засулич и П. Аксельродом) газеты „Искра“, сыгравшей решающую роль в развитии социал-демократического движения в России; на II съезде Р. С.-Д. Р. П., состоявшемся летом 1903 года, Мартов разошелся по организационным вопросам с большинством съезда (о составе редакции „Искры“ и о членстве партии). Редакция параграфа о членстве в партии, предложенная Мартовым, открывала доступ в партию неустойчивым и оппортунистическим элементам; на почве возникших разногласий, в рядах Российской социал-демократии образовались два основных течения — „большевистское“ и „меньшевистское“; вождем и самым видным публицистом второго стал Мартов. Война застала Мартова в рядах меньшевиков-интернационалистов. Он участвовал на Циммервальдской конференции (центр) и состоял редактором „Нового Слова“, издававшегося в Париже. После февральской революции, Мартов проехал с целой группой меньшевиков-интернационалистов через Германию в Россию. В первый период революции Мартов стоит на интернационалистской позиции и часто расходится по целому ряду вопросов с большинством своей партии, занимавшей правую социал-оборонческую позицию. На втором съезде Советов отстаивает необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остается на съезде после ухода меньшевиков и правых эс-эров. Вскоре, однако, Мартова целиком захлестывает меньшевистский поток, который после октябрьской революции, отбрасывает его в стан врагов Советской власти. В начале 1921 года М. эмигрировал в Берлин, где в качестве редактора „Социалистического Вестника“ выступил с целым рядом статей против Советской власти в России и вступил в 2¹/₂ Интернационал.

⁴⁴⁾ Коссовский—один из старейших деятелей еврейского с.-д. движения, основатель и член Ц. К. Бунда (см. прим. 11, участник I и II съездов Р. С.-Д. Р. П. 1898 1903 г.г.)

¹⁵⁾ *Фридрих Платтен*, секретарь швейцарской социалистической партии, интернационалист, участник Циммервальда. Во время первой русской революции 1905 г. был в России, сидел в тюрьме, отпущен под залог, пытался вновь приехать в правление Керенского, но последний запретил ему въезд в Россию. При Советской власти неоднократно бывал в Москве и Петербурге. Участник I конгресса III Интернационала и один из его председателей и докладчиков. При попытке перелететь на аэроплане из России в советскую Венгрию был арестован румынским правительством и только, как швейцарский гражданин, избежал расстрела. Один из руководителей комм. партии Швейцарии.

¹⁶⁾ *Дорис*—член Циммервальдской левой и Кинтала, организатор французской коммунистической партии. Член президиума III конгресса Коминтерна. В 1920 г. около года просидел в тюрьмах по обвинению в государственной измене, но суд присяжных принужден был его оправдать.

¹⁷⁾ *Анри Гильбо*, член французской социалистической партии, эмигрировал из Франции в Швейцарию, издавая в Женева интернационалистический журнал „Завтра“ и примыкая к „Циммервальдской левой“. В настоящее время—коммунист, принимал участие во II-м конгрессе Коминтерна и входил в его Исполком. Поэт и писатель.

¹⁸⁾ *Хартиггейн*—псевдоним Павла Леви, члена союза „Спартак“ (см. прим. 62) и впоследствии члена Ц. К. Объединенной Коммунистической Партии Германии; участник Циммервальда (член его „левой“) и Кинтала, член президиума II конгресса Коминтерна. В 1920—1921 г.г. оказал поддержку итальянцу Серрати, отказавшемуся вопреки требованию Коминтерна разорвать с реформистами, и пытался вместе с ним организовать правое крыло в III Интернационале, вследствие чего исключен из О. К. П. Г.

¹⁹⁾ *Бетман-Гольвег*—канцлер Германской империи, представитель юнкерских и банковских интересов, ближайший сотрудник Вильгельма в подготовке и организации империалистической войны.

²⁰⁾ *Отто Бауэр*—один из вождей австрийской социал-демократии, примкнувший до войны к ее левому крылу, во время войны призванный в армию попал в русский плен и отправлен в Сибирь, откуда был освобожден правительством Керенского по требованию Петербургского Совета. Во время своего кратковременного пребывания в Петербурге, будучи сам оборонцем австрийского отечества, политически поддерживал позицию русских оборонцев. После ноябрьской революции 1918 г. в Австрии—государственный секретарь иностранных дел в коалиционном правительстве австрийской республики. Будучи противником III Интернационала, выпустил книгу против русских коммунистов и советской системы, единомышленник Каутского. Один из организаторов двух с половиною Интернационалов.

²¹⁾ О происхождении настоящих „тезисов“ и о реферате Н. Ленина 4 апреля 1917 г. см. подробнее статью „Цитата о тактике“ („Собр. сочин.“ 1 ч. XIV т., стр. 26).

²²⁾ *Первое правительство гн. Львова* имело чисто буржуазный состав. Исключением являлся эс-эр Керенский, вошедший в министерство вопреки воле Петербургского Совета Р. и С. Д. и безпартийной санкции.

Состав первого Временного Правительства: министр-председатель Г. Е. Львов министр юстиции—А. Ф. Керенский, министр иностранных дел—П. Н. Милюков, министр финансов—М. П. Терещенко, министр путей сообщения—Н. В. Некрасов

министр народного просвещения—А. А. Мануилов, министр военный и морской—А. И. Гучков, государственный контролёр—Годнев, прокурор святейшего синода—В. Н. Львов, управляющий делами—В. Д. Набоков и др.

Кабинет в указанном составе (за исключением Гучкова и Милюкова, подавших в отставку раньше) просуществовал до 5 мая, когда был заменен коалиционным кабинетом под председательством того же Г. Е. Львова.

23) *Н. С. Чхеидзе*, род. в 1863 г., слушал лекции в Одесском университете, участвовал в с.-д. работе на Кавказе, состоял гласным Батумского и Тифлисского городских самоуправлений. Депутат III и IV Государственных Дум от Тифлисской губернии, лидер думских меньшевиков. По отношению к войне занимал неясную, сильно колеблющуюся позицию. С февраля 1917 г. до конца лета состоял председателем Петербургского Совета Р. и С. Д. Стронник коалиции с буржуазией. После октябрьской революции покинул активную политическую деятельность, придерживая за границей грузинских меньшевиков.

24) *И. Г. Церетели*, с.-д. меньшевик, член II Государственной Думы от Кутаисской губернии, лидер с.-д. фракции. После роспуска Думы (3 июня 1907 г.) был привлечен вместе со всей фракцией, насчитывавшей 64 депутата, к суду по обвинению (вымышленному) в организации военного заговора и осужден на каторгу. Февральская революция освободила его из Сибири, где он находился в качестве ссыльно-поселенца. По возвращении в Петербург стал во главе меньшевиков, отстаивая продолжение империалистской войны и коалиции с буржуазией. 6 мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство в качестве министра почт и телеграфов. Член Исполнительного Комитета В. Ц. И. К. первого созыва и его вдохновитель.

25а) *Ю. М. Стеклов* (Невзоров), род. в 1873 г. Слушал лекции в Киевском университете, вел с.-д. работу в Одессе в рабочих и матросских кружках, вследствие чего был арестован в 1894 г. и сослан на 10 лет в Восточную Сибирь, в 1899 г. бежал за границу, где примкнул к революционному крылу социал-демократии. Вместе с Д. Б. Рязановым участвовал в организации заграничной литературно-издательской группы „Борьба“, после раскола партии примкнул к большевикам. По амнистии 1905 г. вернулся в Россию и был арестован 30 декабря на заседании Петерб. Совета Р. Д., но скоро освобожден и, эмигрировав за границу, принимал участие в большевистских изданиях.

После февральской революции занимал неясную, колеблющуюся позицию и примыкал к „Новой Жизни“ Горького (см. прим. 109а). Член Исполнительного Комитета Петербургского Совета оборонческого состава и его „контактной комиссии“, созданной для сношений с Временным Правительством. В настоящее время—член Р. К. П. и редактор „Известий В. Ц. И. К.“.

25) *Луи Блан* (1811—1882 г.г.)—французский социалист-утопист. В главной работе „Организация труда“ Б. изложил основные положения своей социальной системы, приобретшей особенную популярность во время февральской революции 1848 г., когда он, примкнувши к социализму, вошел от рабочих в состав временного правительства и пытался применить свои взгляды на практике. Капиталистическому строю, обрекающему массу населения на нищету, порождающему пороки, разврат и преступления, Луи Блан противопоставлял систему общественных мастерских или промышленных и земледельческих ассоциаций, управляемых сначала агентами государства, а затем самими рабочими. По его настоянию, временное правительство учредило под председательством Л. Блана

„правительственную комиссию для рабочих“, которая должна была заняться изучением и разрешением рабочего вопроса. К участию в этой комиссии заседавшей в Люксембургском дворце („Люксембургская комиссия“) было привлечено около 200 рабочих депутатов. Председательствование в этой комиссии отвлекло Луи Блана от участия во временном правительстве, что, конечно, и отвечало интересам большинства членов правительства, враждебно настроенного против социалистов. Люксембургская комиссия приобрела большую популярность среди рабочих, хотя практическое ее значение для трудящихся было ничтожно. Чтобы привлечь на свою сторону хотя бы часть парижских рабочих, правительство учредило „национальные мастерские“, но желанных результатов эта мера правительству не дала. Мастерские были вскоре закрыты и рабочие, поняв, что их дело проиграно, взяли за оружие. После кровавых июньских дней, Луи Блан бежал в Англию, откуда вернулся в Париж в 1870 г. Взгляды Луи Блана никогда не отличались особой революционностью. Он не только верил в возможность мирного осуществления социальной реформы, но и развивал своеобразную идею солидарности интересов пролетариата и буржуазии, являясь, таким образом, „теоретиком соглашения“. После 1848 года Луи Блан еще более передвинулся вправо. В дни Парижской Коммуны он дошел до того, что, вместе с некоторыми членами „левой“ национального собрания, примкнул к версальцам, расстреливавшим парижских коммунаров. В 1876 году Б. был избран в палату депутатов и примкнул к радикальной партии. Умер 6 декабря 1882 г.

„Луиблановщина“—является синонимом мелко-буржуазного соглашения.

26) „*Речь*“—орган конституционно-демократической партии (к.-д.), руководимый Милюковым, издававшийся в Петербурге при участии Гессена и Набокова; с первых дней февральской революции 1917 г. занял позицию, враждебную Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. В предоктябрьские дни—орган корниловщины и контр-революции.

27) „*Единство*“—газета Г. В. Плеханова, издававшаяся им при участии Алексинского в Петербурге в 1917 году. В годы войны Плеханов скатился на ультра-шовинистическую позицию, отстаивая победу над Германией и призывая во имя ее русских рабочих воздерживаться от всяких выступлений против царизма. „Единство“ вело бешеную агитацию против большевиков и отстаивало коалицию с кадетами. Впоследствии группа „Единства“ в блоке с другими буржуазными партиями участвовала в контр-революционных организациях и работала на Деникина и Колчака.

28) „*Рабочая Газета*“—орган меньшевиков, выходивший в Петербурге в 1917 г. при участии Л. Мартова, Либера и Дана.

29) *Парижская Коммуна* (18 марта—15 мая 1871 года)—см. подробную ее характеристику, сделанную К. Марксом в его брошюре „Гражданская война во Франции“, а также в книге Н. Ленина „Государство и Революция“.

30) *Л.-О. Бланки* (род. в 1856 г.)—французский революционер и социалист. В революции 1830 г. Б. сражался на баррикадах и с тех пор принимал участие во всех парижских восстаниях, будучи организатором и руководителем многих из них. В качестве редактора газеты „Общество друзей народа“, Б. был приговорен судом к году тюрьмы. В 1836 г. Б. был вновь привлечен к процессу об изготовлении пороха и приговорен к двум годам тюремного заключения. После помилования принял деятельное участие в „Обществе времен года“ и подго-

товке восстания, подавленного правительством, за что в 1840 г. был присужден к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. Освобожденный революцией 1848 г., Б. приступил к организации „Центрального Республиканского Общества“. Суд второй республики приговорил его за участие в „деле 15 мая“ к 10 годам тюрьмы. Вследствие попытки к побегу, он был заключен в крепости на о. Корсига. По амнистии 1859 г. Б. получил свободу, но уже в 1861 г. вновь был приговорен к 4 годам тюрьмы, за участие в тайном общес.ве. В 1871 г. Б. был избран членом Коммуны, но Тьер поспешил заключить его в крепость Тора. Попытка Коммуны добиться его освобождения в обмен на вианных версальцев была отвергнута. В 1872 г. военным судом третьей республики Б. был приговорен к ссылке. В 1879 он был избран в палату депутатов, но правительство отменило выборы, помиловав, однако, его.

Тайные заговоры и организация восстаний—главный метод Бланки. Жизнь и революционная практика самого Б. показала ненадежность этого метода, тем не менее Б. остается примером стойкого революционера, не знающего соглашения и колебаний, беззаветно преданного делу освобождения трудящихся. Это роднит его с пролетарской борьбой, идущей под знаком революционного марксизма.

¹⁾ См. книгу Н. Ленина „Революция и Государство“ (вошедшую во 2-ую часть XIV тома Собрания сочинений).

²⁾ Ю. Каменев—Л. В. Каменев, род. в 1883 г. Первый раз был арестован на студенческой демонстрации на Тверском бульваре в 1902 г. после сходы в университете. Работал в Московской большевистской организации, за что привлекался к жандармскому дознанию в 1904 г. Участник Третьего и Лондонского съездов партии. В эпоху первой революции работал в Петербурге вплоть до ареста в 1908 г. После освобождения выехал за границу, где вместе с Лениным и Зиновьевым редактировал „Пролетарий“, позднее участвовал в „Социал-Демократе“ и „Правде“, органе Троцкого, издававшимся в Вене, в состав редакции которого К. входил по постановлению Ц. К.

В 1913 году К. был командирован Ц. К. в Россию для руководства работой с.-д. фракции и газетой „Правда“. В ноябре 1914 года был арестован на партийной конференции, на которой обсуждалась тактика фракции по отношению к войне и вместе с 5 депутатами большевиками сослан на поселение в Сибирь. После февральской революции вернулся в Петербург на несколько недель раньше Ленина, до опубликования его „тезисов“; будучи редактором „Правды“ выступил с их критикой, в общем отстаивая партийную линию первой революции, считая максимумом возможных достижений установление диктатуры пролетариата и крестьянства, без непосредственного перехода к коммунизму. На апрельской общепартийной конференции 1917 г. в Петербурге при поддержке небольшой группы москвичей, в качестве содокладчика отстаивал против В. И. Ленина точку зрения, близкую вышеуказанной. На конференции вошел в Ц. К., членом которого состоит и теперь. На II-м съезде Советов был избран председ. телем В. Ц. И. К., но ввиду отъезда с мирной делегацией в Брест на этом посту его сменил покойный Я. М. Свердлов. Ныне председатель Московского Совета.

³⁾ Статья „Задачи пролетариата в нашей революции“ написана была ко времени Всероссийской апрельской конференции, являясь мотивировкой основных резолюций последней, по техническим причинам вышла из печати только в сентябре 1917 г.

34) *Столыпин-Вешатель* — председатель кабинета министров Николая II в эпоху реакции после первой революции 1905 г. Политика Столыпина лучше всего характеризуется его же формулой: „сначала успокоение, а потом реформы“ Успокоения он добивался посредством жесточайших репрессий: удушения печати, фактической отмены свобод, „возвещенных высочайшим манифестом 17 октября 1913 года“, закрытия профессиональных рабочих союзов, изменения избирательного закона 3 июня 1907 г., давления на выборы, создания национальных избирательных курий, отделения Холмщины от польских губерний, введения истинно-русского земства в некоторых западных губерниях, правительственной поддержки союза русского народа и энергичной деятельности военно-полевых судов. Его реформы заключались в разрешении крестьянам-общинникам укреплять за собой в собственность наделные земли, что способствовало обогащению деревенских кулаков, а также выделению отрубов и покровительству хуторским хозяйствам. Эта „ставка на сильных“ проводилась с целью скорейшего разложения среднего крестьянства, требовавшего земли и создания крепкого фермерского хозяйства, как опоры в деревне для буржуазной монархии. Политика Столыпина поддерживалась наиболее энергично правым крылом русской буржуазии, связанным поставками на казну (так называемая, паразитическая буржуазия, октябристы во главе с А. И. Гучковым) и вступившими в третье-июньский блок (см. прим. 142) с землевладением и дворянством (националисты, В. Шульгин и др.)

35) *О двоевластии* — см. статью Н. Ленина под этим же названием — 1 часть XIV тома Собрания сочинения, стр. 24; о правительстве кн. Львова см. прим. 22; о Петербургском Совете Р. и С. Д. — см. прим. 9.

36) *М. И. Скобелев* — с.-д. меньшевик, был выбран в IV-ю Государственную Думу от г. Баку. Товарищ председателя и член Исполнительного Комитета Петербургского Совета Р. и С. Д., 6 мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство (кн. Львова) в качестве министра труда. Странник коалиции с буржуазией и оборонец.

37) *Ренодель*, один из вождей французской социалистической партии, член ее Ц. К., редактор центрального органа „Юманитэ“ после Жореса, убитого в августе 1914 г.; в эпоху войны социал-патриот и социал-пацифист. В настоящее время стоит на правом крыле французской социалистической партии, расколовшейся с коммунистами на Турском конгрессе в 1920 году.

38) *Жюль Гед* — вождь и теоретик французских марксистов, отстаивавший до войны „ортодоксальные“ позиции против ревизионистов как во II Интернационале, так и во французской социалистической партии (его борьба против министералиста Мильераина и Жореса, поддерживавшего последнего). С момента объявления империалистической войны занял крайнюю оборонческую позицию, проповедуя *unle sacré* (священное единение с буржуазией). Министр без портфеля в буржуазных министерствах „защиты отечества“. Один из влиятельнейших вождей II Интернационала.

39) *Марсель Самба* — член французской социалистической партии, социал-шовинист, депутат и министр в кабинете Клемансо с первых дней войны.

40) *Биссолати* — один из основателей итальянской социалистической партии, был несколько раз редактором „Аванти“, депутат, крайний правый, националист и министр в годы войны, умер в 1919 году.

^{40а)} *Лабуристы*—члены британской рабочей партии (Labour party). Рабочая партия представляет из себя объединение тред-юнионов, независимой рабочей партии и других рабочих организаций—по преимуществу в целях парламентской борьбы и проведения избирательных кампаний. В И-м Интернационале занимала крайнее правое крыло.

⁴¹⁾ *Брантинг*—депутат и вождь шведской социалистической партии, один из вождей II-го Интернационала, сохранивший ему верность до сих пор. Ортодокс до войны, сторонник франко-английской ориентации в годы войны, ныне премьер-министр шведского королевского правительства.

⁴²⁾ *Трульстра*—вождь крайней правой голландских социалистов, одна из наиболее типичных фигур II Интернационала, в годы войны сторонник германской ориентации.

⁴³⁾ *Стаунинг*—руководитель датской с.-д. партии, реформист, с начала империалистической войны вошел в министерство, придерживелся германской ориентации.

⁴⁴⁾ *В. Бергер*, один из вождей американской социалистической партии, крайний правый, немец по происхождению—и только поэтому не сторонник войны.

⁴⁵⁾ *К. Каутский*—теоретик германской социал-демократии II Интернационала, экономист и историк. Родился в Праге, по происхождению наполовину чех. Воспитывался в бенедиктинском аббатстве, но в середине семидесятых годов, поступив в университет, был уже социалистом. В 1880 г., переехав в Цюрих, работал в социалистической прессе вместе с Бернштейном, в то время еще ортодоксом. Начав свои научные работы под непосредственным руководством Ф. Энгельса, переняв литературное наследство и неоконченные труды К. Маркса и Энгельса, продолжал их теоретическую работу. Редактор научного марксистского журнала „Neue Zeit“ с 1887 г. После ревизии Маркса, предпринятой Бернштейном, выступил с решительной критикой ревизионизма. До войны 1914—1918 г.г. примыкал к левому радикальному крылу марксизма. С момента войны занял крайне неясную, половинчатую позицию, стараясь теоретически связать интернационализм и оборону отечества. После октябрьской революции 1917 г. выступил с „научной“ критикой советской системы в защиту демократии и парламентаризма, докатившись до реформизма. В настоящее время член германской независимой с.-д. партии, входящей в 2½ Интернационал. Единомышленник Отто Бауэра, Гильфердинга и Л. Мартова.

⁴⁶⁾ *Гаазе*, один из вождей германской с.-д., примыкавший к ее центру друг и единомышленник Бебеля, во время войны вместе с Леддбуром и Каутским занял неясную, колеблющуюся позицию, голосуя в рейхстаге, против военных кредитов (на первом голосовании 4 августа 1914 г. встегировал за кредиты), но не делая необходимых дальнейших выводов. В 1916 г. вышел из официальной партии и примкнул к независимой с.-д. партии Германии, одним из основателей которой он является вместе с Леддбуром. После ноябрьской революции 1918 г. входил в правительство, составленное из независимых и шейдемановцев. Предательски убит немецким офицером в 1919 году.

⁴⁷⁾ *Леддбур*, старый марксист, соратник Бебеля и Гаазе, в годы войны занимавший интернационалистскую позицию, участник Циммервальдской конференции, подписавшийся под ее манифестом, но решительный противник „Циммервальдской левой“. О отколом от германской с.-д. партии „независимых“

один из их лидеров. После ноябрьской революции в Германии, некоторое время входил в правительство. Вместе с Карлом Либкнехтом и Шольце состоял членом революционного комитета в Берлине во время январского восстания 1919 года, оставаясь противником диктатуры пролетариата и защитником „демократии“. Каугскианец. После победы коммунистов на конгрессе в Галле ушел из партии вместе с правыми независимыми.

48) *Лонге*, в годы войны занимал неясную полу-оборонческую, полу-пацифистскую позицию, однако неизменно голосовал за военные кредиты. Вождь бывшей оппозиции внутри партии (миноритеры). На Страсбургском конгрессе в 1918 году большинство французской партии перешло на позицию Лонге, который стал ее идеологом и редактором „Юманиэ“. После Турецкого конгресса в 1920 г., где победили коммунисты, Лонге вышел вместе со своими сторонниками из партии, предпочтя реформистов коммунистам. Примыкает к Венскому 2¹/₂ Интернационалу; внук Карла Маркса.

49) *Прессман*—французский синдикалист, занимавший по отношению к войне расплывчатую, полуоборонческую, полупацифистскую позицию.

Миноритеры—меньшинство французской социалистической партии в годы войны, стоявшие на позиции Лонге (см. прим. 48).

50) *Ф. Сноуден*—один из вождей независимой рабочей партии (I. L. P.), в настоящее время стоит на правом ее крыле.

51) *Рамсей Макдональд*, вождь английской независимой рабочей партии, депутат, входил во время войны в парламентский блок с либералами, один из главарей и вдохновителей амстердамского объединения профессиональных союзов.

Независимая рабочая партия (I. L. P.) в годы войны вела пацифистскую политику, в 1920 г. вышла из II-го Интернационала и в 1921 г. участвовала в Венской конференции Интернационала 2¹/₂.

52) *М. Хилкуит*—основатель американской социалистической партии, по происхождению эмигрант из западной России, по профессии—крупный адвокат, первоначально марксист-ортодокс, постепенно скатился к реформизму и оппортунизму.

Социалистическая партия Америки (Хилкуит, Бергер), примыкая к правому реформистскому крылу II Интернационала, активно войны не поддерживала. В 1915 г. насчитывала свыше 100.000 членов. В 1912 г. ее левое крыло ушло частью к синдикалистам, образовав организацию „индустриальных работников мира“ (I. W. W.), частью примкнуло к социалистической рабочей партии, несколько более левой, но не пользующейся никаким влиянием на массы. Отколовшиеся от обеих партий в 1919 г. левые, преимущественно эмигрантские, группы образовали после ряда перегруппировок и расколов Объединенную Коммунистическую Партию Америки.

53) *Турати*—глава итальянских реформистов, сторонник классового сотрудничества и участия в буржуазном правительстве, депутат. Во время войны голосовал вместе со своей группой против военных кредитов, высказываясь за „демократическое“ решение войны и вильсонизм. В настоящее время стоит на правом крыле социалистической сerratтанской партии.

54) *Тревес*—один из старейших членов итальянской социалистической партии, редактор ее центрального органа „Аванти“ до 1912 г., теоретик итальянского реформизма, сторонник Турати, пацифист, депутат палаты.

⁵⁶⁾ *Модильяни*—видный реформист, сторонник Турати, пацифист, депутат

⁵⁷⁾ *Роберт Гримм*—секретарь Швейцарской социалистической партии в годы войны интернационалист пацифистского типа, член Циммервальдской и Кинтальской конференций 1917 г., приезжал в Россию и был выслан Керенским и Церетели, который утверждал, что правительством одной из воюющих держав Гримму было поручено зондировать почву о возможности мирных переговоров. В настоящее время один из вождей 2½ Интернационала.

⁵⁸⁾ *Виктор Адлер*—марксист-ортодокс, руководитель и теоретик австрийской социал-демократии, один из виднейших деятелей II Интернационала, оборонец каутскианского типа в годы войны. Министр буржуазного временного правительства Австрии после ноябрьской революции 1918 г.

⁵⁹⁾ *П. В. Аксельрод*, в 70-х годах бакунист, принимал участие в народническом движении. Был арестован в деревне, где пытался вести агитацию, но успел бежать. Эмигрировал за границу, где вместе с Плехановым основал в 1883 г. группу „Освобождение Труда“. Член редакции „Искры“ (1901 г.). На втором съезде партии в 1903 году примкнул к меньшевикам. В годы реакции инициатор „рабочего съезда“, т. е. растворения с.-д. партии в беспартийных рабочих организациях, затем один из руководителей ликвидаторства. Участвовал в Циммервальдской конференции, но отказался примкнуть к ее левой. В настоящее время входит в 2½ Интернационал. Ведет резкую кампанию против коммунизма.

⁶⁰⁾ *Л. Мартов*—см. прим. 13.

⁶¹⁾ *Международная социалистическая конференция в Циммервальде* 9—12 сентября 1915 г. была созвана официально от имени итальянской социалистической партии по вопросу об отношении к войне. На конференции участвовали представители официальных партий, частью представители их меньшинств, отдельных групп и течений, стоящих на интернационалистской точке зрения от следующих стран: Германии, Франции, Италии, России, Польши, Балканской социалистической федерации, Швеции, Норвегии, Голландии и Швейцарии. Английская независимая рабочая партия не принимала участия в конференции, так как не получила паспортов от своего правительства. В русскую делегацию входили: от Ц. К. (большевики): Ленин и Зиновьев; от О. К. (меньшевики): Мартов, Аксельрод и Мартов; от Ц. К. П. С. Р.—Чернов и Натансон; от с.-д. латышского края—Ян Берзин; от Бунда—Ленгник; от с.-д. Польши и Литвы—Ст. Лапинский; от П. П. С. (левицы)—Варский (Варшавский) и от П. П. С. (правицы)—Ганкевич.

Конференция обратилась с манифестом к пролетариям Европы, где призывала к борьбе за прекращение войны и за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций. В качестве временного центра была избрана комиссия в составе: Моргари (Италия), Ш. Нэна, Р. Гримма (Швейцария) и в качестве секретаря Анжелики Балабановой.

Радикальная часть конференции—„Циммервальдская левая“ во главе с Лениным настаивала на более ясных формулировках, призывала к решительной борьбе за социальную революцию и за превращение империалистической войны в гражданскую войну, обратилась к рабочим с собственным манифестом и выбрала свой центр.

5—8 февраля 1916 г. совещание групп, примкнувших к Циммервальду, созданное в Берне его интернациональной социалистической комиссией, постановило созвать 2 международную конференцию, которая состоялась в Кинтале

24—30 апреля 1916 г. Участвовало 40 делегатов из различных стран. В состав русской делегации входили: от Ц. К.—Ленин и Зиновьев; от О. К.—Мартов, Аксельрод, Астров и С. Семковский; от польских с.-д.—Варский и Лапинский; от П. С. Р.—Натансон и Чернов. Латыши передали свой мандат Ленину. От германской с.-д. имели мандаты 23 делегата, в том числе Каутский, Меринг, К. Цеткин и Р. Люксембург.

Циммервальдское объединение существовало до I конгресса III Интернационала в 1919 г., на котором распустило себя.

62) Союз „Спартак“. Нелегальная организация, созданная в начале войны Карлом Либкнехтом, Львом Иогихесом (Тышко) и Розой Люксембург для борьбы с официальной социал-демократией, изменившей Интернационалу и революции Спартак—имя вождя одного из восстаний римских рабов, распятого на кресте. Германская с.-д. партия 4 августа 1914 г., когда ее парламентская фракция голосовала за военные кредиты, решительно встала на позицию поддержки войны и правительства. Спартаковцы не только вели агитацию против империалистической войны, но и призывали массы к революционной борьбе за социалистическую революцию. В 1916 г., после откола от официальной с.-д. партии „независимых“ (Гаазе, Ледебур), отказавшихся голосовать за кредиты, но отказавшихся также от агитации за революцию, „Спартак“ из тактических соображений примкнул к независимой социал-демократической партии Германии (U. S. P.), сохранив, как особая группа, свою организацию. После ноябрьской революции в Германии в 1918 г. и образования правительства из официальных с.-д. (шейдемановцев) и независимых, „Спартак“ разорвал связь с последними и в декабре того же года прекратил свое существование, организовав германскую коммунистическую партию.

Карл Либкнехт—сын одного из основателей германской с.-д. партии—Вильгельма Либкнехта. На заседании рейхстага 4 августа 1914 г. остался верен Интернационалу и вдвоем с О. Рюле голосовал против военных кредитов, в то время как вся с.-д. фракция, насчитывавшая 110 депутатов, голосовала за кредиты. Свою борьбу за Интернационал он не ограничил парламентом и перенес на улицу, призывая рабочих к демонстрациям против войны и к борьбе за социалистическую революцию. На первомайской демонстрации в Берлине Л., к тому времени мобилизованный, был арестован и приговорен к двум с половиной годам каторжной тюрьмы, откуда его освободила ноябрьская революция 1918 года. После победы большевиков в России, Либкнехт, находясь в тюрьме, одним из первых в Германии стал на сторону русской революции, призывая рабочих организовать Советы по русскому образцу и, действительно, организовав их в ноябре. Во время восстания берлинских рабочих в январе 1919 г. стоял во главе движения, будучи членом революционного комитета, после его ликвидации был арестован правительством Шейдемана и предательски убит вместе с Розой Люксембург германскими офицерами. Имя К. Либкнехта во время войны стало синонимом социальной революции и знаменем Коммунистического Интернационала, идейным основателем которого он был, но не дожид двух месяцев до его действительного основания 6 марта 1919 г.

63) *Отто Рюле*—депутат рейхстага, вместе с К. Либкнехтом голосовал против военных кредитов.

64) *Роза Люксембург* родилась в 1870 году в русской Польше. Будучи ученицей одной из варшавских гимназий, примкнула к кружку учащихся, органи-

зованному польской партией „Пролетариат“. Вследствие угрожавшего ареста восемнадцатилетней Люксембург пришлось бежать в Цюрих, где она окончила университет, получив докторский диплом за диссертацию „Развитие польской промышленности“. Проживая в Швейцарии и работая вместе с Львом Иогихесом (Тышко), она много сделала для выработки теоретического обоснования польского с.-д. движения, чем способствовала образованию в 1893 г. „Социал-Демократии Царства Польского“ (впоследствии „С.-д. Польши и Литвы“). На Цюрихский международный конгресс Л. получила мандат от варшавских рабочих. В 1897 г. переехала в Германию. Свою деятельность в рядах германской с.-д. Л. начала среди польских рабочих в Познани и Силезии.

Во время расцвета бернштейновского ревизионизма, а позднее министерализма (Мильеран), Л. повела с этим течением решительную войну, заняв место на левом крыле германской партии. В то же время она не прерывала связи с польским движением, получив мандат от польской с.-д. в Международное социалистическое бюро. Русская революция 1905 года перенесла ее работу в Варшаву, где она вскоре была арестована, но освобождена под залог и вернулась в Германию. В 1907 году участвовала в качестве делегата с.-д. Польши и Литвы на Лондонском съезде Р. С. Д.-Р. П., поддерживая по основным вопросам русской революции большевистскую фракцию.

С 1907 г. Л. всецело отдалась германской работе, занимая лево-радикальную позицию и ведя борьбу с центром и правым крылом. За это время ею написаны марксистский курс политической экономии и большой труд „Накопления капитала“. В 1913 г. за речь против милитаризма была приговорена к году тюрьмы. С первого дня империалистической войны, Л. заняла интернационалистскую и революционную позицию, пытаясь вместе с Мерингом и К. Цеткин издать манифест к рабочим. Попытка группы Р. Люксембург издавать журнал „Интернационал“ была прекращена на первом номере. Вскоре Л. вошла в „Союз Спартака“, основанный Карлом Либкнехтом. В 1916 году вновь была арестована в административном порядке. В тюрьме написала брошюру „Кризис с.-д.-и“ (под псевдонимом „Юниус“), где предсказала распад Второго Интернационала и образование Коминтерна, и периодически составляла „Письма Спартака“, выходявшие нелегально. Ноябрьская революция в Германии дала ей возможность развить самую широкую агитацию за социалистическую революцию. Участие в январском восстании 1919 г. сделало ее имя знаменем пролетарской революции. Будучи арестованной, предательски убита вместе с Карлом Либкнехтом немецкими офицерами в январе 1919 г. в Берлине.

65) *Бурдерон* — рабочий, секретарь синдиката бондарей, участник Циммервальда, в настоящее время стоит вне Коминтерна.

Мергейм — секретарь синдиката металлистов, правый циммервальдовец, в настоящее время собрат и союзник социал-предателя Жуо из Амстердамского Интернационала профессиональных союзов.

66) *А. Гильбо* — см. прим. 17.

67) *Вильям Рессель* — член британской социалистической партии.

68) *Герриетта Ролланд Гольст*, писательница, примыкала к левому крылу голландского социалистического движения, в годы войны вела антимилитаристическую пропаганду, организатор женских рабочих союзов, в настоящее время вместе с Антоном Паннекуком издает журнал „De Nieve Tuid“, примыкающий к левому коммунизму, участница III конгресса Коминтерна.

Газета „Трибуна“, основанная левыми голландскими социалистами в 1909 г., исключенными из официальной с.-д. партии (Паннекук, Ролланд Гольст, Гортер, Вейнкон, Иртон, Равейстен), с самого основания примкнула к лево-радикальному крылу Интернационала, в годы войны вела энергичную противвоенную агитацию, в настоящее время центральный орган Голландской коммунистической партии.

Вейнкон — депутат, председатель Голландской Коммунистической партии.
Гортер — литератор и поэт, „левый коммунист“.

69) *З. Хеглунд*, вождь левого крыла шведских социалистов, так называемых молодых, депутат, в настоящее время член Шведской коммунистической партии.

Линдхаген, левый социалист, одно время городской голова г. Стокгольма, член Шведской коммунистической партии.

Торе Норман и *Карлсон* — левые социалисты, из организации молодых, ныне коммунисты.

Ф. Штрел, левый социалист, член верхней палаты, бывший секретарь официальной с.-д. партии, в настоящее время секретарь Шведской коммунистической партии.

70) *Триер* — датский революционный с.-д. интернационалист.

70а) *Тесняки* — так называлось революц. крыло болгарской с.-д. еще до войны. Во время войны „тесняки“ заняли решительную интернационалистическую позицию, с образованием III Интернационала примкнули к нему одними из первых, образовав Болгарскую коммунистическую партию. Наиболее известные их вожди — Василий Коларов (участник Циммервальдской левой, член пре-идеума III конгресса Коминтерна) и Благоев, в середине 80-х годов прошлого столетия создавший в Петербурге первую в России с.-д. организацию.

71) *Константин Ладзари*, член итальянской социалистической партии, участник Циммервальдской конференции, подписавший ее манифест.

72) *Серрати* — вождь итальянских центровиков, редактор миланской газеты „Аванти“.

В годы войны, вследствие некоторых особых причин, итальянская социалистическая партия в целом, за исключением части правого реформистского крыла, заняла интернационалистическую позицию. Серрати шел во главе движения. Официальное предложение о созыве Циммервальдской конференции исходило от итальянцев. С образованием III Интернационала итальянская партия примкнула к нему. На II конгрессе Серрати стоял во главе итальянской делегации и входил в президиум конгресса. Через полгода на конгрессе итальянской социалистической партии в Ливорно Серрати отказался подчиниться одному из „московских“ условий, требовавших безоговорочного разрыва с реформистами (Турати, Моцильяни и др.). За Серрати пошел весь центр. Коммунисты (Бомбачи, Дженари и др.) образовали самостоятельную коммунистическую партию. Серрати и центристы остались с ревизионистами.

73) *К. Радек* — член „С.-д. Польши и Литвы“. Работал в Австрийской Польше и Галиции, затем переехал в Германию, где вместе с Р. Люксембург и молодыми с.-д., группировавшимися вокруг Бременской „Arbeiter-Politik“, стоял на левом крыле немецкой с.-д. партии, примыкая к радикалам, вследствие чего был выслан из Германии. Поселившись в Швейцарии, с самого начала войны Р. выступил провозглашением „защиты отечества“ и буржфридена. В 1917 г. не был про-

пущен в Россию Временным Правительством и поселился в Стокгольме, где служил посредником для сношений русского большевистского Ц. К. с иностранными социалистами, сохранившими верность Интернационалу. В октябре 1917 г. приехал в Петербург и вошел в состав Р. К. П. В январе 1919 г. участвовал на съезде „спартаковцев“ в Берлине и был арестован правительством Шейдемана. Член Ц. К. Р. К. П. с 1919 г. и один из деятелей Коминтерна, член его исполкома.

74) *Лео Тышко* — Лев Иогихес (ранний псевдоним — Грозовский), основатель польской социал-демократии. Родился в Вильне 1867 г. Начал революционную деятельность в 1888 г. В 1890 г. переселился в Швейцарию, где, вместе с Б. Кричевским, занялся изданием с.-д. литературы („С.-Д. библиотека“). В 1893 г. вместе с Б. Веселовским, Р. Люксембург и др. организовал „Социал-Демократию Царства Польского“ („Социал-Демократия Польши и Литвы“), с тех пор бессменный член Ц. К. и представитель партии в Интернационале. За руководство стачками и восстанием варшавских и лодзинских рабочих в 1905 г. осужден царским судом на 8 лет каторги, но из тюрьмы бежал, распропагандировав стражу. Участвовал в 1907 г. на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П., примыкая к большевикам, и вошел в русский Ц. К. от поляков. С 1910 г. переселился в Берлин, где вместе с Розой Люксембург во главе „лево-радикалов“ стоял в оппозиции к каутскианскому центру. С началом войны вместе с Карлом Либнектом организовал первые нелегальные кружки спартаковцев. Ноябрьская революция в Германии освободила его из тюрьмы, куда заключило его правительство Вильгельма. После убийства Р. Люксембург и К. Либнехта продолжал их работу. В марте 1919 г. после новой попытки восстания берлинских рабочих был арестован по приказу Шейдемана и убит без суда в тюрьме.

75) *Фридрих Адлер* — сын вождя австрийской социал-демократии Виктора Адлера. Будучи противником империалистической войны, выведенный из себя тем развратом, который она внесла вследствие социал-патриотической позиции вождей в рабочее движение, застрелил австрийского министра Штюргка. Осужден имперским судом на 20-летнюю каторгу, освобожден ноябрьской революцией 1918 года. Его выстрел был криком измученной души, но не политически продуманным актом. После австрийской революции выяснилось, что его мировоззрение не расходится по существу с официальной с.-д. (центральной) догмой Член 2^{1/2} Интернационала.

76) *Вандервельде* — председатель Международного социалистического бюро II Интернационала, член бельгийской с.-д. партии. Вандервельде с самого начала войны первым из социалистов II Интернационала вошел в буржуазное министерство своей страны. В 1914 году его письмо к русским рабочим с призывом поддерживать войну и воздержаться во имя победы от борьбы с царизмом было встречено всеобщим презрением рабочего класса и восторгом кадетов и буржуазных газет. В настоящее время вместе со шведом Брантингом и немцем Шейдеманом продолжает возглавлять охвостье желтого Интернационала.

77) *Гюисманс* — секретарь Межд. социалистического бюро II Интернационала, соратник Вандервельде, член бельгийской социалистической партии.

78) *Фриц Платтен* — см. прим. 15.

79) *Л. Д. Троцкий* (Н. Троцкий), родился в 1881 г., работал в рабочих кружках Николаева, был сослан в 1898 г. в Сибирь, скоро бежал за границу и принял участие в „Искре“. На 2 съезде партии имел мандат от Сибирского Союза. После раскола партии примкнул к меньшевикам. Еще до революции

1905 года выдвинул своеобразную и особенно знаменательную теперь теорию перманентной революции, утверждая, что буржуазная революция 1905 г. непосредственно перейдет в социалистическую, являясь первой из ряда национальных революций, и защищал ее в газете „Начало“, центральном органе меньшевистской фракции, издававшемся в ноябре—декабре 1905 г. в Петербурге. После ареста Хрусталева-Носаря был избран председателем первого Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Арестован вместе с его Исполнительным Комитетом 3 декабря 1905 г. и сослан на вечное поселение в Обдорск, но с дороги бежал и эмигрировал за границу. Своим местопребыванием Троцкий избрал Вену, где издавал популярную рабочую газету „Правда“ для распространения в России и порвал с меньшевиками, пытаясь образовать внефракционную группу, однако во время фракционной борьбы за границей блокировался с меньшевиками и „впередовцами“ против блока Ленина и Плеханова, боровшихся против ликвидаторов. С начала империалистической войны занял ярко-интернационалистскую позицию участвуя в издании парижского „Нашего Слова“ и примыкая к Циммервальду. Высланный из Франции, переселился в Соединенные Штаты, возвращаясь откуда после февральской революции был арестован англичанами и освобожден только по требованию Временного Пр-ва, принужденного вступить под давлением Петербургского Совета. В Петербурге вошел в организацию „межрайонцев“ (см. примеч. 120), вместе с которой вошел в большевистскую партию на VI съезде в июле 1917 г. в Петербурге. После июльских дней был арестован правительством Керенского и привлечен к следствию „за руководство восстанием“, но вскоре освобожден под давлением петербургского пролетариата. После того, как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября. Бессменный член Ц. К. Р. К. П. с 1917 г., член Совета Народных Комиссаров, сначала в качестве Наркоминдела до подписания Брестского мира, затем Наркомвоен.

80) Брошюра „*Политические партии в России и задача пролетариата*“ является популярным изложением основных вопросов программы и тактики большевиков. Написана брошюра для читателя-массовика.

81) *Некрасов* — министр правительства кн. Львова и коалиционных министерствах Керенского, левый кадет, вместе с Терещенко и Керенским составлял „левое“ крыло кабинета; летом 1917 г. пытался, но совершенно неудачно создать радикально-демократическую партию, долженствовавшую стать несколько левее дискредитировавших себя кадетов. Будучи министром путей сообщения, обострил конфликт с железнодорожниками, упорно отказывая в удовлетворении справедливого требования повышения заработной платы.

82) *Митинг в Измайловском полку*, на котором выступали Н. Ленин и Г. Зиновьев, состоялся 10 апреля 1917 г. По сообщению „Правды“, солдаты встретили ораторов чрезвычайно горячо. После речей ораторы были вынесены на руках.

83) *Череванин* — правый с.-д. меньшевик, участник Стокгольмского и Лондонского съездов Р. С.-Д. Р. П., в годы реакции один из вождей ликвидаторов, во время войны оборонец; после февральской революции — сторонник коалиции с буржуазией.

84) „*Дело Народа*“ — газета правых эс-эров, выходившая под редакцией В. Чернова в Петербурге в 1917—1918 г.г., социал-патриотического и соглаша-

гельского направления. После октябрьской революции занял резко контр-революционную позицию.

85) *Н. И. Покровский*, один из министров иностранных дел Николая II и товарищ председателя центрального военно-промышленного комитета. Всероссийский и местные военно-промышленные комитеты в 1915 году были организованы под видом работы на оборону и помощи армии для распределения между промышленниками казенных заказов и повышения цен путем устранения конкуренции между ними. Ц. В.-П. К. состоял под председательством А. И. Гучкова. При военно-промышленных комитетах промышленниками и социал-оглашателями организовывались в целях установления „гражданского перемирия“ рабочие группы. Председателем рабочей группы Ц. В.-П. К. в Петербурге состоял меньшевик-ликвидатор и оборонец Гвоздев (см. прим. 6).

86) *Коновалов*—крупнейший текстильный фабрикант Московского района. Член IV Государственной Думы, влиятельнейший член прогрессивного блока. В годы столыпинщины прославились встречи в его особняке московских фабрикантов и профессоров, положившие начало пресловутому „Союзу капитала и науки“. В министерстве Керенского Коновалов был министром торговли и промышленности и заместителем министра председателя. 25 октября был арестован в Зимнем Дворце, но вскоре освобожден. В настоящее время проживает в Париже, работает по объединению бывших фабрикантов и промышленников, надеясь на торжество контр-революции.

87) „*Земля и Воля*“—эс-эровская газета в эпоху Керенского, выражавшая взгляды центра.

88) „*Воля Народа*“—с.-р. газета крайнего правого оборонческого крыла выходившая в Петербурге, в 1917 г., под редакцией Авксентьева, Зензинова и Аргунова.

89) „*День*“—правая социал-реформистская газета соглашательско-оборонческого типа, возникшая в последние годы войны. В эпоху Керенского „*День*“ выходил при ближайшем участии Потресова (Старовера).

90) *Генерал Радо-Дмитриев*, главнокомандующий соединенных болгарской и сербской армий в Балканской войне 1912 г. и победитель турок. Главнокомандующий болгарской армии в войне против Сербии, Греции и Румынии, в которой потерпел полный разгром. С начала империалистической войны, будучи ярым врагом Австрии, перешел на русскую службу и, несмотря на то, что Болгария примкнула к германскому союзу, командовал одной из русских армий сначала на Карпатах, потом на северном фронте. „Герой трех войн“ и кумир русской буржуазной прессы в начале войны.

91) Петербургский Совет 14 марта 1917 г. обратился к народам всего мира с воззванием, в котором призывал их присоединиться к лозунгу мира, выдвинутому русскими рабочими и крестьянами, отказывающимися от всяких аннексий и контрибуций. Это заявление вызвало неудовольствие союзных правительств. Миллюков, желая рассеять его и опасаясь, что неопротестованное Вр. Правительством воззвание может послужить поводом союзникам для лишения России плодов войны (обещанных по прежним договорам проливов и других аннексий) обратился к союзным послам с нотой, в которой подтверждал верность Вр. Правительства договорам с союзниками, заключенным Николаем II.

92) *Нота Временного Правительства* вызвала возмущение рабочего класса и солдат. Последовал ряд демонстраций против Миллюкова, министра иностран-

дел, и Временного Правительства. На Невском произошли столкновения рабочих с контр-демонстрациями буржуазии. Движение встретило отклик в Москве, где демонстрировали перед Советом и Московским Комитетом партии часть рабочих и 56 запасный полк. Милюков вышел в отставку и был заменен Терещенко. Правительственный кризис затянулся до 5 мая, когда было сформировано первое коалиционное министерство. .

98) *Л. Г. Дейч*—родился в 1855 году, в семидесятых годах примкнул к революционному движению в качестве народника-бунтаря, разделяя взгляды Бакунина. В 1877 году вместе с Яковом Стефановичем организовал в Чигиринском уезде крестьянское восстание с помощью „золотой грамоты“, подложного царского манифеста о передаче помещичьей земли крестьянам; бежал из Киевской тюрьмы. При расколе „Земли и Воли“ в 1879 году примкнул к чернопередельцам, но вскоре эмигрировал за границу. В 1883 году, вместе с Плехановым, Засулич, П. Аксельродом организовал первую русскую марксистскую организацию „Группа Освобождения Труда“. В Германии попал в руки русского правительства и пробыл 16 лет на каторге и поселении, бежав через Америку в 1901 г. В 1906 году был арестован в Петербурге и сослан в Сибирь, откуда вновь эмигрировал за границу. В годы войны подобно Плеханову занял крайнюю шовинистскую и соглашательскую позицию, сотрудничал в Париже в социал-патриотическом „Призыве“, издававшемся Плехановым, Авксентьевым, Алексинским и Бунаковым.

99) *Вера Засулич* в конце семидесятых годов стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова, приказавшего наказывать розгами Боголюбова, политического арестованного в Крестах. Судом присяжных была оправдана. Эмигрировав за границу, была в числе основателей „Группы Освобождения Труда“ (1883 г.); в 1896 году на международном социалистическом конгрессе представляла „Союз Борьбы“. Участница II-го съезда Р. С.-Д. Р. П. (1903 г.), входила до съезда в первую редакцию „Искры“, на съезде не была в нее введена, что рядом с некоторыми другими инцидентами и вопросом о первом параграфе устава партии дало повод к расколу. С 1903 года в партийной жизни роли не играла. В годы войны стояла в рядах социал-патриотов.

100) *Плехановская программа Р. С.-Д. Р. П.*, принятая на II съезде партии в 1903 году и являвшаяся сколком с Эрфуртской программы немецкой соц.-дем. партии с ее делением на программу-минимум и программу-максимум, к 1917 году устарела не только идейно, но и редакционно. Апрельская всероссийская конференция большевиков постановила выработать к ближайшему съезду новую программу. Настоящий проект, написанный Лениным в порядке крайней срочности, фигурировал на съезде в газетных гранках, как материал для секционной работы. Этот проект не ставил задачей коренную переработку программы, но, развивая и несколько корректируя теоретическую часть, вносил необходимые поправки в ее конкретные требования. Проект еще не разрывает окончательно со старой теорией демократии, не отказываясь от деления программы на минимум и максимум, выступая с требованием одной палаты и умалчивая о Советах; принципиально новым является только рабочий контроль. Конференция, рассмотрев вопрос о программе в секции и сделав ряд замечаний, отложила вопрос.

В 1917 и 1918 г.г. был разработан ряд проектов программы. Известны брошюры и сборники по этому поводу, изданные петербургскими, московскими и киевскими товарищами.

Вторично вопрос о новой программе обсуждался на VII чрезвычайном съезде партии в марте 1918 года в Петербурге. Съезд стоял уже на точке зрения не поправок, но коренной переработки программы (см. речь Ленина на VI съезде „О партийной программе“—том XIV, часть 2), создал комиссию для пересмотра программы и отложил вопрос до очередного съезда. Окончательно программа, очищенная от всякого каутскианства, была принята в Москве на VIII съезде Р. К. П. в 1919 году и, подобно Эрфуртской программе, в свое время послужила образцом для всех коммунистических партий III Интернационала.

96) Заметка „*Соображения по поводу общей части программы*“ относится к статье „*Замечания секции по пересмотру программы*“, состоявшейся на конференции 24 — 29 апреля 1917 года секции по поводу общей (теоретической) части программы“, написанной председателем секции Г. Оппоковым (Ломовым) и напечатанной вместе с настоящей заметкой Н. Ленина в брошюре „*Материалы по пересмотру партийной программы*“.

97) В основу настоящей резолюции положен первоначальный набросок резолюции т. Ленина, розданной делегатам съезда в виде корректурного газетного оттиска и не сохранившейся в архивах. Комиссия под председательством В. И. Ленина, избранная конференцией, подвергла ее некоторой переработке, сохранив все основные положения В. И.

Речи Ленина на конференции и другие ее резолюции не вошли, по независящим от редакторов обстоятельствам, в 1 часть XIV тома и напечатаны во 2-й его части.

98) *Обращение к солдатам* было принято апрельской всероссийской конференцией и переведена на главнейшие иностранные языки. Сотни тысяч этой прокламации были распространены армейскими партийными организациями среди русской и враждебных армий, стихийно братавшихся на фронтах, особенно на северном.

99) В. Шульгин—националист, член III и IV Государственных Дум, редактор черносотенного „*Киевлянина*“. После революции деятель Деникинской добровольческой армии. В настоящее время находится за границей, редактируя в право-кадетской „*Русской Мысли*“, издаваемой Струве в Софии.

100) *Организационный Комитет*—см. прим. 11

101) Ф. И. Родичев—либеральный деятель Тверского земства, член „*Союза Освобождения*“ и участник земских съездов перед революцией 1905 г., конституционалист-демократ и член Ц. К. кадетской партии, депутат I-ой Государственной Думы. Комиссар Временного Правительства по делам Финляндии.

102) 2 мая 1917 года были напечатаны два воззвания Петербургского Совета к армии и социалистам всех стран, подготовлявшие почву для образования коалиционного правительства и пытавшиеся ликвидировать кризис, вызванный нотой Миллюкова. Воззвание к армии говорило о защите революции от внешнего врага и призывало немецких рабочих свергнуть Вильгельма. Воззвание для заграничных с.-д. уверяло, что Брем. Правительство усвоило платформу Петербургского Совета, говорившую о мире без аннексий и контрибуций.

103) *Протопопов*—член IV Государственной Думы, октябрист, в конце 1916 г. принял пост министра внутренних дел вопреки воле октябристской фракции и думского прогрессивного блока, выдвинутый банковскими кругами при содействии Распутина. Будучи министром, в своей политике руководствовался интересами карьеры угождая придворной камарилье. Во время поездки в Швецию имел

конфиденциальную беседу с германским послом, нащупывая почву для мирных переговоров, что вызвало негодование думских кадетов и октябристов. В дни февральской революции расставил городских с пулеметами по чердакам высоких домов Петербурга. Расстрелян В. Ч. К. осенью 1918 г.

¹⁰⁴⁾ *Григорий Распутин-Новый*, крестьянин Тобольской губернии. В молодости был конокрадом, впоследствии проявился религиозным настроением и сделался „старцем“. При помощи Тобольского епископа Варнавы, проник в придворные круги, опираясь на суеверие и развращенность петербургской аристократии, эксплуатируя мистические настроения императрицы Александры Федоровны Романовой, получил решающее влияние на Николая II и государственные дела. Был убит в декабре 1916 г. Дмитрием Павловичем Романовым и Нуришквезичем, рассчитывавшими путем устранения Распутина спасти династию.

¹⁰⁵⁾ *В. М. Чернов* родился в 1876 году, начал политическую деятельность в 1893 году в рядах „Социал-революционной партии Народного права“ (промежуточное образование между партией „Народной Воли“ и П. С. Р.). Эмигрировал за границу в 1899 г., где стал во главе сначала союза, а затем и партии социалистов-революционеров, в качестве ее идеолога и вождя (бессменный член Ц. К. и редактор ее центрального органа „Революционная Россия“). В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал на Циммервальдской конференции. Яркий оборонец и социал-пацифист по возвращении в Россию после февральской революции. Министр земледелия в одном из коалиционных правительств Керенского, несмотря на принадлежность к П. С. Р., или, вернее, вследствие принадлежности к ней, борющийся против крестьян, отбравших помещичью землю. Вышел в отставку после июльских дней.

5 января 1918 года Ч. был избран председателем Учредительного Собрания, насчитывавшего $\frac{2}{3}$ право-эс-эровских голосов и распущенного В. Ц. И. К. Принимал деятельное участие в чехо-эс-эровской авантюре на Волге в 1918 г., возглавляя съезд членов Учредительного Собрания; в Уфе был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском съезде членов Учредилки (февраль 1921 г.), выделившим из себя комитет, составленный из эс-эров и к.-д., пытавшийся оказать энергичное содействие Кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал.

¹⁰⁶⁾ См. примечание 102.

¹⁰⁷⁾ *Шингарев*, врач и земский деятель, член III и IV Государственных Дум и лидер кадетской думской фракции. В первое коалиционное правительство вошел в качестве министра финансов, сменив Терещенко, взявшего портфель министра иностранных дел вместо Милюкова. Вышел в отставку вместе с другими кадетами 2 июля, намеренно создав министерский кризис, послуживший толчком к июльским событиям. После Октябрьской революции был арестован и, будучи переведен из Петропавловской крепости в частную лечебницу, был убит группой солдат и матросов.

¹⁰⁸⁾ *Первый крестьянский съезд* происходил в Петербурге в мае 1917 года под монопольным влиянием эс-эров Авксентьевского типа. Большевики составили на нем незначительную группу.

Второй съезд происходил в ноябре 1918 г. под руководством левых эс-эров Ч., явившись в полном составе на заседание Третьего Съезда Советов, слился с ним, выбрав единый В. Ц. И. К.

¹⁰⁹) См. проект резолюции по аграрному вопросу (том XIV, часть 2, стр. 170).

^{109а)} „Новая Жизнь“—орган с.-д.-интернационалистов, издававшийся в Петербурге под ред. М. Горького, В. Базарова, Авилова и др. До октября „Н. Ж.“ непрерывно колебалась между соглашательством и революцией, выступая то против Временного Правительства и социал-соглашателей, то против политики большевиков. Октябрьская резолюция испугала интеллигентский орган, и „новожизненцы“ круто повернули против Советов. Одни из них скатились до открытого меньшевизма, другие отошли от политической деятельности. Небольшая группа „новожизненцев“ вошла в Московскую организацию с.-д.-интернационалистов и просуществовала до 1919 г.

¹¹⁰) Февральская революция сорвала подготовлявшееся при Николае II в апреле 1917 г. наступление на русском фронте. Временное Правительство, не отказавшееся от империалистических целей войны и лозунга „война до полной победы“, продолжало подготовку к этому наступлению, что, однако, не удалось осуществить чисто-буржуазному министерству кн. Львова и его военному министру Гучкову, не пользовавшемуся ни малейшим доверием солдат. Последовавшая вскоре отставка Гучкова не вернула правительству доверия армии, наступление оказалось возможным провести только коалиционному министерству, образовавшемуся 5 мая 1917 г. вследствие той поддержки, которую оказали ему эс-эро-меньшевистские Советы и фронтовые комитеты. Вдохновителем и агитатором наступления был Керенский, в то время военно-морской министр. Наступление началось 19 июня и окончилось полной неудачей и разгромом русских войск.

^{110а)} В. Водовозов—литератор, экономист, трудовик, сотрудник народнического „Русского Богатства“.

¹¹¹) В первое коалиционное министерство кн. Львова, организовавшееся 6 мая 1917 г., на основании решений И. К. Петербургского Совета Р. и С. Д. и с разрешения Ц. К. собственных партий вошли меньшевики: Церетели в качестве министра почты и телеграфа и Скобелев—министр-труда, социалисты-революционеры Чернов—министр земледелия и Керенский—военный и морской министр. Вхождение было обставлено выполнением условий Амстердамского конгресса II Интернационала, разрешившего вхождение социалистов в буржуазное министерство в исключительных случаях под контролем партии и на основе определенной программы, в основу которой И. К. Петербургского Совета были положены четыре пункта: 1) активная работа в пользу мира на основе манифеста Петерб. Совета 14 марта, 2) регулирование промышленности и финансовые реформы, 3) подготовительные меры к решению аграрного и рабочего вопросов и 4) ускорение созыва Учредительного Собрания. Ни одно из этих обязательств не было выполнено. Первая коалиция окончилась банкротством 2 июля, когда кадеты ушли из правительства, воспользовавшись, как предлогом, соглашением, заключенным Церетели и Терещенко с Украинской Радой. Рабочие и солдатские массы отвечали демонстрациями 3—5 июля и требованием передачи власти Советам.

¹¹²) Трудовики—трудовая фракция Государственной Думы образовалась в мае 1916 г., из среды депутатов первой Думы. Во фракцию входили народнически настроенные интеллигенты, народные социалисты и более или менее революционные депутаты из крестьян. Трудовая фракция существовала во

всех четырех Думах. Так как в III и IV Государственных Думах эс-эры своей фракции создать не могли, то отдельные эс-эровские депутаты входили в трудовую фракцию, растворяясь до конца в последней (Керенский—лидер трудовиков IV Думы). По отношению к войне трудовики занимали оборонческую и частью шовинистическую позицию, впрочем крайне неясную и расплывчатую

113) „*Наша Заря*“—двухнедельный журнал, издававшийся в Петербурге меньшевиками-ликвидаторами до войны и возобновленный в 1917 году.

114) *Н. Н. Кутлер*—товарищ министра финансов, позднее член к.-д. партии и депутат III-ей Государственной Думы.

115) *Министры-социалисты*—в первом коалиционном правительстве: Керенский, Чернов (эс-эры), Церетели, Скобелев (меньшевики) и Пешехонов, Перверзев (народные социалисты).

116) *Терещенко*—финансист и сахарозаводчик, министр финансов в первом Временном Правительстве и министр иностранных дел в коалиционном министерстве, сменивший Милюкова, подавшего в отставку под давлением Петербургских рабочих и продолжавший его империалистическую политику, сохраняя верность союзническим договорам.

117) Съезд армейских и тыловых организаций северного фронта, состоявшийся во Пскове 10—13 мая 1917 г., по вопросу о текущем моменте вынес резолюцию, в которой признавал необходимым продолжение кампании в пользу мира на основах национального самоопределения.

118) *Роман Роллан*, французский писатель, в пору „декадентского“ периода литературы проповедывал идеи возрождения Франции через посредство национально-революционной традиции прошлого, работал над созданием революционного репертуара („Взятие Бастилии“, „Дантон“, „Волки“), все больше расходясь с буржуазией, режим и культуру которой подверг резкой критике в десяти-томном романе „Жан Кристоф“. В начале мировой войны бросил на поля битвы книгу „В стороне от схватки“, как страстный протест, чем восстановил против себя всю „патриотическую“ Францию, травившую его с той же беспощадностью, с какой она травила героя его романа „Клерамбо“; пересекал в Швейцарию, откуда вел деятельную пропаганду во имя международного объединения интеллигенции против буржуазной культуры и империалистической войны (сатирическая драма „Лилюли“) и, будучи непротивленцем и пацифистом—автор биографии Толстого,—приветствовал октябрьскую революцию в ряде газетных выступлений, выражая уверенность, что только продстарская революция имеет шансы на победу по причинам как социальным, так и моральным.

119) Резолюции о войне и земельной реформе приведены в 1 части настоящего тома (стр. 119—125). Речи Ленина на всероссийской апрельской конференции (24—29 апр.) см. дополнение во 2 части XIV т. и примечания к ней.

120) *Межрайонцы* — „межрайонная организация объединенных социал-демократов“ возникла в Петербурге до войны и существовала до VI-го съезда партии в июле 1917 г., когда она объединилась с петербургским комитетом Р. С. Д.-Р. П. (большевиков), целиком войдя в партию. Организация официально носила нефракционный характер, сплотив бывших троцкистов, плехановцев-партийцев и частью впередовцев, до февральской революции насчитывала около 200 организованных рабочих, печатала листовки и выпустила два номера нелегальной газеты „Вперед“. По отношению к войне межрайонцы стояли на интернационалистской позиции и по своей тактике были близки к

большевикам. Летом 1917 г. к организации межрайонцев принадлежали Троцкий, Юренев, Луначарский, Володарский, Урицкий и др.

¹²¹⁾ „*Финансовая Газета*“—орган петербургских биржевиков и крупнейших банков России.

¹²²⁾ *Семен Маслов*—социалист-революционер правого крыла, деятель кооперации, литератор, специалист по аграрному вопросу. Сменил Чернова в министерстве Керенского в качестве министра земледелия. Социал-патриот и сторонник коалиции с буржуазией.

¹²³⁾ „*Межрайонцы*“— см. прим. 120.

¹²⁴⁾ *Меньшевики-интернационалисты*—течение среди меньшевиков во главе с Л. Мартовым, сохранившее верность Интернационалу, участвовавшее в Циммервальдских конференциях (П. Аксельрод) и издававшее в Париже интернационалистскую газету „*Наше Слово*“. В то время, когда большевики поставили себе целью „превращение империалистической войны в гражданскую“, т.е. революционное ее использование, Мартов, будучи простым пацифистом, выдвинул скорейшее прекращение войны и заключение мира, т.е. сделку рабочего класса с капиталистами. После февральской революции в России образовалась обособленная организационная группа „меньшевиков-интернационалистов“, по многим вопросам внешней и внутренней политики нерешительно и с колебаниями поддерживавшая большевиков. От имени группы Ю. Ларин приветствовал VI съезд Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), в июле 1917 года. Одно время меньшевики-интернационалисты вели переговоры об их вступлении в партию большевиков, октябрьская пролетарская революция окончательно столкнула их в лагерь контр-революции. Интернационалистская группа Мартова растворилась в ликвидаторской, оборонческой и соглашательской группе Дана.

¹²⁵⁾ *Вишляев*—земский статистик, социалист-революционер, в настоящее время профессор Московского университета.

¹²⁶⁾ *Н. Иорданский*—меньшевик-ликвидатор и оборонец, редактор „*Современного Мира*“, позднее сторонник плехановского „*Единства*“. Под влиянием Октябрьской революции эволюционировал влево и в настоящее время в Гельсингфорсе издает ежедневную русскую газету, стоящую на платформе Советской власти.

¹²⁷⁾ „*Известия Петерб. Совета Р. и С. Депутатов*“—до половины сентября 1917 г. орган меньшевистско-эс-эровского блока.

„*Дело Народа*“—см. прим. 84.

¹²⁸⁾ *В. А. Базаров* (В. Руднев)—социал-демократ, примыкавший в эпоху революции 1905 г. к большевикам. После февральской революции 1917 года интернационалист и один из редакторов „*Новой Жизни*“. Экономист. Переводчик „*Капитала*“ и литератор.

¹²⁹⁾ *Авилов*—большевик в эпоху революции 1905 г. и „*новожизненец*“ в 1917 г.

¹³⁰⁾ *Г. В. Шуба*—член Исполнительного Комитета Петербургского Совета Р. и С. Д. первого состава.

¹³¹⁾ *Куковецкий*—член Исполнительного Комитета Петербургского Совета Р. и С. Д. первого соглашательского состава.

¹³²⁾ *В. Громан*—с.-д. меньшевик, статистик, деятель кооперации и литератор.

¹³³⁾ *Якобинцы*—руководящая партия великой французской революции в момент ее наибольшего подъема. Якобинский клуб имел отделения по всей

Франции, формировавшие общественное мнение страны, руководившие муниципальной жизнью, беспощадно борющиеся с контр-революцией и помогавшие Конвенту проводить на местах его решения. Якобинцы, управляя Францией в самый тяжелый период революции через посредство Конвента и Комитета Общественного Спасения, организовали защиту на внутренних и внешних фронтах, настояли на казни Людовика XVI и не остановились перед самым суровым террором для подавления контр-революции.

¹⁴²⁾ А. Ф. Керенский, родился в 1881 г. Впервые выступил на политическое поприще, подписав в 1905 г. коллективный протест против ареста представителей радикальной интеллигенции, пытавшихся путем переговоров с гр. Битте и кн. Святополк-Мирским предотвратить расстрел 9 января. Будучи присяжным поверенным, приобрел известность в качестве защитника в политических процессах. К. был избран от гор. Вольска Саратовской губ. в IV Государственную Думу, будучи социалистом-революционером, в Думе, примкнул к фракции трудовиков. Социал-патриот с начала войны. После революции, будучи товарищем председателя Петербургского Совета, вопреки решению Совета не давал министров в буржуазное правительство, вошел в состав последнего в качестве министра юстиции. После отставки Гучкова, взял его портфель военного и морского министерств. По требованию союзных империалистических правительств толкнул русскую уставшую и не хотевшую войны армию к наступлению 18 июня, которое кончилось полнейшей неудачей. После июльского движения петербургского пролетариата и гарнизона, подавленного военной силой, становится в качестве премьера во главе ряда коалиционных министерств, сменявших друг друга с калейдоскопической быстротой. После неудачного похода на Петербург верховного главнокомандующего генерала Корнилова, начавшего свое движение по соглашению с Керенским, но преданного им, становится главковерхом, но без всякой реальной власти. В качестве министра а затем премьера и главковерха, проводит соглашательскую политику, постепенно скатываясь от революции к контр-революции и бонапартизму. Октябрьская революция без всяких усилий смела коалиционное правительство Керенского. Его попытка вновь опереться на фронт и поход на Петербург окончились поражением в Гатчине и бегством Керенского от собственных полков. После октября К. эмигрировал за границу, где продолжает обивать пороги передних буржуазных правительств.

„Болтунишка-Керенский“, по выражению В. И. Ленина.

¹⁴³⁾ Эрфуртская программа германской социал-демократической партии была принята на партийном съезде в Эрфурте 14—20 октября 1891 г. взамен устаревшей Готской программы и отредактирована Каутским. Эрфуртская программа делится на две части: изложение марксистской теории развития общества от капитализма к социализму (программа-максимум) и ряда практических требований, достижимых в капиталистическом обществе (программа-минимум). Ф. Энгельс подверг ее подробной критике.

Эрфуртская программа послужила образцом для ряда программ других национальных с.-д. партий, в том числе и русской.

¹⁴⁷⁾ Пуанкаре, премьер-министр Франции перед войной. Президент Французской Республики, после войны вдохновитель французского империализма, связанный с парижской биржей, один из авторов мировой империалистической войны, непримиримый враг советской России и русской революции

За неделю до объявления войны в начале июля 1914 г. посетил Николай II в Петербурге.

¹³⁸⁾ *Пешехонов*, народник, статистик и публицист, вел в „Русском Богатстве“ отдел „внутреннего обозрения“. Руководитель народно-социалистической партии, занимавшей промежуточную позицию между кадетами и эс-эрами, не имевшей никакого влияния на массы. Министр в одном из коалиционных правительств Керенского.

¹³⁹⁾ *Камков* (Кац), член партии социалистов-революционеров, интернационалист, по возвращении из эмиграции сейчас же встал в оппозицию к официальной эс-эровской партии. Блок, о котором здесь говорится, частично имел место на выборах в районные думы Петербурга в мае 1917 г.

После октябрьской революции, часть с.-р. откололась от П. С. Р., образовала партию левых социалистов-революционеров интернационалистов и вошла в Совет Народных Комиссаров. Камков вместе с Спиридоновой состоял лидером новой партии. Из-за Брестского мира левые эс-эры разорвали союз с большевиками и вышли из правительства. В июле 1918 г. пытались вызвать войну с Германией, бросив бомбу в германского посла в Москве графа Мирбаха, провалили, но неудачно, организовать восстание в Москве.

Позднее партия левых эс-эров раскололась на множество групп и фактически прекратила существование. Большинство вошло в Р. К. П. Прежние декисты (Спиридонова, Камков, Тамара, Шрейдер) держатся активистской линии по отношению к коммунистам. Взрыв Московского комитета Р. К. П. в Леонтьевском пер. в 1919 г. был организован декистом Черепановым. Левые эс-эры, подобно правым, вошли в Венский 2½ Интернационал (Шрейдер). Небольшая группа, возглавляемая Штейнбергом, не разделяя политики официального Ц. К., участвовал в выборах в Московский Совет (март 1921 г.) и имеет там 5 депутатов.

¹⁴⁰⁾ *А. Тома*—член французской социалистической партии, депутат, в продолжение всей войны входил в правительство в качестве министра труда, заведующим военным снабжением. Крайний социал-патриот. При Керенском приезжал в Россию для поднятия „патриотического“ духа русских рабочих, но потерпел неудачу. Ныне состоит на жалованьи у Антанты, пользуясь колоссальной синекурой в качестве председателя „Бюро Труда“, организованной при Лиге наций и имеющей целью обмен отсталых рабочих масс. Член желтого Интернационала.

¹⁴¹⁾ „*Земский Союз*“ — организация, объединявшая губернские и уездные земства в целях обслуживания армии в санитарном, продовольственном и проч. отношениях. Городские думы были организованы в „Союз городов“. Организация объединившая оба союза, называлась „Земгор“. Председателем Земского Союза состоял кн. Львов, Союза городов—московский городской голова Челноков. Земские и городские деятели, создавая свои союзы, одновременно преследовали две цели: организацию общественных сил для победы над внешним врагом и постепенное вращение общественных буржуазных организаций в царистский государственный аппарат. В течение трех лет войны, располагая большими правительственными субсидиями, объединив вокруг себя большое число сотрудников и раскинув сеть своих организаций на фронте и в тылу, Земский Союз вырос в крупную общественную силу, пытавшуюся оказывать свое влияние на политическую жизнь страны. В годы гражданской войны Земский Союз по ту сторону

Красных фронтов работал на белогвардейцев. В настоящее время его организации существуют в главнейших центрах русской контр-революционной эмиграции за границей, оказывая помощь и содействие эмигрантам и интернированным в иностранных государствах российским белогвардейским армиям.

¹⁴²⁾ *Третьеиюньцы*. — 3 июня 1907 г. была распущена II Государственная Дума и изменен избирательный закон. Помещичьи и торгово-промышленные элементы получили в Думе огромный перевес. Третьеиюньцами было принято называть цензовые элементы Государственной Думы (кадеты, октябристы, правые опиравшиеся на акты 3 июня 1907 года.

¹⁴³⁾ *Коалиционное правительство 6 мая*—см. примеч. 111 и 115.

¹⁴⁴⁾ *П. Н. Дурново*—продолжил себе карьеру в качестве прокурора Петербургского окружного суда на политических процессах семидесятых годов, немало народовольцев отправив на каторгу, и на виселицу, состоял позднее директором департамента полиции и министром внутренних дел в кабинете Витте в 1905 г. Крупный помещик.

Дача Дурново на Васильевском Острове в февральские дни была занята анархистами и некоторыми рабочими организациями, подобно „дворцу“ Кшесинской на Петербургской стороне, где разместились „броневой дивизион, профессиональные союзы и большевистские партийные организации. Владельцы требовали выселения. Переверев, в качестве министра юстиции, охранявший священное право собственности, предпринял несколько попыток выдворения „захватчиков“ дачи военной силой, оставшихся безуспешными вследствие противодействия рабочих. Одна из этих попыток пришлось накануне июльских событий.

¹⁴⁵⁾ *Переверев*, присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты, трудовик, приобретший известность участием в политических процессах, министр юстиции в первом коалиционном министерстве. Когда в июльские дни ренегатом Алексинским были сфабрикованы вместе с жандармской контр-разведкой документы, долженствовавшие скомпрометировать большевиков, Переверев поспешил их опубликовать, несмотря на то, что колеблющееся Временное Пр-во взяло обратно свое согласие на их опубликование и таковое запретило. Эпизод с подложными документами положил конец политической карьере Переверева.

¹⁴⁶⁾ *О запрещении демонстрации*—см. прим. 153.

¹⁴⁷⁾ *Люций-Сергий Катилина* (108 — 62 г. до Р. Х.), римский патриций, участник проскрипций Суллы, составил заговор для низвержения правительства и захвата власти. Заговор был раскрыт Цицероном в ряде речей, Катилина бежал из Рима и поднял на мятеж несколько легионов, но был разбит, — и пал в битве.

¹⁴⁸⁾ *Универсальный акт* устанавливал самоуправление Украины, в пределах общероссийской федерации. Русская буржуазия была им чрезвычайно обеспокоена и кадетская печать подняла крик об отделении Украины. Отправившиеся в Киев для переговоров Терещенко и Церетели вернулись с компромиссным соглашением, установленным впрямь до созыва Учредительного Собрания. Кадеты, тяготясь коалицией с социалистами, воспользовались этим предложением и, заявив, что они не могут „санкционировать расчленение России“, выжили из министерства 2 июня 1917 г.

⁴¹⁹⁾ *Национальный Конвент* великой французской революции осуществлял всю полноту государственной власти, являясь одновременно органом законодательным, исполнительным и судебным (процесс Людовика XVI). Конвент рассылал в департаменты и в армии своих эмиссаров, имевших диктаторские полномочия. Революционный трибунал действовал по его указаниям. Жирондисты, составлявшие правую Конвента, последний объявил вне закона и тем лишил их депутатских полномочий. Граждане имели право в любой момент обратиться в Конвент с петицией, огласив ее на заседании и потребовав от него ответа. Демонстрации проходили через залу его заседаний.

⁴²⁰⁾ *О типе власти Парижской Коммуны* см. книгу Н. Ленина „Государство и Революция“ (2 ч. XIV т. Собр. соч.) и статью „О двоевластии“ (1 ч. XIV т., стр. 24).

⁴²¹⁾ *Кивеньяк*—генерал французской республики, подавивший восстание парижских рабочих в июньские дни 1848 года.

⁴²²⁾ *18 июля*.—В первых числах июня пролетарский и солдатский Петербург кипел негодованием против Временного Пр-ва, затягивавшего войну и не давшего ничего массам. Ц. К. большевиков назначил всеобщую демонстрацию с лозунгами: „долой министров-капиталистов, вся власть Советам“. Меншевики и эс-эры, входившие в правительство, имея большинство на первом съезде Советов, заседавшем в то время, демонстрацию отменили, перенесли ее на 18 июня и рекомендовали обычные соглашательские и социал-патристические лозунги. Большевики подчинились и пошли на отсрочку.

18 июня демонстрировало около 400.000 рабочих и солдат. 90% знамен и плакатов были с лозунгами Ц. К. большевиков. „Вся власть Советам“ было единодушным боевым кличем рабочих и солдат Петербурга. Лозунг „доверие Временному Правительству“, выставленный меньшевистско-эс-эровским съездом советов, красовался только на трех знаменах принадлежавших одному казачьему полку, плехановской группе „Единство“ и петербургской организации Бунда. 18 июня показало, что массы за революцию против соглашательства.

18 июня на фронтах также было поворотным пунктом. В этот день Керенскому, действовавшему по указке союзных империалистов, удалось двинуть армию в наступление, но так как оно не было технически подготовлено, а солдаты не хотели драться за интересы капиталистов, то оно превратилось в поражение империалистической политики Временного Правительства. С этого дня на фронте большевики начинают усиленно расти и получают исключительное влияние на армию. Фронт быстро догоняет петербургских революционных рабочих и солдат.

⁴²³⁾ *Рибо*—министр иностранных дел французской республики.

⁴²⁴⁾ *Ллойд-Джордж*—премьер-министр Великобритании, член либеральной партии. До войны усиленно проводил демократические реформы; лишив палату лордов права безусловного veto (право отвергать законы, принятые нижней палатой), расширил избирательное право, пытался провести широкий гомруль (самоуправление) для Ирландии, дал согласие на предоставление избирательного права для женщин, обещал законодательное закрепление прав тред-юнионов. В эпоху войны в блоке с консерваторами проводил диктатуру правительства, аннулировав завоевания рабочего класса и основные начала английской конституции, провел обязательную воинскую повинность, усмирив огнем и мечом

Прландию, в течение трех лет руководил на средства английского казначейства борьбой российских белогвардейцев против Советской власти.

145) *Соннино*—премьер министр Италии во время империалистической войны.

147) 1789—1871 годы охватывают период национально-буржуазных революций в Западной Европе. 1789 год—год созыва Генеральных Штатов—принято считать началом великой Французской революции; 1830—июльская революция во Франции, 1848 г. февральская революция во Франции и мартовская в Германии и Австрии. С 1870 г.—свержение Наполеона III и 1871 г. Парижская Коммуна. Все эти буржуазного типа революции развивались до тех пор, пока мелкая буржуазия поддерживала пролетариат. Рабочий класс немедленно терпел поражение, как только мелко-буржуазные слои отходили от него на сторону крупной буржуазии. Этот период завершился установлением капиталистического строя и парламентарной демократии.

148) *Стокгольмский съезд Р. С.-Д. Р. П.* состоялся в апреле 1906 г. и получил название „объединительного“, так как имел задачей ликвидировать раскол партии на „большинство“ и „меньшинство“, начавшийся на II съезде в 1903 г.

Подробнее см. т. VII, где перепечатаны статьи Н. Ленина на съезде и его доклад о Стокгольмском съезде.

149) *Ф. Дан* (Ф. И. Гурвич)—родился в 1871 г. В первой половине девятых годов работал в петербургском „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“. Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 году участвовал в конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II съезда Р. С.-Д. Р. П., на которой был арестован и сослан в восточную Сибирь, откуда эмигрировал за границу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г.г. и ряда конференций.

Идеолог и вождь меньшевиков. Литератор и редактор ряда меньшевистских изданий. Бессменный член меньшевистских О. К. и Ц. К. Среди меньшевиков обычно стоял ближе к их правому крылу. В годы реакции поддерживал ликвидаторов (см. прим. 10), в эпоху войны ярый оборонец, после февраля—соглашатель, после октября деятельный противник коммунистической партии и Советской власти во имя буржуазной демократии.

При Керенском, будучи членом Ц. И. К. первого созыва, проводил соглашательскую политику с буржуазией и поддерживал коалицию.

146) Продолжение статей под этим заголовком не последовало. Очевидно, помешали июльские события.

144) *Пальчинский*, инженер, тесно связанный с банковыми кругами; принимал участие в февральской революции в качестве члена „военной комиссии“ Комитета Государственной Думы. Товарищ министра торговли и промышленности у Керенского, поддерживавший саботаж промышленников. Помощник к.-д. Кишкина, губернатор Петербурга и начальник обороны Зимнего Дворца 25 октября.

143) В воззвании *Петербургского Совета* к народам всего мира меньшевики и эсеры писали: „Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств—как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздать себя внешней всепой силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя и с вашего полусамодержавного порядка подобно тому, как русский народ стряхнув с себя царское самовластье; откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках ко-

ролей, помещиков и банкиров.—и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы“

¹⁶³⁾ *Первая русская революция* 1905 года вызвала ряд революционных движений в восточных странах. В 1908 году в Турции самодержавие султана было ограничено. Революция поставила у власти партию „Единение и прогресс“ (младотурки), состоявшую, главным образом, из молодых офицеров, получивших образование во французских военных школах. Народное движение и гражданская война в 1909 г. в Персии заставили шаха созвать меджлис (род парламента), который скоро был разогнан русским полковником Ляховым, стоявшим во главе персидской жандармерии, организованной русскими инструкторами. Китайская революция, начавшаяся на богатом и торговом юге и первое время руководимая радикальным и европейски образованным Суя-ят-сеном, изгнала из Пекина боддыхана и объявила республику. Позднее генерал Юаньшикай при поддержке Японии и некоторых европейских держав разбил войска южан, провел себя в президенты и возглавил собою китайскую реакцию, но не смог захватить юга, который объявил себя самостоятельной республикой.

Все три революции являются буржуазно-национальными движениями, одинаково направленными как против национальных феодальных классов, так и против европейского империализма, искусственно поддерживавшего в целях более легкой эксплуатации феодальный строй на Востоке. Эти революции до сих пор не закончены.

¹⁶⁴⁾ Автор письма—крестьянин в простых, но ярких выражениях доказывал необходимость перехода власти в руки трудящихся, организованных в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он считал необходимым скорее покончить с войной, не затягивая ее, как это делало соглашательское большинство Советов.

¹⁶⁵⁾ *Родзянко*—крупнейший помещик Екатеринославской и др. губерний. Председатель IV Государственной Думы, октябрист. После февральской революции состоял председателем Исполнительного Комитета членов Государственной Думы, деятельный организатор крупно-буржуазной реакции в эпоху Керенского. После октябрьской революции эмигрировал за границу, где продолжает контр-революционную деятельность.

¹⁶⁶⁾ *Столытин*—см. прим. 34.

Примечания ко 2 части XIV тома.

¹⁶⁷⁾ 3—5 июля 1917 г.—С второй половины июня 1917 года недовольство масс против реакционной политики Временного Правительства нарастало. На демонстрацию 18 июня массы вышли с лозунгами: „Долой 10 министерств-капиталистов“, „Вся власть Советам“. Неудача предпринятого Керенским наступления на фронте 19 июня и понесенные в угоду союзникам жертвы еще более революционизировали массы. Запасные — старше 40 лет—требовали немедленной демобилизации. Министр юстиции Перверзев обострил конфликт, пробуя воинской силой выселить анархистов и некоторые профессиональные союзы из захваченной рабочими дачи Дурново. Петербургские полки волновались, ввиду намерений правительства, вопреки договору 27 фев-

разы с И. К. Петербургского Совета, вывести их на фронт, чтобы освободить столицу от преданных революции войск. Контр-революционные генералы угрожали сдачей столицы германцам.

Последний толчок к движению дал выход в отставку министров-кадетов под предлогом протеста против сепаратизма Украинской Рады и соглашения, заключенного с нею Терещенко и Церетели от имени правительства. В центре движения оказался пулеметный полк, делегаты которого явились в дом Кшесинской, на общегородскую конференцию большевиков, обсуждавшую муниципальный вопрос, сообщив, что полк разослал своих делегатов по всем воинским частям с призывом к выступлению и просили поддержки у большевиков. Конференция ответила отказом, считая движение преждевременным. Вечером к дому Кшесинской подошли два полка с лозунгами на знаменах: „вся власть Советам“. Лашевич и Кураев, призывавшие с балкона от имени Ц. К. вернуться в казармы, были встречены криками: „долой“. Несколько позднее подошла рабочая демонстрация с теми же лозунгами против коалиции. Собравшийся в 10 час. вечера Ц. К., учитывая настроение масс, дал лозунг мирной демонстрации. Рабочая секция Петербургского Совета, по предложению Каменева, двумя третями голосов высказалась за выступление, избрав временный комитет из 15 членов для руководства. Призыв воздержаться от преждевременного выступления, посланный днем в „Правду“, по распоряжению Ц. К., был ночью вырезан из стереотипа с целью заменить его новыми лозунгами мирной демонстрации, что не удалось сделать вследствие позднего времени, и „Правда“ 4 июля вышла с белым листом.

4 июля в движении участвовало свыше полумиллиона рабочих и солдат. Демонстрации стягивались к Таврическому дворцу. Из Кронштадта прибыли матросы. Петропавловская крепость была на стороне демонстрантов. В городе господствовал образцовый порядок. Захвата учреждений или насилий массы не применяли. На углу Невского и Садовой по демонстрантам был открыт предательский огонь, на который рабочие и солдаты отвечали. На предъявленное требование взять в свои руки власть Ц. И. К. Советов, находившаяся в руках меньшевиков и эс-эров, ответил отказом.

Движение уперлось в тупик. Часть солдат вернулась в казармы, часть осталась на улице. 5 июля были опубликованы от имени Алексинского и Панкратова сфабрикованные контр-разведкой документы, имевшие целью деморализовать массы, утверждая, что Ленин действует по поручению германского генерального штаба. К вечеру прибыли приведенные Керенским с фронта контр-революционные войска и юнкера из окрестностей Петербурга, которые заняли город, развели мосты и приступили к арестам, обыскам и погромам. Движение было подавлено. 6 июля Ц. И. К. объявил диктатуру и постановил разоружить рабочих, солдат и матросов.

Подробности см. в статьях Ленина в этом томе.

¹⁶⁸⁾ Г. А. Алексинский, род. в 1879 г., исключен (в 1899 и 1902 г.г.) из Московск. университета за участие в студенческом движении, в котором играл роль постоянного оратора на сходках. С конца 1905 года вел работу в московской с.-д. организации. Будучи осенью 1906 г. выслан из Москвы, переселился в Петербург, где под видом корректора одной из типографий был проведен Петербургским Комитетом по рабочей курии во II-ю Государственную Думу, где был главным оратором большевистской части с.-д. фракции. Участвовал на Лоп-

донском съезде Р. С.-Д. Р. II. в 1907 г. (псевдоним по протоколам Петр Алексеев) от Екатеринославской организации, где работал в один из периодов административной высылки из Москвы. После роспуска II-й Государственной Думы и ареста с.-д. фракции скрылся от суда вопреки постановлению фракции, считавшей нужным не уклоняться от суда и сурового приговора (каторга для большинства). За границей проживал сначала в Женеве, разошелся с официальными руководителями большевиков, обвиняя их в „умеренности“, и организовал подобие фракции собственных сторонников. Вместе с А. Богдановым издавал журнал „Вперед“. Впередовцы: А. А. Богданов (Максимов), А. В. Луначарский, М. Горький, Ст. Вольский, Алексинский, Лядов и др. пытались играть роль „левого“ крыла большевиков, настаивали на отзыве с.-д. фракции из III-й Государств. Думы, не призывали использования легальных возможностей в России для партийной работы. (См. о роли этой группы ряд статей Ленина в 1908—1910 г. г. Собр. соч. т. XI). Группа эта постепенно распалась.

С начала войны Алексинский занял ура-шовинистическую позицию и вошел в редакцию социал-патриотического „Призыва“, вместе с Плехановым и эс-эрами Авксентьевым, Аргуновым и Бунаковым, разорвав с партией. Одновременно с парижским „Призывом“ Алексинский сотрудничал в „Русской Воле“, издававшейся в Петербурге в 1916 г. на банковские деньги октябристом Протопоповым, позднее министром Николая II, вследствие чего меньшевик Иорданский, редактор оборонческого „Современного Мира“, принужден был печатно заявить об устранинии Алексинского из числа сотрудников журнала.

По возвращении в Россию в 1917 г. Алексинский примкнул к группе „Единство“, работавшей на кадетов, однако оборонческий Ц. И. К. не считал возможным допустить его в свой состав. В момент июльского выступления петербургского пролетариата Алексинский, по просьбе контр-разведки, согласился дать свою подпись на подложных документах, долженствовавших в целях срыва движения скомпрометировать Ленина и большевиков, как германских агентов (см. прим. 170).

В 1918 году А. был арестован В. Ч. К., но, отпущенный на поруки, поступил на советскую службу и пользуясь положением ответственного советского сотрудника, пробрался в Эстонию в момент наступления Юденича на Петербург, где немедленно примкнул к вождям самой темной реакции, явившись впоследствии вместе с Бурцевым главным литературным агентом бар. Врангеля.

Проживая за границей в эмигрантских кругах, А. составил репутацию грязного интригана и нестесняющегося в средствах человека, когда дело шло об удовлетворении его огромного честолюбия или личного интереса. В Париже во время войны, некий литературный орган, в котором работал Алексинский, пользовался прозвищем „Сучий Куток“; так в русских тюрьмах уголовные называли камеры, где сидели арестанты, заподозренные в доносе тюремной администрации.

¹⁶⁹⁾ Сталин—И. В. Джугашвили, революционная кличка Коба, происходит из крестьян Тифлисской губернии. Неоднократно арестовывался и высылался. Участник ряда съездов и конференций. Один из виднейших организаторов и руководителей большевиков. В начале 1912 г. был кооптирован в состав Ц. К. Р. С.-Д. Р. II., после общепартийной конференции в Праге, вошел в русское бюро Ц. К. и нелегально работал в России, где вскоре подвергся аресту и высылке

в Туруханск. Вернулся из ссылки после февральской революции. Ближайший сотрудник Ленина в эпоху подготовки и проведения октябрьской революции. Бессменный член Ц. К. с 1912 г. и Совета Нар. Ком. с 1917 г.

⁷⁰⁾ Д. Ермоленко, зауряд-прапорщик 16 Сибирск. стрелк. полка, служил в 1900 г. в Владивостокской полиции. Позднее судился Иркутской судебной палатой за должностное преступление, но был оправдан. Во время японской войны в качестве добровольца поступил в 124 Воронежский полк и был командирован в осажденный и отрезанный Порт-Артур. М. Н. Покровский, сопоставляя официальные документы, имеющиеся в деле о событии 3—5 июля, устанавливает (см. его ст. „Противоречия г. Милюкова“, журн. „Красная Новь“ № 2, август 1921 г.), что в действительности во время японской войны Ерм. служил в контр-разведке и оставался на этой службе до 1913 г., когда был уволен в отставку и „по высочайшему повелению“ награжден чином зауряд-прапорщика. В 1914 г. вновь поступил на военную службу и, находясь в немецком плену, вел полицейскую слежку в концентрационных лагерях по преимуществу за украинцами и заграничными „Союзом освобождения Украины“.

Вновь появившись в апреле 1917 г. на русском фронте, он дал официальное показание контр-разведке, что немецкий генеральный штаб снабдил его тайными поручениями к председателю „Союза освобождения Украины“ Скоропис-Иолуховскому, поручил вести „пораженческую“ агитацию в русской армии, сообщив, между прочим, что такой же агитацией по поручению штаба занимается „живущий во дворце Кшесинской“ большевик Ленин, и перебросил его через фронт, снабдив деньгами.

В момент июльского движения петербургская контр-разведка, зная полное к себе недоверие русского общества, обратилась к бывшему большевику Алексинскому и бывшему народолюбцу Панкратову с предложением опубликовать сфабрикованное в штабе Деникина, на основании рапорта Ермоленко, обвинение от своего имени. Последние дали свои подписи под сообщением Ц. И. К. отнесся к выдвинутому обвинению с полным недоверием и предложил газетам сообщения не печатать. Министры Временного Правительства Некрасов и Терещенко также протестовали против опубликования. 4 июля сообщение появилось только в одной газете бульварно-черносотенного типа „Живое Слово“, но на другой день было перепечатано во всех газетах и немедленно использовано против большевиков. К следствию был привлечен ряд лиц. Ленин и Зиновьев, согласно постановлению партии, перешли на нелегальное положение. Временное Правительство успело арестовать Каменева, Троцкого, Коллонтай, мичмана Раскольникову, Луначарского, Дыбекко и ряд матросов и рабочих. Позднее большинство арестованных под влиянием требований рабочих и солдат было освобождено. Следствие против большевиков не смогло, конечно, сконструировать никакого обвинения.

⁷¹⁾ Ганецкий (Я. С. Фюрстенберг)—один из старейших членов „Социал-демократии Польши и Литвы“ и член ее Ц. К. Участник общероссийских с.-д. съездов и совещаний (представитель польских с.-д. на II съезде Р. С.-Д. Р. II в 1903 г., член всероссийской с.-д. конференции в Париже 3—9 января 1909 г. и пр.). После февральской революции в 1917 г. жил в Стокгольме, поддерживая связь между русскими большевиками и заграничными революционными социал-демократами. В настоящее время член Р. К. II. и полномочный представитель Р. С. Ф. С. Р. в Латвии.

472) *М. И. Козловский*, старый член „Социал-демократии Польши и Литвы“, один из представителей большевиков в первом Петерб. Совете Р. и С. Депутатов. Ныне член Р. К. П.

473) *II Съезд Р. С.-Д. Р. П.* состоялся в августе 1903 года в Брюсселе—Лондоне. Подробности см. Собр. соч. Ленина, том IV.

Со съезда ушли делегаты „Социал-демократии Польши и Литвы“, имевшие совещательный голос, считая признание прав наций на самоопределение, введенное съездом в партийную программу, уступкой национализму малых народностей и вредным для польского рабочего движения, окрашенного отчасти в националистический цвет под влиянием пепесовцев (Польская Партия Социалистическая).

474) *Генерал Половцев* — командующий войсками Петербургского военного округа летом 1917 года.

475) „*Правда*“—орган Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) была закрыта правительством Керенского сейчас же после июльских дней. Помещение принадлежащей ей типографии, купленной на собранные по подписке Петербургских рабочих деньги, было занято отрядом юнкеров и подвергнуто полному разгрому. Рабочий Воинов, пытавшийся вынести из типографии отпечатанные листки, был убит юнкерами.

После небольшого перерыва издание Центрального органа в Петербурге было возобновлено под другими названиями, менявшимися по мере того, как Керенский вновь и вновь пытался закрыть большевистскую газету.

476) „*Виржевые Ведомости*“—петербургская газета бульварного типа.

477) *Н. Чайковский* сгруппировал вокруг себя в 1869 — 1871 г. г. кружок из петербургской студенческой молодежи, занимавшийся самообразованием и пропагандой среди интеллигенции, позднее положивший начало „хождение в народ“

Чайковский эмигрировал в 1874 году в Сев. Америку вместе с сектантом Маликовым, пытавшимся организовать там сельскохозяйственную колонию. После провала этой попытки Чайковский переселился в Лондон, в 90-х г. г. участвовал в изд. листков Фонда Вольной русской прессы, умеренно народнического направления, затем постепенно отошел от политической деятельности. После февральской революции возвратился в Россию, был членом оборонческого Ц. И. К., позднее вошел в образованное под прикрытием английского десанта белогвардейское правительство в Архангельске (1918—1919 г. г.). После эвакуации англичан и падения контр-революционного северного фронта, вновь эмигрировал за границу.

478) „*Русская Воля*“—орган банков и крупных промышленников, основанный в Петербурге в конце 1916 года Протопоповым, членом IV Государственной Думы незадолго до его назначения министром внутренних дел.

479) *Франкфуртский парламент* был создан после мартовской революции 1848 г. в Германии для установления общеимперской конституции. В силу нерешительности и беспринципности большинства своих депутатов, частью связанных с дореволюционным бюрократическим режимом, частью представлявших бессильное немецкое бюргерство, в числе которых было значительное число профессоров старых германских университетов, собрание не сыграло никакой роли в революции и потеряло всякий авторитет, прежде чем было распущено, заслужив название „франкфуртской говорильни“.

480) *Национальный Конвент* (20 сентября 1792 г. — 24 октября 1795 г.)—парламент Великой Французской революции провозгласивший республику, каз-

нивший Людовика XVI, создавший правительство революции—Комитет Общественного Опасения, организовавший оборону Франции от реакционных армий Европы и подавивший внутреннюю контр-революцию в стране.

¹⁸¹⁾ *Социально-демократическая партия* (иначе „Гора“, „монтаньяры“) — мелко-буржуазная партия во главе с Ледрю-Ролленом, составлявшая оппозицию в Учредительном Собрании 1848 г. во Франции, в большинстве своем монархическом, представляла смесь городского мещанства, части крестьян и отсталых слоев пролетариата.

¹⁸²⁾ *Государственное Совецание* было создано Керенским в Москве, в Большом Театре 12 августа 1917 г. с целью укрепить положение правительства, распавшегося июльским выступлением петербургского пролетариата. На совещание были приглашены представители буржуазных „комитетов общественных организаций“, городских дум и земств, кооператоры; представители „общества“, университетов, купечества и торгово-промышленников, представители генералитета, офицерства, казачества и фронтовых армейских комитетов, члены Государственных Дум всех четырех созывов и отдельные лица (напр., Плеханов, Кропоткин и Брешко-Брешковская). Представители столичных и провинциальных Советов допущены не были. От имени Советов фигурировала делегация Ц. И. К., составленная из меньшевиков и эс-эров и тщательно очищенная от большевиков. Профессиональные союзы получили небольшое представительство, от имени которых Рязанов прочел большевистскую декларацию. Буржуазно-офицерская часть совещания вела себя вызывающе по отношению к „социалистической демократии“, явно направляя свой курс на контр-революционный переворот. Казачий генерал Каледин и главковерх Корнилов были кумирами правой части совещания. „Левая“ ограничилась декларацией обычного социал-соглашательского типа. Совещание не увеличило авторитета Временного Правительства, но помогло партийному размежеванию страны и вскрыло контр-революционные замыслы буржуазии.

Рабочие, успевшие оправиться от июльского поражения, отнеслись резко отрицательно к попытке посредством реставрированного „Земского Собора“ обмануть страну, подсунув ей суррогат Учредительного Собрания. Московское бюро профессиональных союзов, находившееся к этому времени уже в руках большевиков, призвало рабочих Москвы к однодневной забастовке-протесту. В день открытия Государственного Совещания, несмотря на уговоры и призывы меньшевистско-эс-эровского Совета не бастовать, бастовала вся рабочая Москва.

¹⁸³⁾ *А. М. Коллонтай* первоначально работала у меньшевиков, читала лекции по женскому движению в партийной школе в Болонье, организованной впередовцами. С самого начала войны К. заняла интернационалистскую позицию. Участвовала в Парижских „Голосе“ и „Нашем Слове“ — органах меньшевиков-интернационалистов (Мартов). Позднее была вынуждена уехать в Америку, где продолжала интернационалистическую агитацию. По возвращении в Россию после июльских дней 1917 г. была арестована правительством Керенского вместе с другими большевиками, к которым она примкнула еще за границей.

¹⁸⁴⁾ *Графиня Панича*, член Ц. К. кадетской партии. В конце 1917 г. была привлечена к суду Петербургского революционного трибунала за несдачу казенных денег, бывших у нее на руках, и приговорена к общественному порицанию (первый — по времени процесс в ревтрибунале в советской республике).

¹⁸⁵⁾ *Днем 3-го июля* был передан для напечатания в „Правду“ призыв воздержаться от выступления, но уже к вечеру движение стихийно приняло

массовый характер и Ц. К. составил новое обращение с призывом к мирной демонстрации. За поздним временем воззвание Ц. К. не могло быть отпечатано в „Правде“ и вышло отдельным листком. Составленное днем обращение было вырезано из стереотипа „Правды“, которая 4 июля появилась с белым листом на первой странице.

¹⁸⁶⁾ Номер „Правды“ от 5-го июля 1917 г., с возванием Ц. К. 4 июля о прекращении демонстрации, не получил распространения. Было напечатано лишь несколько сот экземпляров.

¹⁸⁷⁾ Г. Зиновьев, род. в 1883 году в Полтавской губ. Слушал лекции в Бернском университете, где организовал в 1904 году большевистскую группу. После революции 1905 г. приехал в Россию и много работал в петербургской с.-д. организации. Участвовал на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1907 году, где вошел в состав Ц. К., членом которого состоит беспрерывно до настоящего времени. После съезда вновь продолжал работу в Петербурге, где был арестован в 1908 г. и после освобождения выехал за границу, где в тесном сотрудничестве с Лениным принимал ближайшее участие в руководстве партией, неся одновременно литературную работу и входя в редакцию „Социал-Демократа“, центр. орг. партии. В начале апреля 1917 г. вернулся вместе с Н. Лениным в Россию, после июльских дней, по постановлению партии, был вынужден перейти на нелегальное положение, проживая сначала в лесу близ Сестрорецка, а позднее в самом Петербурге и продолжая партийную и литературную работу. В настоящее время Председатель Петербургского Совета Р. и К. Д. и Председатель Исполкома Коминтерна.

¹⁸⁸⁾ Дело Бейлиса—дело, возбужденное правительством Николая II против киевского еврея Бейлиса по обвинению его в убийстве православного мальчика Андрея Ющинского с ритуальными целями, в действительности убитого из боязни доноса шайкой воров, имевшей притон в квартире Веры Чеберяк. В целях желательного направления следствия, министр юстиции Щегловитов оказывал сильнейшее давление на суд, отстраняя следователей и прокуроров пытавшихся отыскать действительных виновников преступления. Состав присяжных заседателей был подтасован и подобран из самых невежественных слоев киевского населения. На суде были мобилизованы все силы „союза русского народа“. Несмотря на все старания черной сотни и царского правительства, присяжные оправдали Бейлиса.

Процесс был инсценирован с целью усилить реакцию в России, создать антисемитскую агитацию, организовать погромы и тем укрепить положение самодержавия.

¹⁸⁹⁾ Дом на Петербургской стороне балерины императорского Мариинского театра Кшесинской, выстроенный на подаренные Николаем II средства, еще во время февральской революции был захвачен броневым дивизионом и предоставлен им для Ц. К. и П. К. большевиков. Там же помещались правления некоторых профессиональных союзов. Большая зала дворца служила помещением для читальни и солдатского клуба. Кшесинская при поддержке судебных органов Временного Правительства делала несколько попыток выселить большевистские организации, но они все потерпели неудачу.

¹⁹⁰⁾ „Пролетарское Дело“—ежедневный орган Кронштадтского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), сменивший закрытую Керенским „Кронштадтскую Правду“.

⁴⁹¹⁾ *Парус*— немецкий революционный с.-д., в годы первой русской революции принимавший участие в русском движении и сотрудничавший в заграничной „Искре“ и в издававшейся меньшевиками в Петербурге газете „Начало“. В начале войны изменил рабочему классу и перешел на позицию германского империализма.

⁴⁹²⁾ „Социал-Демократ“— центральный орган Р. С.-Д. Р. П., выходявший за границей после революции 1905 г. вплоть до февральской революции 1917 г. С 1911 г. редакция находилась в руках большевиков. Большинство статей Ленина и Зиновьева, напечатанных в №№ 32—51 „Социал-Демократа“ (с ноября 1914 г. по февраль 1917 г.) перепечатаны в сборнике „Против течения“.

⁴⁹³⁾ Г. В. Плеханов родился в 1850 г. Принимал горячее участие в народническом движении, 6 декабря 1876 года выступил с речью во время демонстрации на Казанской площади, вследствие чего вынужден был перейти на нелегальное положение. С расколом „землеольцев“ на „Народную Волю“ и „Черный Передел“ примкнул к последнему, но вскоре эмигрировал за границу, где занялся проверкой народнической теории, изучая опыт западно-европейского рабочего движения. В 1883 г. основал первую русскую с.-д. организацию „Группа Освобождения Труда“ (В. Засулич, Л. Дейч и П. Б. Аксельрод), за год до этого решительно разорвав с народничеством. Первая программа группы сделала ряд тактических уступок народничеству, но вскоре была переработана Плехановым в чисто с.-д. программу. Одновременно он написал ряд статей и книг (его легальные псевдонимы: Бельтов, Ушаков, Плутанов, В. Волгин, Н. Каменский), частью изданных за границей, частью напечатанных в России, в которых продолжал борьбу с народнической идеологией.

В конце 1895 г. „Группа Освобожд. Тр.“ слилась с другими русскими с.-д. организациями за границей, образовав „Союз русских социал-демократов“. В 1901 г. Плеханов вошел в редакцию с.-д. газеты „Искра“ (Н. Ленин, Л. Мартов, П. Аксельрод, В. Засулич), поставившей себе целью борьбу с господствовавшим тогда „экономизмом“, русской разновидностью бернштейнианства, и создание централизованной революционной партии. На созванном „Искрой“ II съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1903 году ревизионисты были разбиты и восторжествовали „искровцы“. По докладу Плеханова была принята партийная программа, близкая по типу к Эрфуртской. Для характеристики Плеханова революционного периода интересны его заявления, что всеобщее избирательное право является только средством для борьбы с.-д. за социализм, но если бы для этого была полезна приостановка демократических гарантий, партия перед этим не остановилась бы. Плеханов в 1890 и начале 1900 г.г. был одним из виднейших представителей революционного марксизма в борьбе с международным оппортунизмом (Бернштейн—Мильеран).

После раскола, последовавшего на II съезде, Плеханов, после некоторых колебаний, примкнул к меньшинству, с которым разошелся только в период 1911—1914 г.г., будучи противником ликвидаторских течений, развившихся в среде меньшевиков и временно вошел в блок с Н. Лениным для борьбы „за партию“.

С начала империалистической войны Плеханов, подобно французскому „ортодоксу“ Ж. Гэду, занял крайнюю социал-шовинистскую, бургфриденскую позицию, вместе с Г. Алексинским и правыми эс-эрами, издавая в Париже оборонческий журнал „Призыв“ и рекомендуя русским рабочим в кадетских „Рус-

ских Ведомостях“ прекратить борьбу с царизмом во имя победы над Германией. После октябрьской революции П. не переставал бороться за „демократию“ против коммунистов до самой смерти, последовавшей в 1918 г.

Будучи участником русских делегаций на всех международных съездах и членом Международного социалистического бюро, П., вместе со своими единомышленниками Годом и Каутским, являлся авторитетнейшим и типичнейшим вождем II Интернационала.

¹⁹⁴⁾ *Г-жа Сумменсон*—лицо, проживавшее в Стокгольме и не имевшее никакого отношения ни к русской революции, ни к международному рабочему движению.

¹⁹³⁾ См. ст. „Политический шантаж“, стр. 63 настоящего тома.

¹⁹⁶⁾ *Н. Д. Авксентьев*, род. в 1878 г., по происхождению дворянин, окончил Московский университет. Один из старейших членов II. С. Р. и ее практический руководитель. В 1905 году вошел от имени партии в Петербургский Совет Р. Д. и вместе с другими членами его Исполнительного Комитета по приговору Петербургской судебной палаты был сослан в гор. Обдорск в Тобольскую губернию, откуда в 1907 эмигрировал за границу. Участник съезда II. С. Р. в 1907 г., после которого вошел путем кооптации в Ц. К. Во время реакции и распада партии примкнул к образовавшемуся в 1912 г. правому крылу с.-р. партии, защищавшему легальность и отказ от террора в своем органе „Почин“. (Бунаков-Фундаминский, Лебедев-Воронов, Слетов).

С пачала мировой войны, проживая в Париже, занял крайнюю правую позицию, защищая оборончество и активно содействуя „волонтерству“ русской эмиграции. Участник оборонческих с.-р. органов „За рубежом“ и „Новости“ и один из редакторов парижского социал-шовинистского „Призыва“ (Плеханов, Алексей Любимов, Авксентьев, Аргунов, Воронов и Бунаков). Член одного из коалиционных правительств Керенского. После октябрьской революции активный противник советов, на „Уфимском созещании“ отстаивал коалицию с буржуазией и вошел в состав Уфимской директории (Вологодский, генерал Болдырев, Зензинов, к.-д. Виноградов и Авксентьев), разогнанной вскоре Колчаком.

С разрешения Колчака выехал за границу, где вместе с Милоковыми входит теперь в т. наз. „Комитет членов Учр. Собр.“.

¹⁹⁷⁾ *В. В. Савинков* родился в 1879 году. Один из руководителей студенческого движения 1899 г. В 1901 г. Савинков принимал участие в с.-д. группе пропагандистов „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ и после ареста был выслан в Вологду. Во время пребывания в ссылке из марксиста превратился в народника и примкнул к социалистам-революционерам, войдя в состав организованной в 1903 году Азефом «Боевой организации» II. С. Р. С тех пор не принимал участия в общепартийной работе, сделав своей исключительной профессией подготовку и организацию политических убийств. Почти все главнейшие террористические акты II. С. Р. были организованы Савинковым. С. был личным другом провокатора Азефа и преданным его защитником вплоть до самого бегства Азефа.

В годы реакции написал роман „Конь Бледный“, из эпохи 1905 г., отразивший отход автора от революции. Приблизительно в это же время Савинков фактически отошел от партии. Летом 1917 года военный министр Керенский назначил его своим заместителем. В качестве последнего Савинков играл роль посредника между Керенским и Корниловым по подготовке контр-революционного перево

рота и энергично содействовал Корнилову. После октябрьской революции — активный враг Советской власти, организатор белогвардейских заговоров и восстаний. Участник Ярославского офицерского мятежа летом 1918 г., ярый сторонник Врангеля. Во время польской войны 1920 г. организовал под начальством генерала Будака-Балаховича русскую белогвардейскую армию, сражавшуюся на стороне поляков. При содействии польского и французского генерального штаба продолжал организовывать набеги на западные губернии советской России. Проживал в Варшаве, в 1921 г. организовал шпионаж и контр-революционный заговор в Росспии, агенты которого действовали на французские деньги.

¹⁹⁸⁾ *Генерал Корнилов* в 1915 году командовал одной из русских армий в Галиции, будучи окружен неприятелем, сдался в австрийский плен, откуда ему удалось бежать, с тех пор стал героем русской буржуазии. После июльских дней был назначен Керенским верховным главнокомандующим русской армии. По требованию Корнилова и всего генералитета, Керенским была восстановлена смертная казнь для солдат на фронте, сведены на-нет права выборных комитетов, предпринята энергичная борьба с большевистскими настроениями в армии. Тысячи солдат брошены в тюрьмы. На Московском Государственном совещании Корнилов был кумиром всей буржуазии, как единственный человек, могущий водворить порядок. В августе 1917 г. в целях установления диктатуры начал поход на Петербург, окончившийся для него полной катастрофой. Позднее бежал на Дон, сменив своего единомышленника Каледина, был разбит красной гвардией в январе—феврале 1918 г., и сам погиб в бою.

¹⁹⁹⁾ *Зарудный* — Петербургский присяжный поверенный, получивший известность своими выступлениями в политических процессах. Трудовик. Министр юстиции во втором коалиционном министерстве Керенского, образовавшемся после июльских дней. Унаследовав после своего предшественника Черевверзева начатое им дело против Ленина и большевиков (см. прим. 170), энергично его продолжал, держа в тюрьме Каменева, Раскольников, Колловтай, Луначарского и др. большевиков. Несколько раз отдавал грозные приказы о розыске Ленина и Зиновьева, требуя их явки, обманным образом добился ареста Троцкого, вступившего с ним в переговоры о допущении его защитником арестованного мичмана Раскольников.

²⁰⁰⁾ *18 брюмера 1799 г.* Наполеон Бонапарт с помощью войск разогнал палаты и объявил консульство, в 1804 г. он был объявлен императором Франции.

10 декабря 1848 г. его племянник Луи Наполеон Бонапарт, путем плебисцита (голосования всех граждан), был выбран президентом Французской республики. 2 декабря 1851 г. он разогнал национальное собрание и в 1852 году объявил себя императором, произведя новый плебисцит.

²⁰¹⁾ *Стокгольмская конференция* — международная социалистическая конференция, которую летом 1917 г. предполагали созвать в Стокгольме социал-соглашатели в целях скорейшего заключения мира путем давления социалистических партий на свои правительства. Французские, английские и бельгийские соглашатели, поддерживая войну до конца, от участия в конференции отказались. Немецкие с.-д. высказались за участие. Об отношении русских большевиков к ней — см. речь Н. Ленина на апрельской всеросс. конференции, напечатанную в дополнении к настоящему тому.

202) *Резолюция апрельской конференции* о проекте Стокгольмской конференции целиком отразила точку зрения И. Ленина, защищавшуюся им в речи на конференции, напечатанной в Дополнении к 1-ой части настоящего тома.

203) *Наполком III*, разбитый германскими войсками, принужден был капитулировать в Седане ~~во~~ всей армией. Капитуляция была подписана 2 сентября 1870 года. Как только известие о сдаче дошло до Парижа, 4 сентября вспыхнула революция; император был низложен и было организовано Временное Правительство во главе с парижским депутатом генералом Трошю.

204) *На всех выборах*, имевших место в 1917 г., к.-д. партия была самой правой из общественных группировок, выставлявших самостоятельные списки. Октябристы, „союз русского народа“ и др. правые партии выставлять собственных кандидатов не решались и голосовали за кадетов. Так было, напр., на выборах районных дум в Петербурге в мае 1917 г., то же повторилось в июне в Москве при выборах центральной городской думы с той только разницей, что московские кадеты под видом беспартийных включали в свой список многих домовладельцев из октябристско-черносотенного лагеря, предусмотрительно умолчав об этом перед избирателями.

205) *Либер* (Вер)—М. И. Гольдман, уроженец г. Вильно, бывший учитель видный деятель Бунда и член его Ц. К. Был несколько раз в ссылке, последний раз в 1910 г., бежал из Вологодской губернии. Представитель бундовского Ц. К. на общерусских совещаниях и член общепартийного Ц. К. по Лондонскому съезду 1907 г. Меншевик-ликвидатор. Оборонец — в годы войны, сторонник коалиции с буржуазией во время революции. Член Ц. И. К. первого созыва и его идейный руководитель. После октябрьской революции был на юге у Деникина.

206) *Брамсон*—народный социалист, член Ц. И. К. первого состава.

207) *И. В. Гуссен*—один из лидеров кадетской партии, редактор „Речи“.

208) *Смертная казнь для солдат* Керенский ввел на фронте по требованию верховного командования и контр-революционного офицерства с целью восстановить диктатуру командного состава. Эс-эры и меньшевики, представители которых входили в правительственную коалицию, санкционировали это решение Керенского. Большевики повели энергичную агитацию против нее и встретили широкий отклик рабочих и солдат. Взятый в свои руки власть, 2-й съезд Советов 25 октября (1916 года) отменил смертную казнь в России. Большевики в первые месяцы после октябрьской революции не прибегали ни к каким видам террора: взятые в плен в октябре в Петербурге и Москве, белые юнкера были освобождены и бежали в большинстве на Дон; генерал Краснов, командовавший войсками Керенского, двинутыми им с фронта в октябре против восставшего Петербурга, был отпущен на честное слово и скоро заменил на Дону убитого Корнилова. Непрерывные контр-революционные заговоры, террористические покушения и белогвардейские фронты заставили Советскую власть допустить применение смертной казни как по приговорам революционных трибуналов, так и чрезвычайных комиссий. В декабре 1919 г., после победы над Деникиным, применение смертной казни было приостановлено, но вновь возобновлено в мае 1920 г., вследствие начавшейся войны с поляками и выступлений Петлюры, Савинкова и Врангеля.

Для истории смертной казни в России и отношения к ней с.-д. характерен следующий факт. В 1909 году думская с.-д. фракция готовила законопроект об отмене смертной казни для внесения в Государственную Думу. Во время

развернувшейся агитационной кампании по этому поводу, некоторые петербургские профессиональные союзы выработали тезисы, в которых они подчеркивали, что их протест направлен против смертной казни, как орудия классовой борьбы буржуазии и царизма против пролетариата и революции. Об отношении большевиков к смертной казни еще задолго до революции см. „Социал-Демократ“ за 1909 г.

209) *М. Н. Катков* (1818 — 1887 г.г.)—один из идеологов дворянско-монархической реакции во вторую половину царствования Александра II и в эпоху Александра III. В молодости был настроен радикально, участвовал в кружке Станкевича (из которого вышли Белинский и Герцен), состоял в близких отношениях с Бакуниным. С 1850 г. стал редактором „Русского Вестника“, который сначала велся в либеральном направлении, позднее постепенно скатился до защиты исторического российского самодержавия. Во время польского восстания 1863 года предпринял шовинистический поход против поляков, позднее объявил такой же поход против интеллигенции и учреждений, созданных реформами Александра II.

210) *Г. М. Гайндман*—марксист, теоретик, вожьд и основатель Британской социалистической партии (В. S. P), никогда не пользовавшийся большим влиянием на английское рабочее движение. Подобно большинству типичных фигур II Интернационала, с начала войны скатился к социал-патриотизму, вследствие чего в 1915 г. был исключен из партии, сохранившей верность революции и, после объединения с другими левыми группами, в 1920 г. превратившейся в Британскую коммунистическую партию.

211) *Мак-Лин*, член британской социалистической партии, шотландский народный учитель, во время войны был присужден к тюрьме за интернационалистскую агитацию, ныне член британской коммунистической партии.

212) *Германская независимая с.-д. партия* образовалась во время войны, отколовшись от официальной немецкой социал-демократии по вопросу об отношении к войне и голосованию кредитов. Ядром ее послужили 14 депутатов рейхстага, воздержавшиеся при голосовании военных кредитов. Во главе партии стояли Гаазе, Ледебур, Каутский и Гильфердинг. Коммунистический союз „Спартак“ одно время из тактических соображений находился с ней в организационной связи. После ноябрьской революции в Германии независимые вместе с шейдеманами входили во Временное Правительство Германской Республики. На конгрессе в Галле в 1921 г. партия раскололась; большинство ее, слившись с коммунистами, вошло в Объединенную Коммунистическую Партию Германии, меньшинство сохранило самостоятельное существование, войдя в 2½ Интернационал.

213) См. ст. Н. Ленина „Задачи пролетариата в нашей революции“, послужившую канвой для резолюции апрельской конференции об Интернационале (Собр. сочин., ч. I, т. XIV, стр. 51—59).

214) VI Съезд Р. С.-Д. Р. II. (большевиков) состоялся в Петербурге полулегально 26 июля—3 августа 1917 г. На съезде присутствовало 157 делегатов от 112 организаций, насчитывавших 177 тысяч членов партии. Основным вопросом съезда было подведение итогов июльских событий и установление тактики на будущее время (доклад Бухарина по „текущему моменту“). На съезде было закреплено объединение с межрайонцами (см. прим. 120) представители которых имели решающие голоса на съезде Ленич, Зиновьев, Троцкий

и Каменев не присутствовали на съезде; первые двое—будучи вынуждены перейти на нелегальное положение, вторые—вследствие своего ареста.

²¹⁵⁾ *Гендерсон*—тред-юнионист, деятель Британской рабочей партии и член парламента. Правый социал-соглашатель и социал-шовинист. Деятель II Интернационала.

²¹⁶⁾ „*Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов*“—эс-эровский орган.

²¹⁷⁾ *Стачечное движение 1896 года* началось в мае массовой забастовкой, (более 30.000 человек) петербургских ткачей и прядильщиков, потребовавших платы за дни коронационных торжеств, во время которых фабрики не работали. Движение перекинулось в Москву, где забастовали железнодорожные рабочие, выставив то же требование. Движение, имевшее явный политический уклон, было полной неожиданностью для правительства. „Союз борьбы“ сумел его использовать в целях с.-д. агитации, выпустив, по словам правительственного сообщения, до 25 прокламаций и листовок. Стачки 1896 года были первым организованным проявлением массового рабочего движения.

²¹⁸⁾ „*Союз освобождения Украины*“, националистическая заграничная организация, чуждая российскому революционному движению, с дозволения германского генерального штаба занимался агитацией среди русских военнопленных в Германии украинского происхождения. Один из его деятелей был Скоронись-Йолтуховский.

²¹⁹⁾ *Триа*—В. Д. Мгеладзе, родом из Кутаисск. губ., меньшевик, участвовал на Всеросс. конференции меньшевиков и союзных им группировок в Вене в 1912 г.

²²⁰⁾ *Н. Суханов (Н. Н. Гиммер)*—начал политическую деятельность в качестве народника, но вскоре перешел к марксизму. „Нефракционный“ социал-демократ, интернационалист, позднее меньшевик. Один из редакторов интернационалистского с.-д. журнала „*Летопись*“ в эпоху войны и редактор Горьковской „*Новой Жизни*“ после февраля. Член И. К. Петербургского Совета первого состава, вместе с Ю. М. Стекловым и Н. Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с Комитетом Госуд. Думы о составе первого Временн. Правительства (см. прим. 221). Автор нескольких книг по аграрному вопросу и „*Записок о рус. революции*“.

²²¹⁾ *Дата 28 февраля* не точна. Временный Комитет Государственной Думы образовался вечером 27 февраля и „взял власть“ при молчаливом согласии Петербургского Совета Р. и С. Д. 2 марта было образовано Временное Правительство по соглашению между Думским Комитетом и Исполнительным Комитетом Совета. Исполнительный Комитет считал, что власть до созыва Учредительного Собрания должна принадлежать буржуазии на условиях выработанной им декларации, которую Временное Правительство должно опубликовать от своего имени. Главными требованиями Совета были: ускоренный созыв Учредительного Собрания на основе четырехчленной формулы, назначение выборов в городские думы и земства на основе этой же формулы, замен полиции милицией, „гражданское положение армии“, оставление в Петербурге воинских частей, принимавших участие в революции и др. Переговоры от имени И. К. велись 28 февраля, 1 и 2 марта Н. Д. Соколовым, Ю. М. Стекловым и Н. Сухановым с Думским Комитетом и Милюковым и закончились полным соглашением.

Исполнительный Комитет постановил своих представителей во Временное правительство не давать. Недовольный этим постановлением, Керенский, оста-

ваясь товарищем председателя Петербургского Совета, 2 марта обратился с горячей демагогической речью к пленуму Совета, заявив, что он принял пост министра юстиции, и просил одобрить его решение. Пленум ответил аплодисментами, однако никакого решения по этому вопросу вынесено не было. В конце же заседания была принята общая резолюция, говорившая о неучастии советских элементов в правительстве. Против вступления Керенского в состав правительства ни пленум Совета, ни И. К. никаких протестов не заявляли. Таким образом, Керенский формального одобрения не получил, но фактического согласия Совета добился.

222) *Выборы в Петербургскую городскую думу* 20 августа 1917 г. чрезвычайно усилили большевиков по сравнению с выборами в районные думы, имевшие место в мае. Большевики получили 33% всех поданных голосов (против 20% в мае), соглашательский блок 44% (вместо 58%) и кадеты 23% (вместо 22%). Городская управа была составлена из соглашателей и кадетов, немедленно вступивших в коалицию; городским головой был избран правый социалист-революционер Шредер.

223) *М. А. Спиридонова* в 1906 г. по постановлению Тамбовского К-та П. С. Р., убила усмирителя крестьянского движения в Тамбовской губернии Ладыженского. Будучи арестованной, подверглась дикому насилию со стороны жандармского ротмистра Аврамова. От последующей долгодетней каторги (Акатуй) освободила Спиридонову Февральская революция 1917 г. Она становится во главе лево-эс-эровских интернационалистов, а затем и во главе партии левых социалистов-революционеров. В Учредительном Собрании ее кандидатура на пост председателя, выдвинутая против Чернова, кандидата правых эс-эров и меньшевиков, получила свыше трети общего числа голосов. За Спиридонову голосовали большевики и левые эс-эры. После разрыва левых эс-эров с большевиками по поводу Брестского мира вела подготовку лево-эс-эровского бунта 5—6 июля 1918 г. Будучи арестованной и помилованной декретом В. Ц. И. К. после ноябрьской революции в Германии, продолжала поддерживать активистскую по отношению к Советской власти политику партии.

224) *Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (болш.)* было написано Н. Лениным вынужденным в то время скрываться и проживавшим в Финляндии. Как видно из письма, оценка положения, созданного авантюрой Корнилова, совпала с линией Центрального Комитета, находившегося с Н. Лениным в постоянной связи.

225) Временное Правительство, а особенно военное командование, в согласии со всем буржуазным „общественным мнением“ в конце лета и начале осени принимали все меры, чтобы разгромить революцию и закрепить диктатуру. Несколько раз делались попытки вопреки договору 2 марта с Ц. И. К. Петерб. Совета (см. прим. 221) вывести революционные войска из Петербурга.

26 августа главноверх Корнилов, по предварительному соглашению с Керенским, как позднее разоблачила буржуазная печать, двинул с фронта на Петербург контр-революционно настроенные казачьи части и так называемую дикую дивизию. Предполагалось объявить диктатуру в лице Керенского, Корнилова и т. д., военного министра Б. Савинкова (см. прим. 197) и Фионенко, комиссара северного фронта, но в последний момент соглашение расстроилось, по некоторым источникам, из-за спора о лицах. Керенский порвал соглашение и пошел против Корнилова. Буржуазия и вся буржуазная печать была на сто-

рою Корнилова. Во главе обороны революции стали Петербургский и Московский Советы. На гражданский фронт под Петербургом были двинуты революционные войска и организованные рабочими красногвардейские части. Рабочие петербургских военных заводов усилили выделку оружия и спешно вооружились. Меншевицско-эс-эровский Московский Совет вынужден был произвести обыски в некоторых контр-революционных организациях, постановил приступить к формированию Красной гвардии, подверг буржуазную печать предварительной цензуре и разрешил большевикам доступ в казармы, с чем он раньше энергично боролся. В корниловские дни большевистские организации в Петербурге и Москве, особенно военные, сыграли решающую роль. Опасность одновременно грозила с юга, где засевавший на Дону атаман Каледин грозил отрезать Север от продовольственных районов.

Двинутые Корниловым части разложились под влиянием советской агитации, не дойдя до Петербурга, и отказались сражаться. Некоторые генералы были подвергнуты Временным Правительством аресту pro forma. Корнилов из Выховской тюрьмы вместе с охранявшей его казачьей сотней бежал на Дон.

²²⁶⁾ *В. П. Милютин*, первоначально работал у меньшевиков, с которыми разорвал, будучи интернационалистом, и в начале войны примкнул к большевикам. На апрельской конференции 1917 г. был избран в Ц. К., после октябрьской революции вошел в состав Совета Народных Комиссаров в качестве Наркома Земледелия, позднее состоял заместителем председателя В. С. Н. Х. Литератор и экономист.

²²⁷⁾ *В. Володарский*, бывший меньшевик, сохранил верность Интернационалу во время войны, работал в Петербургской междурайонной организации (см. прим. 120), вошел вместе с нею в Р. К. П. в июле 1917 г. Его выступления на митингах в Петербурге и деятельность в Совете создали огромную популярность и любовь в рабочих массах. Убит в 1918 г. социалистом-революционером.

²²⁸⁾ *После июльских дней*, когда Советы, находившиеся в руках социал-соглашателей, отказались взять власть, несмотря на требование масс, партия на VI съезде отказалась от лозунга: „власть Советам“, считая возможным, что власть перейдет к какому-либо другим рабочим организациям (напр., конференции фабрично-заводских комитетов или профсоюзов). По мере того, как после выступления Корнилова Советы стали восстанавливать свое прежнее значение и постепенно переходить к большевикам, вновь был выставлен прежний лозунг.

²²⁹⁾ *М. Мак-Магон* (1808—1893), маршал Франции и политический деятель. Командовал армией во время франко-прусской войны в 1870 г., получил жестокое поражение при г. Ворме и принужден был запереться в крепости Седане где вскоре сдался в плен со всей армией, несмотря на полную возможность дальнейшего сопротивления. Отпущенный пруссаками после перемирия, успел принять деятельное участие в борьбе против Парижской Коммуны. В 1873 г. был избран президентом республики голосами трех монархических партий, господствовавших в палатах III республики, но бессильных сговориться о претендентах. В ноябре того же года его полномочия, как главы государства, были продлены на семилетний срок, и он становится серьезным кандидатом в монархы. В 1879 г. М.-М. принужден был выйти в отставку вследствие изменения в соотношении общественных сил и вскоре сошел с политической арены, за короткий период своей правительственной деятельности сделав все для углубления реакции, начатой Тьером.

²³⁰⁾ *А. Н. Потресов* (Старовер), род. в 1869 г. в Москве, окончил Петербургский университет. Один из участников Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В 1898 году был сослан в Вятскую губернию. По отбытии ссылки, эмигрировал за границу, где вошел в состав редакции „Искры“. Участник II-го съезда Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г., на котором была принята его резолюция об отношении к либералам. После раскола—один из лидеров меньшинства. В период первой революции вернулся в Россию. В годы реакции—руководитель самого правого крыла меньшевиков-ликвидаторов. Во время войны самый последовательный представитель социал-патриотизма среди меньшевиков.

²³¹⁾ *Клембовский и Газарин*— генералы, поддерживавшие выступление Корнилова. Генерал Клембовский был в момент выступления командующим Северным фронтом.

Вагратион— ближайший сотрудник Керенского по военному ведомству.

²³²⁾ *Демократическое Совецание* было создано правительством Керенского в Петербурге с 14 по 22 сентября 1917 г. На совещание были приглашены представители „демократических“ земств и городов, кооператоры, представители некоторых общественных организаций, фронтовых и армейских комитетов, губернских советов, Ц. И. К. и профессиональных союзов. Советская делегация составляла меньшинство. Совещание высказалось против коалиции с кадетами, однако Керенский прошел мимо его резолюции и вновь организовал коалиционное министерство. Демократическим Совецанием был выделен из своего состава „Совет Республики“ (предпарламент), который, будучи пополнен цензовыми элементами, должен был заменять представительный орган до созыва Учредительного Собрания. Большевицкая фракция во главе с Троцким покинула предпарламент.

Демократическое Совецание, не пользовавшееся никаким авторитетом в стране, не достигло своей цели укрепления Временного Правительства и расширения его базы и способствовало усилению классовой борьбы.

²³³⁾ Мера, рассматриваемая Лениным в настоящей статье, была осуществлена Советом Народных Комиссаров, который в ноябре 1917 года издал декрет, воспрещавший печатание платных объявлений всем частным органам печати, объявив печатание объявлений монополией советских газет. В сентябре 1921 г. Московский Совет разрешил свободное печатание частных объявлений, но обложил их высоким муниципальным налогом.

²³⁴⁾ *Генерал Алексеев* состоял начальником штаба верховного главнокомандующего Николая II. В момент Февральской революции, уже после отречения Николая, издавал по фронтам приказы об аресте злоумышленных агитаторов, сеящих в армии смуту, однако признал Временное Правительство. После корниловской авантюры был назначен верховным главнокомандующим, но вскоре был удален. В конце 1918 г. положил начало формированию на Дону „добровольческой армии“, перешедшей позднее под командование Деникина.

²³⁵⁾ В сентябре 1917 года немецкая армия после прорыва заняла Ригу. Русские войска оказали энергичное сопротивление, особенно упорно сражались латышские стрелковые полки. Имеются данные утверждать, что под Ригой высшее командование умышленно парализовало сопротивление армии с целью создать угрозу революционному Петербургу, произвести панику в стране, оказать на меньшевиков и эс-эров давление и добиться вывода верных революции

войск из Петербурга. Буржуазная печать, переагая вину на солдат и большевиков, использовала сдачу Риги для контр-революционной агитации, предсказывая (и провоцируя) движение немцев на Петербург. Под предлогом близости Петербурга к фронту, правительство Керенского готовилось перенести столицу в Москву, где, как оно думало, оно будет более свободно от давления революционных масс.

236) В мае и июне 1917 года Петербургской большевистской организацией был предпринят добровольный сбор пожертвований среди рабочих на покупку собственной типографии для „Правды“, в течение нескольких недель давший около 200.000 рублей. Приобретенная на собранные деньги типография была разгромлена юнкерами после июльских дней. Одновременно производились также сборы в Москве для типографии „Социал-Демократа“, давшие крупные суммы. Московское Областное Бюро выпустило для той же цели специальный рабочий заем.

237) *Выступление Корнилова* происходило при поддержке всей буржуазии, финансовых кругов и буржуазной прессы. Было доказано также и содействие „союзников“. В отряде Корнилова принимали участие английские броневики, имевшиеся на русском фронте, и английские офицеры-инструкторы. „Социал-Демократ“—орган московских большевистских комитетов, разоблачивший союзность английской миссии, был привлечен Керенским к суду за „оскорбление союзной державы“ (не за клевету), по требованию английского посла Бьюкенена, на основании специально по сему случаю обнародованного закона. Суд не состоялся вследствие последовавшего вскоре перехода власти к Советам и упразднения буржуазных судебных установлений.

238) „*Бабушка русской революции*“—прозвище, которое дали эс-эры—Е. К. Брешко-Брешковской. Б. родилась в 1847 г., начала революционную деятельность в 1873 г. хождением в народ. В 1878 г. по „процессу 193“ получила 5 лет каторги, которую отбывала на Каре. Вернувшись из Сибири в 1896 г., она приняла участие вместе с Гершуни в создании „рабочей партии политического освобождения России“, влившейся в 1902 г. в вновь созданную „партию социалистов-революционеров“. Б., будучи убежденной сторонницей политического террора, главную свою энергию отдавала работе среди крестьян, неоднократно состояла в Ц. К. с.-р. партии. В 1907 г. была арестована в Симбирске и сослана по суду на поселение в Сибирь, откуда ее возвратила дряхлой старухой Февральская революция. После февраля примкнула к крайнему правому крылу партии, будучи сторонницей войны и коалиции. После октября—бешеная противница Советской власти; эмигрировав в Соединенные Штаты, предприняла целый поход лжи и клеветы против пролетарской революции.

239) *П. П. Рябушинский*—крупнейший московский капиталист и банкир, на 2 всероссийском съезде промышленников летом 1917 г. призывавший „костлявую руку голода“ для усмирения непокорных рабочих. В настоящее время проживает в Париже, участвуя в „союзе русских промышленников“ и продолжая контр-революционную работу против русской революции

240) *В. А. Маклаков*—московский адвокат, защитник по политическим делам, один из руководителей кадетской партии и член III Государственной Думы от Москвы. Полномочный представитель Временного Правительства в Париже.

241) Политические резолюции, предложенные большевиками, впервые прошли в столичных Советах: в Петербургском—31 августа, в Московском—6 сентября

1917 г. Вследствие подачи в отставку меньшевистско-эс-эровских президиумов 8 сентября, президиум рабочей секции Петербургского Совета был избран в составе 6 большевиков, 3 с.-р. и 2 меньшевиков; 13 сентября переизбран президиум солд. секции, избранными оказались 9 большевиков, 10 с.-р., 3 интернационалиста (левых) и 2 меньшевика. Председателем Петербургского Совета 25 сентября был избран Троцкий, председателем Московского Совета—Ногин (вместо меньшевика Хинчука); председателем Московского губернского Совета, завоеванного большевиками на неделю позднее,—Владимирский. Московский Совет Солдатских депутатов, существовавший отдельно от Совета Рабочих депутатов, а также Московский Совет Крестьянских депутатов, оставшись в руках эс-эров до октябрьской революции, когда после своего роспуска слились с соответствующими рабочими Советами. Большинство губернских Советов и все Советы фабрично-промышленных центров в течение сентября перешли в руки большевиков. На местах кое-где делаются частичные попытки создания Советской власти или издания отдельных декретов. 16 сентября Ташкентский Совет взял власть в свои руки, что вызвало вооруженное вмешательство Вр. Правительства.

На выборах в Москве в районы думы, большевики получили 52 % всех поданных голосов (приводимые Н. Лениным в различных местах его статей цифры 47% и 49 % и взятые им из буржуазных газет—не точны). Все районные управы за исключением центра города оказались в руках большевиков.

²⁴²⁾ *Всеобщая стачка в Москве* 12 августа была проведена рабочими под руководством Бюро профессиональных союзов, как протест против Государственного Совещания (см. прим. 182). Запрещение стачки эс-эро-меньшевистским Московским Советом и протест эс-эровской городской думы не оказали никакого влияния на рабочих.

²⁴³⁾ *Э. Бернштейн*—один из ранних деятелей немецкой с.-д. и участник партейтага в Готе, привлекался к суду за оскорбление величества. Эмигрировав за границу, лично познакомился с Марксом и Энгельсом. Во время действия исключительного закона против социалистов, с 1880 года редактировал издававшийся в Швейцарии и Лондоне нелегально-транспортировавшийся в Германию центральный орган немецкой партии „Социал-Демократ“, вследствие чего в 1888 году был выслан из Швейцарии.

В конце 90 годов выступил с критикой учения Маркса (ревизия, отсюда—ревизионизм), отрицал концентрацию капитала (особенно в сельском хозяйстве), обострение классового антагонизма, неизбежность революционного восстания пролетариата и доказывая постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое путем ряда реформ (реформизм), которых пролетариат может добиться путем парламентской борьбы. Ревизионисты всех стран (в том числе русские с.-р. в 900-х годах) опираются на Бернштейна. Выдвинутая Б. теория была подвергнута решительной критике ортодоксальными марксистами, в особенности Г. Плехановым и К. Каутским (см. книги последнего „Анти-Бернштейн“ и „Аграрный вопрос“.)

В годы войны Б. занимал полу-оборонческую, полу-интернационалистскую позицию. В настоящее время Б. вновь скатился к правому социал-соглашательству.

²⁴⁴⁾ *Большевистская фракция* во главе с Троцким, огласив декларацию, покинула Совет Республики („предпарламент“), выделенный Демократическим Совещанием.

215) „Александринка“—императорский Александринский театр, в котором заседало Демократическое Собрание.

„Петропавловка“—старинная, построенная Петром Великим, крепость в центре Петербурга, на Неве.

216) „Либердань“—кличка, которая установилась за Либером и Даном и их сторонниками После появления в печати шуточного стихотворения Демьяна Бедного.

217) *Твердые цены на хлеб*, закупаемый для армии, были удвоены правительством Керенского под давлением требований помещиков.

218) Назначенный на 17 октября 1917 г. экстренный съезд Р. С.-Д. Р. П. (больш.) был отменен Ц. К. и заменен рядом совещаний.

219) „Спартак“ — двухнедельный журнал, издававшийся под редакцией Н. И. Бухарина в Москве с июня по 25 октября 1917 года, орган Моск. Областного Бюро, Московск. Комитета и Московск. Окружн. к-та Р. С.-Д. Р. П. (больш.). Всего вышло 10 номеров.

220) *Н. И. Бухарин*—родился в 1889 году, слушал лекции в Московском университете, работал в качестве ответственного организатора в Замоскворецком и др. районах и состоял членом М. К. Р. С.-Д. Р. П. В 1911 году был сослан в Онегу Архангельской губ. на три года, но эмигрировал за границу. Работал с Лениным в Кракове, обслуживая заграничный „Социал-Демократ“ и Петербургскую „Правду“. Во время империалистической войны проживал в Стокгольме, сотрудничая в ленинском „Коммунисте“. Будучи арестован и выслан из Швеции, переселился в Америку, откуда вернулся в Москву в конце апреля 1917 г. и вошел в состав Моск. Областного бюро. На VI съезде Р. С.-Д. Р. П. в июле 1917 г. вошел в состав Ц. К., в котором состоит бессменно. Редактор „Правды“ с 1918 г., член всех исполкомов Коминтерна. Экономист-теоретик и публицист.

Во время дискуссии о Брестском мире стал во главе „левых коммунистов“ (Моск. Области. Бюро: Яковлева, Осинский, Ломов, Бубнов, В. М. Смирнов, Кизильштейн и др., а также К. Радек), энергично выступавших против его подписания даже в момент возобновления немецкого наступления. Весною 1918 года вместе с Осинским и др. издавал в Москве двухнедельник „Коммунист“, пытавшийся формулировать задачи „текущего момента“ в освещении „левого коммунизма“.

221) *Проект изменений партийной программы Н. Ленина*—см. его статью в Собр. сочин., том XIV, часть 1, стр. 113, а также примечания 95 и 96.

222) *Сокольников*—член Московского Областного Бюро Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) и член исполкома Московского Совета Р. Д. первого состава. Позднее член Ц. К. Р. К. П., деятель Красной армии и публицист.

223) *Родбертус-Якобов* (1805—1875 г.г.)—немецкий экономист и историк, последователь школы А. Смита и Рикардо, сторонник теории трудовой стоимости и „государственного социализма“. Р. разработал собственную теорию кризисов.

224) *Пунчицкие войны*—три войны древних римлян с карфагенянами с 264 г. по 146 г. до Р. Х., окончившиеся разрушением Карфагена и завоеванием его колоний.

225) *Рудольф Гильфердинг*—немецкий с.-д., экономист, единомышленник Каутского, автор труда „Финансовый капитал“, позднее руководитель германской независимой с.-д. партии, вошедшей в 2 1/2 Интернационал.

236) *Прудон* (1809—1865)—экономист и теоретик раннего анархизма, идеолог мелкой буржуазии (см. К. Маркс „Нищета философии“).

237) *В. М. Смирнов*—член „Экономического Совета“ Московского Областного Бюро Р. С.-Д. Р. П. (больш.) в 1917 г., экономист и литератор.

238) *Ю. Ларин* (М. Лурье) — старый партийный работник, меньшевик,— автор наиболее правого из проектов созыва „широкого рабочего съезда“ в 1907 году. В годы войны примыкал к тому течению среди ме-ков, во главе которого стоял Мартов. После Февральской революции занял наиболее левую позицию среди меньшевиков-интернационалистов. В июле 1917 г. пришел к большевикам, вступил в партию, вместе с ней проделав октябрьскую революцию. Литератор и экономист.

239) *Бубликов*—крупный железнодорожный деятель, прогрессист мало заметный депутат 4 Государственной Думы, член Временного Комитета. Г. Д. после Февральской революции, участник „Государственного Сопещения“ в Москве, скрепивший публичным поцелуем с Церетели коалицию буржуазии с социал-соглашателями.

240) *Бернацкий*—профессор политической экономии. Министр финансов в последнем правительстве Керенского и в белогвардейских правительствах Деникина и Врангеля. В период первой революции примыкал к марксизму и сотрудничал в легальных марксистских журналах.

241) *С. Н. Прокопович*—один из ранних социал-демократов, „экономист“ (сторонник экономической борьбы рабочего класса в ущерб политической,— специфически-русская форма бернштейнианства). Очень скоро ушел от с.-д., эволюционировав вправо. Участник „Союза Освобождения“, либерального объединения земских деятелей в 1904—1905 г.г., издававшего за границей собственный орган „Освобождение“ под редакцией П. В. Струве. В 1905 году возобновил связи с меньшевиками и принимал участие в работах с.-д. фракции II Государственной Думы в качестве сведущего лица. В 1906 г. издавал радикальный журнальчик „Без заглавия“ (отсюда кличка „беззаглавцы“). Деятель кооперации и участник „общественного движения“. Министр продовольствия в последнем правительстве Керенского, сметенном октябрьской революцией).

242) *Граф Бобринский*, крупнейший землевладелец Киевской губернии и сахарозаводчик.

243) *Продуголь*—синдикат углепромышленников, образовавшийся в годы, предшествовавшие войне.

244) *Продамет*—синдикат владельцев шахт и заводов по продаже металла. Образовался за несколько лет до войны.

245) *Клишкин*, по профессии врач, один из руководителей к.-д. партии. Летом 1917 года был выбран буржуазным „Комитетом общественных организаций“ комиссаром гор. Москвы и утвержден в качестве такового Врем. прав. Позднее вошел в последний состав Временн. Правительства. Накануне октябрьской революции был назначен полновластным диктатором Петербурга для борьбы с большевиками.

246) *Е. Д. Кускова*—в 90-х работала в с.-д. кружках, примыкая к „экономистам“, автор „Стедо“, программной брошюры „экономизма“, очень скоро отошла от рабочего движения и революции, примыкая к группе Прокоповича.

247) *Беркенгейм*—социалист-революционер правого крыла, кооператор, член буржуазного Московского „Комитета общественных организаций“, гласный

Московской городской думы и член управы летом 1917 г. Социал-патриот с сторонник коалиции.

268) *Н. Н. Жордания* (Костров), родился в 1869 г., родом грузинец, в 1894 г. привлекался жандармами по обвинению в участии в „Лиге свободы Грузии“. Работал в с.-д. кружках в Грузии, ученик Плехано а. В 1901 г. вновь был арестован в Тифлисе и выслан в Елизаветполь, скрылся, перейдя на нелегальное положение и продолжал работу на Кавказе. Один из старейших с.-д., основатель грузинской с.-д., занимал влиятельное положение среди русских меньшевиков, участник всероссийских партийных съездов. Член I Государственной Думы от Тифлисской губ. и лидер с.-д. думской фракции, привлекался к суду за подписание „Выборгского воззвания“ После октябрьской революции глава меньшевистского правительства Грузии.

269) *Уничтожению бюрократического аппарата*, неизбежность которого для победоносного пролетариата была предусмотрена еще Марксом, в России способствовали забастовка и саботаж чиновников, организованные остатками Временного Правительства и поддерживавших его политических партий. Необходимость заменить бастующих заставила в первые же дни после победы подобрать новый штат служащих, разбавив его значительным количеством рабочих.

270) *Рабочий контроль* был проведен декретом II съезда Советов 25 октября 1917 года (см. декрет в XV т. Собрания сочинений). Положение о рабоч. контроле принято В. Ц. И. К. 14 ноября 1917 г. и послужило могучим орудием в борьбе с капиталистами. По мере проведения национализации в 1918—1919 г.г. контроль потерял свое значение. В апреле 1920 года IX съезд Р. К. П. высказался за единоличное управление предприятиями. В октябре 1921 года был опубликован декрет В. Ц. И. К. о не признании торговой тайны и запрещении требовать помимо судебных органов вскрытия книг частных и арендных предприятий.

271) *П. В. Струве*—один из ранних русских социал-демократов; один из авторов и окончательный редактор манифеста Р. С.-Д. Р. П., выпущенного от имени I съезда партии в 1893 г.; участник Международного социалистического конгресса в 1896 г., представитель „легального марксизма“ (Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев, Изгоев, и др.)—течения, отставившего марксизм против народников в легальных „толстых“ журналах („Новое Слово“, „Жизнь“ и вскоре занявшегося „критической проверкой“ (ревизией) Маркса. „Легальный марксизм“ использовал марксистскую догму в целях буржуазного преодоления народнических утопий. Струве, как и другие его соратники, вскоре порвал с марксизмом и встал во главе Союза „Освобождение“, организации либеральных земцев в 1904—1905 г.г., редактируя в Штутгарте журнал „Освобождение“. Союз в 1905 г. послужил ядром для образования „партии народной свободы“ (конституционно демократической), членом Ц. К. которой вошел Струве. В 1909 г. Струве—один из участников шумевшего собрания „Вехи“, провозглашавшего разрыв русской интеллигенции с революцией и по ту сторону на службу к капитализму. Позднее Струве унаследовал от Гольцева редакцию „Русской Мысли“—к.-д. журнала в Москве, издание которого Струве в настоящее время продолжает в Софии в монархическом направлении.

272) *А. М. Никитин*, публицист, журналист, юрист; консультант некоторых московских профессиональных союзов в эпоху реакции, деятель легальных рабочих „обществ образования“ и клубов. Принимал участие в поездке на Лену

либеральной адвокатуры. Меньшевик-ликвидатор. Один из с.-д. кандидатов от 2 курии г. Москвы в IV-ю Государственную Думу. Ярый оборонец с самого начала войны. Министр в последнем коалиционном министерстве Керенского и член Сентябрьской директории (Керенский, Терещенко, Верховский, Никилин и Вердеревский).

273) *Национализация банков* была осуществлена декретом В. И. К. 14 декабря 1917 года, объявившим банковое дело государственной монополией и слившим частные банки с государственным. Одновременно был издан декрет о ревизии сейфов. Снятие денег частными лицами с текущих счетов было ограничено определенной суммой в месяц, если снимаемые суммы требовались для личных надобностей. Позднее последовал ряд декретов (1917—1919 г.г.), аннулировавших сначала облигации государственных займов и позднее акции и облигации частных предприятий. Малые держатели займов (до 10.000 руб.) получили удовлетворение деньгами. Вследствие постепенной национализации всей торговли и промышленности Государственный банк был слит с государственным казначейством, превратившись в один из отделов Наркомфина. С переходом к „новой экономической политике“ в октябре 1921 года Государственный банк был восстановлен.

274) *Бриан*—империалист и один из министров Французской республики, в последнее время премьер-министр; злейший враг советской России, бывший социалист.

275) Первоначально Советская власть пыталась провести принудительное ссндцирование крупных предприятий и государственное регулирование их, национализируя лишь те заводы, владельцы которых саботировали производство или закрывали предприятия. Саботаж промышленников и развитие гражданской войны в 1918 г. заставили перейти к общей национализации сначала промышленности, а затем и торговли. Окончание гражданской войны, затяжной хозяйственный кризис, вызванный семилетней империалистической и гражданскими войнами, потребовали в 1921 году отмены хлебной монополии, перехода к новой экономической политике с ее свободой торговли и передачи в аренду кооперативам, артелям и частным предпринимателям мелких и средних национализированных заводов с целью оживления мелкого производства и развития товарооборота города и деревни.

276) *Всеобщая трудовая повинность* была осуществлена с большой медленностью и постепенно. В городах она была проведена при помощи трудовых книжек, заменивших паспорта. В деревне—при помощи общих и трудовых мобилизаций. После победы над Колчаком и Деникиным в начале 1920 года несколько боевых армий были превращены в трудовые и использованы для работ в различных районах. IX съезд Р. С.-Д. Р. П. признал необходимым энергичное проведение трудовой повинности и милитаризации труда. По мере демобилизации армии и с переходом к „новой экономической политике“ трудмобилизованные были респущены.

277) *Исключение специалистов* на советскую службу всегда составляло заботу большевиков. Саботаж, организованный после октября партиями, поддерживавшими Временное Правительство, вызвал повсеместный уход специалистов, однако уже в 1918 г. они начинали возвращаться на прежние места. В одной из своих речей на соединенном заседании В. И. К. и Московского Совета уже в марте 1918 года Н. Ленин поставил вопрос об отношении к буржуазным специалистам и

подчеркнул необходимость повышенных окладов, как платы за выучку не имеющего своих специалистов пролетариата (см. том XV Собр. соч.)

278) *Один из первых декретов* В. Ц. И. К. 2 созыва был декрет об окладах членов В. Ц. И. К. (1 ноября 1917 г.) в сумме 400 р. в месяц; позднее была введена прибавка в 10) руб. на каждого неработоспособного члена семьи. Эта норма применялась ко всем коммунистам, выполняющим ответственную советскую и партийную работу. По мере падения курса денег оклад повышался, выравниваясь по среднему заработку рабочего. Принцип Парижской Коммуны об оплате государственных чиновников не свыше заработка рабочего проведен полностью, поскольку руководящие должности замещаются преимущественно революционерами.

Что касается общих тарифов заработной платы, то их руководящие принципы подвергались многочисленным изменениям. В 1917 г. разница между высшим и низшим окладом была установлена крайне незначительная. Прекращение саботажа и необходимость привлечения специалистов заставила эту разницу увеличить в несколько раз и даже допустить внетарифные ставки. С введенной первоначально в 1917 г. почасовой и помесечной формы расчета в 1919 г. перешли к премиальной системе, а в 1921 г. частью к коллективному снабжению, частью к смешанной или чистой сельдешине. Одновременно проводилась постепенная натурализация заработной платы. Осенью 1921 г. с развитием частной торговли и уничтожением хлебной монополии В. Ц. С. И. С. стал на путь введения денежной формы заработной платы и тарифов, исходящих из прожиточного минимума.

279) Несколько цифр, характеризующих рост партии:

На Лондонском съезде 1907 года, на котором участвовали большевики, меньшевики, Бунд, поляки и латыши было представлено около 150 тысяч членов партии.

На Всероссийской апрельской конференции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 1917 г.—80.000 членов.

На VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (больш.) в июле 1917 г. (согласно его протоколам)—177 тысяч.

На VIII съезде Р. К. П. в апреле 1919 г.—314 тысяч.

На IX съезде Р. К. П. и в апреле 1920 г.—612 тысяч.

На X съезде Р. К. П. в марте 1921 г.—703 тысячи.

280) Намек на публичный поцелуй прогрессиста, члена Государственной Думы Бубликова и меньшевика Церетели на Государственном Совете в Москве.

281) *После июльских дней* Ленину и Зиновьеву, вследствие приказа Временного Правительства об их аресте, пришлось перейти на нелегальное положение, что было санкционировано VI-м съездом партии. Несколько недель они прожили в лесу близ Сестрорецка, одной из дачных местностей близ Петербурга, пока не было устроено более удобное убежище. В Сестрорецке единственным прибежищем был стог сена, служивший для ночлега. Позднее Ленин переехал через финляндскую границу на паровозе под видом кочегара и был помещен в квартире финского товарища, бывшего петербургского рабочего Г. Рокис, исполнявшего, по избранию гельсингфорского коммунального самоуправления, находившегося в руках социал-демократов, должность полицеймейстера. Позднее Ленин переселился в Выборг и в конце сентября в Петербург, на квартиру

большевика-рабочего, явившись 24 октября, накануне восстания, в Смольный, где помещались тогда Ц. И. К. и Петербургский Совет.

282) *Дантон* (1759—1794)—один из вождей и организаторов Великой французской революции. Уже 17 июня 1791 г. Д. выступил в качестве республиканца, призывал народ на Марсово поле подписывать петицию о низложении короля. Председатель клуба якобинцев в первоначальный его период и деятель Парижской Коммуны. С 10 августа член Д. правительства—в качестве министра юстиции и вскоре депутат Конвента от города Парижа. Вдохновитель обороны революции, блестящий оратор, пользовавшийся огромной популярностью в массах. Период его наибольшего влияния с апреля по сентябрь 1793 г. Д. был казнен по приговору революционного трибунала. Принадлежал к правому крылу якобинцев.

283) *Ряд стихийных крестьянских восстаний* после уборки урожая осенью 1917 г. охватил губернии: Тамбовскую, Воронежскую, Тульскую, Рязанскую, Калужскую и др. Крестьяне увозили помещичий хлеб, громили усадьбы, жгли постройки. Правительство Керенского, поскольку имело в своем распоряжении военные силы, прибегло к усмирениям и арестам. В центральной полосе России следствием над аграрными руководил прокурор Московской судебной палаты Стааль, организатор Всероссийского Крестьянского союза в 1905 г. Арестованные крестьяне свозились из других губерний в Московскую Бутырскую тюрьму, откуда были освобождены Московским Военно-Революционным Комитетом во время октябрьского восстания.

284) Находясь вне Петербурга в силу своего нелегального положения, Н. Ленин адресовал ряд писем (см. стр. 95, 132—140 настоящего тома) в Центральный и столичные комитеты партии, настаивая на скорейшей организации восстания и его подготовке. Настоящее письмо написано минуя Ц. К. Петербургскому и Московскому Комитетам и побудило московских большевиков вступить на путь декретирования ряда пролетарских требований от имени Совета как переходной меры к взятию власти.

285) *Августовские выборы в Москве* в районные думы дали большевикам 52,6% всех поданных в городе голосов. Солдаты Московского гарнизона голосовали за их список сплошной массой.

286) *Восстание матросов* в германском военном порте Киле в сентябре 1917 года, окончившееся кровавым усмирением.

287) *Плансон*—народный социалист, член Ц. И. К. первого состава. Оборонец и соглашатель.

288) *Суворин*—один из главных пайщиков и фактический редактор „Нового Времени“, органа, отражавшего настроения и взгляды петербургской бюрократии. „Новое Время“ в 1876 г. перешло в рук. А. С. Суворина (отца), происходившего из крестьян Воронежской губ., который первоначально сотрудничал в радикальном „Современнике“ и либеральном „Вестнике Европы“. В первых номерах газеты участвовали Некрасов и Салтыков. „Новое Время“ вскоре превратилось в лакействующий перед правительством и высшими чиновниками листок, справедливо заслуживший кличку: „Чего изволите?“.

289) *Н. И. Гакитников* (род. в 1864 г.) до эмиграции работал в народнических кружках в Саратове, член П. С. Р. с самого ее основания и член ее Ц. К., литератор и редактор с.-р. газет в России и за границей, оборонец и сторонник коалиции.

220) *Д. В. Рязанов* — один из старейших русских социал-демократов, организовал в первой половине 90-х годов рабочие кружки в Одессе, после 5-летнего заключения в „Крестах“ эмигрировал за границу, где примыкал к революционному крылу социал-демократии, стоя обычно несколько особняком от основных русских с.-д. группировок. Участник заграничной с.-д. группы „Борьба“ в начале 900-х годов. Во время первой революции одно время работал в Одессе, затем явился организатором и руководителем профессиональных союзов в Петербурге. Вынужден был вторично эмигрировать за границу, где уделял большую часть своего времени заграничному с.-д. движению и работе по изданию сочинений Маркса и Энгельса, а также по истории Интернационала по поручению германской с.-д. партии. Участник многих русских и немецких партийных изданий. Антиоборонец и интернационалист с самого начала войны. После февральской революции Р. возвращается в Россию и принимает энергичное участие как организатор и агитатор в подготовке октябрьской революции. Член В.Ц.И.К. Историк и экономист. Организатор Социалистической Академии и Института К. Маркса в Москве.

221) *Материалы для книги „Государство и революция“* были подобраны П. Лениным во время войны в Швейцарии. Февральская революция прервала начатую работу. Вынужденный переход на нелегальное положение после июльских дней и невозможность принимать непосредственное участие в партийной работе дали возможность Н. Ленину в Финляндии, где он тогда проживал, написать первую, опубликованную, часть задуманного труда: дальнейшую работу прервало обострение революционной борьбы.

222) *И. А. Рубанович*, род. в 1860 г., принимал деятельное участие в народо-вольческом движении после разгрома „Народной Воли“, эмигрировал за границу, в 1893 году вошел в парижскую „группу старых народо-вольцев“. С образования П. С. Р. примкнул к ней, являясь официальным представителем партии за границей, с января 1904 г. по декабрь 1909 г. редактировал издававшийся партией в Париже журнал „La Tribune russe“ (всего вышло 12 номеров), член Международного социалистического бюро от с.-р. В годы войны социал-патриот и соглашатель.

223) *Легин* — германский с.-д. из партии шейдемановцев, социал-империалист, деятель немецких профессиональных союзов и руководитель амстердамского международного профессионального объединения.

224) *Фабианское общество* основано в 1883 году в Англии с целью пропаганды социалистических идей и названо по имени кунштатора Фабия. Его цели — пересмотр английской конституции в демократическом духе и проповедь социалистической организации производства. Не отказываясь от политической борьбы и участия в выборных кампаниях, обычно, путем поддержки кандидатов либеральной партии, общество отрицает классовую борьбу, пропагандируя классовое сотрудничество, и не признает неизбежности социальной революции.

225) *Гегель* (1770 — 1831) — представитель идеалистической философии, имевший большое влияние на всю мыслящую германскую и русскую интеллигенцию середины прошлого века, в том числе на К. Маркса, который преобразовал в материалистическом направлении и „поставил на ноги“ его диалектический метод.

226) *Н. К. Михайловский* (род. в 1842 году) — писатель и теоретик народничества. В период „Народной Воли“ составлял прокламации и редактировал ее

издания, автор „Письма Исполнительного Комитета к Александру III“. После смерти Александра III в 1881 г. М. участвовал на организационном съезде „Социально-революционной партии народного права“, имевшего место в Саратове в 1892 г. (её организаторы Чернов и Натансон). Сотрудник некрасовских „Отечественных Записок“, редактор народного журнала „Русского Богатства“ с начала 90-х годов, продолжатель Чернышевского и „Исторических писем“ Миртова, „властитель дум“ поколения 80-х годов. Развивая общие народнические теории, выработал собственную теорию „исторического процесса“, выделяя роль „критически мыслящих личностей“, вел полемику против марксистов, доказывая, что последовательные марксисты должны „открывать кабаки“, чтобы скорее „выварить крестьянина в фабричном котле“, и был подвергнут Плехановым уничтожающей критике. В последние годы был близок к социалистам-революционерам, примыкая к их правому крылу. После смерти Михайловского редакция „Русского Богатства“ послужила ядром немногочисленной партии народных социалистов.

²⁹⁷⁾ *Е. Дюринг* (1833—1902),—немецкий экономист и философ, пытался создать собственную „философию действительности“, „социалитарную теорию“ в области политической экономии повторяя положение Кери о возрастающей доле рабочего класса в распределении по мере общественного прогресса и примирении классового антагонизма в процессе производства. Типичный эклектик, возмнивший себя „обновителем наук“ и „объединителем истины“ пользовавшийся, однако, большой, но кратковременной популярностью в Германии. Энгельс выступил против него с рядом блестящих статей, углубляющих философию марксизма и объединенных позднее в отдельном издании под названием „АнтиДюринг“.

²⁹⁸⁾ *Готская программа* была принята на объединительном конгрессе в Готе 14—15 февраля 1875 г., на котором две фракции немецких социалистов—лассальянцы и вйзенахцы (марксисты)—слились в „Социалистическую Рабочую Партию Германии“. Принятая программа явилась компромиссом между лассальянцами и вйзенахцами. Первые внесли в нее все свои боевые пункты: полный продукт труда для рабочих, железный закон заработной платы, производительные ассоциации на основе государственного кредита и признание буржуазии „единой реакционной массой“. Маркс подверг Готскую программу жесточайшей критике. Программа просуществовала официально до партийного съезда в Эрфурте в 1891 г., когда была заменена новой программой (Эрфуртская программа—см. прим. 135).

²⁹⁹⁾ *М. А. Бакунин* (1814—1876)—один из основателей анархизма и его теоретик, коллективист и федералист. Окончил артиллерийскую школу в Петербурге, но, будучи произведен в офицеры, вскоре вышел в отставку. Участвовал в Московском кружке Станкевича, где усвоил гегелианскую философию. В 1840 году уехал за границу, где познакомился с Вейтлингом, Прудоном и Марксом. В 1847 году был выслан из Франции, после революции в 1848 году вернулся в Париж и продолжал политическую деятельность, но вскоре переселился в Германию, участвовал на съезде славянских деятелей в Праге, а также и в пражском восстании, в 1849 г. принимал участие в подготовке восстания в Дрездене, был дважды приговорен к смертной казни, но выдан русскому правительству, присудившему его к 20 годам заключения в Шлиссельбурге. Александр II заменил крепость поселением в Сибири, откуда он в 1861 г.

бежал через Японию и Америку в Лондон, вскоре переехал в Италию и основал „Международное Братство“. К этому времени Бакунин превращается из простого бунтаря в теоретика и вождя международного анархизма. В 1869 г. Бакунин вступил в „Международную Ассоциацию Рабочих“ (I Интернационал), откуда был исключен на Гаагском конгрессе в 1872 г. Незадолго до Парижской Коммуны в 1870 г. Б. принял энергичное участие в подготовке восстания в Лионе. В 1873 г. организовал анархический „Федеративный Союз“, опираясь на „Юрскую секцию“. В 1874 г. переехал в Испанию, пробуя организовать восстание в Боломье.

Соединяя в своем мировоззрении идеи Гегеля, Конта, Прудона и Маркса Б. является позитивистом и страстным противником религиозного миропонимания. Не воздерживаясь от политической борьбы, он отрицает государство и частную собственность (особенно наследственную). Государство для него — теза, анархия — антитеза, синтез — „федерализм“. Он стоит за вольные союзы производителей, особенно крестьян, как переход к коллективизму. Средства переворота: бунт („дух разрушающий есть дух созидающий“), революционная борьба, восстание, террор, тайные организации, заговор.

³⁰⁰⁾ „*Neue Zeit*“ („Новое Время“) — теоретический орган немецкой с.-д. партии, выходивший последние годы под редакцией К. Каутского.

³⁰¹⁾ А. Бебель (1840—1912) — один из основателей немецкой с.-д. партии и ее вождь. Бебель — сын прусского солдата, круглый сирота с 12 лет. 14 лет поступил в токарную мастерскую учеником. В течение двух лет, будучи ремесленным подмастерьем, странствовал по Германии, Австрии и Швейцарии. По возвращении работал в просветительном союзе ремесленников в качестве его председателя. Встретившись в 1865 году с В. Либкнехтом, стал социалистом и примкнул к Интернационалу. На выборах 1867 года, произведшихся впервые на основе всеобщего избирательного права, был выбран в рейхстаг от саксонской народной партии, членом которой он в то время состоял, и оставался депутатом до самой смерти. В 1868 г. Б. был выбран президентом немецких рабочих ферейнов на конгрессе в Нюрнберге. В 1869 г. Б. и В. Либкнехт на Эйзенхакском конгрессе основали немецкую с.-д. партию. Во время франко-прусской войны Б. вместе с Либкнехтом воздержался от голосования военного займа, а после сентябрьского переворота во Франции и провозглашения республики голосовал против займа и протестовал против аннексии Эльзаса и Лотарингии. В 1872 году Б. был приговорен к двум годам тюрьмы по обвинению в государственной измене. Тюрьменному заключению он подвергался неоднократно и впоследствии. Б. неуклонно боролся против всяких попыток перетянуть партию в сторону буржуазии (Дюринг, Бернштейн, Фольмар), на опыте выискивая марксистскую тактику. Являясь первоклассным оратором в рейхстаге, Б. отстаивал как непосредственные рабочие требования, так и общие цели движения, борясь против германского милитаризма, варварской эксплуатации колоний, реакционного аграрного законодательства, защиты права женщин и пр. Будучи одним из вождей II Интернационала в лучший его период, Б. боролся с оппортунизмом в международном движении, способствуя на Амстердамском конгрессе 1900 года поражению Жореса, отстаивавшего „минималистский реализм“. Решительно борясь со всякими правыми течениями в с.-д., Б. выше всего ставил единство партии, вследствие чего часто принужден был идти на компромиссы с правыми, отмежевываясь от нарождавшегося

в последние годы перед гоимой лево-радикального течения во главе с Р. Люксембург.

Б. скончался в 1912 году вскоре после Базельского конгресса, выступление на котором было для него одним из последних.

³⁰²⁾ *Вильгельм Либкнехт* (род. в 1826 г.) Отец Карла Либкнехта—один из основателей германской социал-демократии, участвовал в революции 1848 г., вследствие чего был вынужден эмигрировать в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. По амнистии 1860 года получил возможность вернуться в Германию, где боролся с влиянием сначала Лассаля, а потом сменившего его Швейцера. По выборам в рейхстаг 1867 г., которые впервые происходили на основе всеобщего избирательного права, получил депутатские полномочия; во время франко-прусской войны воздержался вместе с Бебелем при голосовании военного займа, а после свержения Наполеона III голосовал против. По обвинению в государственной измене в 1872 году был приговорен к двум годам тюремного заключения. По отбытии тюрьмы продолжал работу под игом исключительного закона, в парламенте и в рабочих массах отстаивая принципы революционной социал-демократии против всякой попытки их принижения (Фольмар, Бернштейн и др.)

³⁰³⁾ *Второй съезд Р. С.-Д. Р. П.* (1903 г.), на котором произошел раскол партии на „большинство“ и „меньшинство“.

³⁰⁴⁾ *Бракс*—один из основателей немецкой социал-демократии. Член Лассалевского „Всеобщего германского союза“, организатор Гамбургского рабочего движения. Разошелся вскоре со Швейцером, стоявшим во главе союза после смерти Лассаля, и принял энергичное участие в борьбе марксистов против его диктатуры. В 1871 году был арестован, законан в кандалы, присужден окружным судом в 16 месяцев тюрьмы за воззвание против франко-прусской войны Брауншвейгского комитета, членом которого состоял. Депутат рейхстага по выборам 1877 г. Автор нескольких агитационных брошюр.

³⁰⁵⁾ *Ф. Лассаль* (1825—1864)—социалист и вождь германского рабочего движения первой половины 60-х годов прошлого века, основатель и президент „Всеобщего Немецкого Рабочего Союза“, члены которого (лассальянцы), объединившись с марксистами „эйзенахцами“ в 1875 г. на конгрессе в Готе образовали Социалистическую Рабочую Партию Германни. Лассаль доказывал, что „железный закон заработной платы“ не позволит рабочим улучшить своего положения в капиталистическом обществе; противопоставить капиталистическому способу производства и обеспечить за рабочими полный продукт труда могут только крупные производительные ассоциации, для воздания которых необходим государственный кредит; кредит рабочие могут получить, только завоевав всеобщее избирательное право, чтобы оказать давление на государство, для чего необходима сильная рабочая организация.

³⁰⁶⁾ Данные относятся к периоду 1917 года.

³⁰⁷⁾ *М. И. Тузан-Барановский*, профессор; один из „легальных марксистов“ в 90-х годах, вскоре скатившийся через ревизионизм и критику Маркса к простому либерализму. Автор капитального труда „Русская фабрика“.

³⁰⁸⁾ *П. А. Кропоткин* (1842—19.0)—основатель и теоретик анархизма-коммунизма. Происходит из княжеского рода, восходящего к Рюрику; окончив плажеский корпус, поступил на службу в Амурское казачье войско, где под видом купца предпринял экспедицию в Китай. По возвращении в Петербург

поступил на математический факультет, одно время состоял секретарем Географического общества и занимался исследованием скандинавских ледников. Во время одной из поездок за границу сошелся с бакунистами. Участник кружка чайковцев, вследствие чего в 1874 г. был арестован, но бежал из тюрьмы при содействии Кравчинского в Англию. В 1881 г. был выслан из Швейцарии, в 1883 г. за принадлежность к „Международной Ассоциации Рабочих“ был приговорен к 5 годам тюрьмы, но помилован в 1886 г. Поселившись в Лондоне, посвятил себя целиком научной литературной работе. В время империалистической войны был сторонником антантовской коалиции, выступал на московском Государственном Собрании в 1917 г. После октября 1917 г. сторонник Советов и пролетарской революции.

Кропоткин разработал философию, этику и теорию анархизма. Парламентаризм себя исчерпал и прогнил насквозь. Преобразует общество только социальная революция, которая нуждается в длительной подготовке, за ней последует экспроприация экспроприаторов, производство будет организовано свободными союзами и общинами, на началах анархического коммунизма.

³⁰⁹⁾ *Ж. Грав*—французский анархист-коммунист, последователь Кропоткина и Э. Реклю, антипарламентарист, сторонник всеобщей стачки и террора (с оговорками), допускает экспроприации. Государство следует бойкотировать и не выполнять его требований. Борьба с властью—длительный процесс, решительный момент — революционный переворот в интернациональном масштабе. Власть в переходный момент не нужно: капиталисты окажутся слишком слабыми. Производство будет организовано через свободные союзы.

В годы войны Грав превратился в анархо-патриота и защитника III республики

³¹⁰⁾ *Корнелиссен*—голландский анархист-коммунист синдикалистского типа, один из продолжателей Кропоткина, сторонник материалистического понимания истории, противник парламентаризма. Революцию должны совершить синдикаты через всеобщую стачку. Они же организуют после революции производство. В переходный период допустимо существование революционной армии и организованного насилия над буржуазией, как средства борьбы.

Во время империалистической войны К. примкнул к сторонникам защиты отечества.

³¹¹⁾ *Гэ* — русский анархист-коммунист, сторонник Советской власти, одно время состоял членом В. Ц. И. К.

³¹²⁾ *М. Штирнер* (К. Шмитт) (1806—1856 г.г.)—анархист-индивидуалист. Высший принцип—личное благо. Для личности не может быть никаких авторитетов; религии, бога, власти, государства, родины, морали, чести. Собственность—кража, но и в этом вопросе личность должна оставаться свободной. Общественная собственность—лучше личной. Анархическое общество может быть только добровольным союзом эгоистов. Современный порядок можно уничтожить только через бунт. Главное произведение *III*. озаглавлено: „Единственный и его достоиние.“

³¹³⁾ *Гаагский конгресс* Интернационала (1872 г.), на котором присутствовали Карл Маркс и Ф. Энгельс, был почти целиком посвящен борьбе с бакунистами. По предложению Вальяна, была принята резолюция о необходимости политической борьбы. Бакунин и некоторые из его сторонников были исключены из

Интернационала. По предложению Энгельса и Маркса, Генеральный Совет был перенесен в Нью-Йорк.

⁸¹⁴⁾ *А. Мильеран* (родился в 1859 г.) получил первоначально известность в качестве адвоката по политическим и стачечным делам, депутат с 1885 г. и лидер организованной им парламентской группы „радикал-социалистов“, позднее примкнул к французской социалистической партии. Мильеран принял портфель в радикальном министерстве Вальдек-Руссо, за что был осужден Амстердамским международным конгрессом и предпочел выйти из партии, чтобы удержать пост. В настоящее время М. является одним из дельцов французского империализма, неоднократно участвуя в различных министерских комбинациях.

⁸¹⁵⁾ *Ж. Жорес* (1859—1914)—один из вождей французского социалистического движения. Первоначально состоял профессором философии в Тулузе и являлся сторонником идеалистического миропонимания, постепенно эволюционировал влево и пытался примирить теорию Маркса с идеалистической философией. Будучи в 1885 г. впервые избран в палату депутатов, примыкал к леворадикальному буржуазному центру. В 1892 г. был переизбран голосами рабочих, уже как „независимый социалист“. С 1902 года депутат палаты от французской социалистической партии и лидер ее парламентской фракции. Не будучи чистым марксистом, в социалистическом движении стоял на его правом крыле, поддерживая социалиста Мильерана, принявшего министерский портфель в радикальном кабинете Вальдек-Руссо. Спор между министерялистами и марксистами-ортодоксами (Гэд) был разрешен на Амстердамском международном социалистическом конгрессе, осудившем Мильерана и его группу. В 1904 г. Жорес основал „L'Humanité“ центральный орган партии, руководя им до конца жизни. Во время дрейфусиады (1897 г.) Ж. вместе с Золя и Клемансо в качестве антимилитариста и борца против всех видов реакции, выступил на защиту невинно-осужденного Дрейфуса и своей пламенной агитацией способствовал преодолению реакции и его освобождению. Борьбу с милитаризмом он продолжал до конца, отстаивая идею народной милиции против постоянной армии и добиваясь сокращения срока военной службы. Депутатские речи Жореса, с которыми принуждена была считаться вся палата, являются образцами парламентского красноречия. Его многочисленные выступления на митингах в рабочих собраниях пользовались чрезвычайной популярностью в массах. За день до объявления империалистической войны 1914 г. Жорес был предательски убит французским „патриотом“, опасавшимся его влияния на массы. Парижский пролетариат ответил грандиозными демонстративными похоронами.

⁸¹⁶⁾ „*Заря*“ — теоретический журнал русской с.-д.-тип, издававшийся „искровцами“ в 1901—1903 г.г. за границей при ближайшем участии П. Плеханова, И. Ленина, Л. Мартова и др. и ведший одновременно борьбу с экономизмом, народничеством, „легальным марксизмом“ и всеми видами оппортунизма и реформизма в международном движении.

⁸¹⁷⁾ *Русский перевод книги Каутского „Путь к власти“* вышел 1918 году.

⁸¹⁸⁾ *Сидней Вэбб* (род. в 1859 г.)—английский экономист и политический деятель, правый социал-соглашатель. Один из основателей фабрианского общества (см. примечание 294).

Вестуриса Вэбб (Б. Поттер)—его жена и сотрудница. Литературные произведения Вэббов носят имя обоих супругов. Основной их труд касается истории английских тред-юнионов.

319) Настоящее письмо было написано в Швейцарии 17 марта 1917 г. по старому стилю и адресовано в Стокгольм.

320) „Колокол“—орган Парвуса в годы войны (см. прим. 319).

321) М. К. Муранов—большевик, член IV Государственной Думы от рабочей курии Харьковской губернии. В 1914 г. был арестован со всей большевистской думской фракцией по обвинению в „пораженчестве“ и сослан в Сибирь на поселение, вернулся в Петербург после февральской революции 1917 г.

322) Тезисы № 47 „Соц.-Демокр.“ от 13 октября 1915 г. намечали перспективы приближавшейся русской революции. „Лозунг Учред. Собр., как самостоятельный лозунг, не верен, ибо весь вопрос теперь в том, кто созовет его... Социальным содержанием революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства... Задача пролетариата довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе“... Далее тезисы, предусматривая руководящую роль пролетариата в революции, говорят о необходимости предложить мир всем воюющим на основе освобождения колоний и аннектированных наций, предусматривая вероятность революционной войны против буржуазии Европы и подымая на восстание народы Азии и пролетариат Европы.

Тезисы перепечатаны в сборнике „Против течения“.

323) Куба—Ганецкий (см. прим. 171).

324) М. Е. Черномазов—приблизительно до осени 1912 г. работал в партии большевиков и был близок к редакции петербургской „Правды“, состоя ее почным выпускающим; вскоре был заподозрен, как провокатор, отстранен от работы и партийные связи с ним прерваны. После февральской революции, когда архив департамента полиции стал доступным для исследования, провокация Черномазова документально подтвердилась, но кадетская печать на своих страницах пыталась муссировать „дело“ в целях дискредитирования большевиков.

325) Для большевиков единственным „окном в Европу“, во время империалистической войны, являлся Стокгольм, через который с большим трудом конспирируя от русской и англо-французской контр-разведки, удавалось вести сношения с революционными социал-демократами Западной Европы, информируя их о русских событиях, сведения о которых умышленно искажались иностранной буржуазной печатью.

326) „Письмо к швейцарским рабочим“—было написано в момент возвращения Н. Ленина в Россию и тогда же опубликовано в швейцарской печати. В сентябре 1917 г. в то время когда Н. Ленин был нелегальным и принужден скрываться от ареста, „Единство“ напечатало указанное письмо, как доказательство чрезвычайной опасности Н. Ленина и большевиков, помышляющих о мировой революции. Официальное судебное следствие по делу о событиях 3—5 июля не замедлило письмо приобщить к делу.

327) По предложению Временного Комитета Государственной Думы Николай II подписал отречение от престола в пользу своего брата Михаила Романова. Думский Комитет вел с ним переговоры о вступлении на престол, но принужден был отказаться от этого проекта под давлением петербургских рабочих и крестьян. Милоков, отстаивавший на митинге 1 марта в Таврическом дворце конституционную монархию, был встречен криками всеобщего неодобрения. Михаил Романов, в свою очередь, был вынужден подписать отречение.

³²⁸⁾ „Против течения“ (Г. Зиновьев и Н. Ленин—сборник статей из „Социал-Демократа“, „Коммуниста“ и „Сборника Социал-Демократа“. Издание Петерб. Совета Р. и С. Д. 1918 г.).

³²⁹⁾ *Всероссийская конференция Р. С. Д. Р. П.* (б.) имела место с 24 по 29 апреля 1917 г. в Петербурге. По существу затронутых ею вопросов, по тому значению, которое она имела для всей русской революции, и вследствие того, что на ней был избран новый Ц. К., она является партийным съездом, на что ее участники, однако, не решились, имея в виду краткий срок подготовки и отсутствие предварительной дискуссии на местах. Важнейшие вопросы порядка дня: текущий момент (оценка перспектив всей русской революции), война, подготовка III Интернационала, аграрный, программный и национальный вопросы. На конференции было представлено 80.000 членов партии, несмотря на то, что после февральской революции, когда партия вышла из подполья, не прошло еще двух месяцев.

На конференции была небольшая группа оппозиции, составившаяся по преимуществу из делегатов Московского и Московского окружного комитетов (Ногин, Рыков, Смидович, Ведерников, Овсянников, Ангарский и др.) и отстаивавшая взгляд на революцию, близкий к большевистской оценке 1905 г. (формула „диктатуры пролетариата и крестьянства“). На состоявшейся незадолго перед тем Московской общегородской конференции были приняты по докладу И. Скворцова резолюции, почти целиком воспроизводившие схемы 1905 г. („Резолюция москвичей“, о которой говорит Н. Ленин, является не резолюцией московской городской конференции, но резолюцией Московского областного бюро). Группа поручила на конференции свой контр-доклад Каменеву (см. прим. 32), который придерживался взглядов, близких к позиции этой группы,

Была представлена и более „левая“ точка зрения. Она поддерживалась Московским областн. бюро, из числа членов которого делегатами были Бубнов, Г. И. Оппоков (Ломов) и Сокольников.

Особую позицию занимали делегаты-поляки во главе с Дзержинским по национальному вопросу. Польские товарищи, привыкшие бороться с польским национализмом, резолюцию, провозглашавшую самоопределение национальностей вплоть до признания права на отделение их от России, считали для себя неприемлемой и оппортунистической. К их критике примыкал отчасти Пятаков, эти споры по национальному вопросу были предложением дискуссии, занимавшей партию с 1913 г. (см. Собр. соч. Ленина, т. XIX).

Большие прения развернулись в секциях. В секции по пересмотру программы московские областники (Оппоков) предлагали переработку теоретической части программы, оспаривавшуюся Лениным (см. ст. „Проект изменений программы“, стр. 113—119, части 1, тома XIV). В секции по Интернационалу большинство делегатов считало возможным строить III Интернационал не только из элементов „Циммервальдской левой“, но из элементов Циммервальда и Кинталя вообще. В резолюцию, предложенную Зиновьевым, секция внесла, вопреки мнению автора, соответствующие поправки, отвергнутые позднее пленумом.

Конференция происходила в помещении Женского Медицинского Института: одно заседание было в тесной аудитории курсов Лесгафта, предварительное совещание делегатов, накануне конференции, и заключительное заседание имело место в доме Кшесинской. Два заседания не могли состояться за отсутствием помещения.

Почти вся конференция прошла под председательством Я. М. Свердлова, входившего в состав президиума.

Протоколы конференции велись недостаточно систематично и частью являются стенограммами (изобилующими пропусками и ошибками), частью простыми секретарскими записями. Издания их не имеется. Печатаемые в настоящем томе речи Н. Ленина на конференции редакция позволила себе местами стилистически обработать ввиду плохого качества стенограмм.

³³⁰⁾ „Солдатская Правда“—популярный большевистский орган, издававшийся в Петербурге в 1917 г. преимущественно для агитации в войсках.

³³¹⁾ А. И. Рыков, кр. Вятской губ., род. в 1881 г. в Саратове. Один из крупнейших работников сначала большевистской, потом коммунистической партии. Участник ряда партийных съездов и конференций. В годы реакции после первой революции не прерывал партийной работы. В 1910 г. был арестован и сослан на три года в Архангельск. губ., откуда сейчас же бежал за границу, где участвовал на пленарном заседании Ц. К. летом 1911 г. Вследствие решения пленума созвать общепартийную конференцию, вновь отправился в Россию для объезда организаций, по был арестован в Москве и выслан в Нарым, откуда вновь бежал осенью 1914 года. На апрельской конференции 1917 г., примыкая к группе москвичей (см. прим. 329), выступал по ее поручению, отстаивая взгляды группы.

После октябрьской революции состоял паркомом внутренних дел, затем в течение трех лет руководил В. С. Н. Х. в качестве его председателя. В настоящее время заместитель председателя С. Т. О. (Совет Труда и Оборона). Член Ц. К. с 1906 года.

³³²⁾ Пеклисты—члены Ц. К. (Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. больш. который дал неправильные лозунги во время движения 21—22 апреля 1917 г. не согласовав их с директивой Ц. К.).

³³³⁾ В. П. Ногин (Макар), родился в 1878 г. в Москве, один из старейших и энергичнейших большевистских работников, все свое время, поскольку не мешала царская тюрьма и ссылка, отдавший подпольной работе. Будучи мастером завода Паля в Петербурге, Ногин принимал участие в группе „Рабочее Знамя“, в конце 90 годов высланный в Полтавскую губернию уехал в Англию, где работал на заводе. В 1901 году вернулся в Россию в качестве агента „Искры“ и партийного профессионала, работал в петербургском „Союзе борьбы“, вследствие чего был сослан в Енисейскую губернию, откуда бежал. В 1904 году работал в качестве недегальною в Николаеве, вновь подвергался аресту и ссылке в Архангельскую губ., но летом 1905 года вновь был на партийной работе, бежав из ссылки. В 1908 году новый арест в Москве во время кооперативного съезда, в рабочей группе которого Н. принимал участие, и новая ссылка в Тобольскую губернию, неудачный побег за границу, окончившийся арестом при попытке перебраться в Финляндию. После нового побега в 1910 г. Н. вновь был на подпольной работе, но тотчас же вновь был арестован и вновь бежал из Тобольской губ. Через год вновь арест в Туле и новая ссылка в Средне-Колымск.

На апрельской всероссийской конференции Н. стоял на правом крыле, отстаивая понимание революции по схемам 1905 г., и вошел в Ц. К. В сентябре 1917 г. с переходом в руки большевиков Московского Совета, был выбран его председателем, в качестве последнего принимал участие в Московском октябрьском восстании. В настоящее время руководит русской текстильной промышленностью.

331) *Член датской с.-д. партии Боргберг.*—соцпал-соглашатель, приехав в апреле 1917 г. в Петербург, предложил от имени скандинавских социалистов созыв в Стокгольме Международной социалистической конференции с целью давления на правительства воюющих стран по вопросу о мире. Меншевики и эсеры предложение приняли. Ногин отстаивал предложение Боргберга на апрельской конференции, которая точку зрения Ногина отвергла по мотивам, изложенным в речи Ленина. Немецкие „спартаковцы“ примкнули к большевикам. Оборонческие французская социалистическая и английская независимая рабочие партии от участия на конференции отказались по мотивам социал-патриотического характера. Конференция не состоялась.

332) *П. П. Маслов*—видный меньшевистский литератор—экономист и специалист по аграрному вопросу. По происхождению Оренбургский казак. В 1896 г. работал в „Самарском Вестнике“, первый марксистской легальной газете В 1908 г. по приговору Московской судебной палаты в качестве редактора с.-д. газеты, отбыл два года каторги. Участник Стокгольмского съезда Р. С.-Д. Р. П. в 1906 г., на котором была принята (с поправкой Плеханова) выдвинутая им оппортунистическая аграрная программа („муниципализация“ земли) против отстаиваемой П. Лениным „национализации“. В 1907 г. М. работал в с.-д. фракции II Гос. Думы в качестве сведущего лица. В годы реакции стоял на самом правом ликвидаторском крыле. Во время мировой войны занял империалистическую позицию, отстаивая при помощи якобы-марксистских доводов необходимость для русского пролетариата полной победы над Германией.

Его книга „Аграрный вопрос“ имеет явный ревизионистский уклон.

333) *Н. С. Ангарский.* (Клестов)—в молодости народник, марксист с начала 900-х годов, большевик, в период первой революции работал в ряде южных комитетов Р. С.-Д. Р. П. (Харьков и др.). Неоднократно арестовывался и был в ссылке в Туруханске, откуда бежал, и на Ангаре. В 1906 г. работал в Московск. военной организации. Делегат на всеросс. апрельской конференции от Москвы, одно время расходился с общепартийными взглядами по крестьянскому и аграрному вопросам, защищая неприкосновенность выработанного социал-демократией в девятидесятых годах взгляда на крестьянство и роль сельского хозяйства. Литератор.

334) *Ф. С. Дзержинский*—один из старейших польских социал-демократов, член Ц. К. „Социал-демократии Польши и Литвы“, составной части Р. С.-Д. Р. П. после Стокгольмского съезда. Много лет провел в тюрьме и ссылке. Февральская революция 1917 года освободила его из Московской Бутырской тюрьмы, где он отбывал каторгу с 1915 г. за принадлежность к партии, по приговору Варшавской судебной палаты. На апрельской конференции 1917 г. вошел в состав общепартийного Ц. К., членом которого состоит в настоящее время. Председатель В. Ч. К. и народный комиссар внутренних дел и путей сообщения.

Об его позиции по национальному вопросу на конференции (см. прим. 329).

335) См. ст. „проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы“ в 1 части XIV тома, стр. 113.

Летопись событий.

(Февраль—октябрь 1917 г.)

- 22—27 февраля.** Рабочие забастовки и уличные демонстрации в Петербурге. Переход войска на сторону народа.
- 27 февраля.** Образование Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Роспуск Государственной Думы. Возникновение Комитета Гос. Думы.
- 28 февраля.** Движение в Москве. Образование Революционного Комитета.
- 1 марта** Образование Солдатской секции Петербургского Совета. «Правда» в Петербурге. Образование Московского Совета Р. и С. Депутатов.
- 2 марта.** Отречение от престола Николая II в пользу Михаила Романова. Образование первого Временного Правительства под председательством кн. Г. Львова. Керенский—министр юстиции. «Социал-Демократ» в Москве.
- 3 марта.** Отречение Михаила Романова.
- 10 марта.** Возвращение с.-д. фракции и Л. Каменева в Петербург из ссылки.
- 14 марта.** Воззвание Петербургского Совета о мире.
- 21 марта.** Первое «Письмо издалека» Н. Ленина в «Правде»
- 3 апреля.** Возвращение Н. Ленина и группы эмигрантов-интернационалистов в Петербург из Швейцарии через Германию.
- 4 апреля.** Доклад Н. Ленина «О задачах пролетариата в русской революции» («тезисы») на собрании большевиков и меньшевиков в Петербурге.
- 18 апреля.** Нота Милюкова с подтверждением верности Врем. Правит. союзным договорам.
- 20—22 апреля.** Демонстрация рабочих против Милюкова и Вр. Прав. в Петербурге и Москве.
- 27 апреля.** Отставка Милюкова. Заседание Гос. Думы четырех созывов. Речь Церетели.
- 24—25 апреля.** Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). За основу резолюций приняты «тезисы» Н. Ленина. Выбран новый Ц. К.
- 1 мая.** Рабочие демонстрации по всей России с лозунгами «демократического мира»

- 5 мая.** Образование коалиции. Второе Врем. Правит. кн. Львова с участием социалистов-согласителей.
- 11—26 мая.** 1-й крестьянский съезд под председат. с.-р. Авксентьева.
- 13 мая.** Съезд фронтовых делегатов в Пскове.
- 22 мая.** Речь Н. Ленина на крестьянском съезде.
- 30 мая.** Выборы в районные думы в Петербурге.
- 3 июня.** Открытие 1-го съезда Советов под руководством меньшевиков и эс-эров. Оборонческий Ц. И. К.
- 9 июня.** Запрещение оборонческим съездом Советов рабочей демонстрации в Петербурге.
- 11 июня.** Универсал Центральной Украинской Рады и всеукраинского фронтового съезда.
- 18 июня.** Массовые демонстрации в Петербурге и других городах под лозунгом «Долой министров-капиталистов».
- 19 июня.** Начало наступления на фронте и неудача русской армии.
- 24 июня.** Выборы Московской городской думы. Победа эс-эров.
- 2 июля.** Отставка министров-кадетов и кн. Львова, последовавшая по украинскому вопросу.
- 3—5 июля.** Вооруженные демонстрации рабочих, солдат и матросов в Петербурге.
- 5 июля.** Привод с фронта контр-революционных войск Керенским. Клевета Алексинского и контр-разведки против Ленина.
- 6 июля.** Юнкерские погромы в Петербурге. Закрытие «Правды». Начало арестов большевиков. Переход Н. Ленина и Г. Зиновьева на нелегальное положение.
- 8 июля.** Третье Врем. Правит. (коалиционное) под председат. Керенского. Назначение созыва Учр. Собрания на 30 сентября.
- 26 июля—3 авг.** VI-й съезд Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) в Петербурге.
- 12—14 августа.** Государственное Совецание в Москве и всеобщая забастовка московских рабочих.
- 20 августа.** Выборы в Петербургскую городскую думу.
- 24 августа.** Наступление Корнилова на Петербург. Отставка кадетов.
- 31 августа.** Образование директории. Принятие первой большевистской резолюции Петербургским Советом.
- Август—сент.** Земско-городские выборы по России.
- 6 сентября.** Первая большевистская резолюция в Московском Совете.
- 14—22 сентября.** Демократическое Совецание в Петербурге.
- 16 сентября.** Ташкентский Совет взял власть в свои руки. Его конфликт с Врем. Правительством.
- 23 сентября.** Избрание Л. Троцкого председателем Петербургского Совета.
- 24 сентября.** Заседание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (больш.) с участием большевистских делегатов Демократического Совецания.
- 25 сентября.** Четвертое Временное Правительство (коалиционное).
- 30 сентября.** Победа большевиков на выборах в районные думы в Москве.
- Сентябрь—окт.** Аграрное движение, усмирение и аресты крестьян.
- 7 октября.** Открытие Совета Республики (предпарламента).

- 10 октября.** Съезд Советов Северной области под руководством большевиков. Уход большевиков из предпарламента.
- 16 октября.** Образование Военно-Революционного Комитета при Петерб. Совете.
- 24 октября.** Закрытие «Рабочего Пути» и «Солдата» в Петербурге.
- 25 октября.** Победа пролетарской революции. 2-й съезд Советов. Избрание Совета Народных Комиссаров.
-

II часть XIV тома собрания сочинений
Н. Ленина подготовлена к печати
К. Новицким и **Н. Овсянниковым**,
под редакцией **Л. Каменева**.

Примечания написаны к 1-й части **Н. Овсянниковым**
и **К. Новицким**, ко 2-й части **Н. Овсянниковым**.

СОДЕРЖАНИЕ.

1-ая часть XIV тома.

	<i>Стр.</i>
Март 1917 г.	
Первый этап первой революции. („Письмо издалека“).	5
Апрель.	
Как мы доехали	13
Два мира	16
О задачах пролетариата в данной революции	17
Луиблановщина	21
О двоевластии	24
Письмо о тактике	26
Задачи пролетариата в нашей революции. (Проект платформы пролетарской партии.)	37
Политические партии в России и задача пролетариата	63
Бесстыдная ложь капиталистов	72
Речь к солдатам	73
Война и Временное Правительство	75
По стопам „Русской Воли“	77
Союз лжи	79
Бапки и министры	81
Граждане! Поймите, в чем состоят приемы капиталистов всех стран	82
Честный голос в хоре клеветников	84
Солдаты и земля	85
Съезд крестьянских депутатов	86
Наши взгляды	89
Как они себя привязали к капиталистам	92
О пролетарской милиции	94
Крах	97
Один из коренных вопросов	98
Нота Временного Правительства	101
Добросовестное оборончество показывает себя	103
Безумные капиталисты или недоумки социал-демократии	105
Уроки кризиса	106
Как запутывают ясный вопрос	109
Что понимают под „позором“ капиталисты и что—пролетарии	111
Неумное злорадство	112
Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы	113

	<i>Стр.</i>
Резолюция о войне, принятая на конференции Р. С.-Д. Р. II	119
Резолюция о земельной реформе, принятая на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. II. (больш.) 24—29 апреля 1917 г.	122
К чему ведут контр-революционные шаги Временного Правительства	125
Значение братания	127
И. Г. Церетели и классовая борьба	129
 Май.	
„Кризис власти“	132
Финляндия и Россия	134
Печальный документ	137
Защита империализма, прикрытая добренькими фразами	140
Запугивание народа буржуазными страхами	141
Позабыли главное	144
Накануне	147
На зубок новорожденному... „новому“ правительству	147
Открытое письмо к делегатам Первого Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов	149
Речь, произнесенная 22 мая 1917 г. на Первом Всероссийском Съезде Крестьянских Депутатов	157
Проект резолюции по аграрному вопросу	170
Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против ка- питала?	171
О твердой революционной власти	173
Идут на перерез	175
„Фактическое перемирие“	177
Один из тайных договоров	179
Ничего не изменилось	181
Печальное отступление от демократизма	182
Какие заявления делала наша партия о войне перед революцией	183
Грозит разруха	185
Презренные приемы	187
Неминуемая катастрофа и безмерные обещания	188
Каша в головах. (Еще об аннексиях.)	194
К вопросу об объединении интернационалистов	196
Еще одно отступление от демократизма	197
Как запугивают народ капиталисты	198
О „самочинном захвате“ земли. (Плохие доводы „социал-революционеров“.)	200
Исчезло ли двоевластие?	203
Партии на выборах в районные думы Петрограда	206
Сделки с капиталистами или низвержение капиталистов (как кончить войну)	209
Надо разоблачить капиталистов	211
Доклады о разрухе	212
Черные за кадетов, меньшевики и народники в одном правительстве с кадетами	215
Переход контр-революции в наступление (якобинцы без народа)	216

	<i>Стр.</i>
Позорный блок меньшевиков и народников с „Единством“	218
Один принципиальный вопрос. (Забывшие слова демократизма.)	219
О вреде фраз	222
Издавательство капиталистов над народами	224

Июнь.

Оправдание позора	227
Соломинка в чужом глазу	229
Не демократично, гражданин Керенский!	231
Большевизм и „разложение“ армии	233
Разруха и пролетарская борьба с ней	235
Третьеиюньские зубры за немедленное наступление	238
Есть ли путь к справедливому миру?	239
„Великий отход“	241
О пользе полемики по существу	243
Эпидемия доверчивости	244
Введение социализма или раскрытие казнокрадства	246
Запутавшиеся и запуганные	247
Намеки	249
На переломе	250
Противоречивая позиция	251
Украина	253
Речь на Первом Всероссийском Съезде Советов Р. и С. Депутатов	255
Из какого классового источника приходят и „придут“ Кавеньяки	265
Украина и поражение правящих партий России	268
Странное извращение цитат	270
Восемнадцатое июня	271
Революция, наступление и наша партия	273
Съезд Советов и петербургские рабочие	275
Куда привели революцию эс-эры и меньшевики?	277
Можно ли запугать рабочий класс „якобинством“?	279
О необходимости основать союз сельских рабочих России	281
Расхлябанная революция	285
Капиталисты за работой	287
Почему нужен контроль над производством	288
Чудеса революционной энергии	291
Классовый сдвиг	293
Как прячут прибыль господ капиталисты	295
Кризис надвигается, разруха растет	296
Как же это сделать?	298

Июнь—июль.

О войне. (Речь на Первом Всероссийском Съезде Советов.)	300
---	-----

Июль.

Как и почему крестьян обманули?	312
---	-----

II-ая часть XIV тома.

Июль.

Стр.

Где власть и где контр-революция	5
Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского	9
Злословие и факты	10
Вблизи к сути	11
К лозунгам	12
О конституционных вллюзиях (к моменту)	19
Уроки революции	31
Ответ	43
Начало бонапартизма	52

Август.

О выступлении Каменева в ЦИК'е	56
За деревьями не видят леса	58
Политический шантаж	63
Бумажные резолюции	66
О Стокгольмской конференции	69
Крестьяне и рабочие	77
О клеветниках	84
Корень зла	85
Барщина и социализм	93

Сентябрь.

Письмо в Ц. К.	95
О компромиссах	97
Один из коренных вопросов революции	102
Как обеспечить успех выборов в Учр. Собрание. (О свободе печати)	109
Пугают гражданской войной	113
Задачи революции	125
Большевики должны взять власть	133
Марксизм и восстание	135
О героях подлога	140
Послесловие к книге „Аграрная программа“	144
К пересмотру партийной программы (брошюра)	147—173
Грозящая катастрофа и как с ней бороться (брошюра).	175—214
Удержат ли большевики государственную власть? (брошюра)	215—257

Октябрь.

Кризис назрел	259—266
Письмо П. К., М. К. и т. д.	266—267
Тезисы	267—269
Советы постороннего	269—271
Письмо к товарищам	271—288
Новый обман крестьян партией эс-эров	288—293
Государство и революция (брошюра)	295—306

Дополнения к 1 ч. XIV т.

	<i>Стр.</i>
Письмо от 30 марта	399—403
Прощальное письмо швейцарским рабочим	403—409
Предисловие к кн. „Империализм как новый этап развития капитализма“	409—410
Речи на апрельск. конференции	411—450
Материал к „Пересмотру парт. программы“ и пр.	451—461
Примечания	463—528
Календарь	529—531

ГОС. ПЕРЕПЛ. ФАБР. „СВЕТОЧ“ ЛДС